

Говард Л. Блэкмор

Охотничье оружие стран мира от Средних Веков до Двадцатого столетия

Моему отцу, Дадли Блэкмору (1879-1941), любившему сельские красоты

Предисловие

В настоящей книге, предназначенной для коллекционеров, я попытался описать все известное мне оружие, использовавшееся на охоте, включая и те разновидности, которые военные историки обычно относят к этнографии. Описывая, например, арбалеты невозможно не упомянуть веерный арбалет – основное метательное оружие аборигенов. Оно требует такого же внимания, как и испанский дротик. Если в Англию привезли рогатку, то почему не следует писать об их использовании и в других странах? К сожалению, до сих пор охотничье оружие пользовалось явно недостаточным вниманием исследователей и собирателей.

В 1890 году барон де Коссон с горечью писал во «Введении» к своей книге «Старинное охотничье оружие в Гросвенорской Галерее», что, «в истории древнего оружия нет другой области, к которой бы относились с таким пренебрежением, как к охотничьему оружию. Ни в одной европейской коллекции охотничье оружие не выделено в особый раздел».

Практически ничего не говорят об охотничьем оружии и специалисты по истории оружия и доспехов: В. Бохейм, А.Деммин и В.Диллон. Их интересуют только коллекции, а также искусно отделанные мечи, сабли, арбалеты и ружья, но не скромные палаши и кинжалы.

Первой книгой, специально посвященной охотничьему оружию, стал «Каталог европейских придворных мечей и охотничьих сабель» Б.Дина, вышедший в 1929 году. В нем много полезной информации, хотя автора, прежде всего, интересует великолепная отделка охотничьих мечей, а не их применение на охоте.

В 1937 году П.Каррингтон-Пирс опубликовал небольшой «Справочник по придворному и охотничьему оружию». Написав ее в то время, когда преобладали «небольшие дома с малочисленной прислугой», он отмечает, что сабли «по-прежнему покупались за ту ничтожную цену, которую могли позволить себе многочисленные собиратели древностей, неохотно отсчитывавшие каждую десятифунтовую купюру».

Спустя тридцать лет после того, как было сделано это заявление, охотничий палаш по-прежнему можно было купить за гроши уже из-за причуд антикварного рынка. В том же 1937 году, когда П.Каррингтон-Пирс опубликовал свою книгу, в Берлине состоялась Международная Охотничья выставка, способствовавшая развитию интереса к данному виду оружия. В полной мере эффект от ее проведения проявился лишь после войны, когда практически в каждой стране начали создаваться охотничьи музеи. Начали выходить и книги, посвященные охоте и охотничьему оружию. Правда, в большинстве из них давалась история огнестрельного оружия или описывались спортивные или художественно отделанные ружья.

Конечно, тема требовала разработки, поскольку в сотнях книг XVI и XVII веков подробно описаны способы и обычаи проведения охоты, порядок обучения и ухода за гончими, но почти нет сведений об оружии, например весе и длине копья или форме эфеса сабли. Что же касается красивых гравюр и ксилографий, иллюстрирующих эти книги, то художники чаще всего дают настолько

схематичные изображения мечей или копий, что они не могут служить источником каких-либо сведений.

Пытаясь описать все разновидности существовавшего охотничьего оружия, невольно задумываешься над тем, как разместить все сведения в одном томе, ибо было необходимо охватить все оружие, начиная от каменного топора и деревянного копья до револьвера и ракеты. Поэтому в начале каждого раздела приходится давать краткий исторический экскурс, уповая на то, что читатель уже частично знаком с предметом разговора.

Перечислив главные трудности, которые пришлось преодолеть при написании этой книги, автор приносит извинения за вынужденную краткость и фрагментарность изложения. Кроме того, я должен поблагодарить своих друзей и многочисленных коллег, помогавших мне в розысках необходимых материалов для написания моего труда и подборе иллюстраций, которые читатель увидит в этой книге.

Г.Блекмор
Уайлдвуд Кетерхем. 1970.

Введение.

Традиционный взгляд на охоту отражен в песенке, приведенной в книге «Синегетика» (Лондон, 1788):

Охота – древний, благороднейший досуг,
Равно доступный для господ и слуг
Он упражняет глаз и дарит телу силу,
И лорду старому он отдалит могилу

Конечно, человек начал охотиться ради пропитания, но уже в классические времена охота стала частью общественной жизни и формой досуга. Она помогала удовлетворить кровожадные военные инстинкты без человеческих жертв и кровопролития. Это был и спорт, и развлечение.

Охота считалась таким же укрепляющим тело и дух делом, как военная служба. У.Сомервиль пишет об этом следующим образом: «Для великих героев античности охота была не только забавой. Охотясь, они тренировались перед будущими военными действиями, их поединки с дикими зверями были прологом их будущих побед. Ксенофонт замечает, что почти все древние герои, Нестор, Тесей, Кастор, Полидевк, Одиссей, Диомед, Ахилл, были заядлыми охотниками».

К Средним Векам охота стала тем главным событием, вокруг которого вращалась вся жизнь и небольшой деревни, и старинной усадьбы, и королевских дворов. Весной и летом охотились на оленей, осенью травили зайцев, зимой выслеживали кабанов. У каждой охоты были четко разработанные правила и нормы этикета. Егеря и лесничие выслеживали животных, устанавливали их убежища, составляли маршруты их передвижения, по помету определяли возраст и состояние будущей добычи. В практических руководствах, посвященных охоте, давались советы, как читать эти знаки, чтобы определить время для удачного гона. Помет торжественно приносили на охотничий завтрак, где определялись планы предстоящей днем охоты. В течение дня охотники могли затравить несколько десятков зверей, а всего же охота могла продолжаться не один день.

Особыми ритуалами обставлялась разделка туши. У животных торжественно представлялись гениталии¹, у птиц вырезалась считавшаяся целебной «срединная косточка». Как и олени рога, они считались самыми драгоценными трофеями, становились предметом специальных изысканий и часто изображались художниками. В насчитывающей более сотни листов серии охотничьих гравюр Дж.Редингера (1698-1767) запечатлено немало причудливых оленьих рогов.

Огромные собрания подобных трофеев скопились в охотничьих замках. Эрцгерцог Фредерик Саксонский отдал группу гренадеров за голову оленя, застреленного первым королем Пруссии в 1696 году, с рогами в которых было шестьдесят шесть зубцов.

Большинство европейских правителей считали охоту делом чести. Император Максимилиан I попытался увековечить собственные подвиги, опубликовав их иллюстрированное описание в «Theuerdank» и «Weisskunig» (рисунок 4). Генрих VIII, пытавшийся состязаться с императором по многим вопросам, оказался и страстным охотником. В августе 1520 года его секретарь Р.Пейс писал Уолси: «Обычно, кроме праздничных дней, король встает рано, в 4 или 5 часов, и охотится до 9 или 10 часов вечера. Искусство охоты он превратил в настоящее мучение всех, кто его окружает».

Очевидно, что из-за подобных пристрастий сильно страдали не только придворные, но и сельские угодья. Деревенским жителям приходилось молча страдать от неисчислимых опустошений, производимых во время королевской охоты. Одним из фанатичных охотников считался король Иаков I. Однажды он страшно рассердился, поскольку похитили его любимую гончую по кличке Джоулер. На следующий день собака вернулась с прикрепленной к ошейнику запиской: «Досточтимый сэръ Джоулер, мы просим Вас поговорить с Его Величеством, ибо вы видите его каждый день, а нас он не может услышать, и убедить его Величество вернуться обратно в Лондон, чтобы не подвергнуть свою страну полному разорению».

Нам известно, что король не обладал чувством юмора или сочувствием к простым людям и продолжал охотиться со своими гончими. Однако, к 1607 году его страсть начала потихоньку утихать, и сэръ Джордж Чеворт отметил, что «Его Величество уже не так одержим своей страстью, чтобы предаваться ей в любую погоду, хотя в погожие дни он по-прежнему стремится проводить как можно больше времени в поле, в холодные или дождливые дни он предпочитает оставаться дома».

В то время и в Европе охота считалась, в первую очередь, развлечением, в котором не было места для риска или физических трудностей. Организация охоты становилась все более и более утонченной, князья старались превзойти друг друга во всевозможных развлечениях и причудах. Удобно расположившись в специально построенных беседках и галереях, они уничтожали сотни оленей, кабанов и множество разнообразной дичи, которую к ним подгоняли загонщики. Отчасти такому отношению способствовало и широкое распространение огнестрельного оружия.

Следуя этой общепринятой моде, И.Солер, автор «Полной истории охоты в Мадриде» (1795), прежде всего, превозносил достоинства охоты, очищающей ум и укрепляющей тело, вскользь упомянув о сопровождавших ее

¹ В преимуществах и пользе оленя Блума из «Восстановление сил джентльмена» говорится: «...Его гениталии омываются Водами, сии воды выпиваются, тотчас принося облегчение и исцеление, прекращается истекание мочи и другие болезни. Таков благородный афродизиак, используемый для данной цели.

трудностях: «Участие в охоте является самым приятным, полезным и забавным способом отдыха, потому что она будоражит сознание и заставляет забыть обо всех заботах и жизненных невзгодах, укрепляет тело и способствует развитию ловкости, вызывая при этом небольшую усталость».

Однако в Англии в начале XX века продолжало доминировать спартанское отношение к охоте как к спорту, в котором не было места роскоши. Отсутствие удобств и физическое напряжение считались неотъемлемой составляющей преследования дичи. Охотник должен был находить удовольствие в том, что он мог охотиться при любой погоде, независимо от результата.

Ружейные охотники типа полковника П.Хокера (1786-1853) были привычны к зимним ночам на болотах, они могли промокнуть и продрогнуть до костей ради единственного выстрела по дичи на утренней тяге.

В своем дневнике от 1820 года Хокер сообщает в записи от 15 января, что «нынче ночью два человека замерзли до смерти в своих плоскодонках». Ничтоже сумняшеся, он подготовил свою лодку к 28 числу и просидел в ней «с 7 часов вечера до 7 часов утра... так и не сделав ни одного выстрела. Никогда более мне не приходилось попадать в такой переплет».

Охотникам и писателям викторианского периода² нравилось говорить о физических трудностях и опасностях, подстерегавших каждого, кто отправлялся на охоту, правда, низменно подшучивая над собой. Так Г.Камминг, приобретший известность после публикации своей книги «Пять лет жизни охотника в далеких просторах Южной Африки», заявлял своим читателям, что превосходным охотником на львов может стать лишь тот, кто «не боится смерти, обладает особой выдержкой и самообладанием, хорошо изучил привычки и места обитания львов, неплохо разбирается в охотничьем оружии»

Другой известный охотник, Г.А.Ливсон, писал под псевдонимом «Старый Шекери». Страдая, как и Хокер, от военных ран, Ливсон продолжал вести активный образ жизни и охотился по всему миру. Его рассказы, написанные как роман, необычайно увлекательны, временами волосы шевелятся от страха, и приходится затаивать дыхание.

В книге «Охота в разных странах» (1877) Ливсон, например, выступает в основном как типичный охотник, «привыкший к смерти, которая подстерегает его в любой момент, но он готов встретиться с ней лицом к лицу». Правда, весь эффект пропадает от описания последующих событий. Рассказывается, как Ливсон вместе со своим компаньоном основательно подкрепляются за завтраком (приводится полный перечень съеденного).

Захватив с собой несколько жестянок с паштетом из утиной печени (фуа гра) «на тот случай, когда он не смог в достаточном количестве достать еды во время путешествия», они к счастью находят удобное пристанище. Здесь они получают прекрасный обед и встречают красотку, которая очарована его прекрасным спутником». Но все кончается хорошо, натянув лосины, и вооружившись своим драгоценным карабином Витворта, Ливсон убивает все живое в радиусе 300 ярдов.

Восхищенный прекрасно организованными охотничьими экспедициями Т.Рузвельт во вступлении к книге Бейли-Громана «Мастер охоты» (1904) писал порицая тех, кто не «требует от охотника ни физического, ни духовного напряжения. В свое время подобное отношение оказывалось вполне возможным, однако, сегодня считается совершенно неприемлемым. Отсутствие трудностей и лишений превращают охоту в приятное время препровождение в автомобиле, палатке или вагончике. Выстрелы в заранее приготовленную дичь в специальные

² Периода правления королевы Виктории (даты)

дни сопровождаются изысканным угощением из всевозможных лакомств, привезенных в специальных фургонах или с помощью мулов. Сама же охота не требует никаких усилий от ее участников, представляя плохую пародию на суровую охотничью жизнь, когда мужчина был вынужден полагаться только на свою выносливость, зоркий глаз, и необычайную выдержку. Только они становились залогом его безопасности и помогали выжить в поединке с дикой природой».

Храбрость и самоотверженность, честное соперничество, подменялись жаждой крови и ничем не оправданной жестокостью. Первыми такие качества стали проявлять римляне во время своих venations. Тогда сражавшиеся с животными люди и животные с животными должны были добивать друг друга на арене, окруженной орущей толпой.

В XVI веке возродили подобную искусственную разновидность охоты. В Англии она проявилась в виде преследования быков и медведей. Иоганн Георг I эрцгерцог Саксонский был заядлым приверженцем аренных боев, используя для этой цели в качестве сцены большой открытый рынок в Дрездене. Именно сюда привозили зубров из диких лесов Польши и выставляли их против медведей, кабаны сражались с волками и оленями.

Сам эрцгерцог иногда также выходил на арену, чтобы пронзить животное своим копьём. Похожие придворные развлечения достигли своей кульминации в отвратительном развлечении по подбрасыванию лис. Оно происходило следующим образом: стоявшие друг от друга на расстоянии в 20 или 25 футов, два человека удерживали концы широкой тесьмы или веревки. Натяннутая средняя часть лежала на земле. Как только испуганное животное прогонялось через арену, державшие канат натягивали концы, подбрасывая животное в воздух. Поверхность арены специально покрывалась опилками или песком, чтобы искалеченное животное умерло не сразу.

В то же самое время использовали и смешанные пары животных, стравливая которых удовлетворяли жажду к жестоким развлечениям. В Дрездене во времена герцога Саксонии Августа Сильного (1694-1733) ради потехи однажды подбросили и предали смерти 687 лис, 533 зайца, 34 барсука и 21 дикого кота. В конце 34 молодых борова и 3 волка были помещены в загородку, «к великому удовольствию кавалеров и ужасу благородных дам, которым дикие кабаны повредили платья с кринолинами, изрядно повеселив всю честную компанию».

В опубликованном в 1794 году «Руководстве для развлечений» описывается, как в венском амфитеатре устраивались битвы между львами, леопардами, медведями, волками и рысями. Чтобы пройти на свободные места, горожане приносили своих собак, нападавших на животных на арене.

Свои садистские наклонности охотники проявляли не только на животных. Согласно суровым законам сельчане были обязаны предоставлять свои угодья для развлечений своего помещика, хотя браконьеры жестоко преследовались. В 1537 году обнаружили фермера с мертвым оленем на его собственном поле. Тогда архиепископ Михаил Зальцбургский приказал, чтобы его зашили в шкуру животного и отдали на растерзание голодной своре его собак, сам же он с наслаждением наблюдал, как изголодавшиеся звери раздирали человека на куски. Если у крестьянина находили зайца, то привязывали к горлу. Если в XVIII веке в Англии ловили голодного батрака, ставившего силки на кроликов, то его могли выслать на семь лет. Для защиты угодий от крестьян нередко использовались ловушки на людей и ружья-самострелы.

Конечно, люди жили по законам своего времени. Малообразованное население безучастно относилось к бессмысленному умерщвлению животных. К своей добыче охотник относился со смешанными чувствами восхищения и

бессердечности. Оленя превозносили за благородство, кабана - за храбрость. В качестве примера можно привести тост Мастера охоты, который приводит Ливсон в «Охоте во множестве землях» (1877). Вначале он превозносит «прекрасных дам, их сияющие глаза и пышную грудь», затем продолжает:

Я поднимаю тост за того,
От кого бегут могучие звери,
А он, самый благородный из нас,
В горных зарослях выросший
Быстрее, чем самый стройный олень,
Живущий на просторах Декканского плоскогорья,
Кто может остановить его гордый бег?
Кто дерзнет его превзойти?
Чуть ниже он пишет о страсти, охватившей охотника:
Кабан, могучий кабан, меня влечет
Вопреки голосу рассудка,
Я думаю о нем с утра до вечера,
Вижу его во сне,
За днями дни, я с неугасимой страстью
Орлиным взором, твердою рукой
Гонюсь за ним,
Стремясь его убить!

Отметим, что считавшаяся небольшим и очаровательным существом, выдра могла нападать практически с маниакальной яростью. Именно поэтому в поэтических текстах ее награждают такими эпитетами, как «жестокий тиран», «полуночный убийца», «тонконогий застенчивый скиталец». Английский поэт У.Сомервиль подробно описывает охоту на выдру в поэме «Погоня» (1735), заканчивая следующим образом:

«И снова нападает толпа. Копье попало в шею,
Его зубцы впились ей в плоть,
Пурпурная кровь струится из раны.
Тяжелое древко мешает убежать,
Как тяжкий груз влечет его в глубины
Но облегченья нет в прохладных водах,
И крик о помощи его никто не слышит,
Он к берегу стремится, чтобы скрыться в зарослях,
Но тщетны ее надежды,
Там ждут ее враги - охотники и гончие собаки.
Она мечется затравленно, но нет ее спасенья,
На заостренных пиках поднята высоко над толпой,
Извиваясь, она висит, и скалится, и кусается, но все тщетно,
Трубят громко в рог, весело воспевают случившееся,
Приговоренный к своей участи, он умирает, умирает.

И все же все животные изображались необычайно подробно и любовно, их образы использовались в качестве украшения на охотничьем оружии.

Только к XVI веку у отдельных сограждан начала пробуждаться совесть, и начали раздаваться первые протесты против жестокого обращения с животными. Правда, не обошлось и без крайностей. В 1780 году «джентльмен» [Ричард Гардинер] опубликовал «Сентябрь, сельскую поэму», памфлет, в котором он клеймит позором охотников убивающих птиц во время выведения птенцов:

Куда податься их несчастным деткам?

Не скрыться от охотника ни в чаще, ни в кустах.
Отказавшись от борьбы, сбившись с дыхания,
Они закрывают глазки и умирают в агонии.
Но это ли триумф?
И можно ли содеянным гордиться?
Тем, что калечишь иль лишаешь жизни
Живое существо, созданье Божье?

В 1818 году Дж.Лоуренс в «Охотничьем календаре» призывал «к милосердному обращению со всеми дикими животными», считая его «священной обязанностью» охотника. В октябре 1825 году леди Кеннеди, ревностный поборник этих идей, посетила соревнования охотников и расстроилась, увидев, что в качестве мишеней там используют живых голубей. Побуждаемая личными намерениями, она привязала небольшой кусочек белой бумаги вокруг лапки каждой птицы, чтобы та полетела зигзагами и тем самым увеличились ее шансы на спасение. На самом деле это привело к помехам в перемещении птиц, и «зрители просто умирали от смеха». В 1847 году миссис Ханбери опубликовала «Один день из жизни оленя», где попыталась выступить против жестокой современной охоты на этих животных.

Однако большинство охотников продолжали проявлять невероятную жестокость к животным. В качестве примера можно привести избиение быков (более подробно об этом говорится в главе «Оружие», раздел «Ружья, заряжавшиеся с казенной части»). Случались и отдельные происшествия. В 1825 году лорд Миддлтон решил соревноваться с егерем, причем Тот, кто совершал удачные выстрелы, должен был нести добычу партнера. Поскольку егерь оказался более удачливым, лорду Миддлтону пришлось изрядно попытеть, ноша оказалась тяжелой, поэтому он преднамеренно убил молодого осла и заставил егеря нести его.

Даже добродушный П.Хокер, не колеблясь, застрелил своего молодого необученного пса, когда тот помешал ему во время охотничьей экспедиции во Францию. Некоторые доблестные авторы невольно выдавали себя своими собственными сочинениями. Нельзя не испытать тошнотворные чувства при прочтении описания Г.Камминга, посвященного убийству самого большого из встреченных им самцов слона. Первым выстрелом он обезножил животное, заставив того хромать и укрыться под деревом, откуда он смотрел на своих мучителей «покорно и философски».

Камминг продолжает рассказывать:

«Прежде, чем уложить слона, я решил немного понаблюдать за этим благородным животным. Поскольку я уже расседлал своих лошадей и разместил их в тени дерева, где собирался остановиться на ночь и следующий день, то быстро разжег огонь и поставил на него свой котелок, так что через несколько минут мой кофе был уже готов. Затем я устроился в моем лесном доме, спокойно попивая свое кофе в компании с одним из прекраснейших слонов Африки, находившимся под соседним деревом, предвкушая то наслаждение, которое было у меня впереди.

Вволю насладившись зрелищем поверженного слона, я решил исследовать наиболее уязвимые точки. Приблизившись к нему насколько возможно, я выпустил несколько пуль в различные части его огромного тела. Они не причинили ему ни малейшего вреда, он просто махнул своим хоботом, воспринимая как досадное недоразумение, только мягко дотрагиваясь до раны осторожными движениями.

Удивленный и потрясенный, я понял, что только мучаю и продлеваю страдания благородного животного, которое с достоинством несло выпавшие на его долю муки. Решив закончить со всем этим как можно быстрее, я начал стрелять в него с левой стороны, соответствующим образом устроив мое оружие. Но прошло еще много времени, прежде чем мои пули начали оказывать свое воздействие.

Сначала я сделал шесть выстрелов из двустволки, которые могли оказаться смертельными, но также не нанесли видимого вреда. Тогда я выстрелил еще три раза из голландского шестифунтовика. Теперь из глаз животного полились огромные слезы, он медленно открывал и закрывал их, наконец, его огромная туша дрогнула, упав на бок, он дернулся в конвульсиях и испустил дух».

Не станем сгущать краски и отметим еще одну составляющую охоты, которая позволит закончить это Введение на более оптимистичной ноте. Насколько нам известно, охота всегда щекотала нервы. Многие полагали, что подобное возбуждение можно было испытать, занимаясь сексом. Возможно, в сказанном есть доля истины, ведь и тут, и там налицо преследование, борьба и завоевание с кровопролитием. Рассуждая о капельках крови, оставленных раненым животным, Ч.Бонер в «Охоте на серну» (1853), сравнивает кровь с цветком:

Алое пятно радует охотника
Более чем самая красная роза,
Он трепещет от восторга,
Как любовник, сорвавший цветок невинности.

Охоту часто посещали придворные дамы, предлагавшие в конце дня развлечения мужчинам, разгоряченным гоном. Их присутствие превращало наказание «клинком» в шумное и оживленное событие (об этом более подробно говорится в главе «Ножи и штыки», раздел «Охотничьи приспособления»). На гобелене XV века, хранящемся в Музее Виктории и Альберта, известном как Девонширский гобелен, изображен олень, которого потрошит охотник, и гончая, с радостью копошащаяся в окровавленном месиве. А на втором плане другой охотник страстно ласкает грудь женщины.

В Парижском Лувре находятся гобелены, известные как «Охота Максимилиана» (примерно 1525 года), на которых изображена парочка, занимающаяся любовью, в то время как на заднем фоне собираются охотники. Во французском любовном романе «Венера» де Фуллу (1561) встречается описание устройства кареты для охоты. Полагалось, в частности, посадить туда прыткую девицу шестнадцати или семнадцати лет, чтобы она услаждала сеньора во время путешествия.

В стихотворении «Как я стану жить в отставке в деревне», написанном около 1680 года, встречаем такое начало:

Если я доживу до старости, я отправлюсь в деревню,
Таковая моя судьба. В селе
Может быть, у меня будет теплый дом с каменной оградой
И чистая молодая девушка, которая станет почесывать мою лысину.

Отметим, что в стихах охота и занятия любовью постоянно обозначались сходными образами. В охотничьих песнях обычно использовали непристойные каламбуры, как, например, в песне «Охота на венок зайца». «Поиск кролика» или «зайца» означал наружные женские органы, иногда упоминалась *cuppu* (шкура). Сказанное относится и к лани. «Раненый» олень считался легкой добычей, поэтому этот образ символизировал девушку, уступившую своему

любовнику. На подобных метафорах построена известная баллада о горбатом леснике:

Жил был лесник, стрелок отменный,
Всегда носил с собой припас,
Чтобы в цель попасть тотчас
Едва завидит самку
В густом - густом лесу,
Джек, пой свой песню,
Вместе со мной, со мной,
Вместе со мной, со мной.
Но в первый раз он не попал,
Вторую он обнял и поцеловал,
А третья от него ускользнула,
В зеленый лес, в зеленый лес,
Четвертую самку поймал он в силки,
Объятыя его страстны и крепки,
В зеленом, зеленом лесу.

Пятая самка резвухой была,
Прыгала как коза,
Но быстро ее он поймал, укротив,
На зеленой-зеленой траве,
Джек, пой свой песню,
Вместе со мной, со мной,
Вместе со мной, со мной.

Приведенные отрывки дают хотя и фрагментарное, но достаточно яркое представление о пороках и недостатках мужчин и женщин, использовавших оружие, о котором пойдет речь в следующих главах. Ввиду ограниченного объема в нашей картине возможны определенные недочеты.

Кровавые оргии королевских охот удовлетворяла потребности в жестокости и похоти. Не отставали от них и колонисты, осваивавшие заморские земли. Опьяненные властью, которую давало им огнестрельное оружие, они забивали всех животных, попадавших им на глаза. Профессиональные охотники, китобойцы, охотники на тюленей или морских котиков, бизонов и слонов безжалостно катились по землям и морям и истребили множество видов диких животных. Их кровожадность совершенно затмила скромных охотников, добывавших дичь ради пропитания своей семьи, а не ради удовольствия и спортивного тщеславия.

Встречались также те, кто изучал жизнь в сельской местности и, как следствие, начинал любить животных, гордясь тем, что никогда не причинял им страданий. Приведем слова сэра Самуэля Уайта Бекера: «Все охотники, с которыми мне доводилось встречаться, на самом деле оказались весьма сентиментальными, оставаясь жестокими по отношению животным, они были готовы расплакаться от любой душещипательной истории».

Меч

Самым распространенным охотничьим оружием древности считались лук и копье, позволявшие охотникам держаться на безопасном расстоянии от своей жертвы. На египетских и ассирийских настенных изображениях, скульптурах и фресках изображаются охотники с луками или копьями, надежно укrywшиеся в

своих колесницах, но практически не встречаются изображения охотников с мечами. Что же касается личной защиты, то охотник полагался на существовавшую в его время боевой меч, хотя сегодня он кажется совершенно малоэффективным.

На ассирийской настенной скульптуре примерно 884 года до н.э., находящейся в Британском музее, на колеснице изображен правитель Ассурнасилпал, охотящийся на львов с помощью лука и стрел. На поясе у него висит прямой меч в затейливо изукрашенных ножнах. На ритуальном щите, обнаруженном в гробнице Тутанхамона (около 1350 года до н.э.) изображен сам правитель, убивающий львов ударом хопеш – округлой сабли распространённой в Средиземноморье в конце Бронзового Века.

Встречаются и другие изображения оружия. На мозаиках (в Пелле и Помпее) и росписях античных ваз (ок.300-100 г. до н.э.),³ можно увидеть воинов с копьями и махайрой, односторонним мечом, похожим на кукри, оружие непальского племени гурков. Обычно они использовались, чтобы рубить пополам туловища львов или кабанов (рисунок 1).

Скифские воины на лошадях, вооруженные луком и стрелами, служившими в качестве основного оружия, использовали акинак - короткий меч в изысканно украшенных ножнах. На сарацинском серебряном изделии примерно 400-500 годов можно разглядеть королевских охотников, закалывающих и разделывающих львов прямыми обоюдоострыми мечами. Пожалуй, художник несколько преувеличил их деяния, поскольку практически подобные действия были трудно осуществимы. Все приведенные нами примеры касаются боевого оружия, тогда как по имеющимся изображениям видно, что специальный охотничий меч появился не ранее XV века.

Во многом невозможность использовать мечи обусловлена тем, что ранние бронзовые и железные изделия были слишком короткими и непрочными, чтобы их можно было без риска использовать против огромного разъяренного животного. Поэтому как охотничье оружие меч начали использовать только тогда, когда достаточно усовершенствовалась технология обработки металла. Первыми на охоте начали использовать появившиеся в Средневековье длинные и широкие обоюдоострые мечи, прорубавшие кольчугу и пластинчатые доспехи. Первоначально они использовались как рубящее оружие, но в XIII веке, когда пластинчатые доспехи усовершенствовались и стали прочнее, меч стали использовать преимущественно для удара, а не рубяния противника. Тогда использовали прямые обоюдоострые мечи с слегка изгибавшимися лезвиями. Для достижения необходимой жесткости применяли многослойную ковку и закалку. В результате лезвие приобрело ромбическое сечение. На иллюстрациях в рукописных изданиях изображены конные или пешие охотники, использующие такие мечи.

Большой охотничий меч

На рисунках в книге В.де Мильме «De Nobilitatis, Sapientis et Prudentius Regnum» (1326-1327) изображены медведи и львы, на которых нападают с помощью именно данного оружия. В одной из первых печатных книг, посвященных охоте, «Книге королевских манер», опубликованной в 1486 году, изображен сидящий верхом охотник, бросающий остроконечный меч в медведя (рисунок 2). Автор приводит подробные инструкции по использованию меча длиной в 4 фута со

³ Прекрасное изображение встречаем на мозаике, выложенной из гальки, находящейся в древнем греческом городе Пелла (Македония).

специально затупленным левым краем, чтобы случайно не поранить левую ногу всадника. Вскоре подобное длинное, более тяжелое лезвие было повсеместно введено, хотя и не встречаются указания на то, что в то время специально затупляли один из краев меча.

В 1381 году М. Де Турне, оружейник короля Франции, изготовил два «больших разных меча ... для правителя и монсеньера де Валуа, чтобы убивать кабанов». К сожалению, сколько-нибудь подробного описания самих мечей для охоты на кабанов не сохранилось. Тем не менее, к концу XV века уже существовал тщательно разработанный тип охотничьего меча для конного охотника. Одним из самых совершенных образцов можно считать меч Максимилиана I, сегодня находящийся в историческом музее в Вене (таблица 1).

Скорее всего, он был изготовлен в 1497-1498 годах мастером из Галле Г.Шуммерспергером. Это обоюдоострый меч из вороненой стали, украшенный религиозными надписями и сценами. Отметим прямую плоскую гарду и красивую рукоятку из дерева с костяными накладками, а также серебряный зажим. Украшенный крупной жемчужиной. В рукоятке хранился набор столовых ножей. На гравюре, приведенной в «Theuerdank», изображен Максимилиан, поражающий кабана ударом меча, который он держит обеими руками.

Другие мечи данного класса не столь великолепно отделаны, хотя практически не отличаются от него. Большинство имеют трехслойный клинок треугольного сечения с одним лезвием, который подходит и для рубящего и для колющего удара. Гарда усилена специальным приспособлением для указательного пальца и зажимом для большого пальца, чтобы меч можно было надежно удерживать в одной руке. Чтобы держать меч двумя руками над эфесом прикреплялась дополнительная рукоятка (так наз. *pas d'ane*)⁴. Трубчатые зажимы имели головку в форме рыбьего хвоста. Типичные образцы можно найти в коллекции Уоллеса (в Лондоне), в Дрездене и в Музее оружия (в Золингене).⁵

Отметим и другой тип, встречающийся в той же группе, когда гарды и зажимы плоские и украшены сквозным декоративным орнаментом. Известен только один меч со щитком для большого пальца. Такой меч можно увидеть в Замке Святого Ангела в Риме, другой прекрасный образец с изящно отделанными ножнами находится в Арсенале в Берлине. Более простые мечи имеют две пластинки из оленьего рога, приклепанные с каждой стороны лезвия, которые выполняют роль зажимов (таблица 2).

Такие рукоятки с приклепанными головками и специально декорированными шайбами, характерны для охотничьих сабель и ножей, их можно увидеть и на гравюре Дюрера «Мученичество святой Екатерины».

У того же самого Дюрера на его самой известной гравюре «Святой Евстафий и чудесный олень» (около 1505 года) святой вооружен тем, что сегодня обозначают как «полутораручный» меч. Обычно в ножнах такого меча хранился комплект столовых ножей и стилет. Его лезвие, позволявшее наносить как колющие, так и рубящие удары, было достаточно длинным, чтобы конный охотник мог поразить крупное животное, не спускаясь с лошади. Удобная рукоятка позволяла хорошо держать меч и одной, и двумя руками.

На гравюрах начала XVI века со сценами охоты можно увидеть и богатых, и бедных охотников, вооружены такими саблями (рисунок 4). В немецком национальном музее в Нюрнберге находится автопортрет каппенбергского мастера

⁴ Шаг осла (прим.перев.).

⁵ «Коллекция Уолласа» - лондонский музей выдающихся произведений искусства, фарфора и французской мебели, носит имя основателя и бывшего владельца (прим. перев.).

примерно 1500 года, где художник изобразил самого себя в охотничьем платье с одним из таких мечей. На картине Луи Кранаха Старшего, «Охота, которую давал император Карл V для герцога Саксонского в 1550 году», оба короля изображены с прекрасными двуручными мечами с длинными рукоятками.⁶

В «Реестре» оружия императора Карла V, написанном после его смерти, последовавшей в 1558 году, описывается один из таких мечей: «охотничий двуручный меч с позолоченным эфесом и ножнами украшенными бархатом, в ножнах находятся небольшие ножи».

В то время наибольшей популярностью пользовалась загонная охота, то есть варварское преследование дичи по сельской местности, когда собаки выгоняли оленя, кабана или медведя на охотников. Убийство осуществлялось ударом тяжелого меча. Чтобы поразить такое крупное животное, как кабан или медведь, приходилось вонзать саблю достаточно глубоко, так что охотник оказывался в пределах досягаемости зубов и когтей животного, а узкое лезвие могло легко выскользнуть из туловища. Поэтому последний удар охотник нередко наносил не мечом, а крепким копьём. Тем не менее, именно «полутораручный» меч оказался самым удобным, и такие рукоятки приделывались к разным типам клинков, предназначенных для охоты.

Мечи для охоты на кабанов.

Самые ранние мечи такого типа появились в первой половине XV века и имели треугольное, квадратное или восьмиугольное сечение вдоль всей длины. Во Франции они назывались «длинная шпага», в Британии - «рапира», использовались как для конного, так и для пешего боя. Поскольку таким оружием можно было не только колоть, но и нанести сильный рубящий удар, его и стали использовать во время охоты.

В 1514 году во время охоты на медведей во Франции, организованной дофином, сообщалось следующее: «Милорд Саффолк встретился с первым [медведем] и нанес ему такой удар своей рапирой, что она согнулась в его руках в трех местах, после чего заколол зверя».

В описи оружия и доспехов Генриха VIII, сделанной после его смерти, последовавшей в 1547 году, указаны следующие предметы: «две заостренных сабли в бархатных ножнах» и шесть «копьевидных мечей в кожаных ножнах».

В «Списке изобретений» за 1611 и 1619 годы они названы «рапирами для охоты на дикого вепря». Самый необычный образец рапиры, находящийся в коллекции Генриха VIII, описан как «длинная позолоченная шпага в ножнах из черной кожи». Возможно, меч такого типа хранится в Лондонской башне доспехов. У него тисненые ножны, лезвие ромбического сечения длиной в 4 фута и 2 дюйма, рукоятка длиной в 1 фут и 10 дюймов и прямая гарда. В описи Арсенала Гонзага в Мантуе за 1542 год указаны «две охотничьих рапиры (estocs) круглого сечения, сделанные по образцу тех, что принадлежали его королевскому величеству. Здесь же отмечается «охотничий меч типа рапиры (un arma da caccia in foggia de stochi)».

Тонкое упругое лезвие такого оружия позволяло гораздо лучше поразить крупное животное, чем обычное широкое лезвие меча. Отличие также заключалось в том, что не наносилась большая рана. Однако вполне могло случиться, что лезвие могло вонзиться так глубоко, что охотник оказывался в опасной близости от клыков разъяренного зверя. Поэтому на рапире появился широкий граненый конец как у копья, предназначенного для охоты на кабана, или ограничитель, не позволявший вонзиться его слишком глубоко.

⁶ Сегодня картина хранится в музее Прадо (Мадрид).

Первые образцы такого оружия появились около 1500 года. В 1512 году император Максимилиан I продиктовал своему секретарю Марку Трейзауену детали триумфальной процессии, которую должны были провести в его честь. Позднее она была запечатлена в сериях гравюр, выполненных Х.Бургмайером и другими художниками. Проект завершился в 1519 году, когда умер император, первое издание книги «Триумф императора Максимилиана» появилось не ранее 1526 года.

Сюжетами гравюр стали одержанные императором победы и сцены различных развлечений. Император всегда находится в окружении охотников, слуги на турнирах, музыкантов. Одна группа состоит из пяти конных охотников на кабана, в руках у них находятся «новые мечи и пики для охоты на вепря» (рисунок 5). Мы видим, что это полтораручные мечи с прочными четырехгранными лезвиями, увенчанные копьевидными расширениями или имеющие отражатель.

Лишь у одного из пяти персонажей изображен меч с вставленным в него поперечным прутком (рогом). Очевидно, что сабли данного типа не пользовались широким распространением. Если на копье, предназначенном для охоты на вепря, рог не причинял особых неудобств владельцу, то на мече его следовало прикрепить так, чтобы меч можно было вкладывать в ножны.

Для этого применяли различные приспособления. В самой простой конструкции поперечина при необходимости втыкалась в специальное отверстие в лезвии. Некоторые мечи оснащались оригинально устроенными складными перекладинами, которые раскрывались, когда лезвие вытаскивали из ножен. У третьих имелись шарнирные или поворотные перекладки (рисунок 6).

На мече, хранящемся в немецком музее охоты в Мюнхене, имеется ограничитель в виде диска, а форма клинка напоминает копье с шилом. Известно, что одно из таких копий использовал Максимилиан в книге «Фрейдал», панегирическом описании своих подвигов, опубликованном в 1512 году.

Копья также появились и в красочно иллюстрированном каталоге его арсенала «Книга инструментов». Место расположения перекладки могло отличаться, но в большинстве случаев вставлялась в древко непосредственно над лезвием, чтобы обеспечить в дальнейшем полное вхождение оружия в туловище животного.

Следуя за Г.Фебом, изготовители большинства мечей оставляли верхнюю часть древка незаточенной, так что она имела круглое, квадратное, треугольное или шестиугольное сечение. Что касается длины и формы лезвия, то они значительно разнились. Так сабля Филиппа Красивого, герцога Бургундского (1482-1506) и короля Испании (1504-1506), сегодня находящаяся в Музее изящных искусств в Вене, имела короткое широкое лезвие. В коллекции Уоллеса находится немецкий меч, который, напротив, имеет узкое копьевидное лезвие. На некоторых лезвиях края затачивались волнообразно, чтобы облегчить ее втыкание в тушу.

Несмотря на необщепринятый дизайн, пикообразные кабаньи мечи пользовались необычайной популярностью. Их изображения можно увидеть на многих полотнах и гравюрах. Интересное копье запечатлено на костяной пластине, украшающей ружье с колесцовым замком, подаренное герцогом Баварским Фердинанду II в 1626 году (сегодня оно хранится в музее Баргелло во Флоренции). На стволе имеются инициалы мюнхенского мастера Иеронима Борштоффера, а на пластине изображен поражающий медведя охотник, который держит меч необычным способом.

Благодаря узкому древку, клинок кабаньего копьевидного меча подходил практически для любой разновидности эфеса, даже для рапиры, поэтому мечи продолжали использоваться до конца XVII века. Как и другие

предметы, имеющие утилитарное назначение, охотничьи мечи обычно не отделялись, за исключением лезвия и почти всегда входили в комплект охотничьего вооружения. Известно, что в Арсенале Гонзага в 1543 году находилась «медвежья сабля с гравированным лезвием и стальной головкой».

Возможно, самым изящным можно назвать меч из собрания Государственного исторического музея Москвы, раньше находившийся в Берлинском арсенале. Его рукоятка отделана и позолочена Даниэлем Саделером, а лезвие изготовлено Ульбрихтом Дифстеттером, мастерами, жившими в Мюнхене в 1615-1620 годах.

Короткие мечи

Все вышеописанные сабли представляли собой огромные изделия, в среднем достигавшие 4-5 футов в длину, они прекрасно служили во время финальной схватки с огромным диким животным, но явно оказывались неудобными во время длительной погони по лесистой местности. Поэтому многие всадники предпочитали большой охотничьей сабле Максимилиана оружие меньшего размера.

Один из таких мечей, возможно сделанный в Северной Италии, имело короткий захват с чашеобразной рукояткой, прямой иногда слегка закрученной дужкой гарды, иногда горизонтально закрученными и обоюдоострым лезвием, суживавшимся к концу. Такие мечи можно увидеть на картине «Юдифь» В. Катено (умер в 1531 году) в Галерее Квирини Стампалиа, в Венеции. В своей великолепной картине «Ночная охота» (около 1465), хранящейся в Ашмолеанском музее в Оксфорде, Паоло Учелло вооружает конных охотников малыми мечами.

Описанные нами картины подтверждают, что короткие мечи изготавливались в Италии, но были распространены и в других частях Европы. Дюрер изображает их в гравюрах «Прогулка» и «Знаменосец» (ок.1500 г.). Образцы таких мечей можно увидеть и в лондонской «Коллекции Уоллеса» и в Немецком Национальном музее в Нюрнберге. Короткий меч был практичным и недорогим оружием, поэтому им пользовались и ландскнехты, и придворные, и чиновники и горожане.

Слуги, выполнявшие во время охоты различные поручения, предпочитали еще более короткие мечи. Им требовался меч, которым можно было ударить исподтишка, и нанести смертельную рану. В результате появилось нечто среднее между короткой широкой кривой саблей с загнутым лезвием, встречающейся на многих рисунках и гобеленах, и крестьянским ножом, который служил для выполнения различных работ в лесу, в поле и дома.

Использовавший арбалет или копье как основное оружие, охотник также находил короткую саблю полезной для личной защиты. На одном из девонширских «охотничьих гобеленов» примерно 1425-1450 годов, находящихся в Музее Виктории и Альберта, изображено, как часто они использовались. Изображено, как загоняют медведя и как смятый животным охотник делает выпад, отчаянно выставив вперед саблю с загнутым лезвием. У нее четко видна прямая поперечина и плоский, клепаный зажим.

Похожий меч изображен на портрете Дженкина Вирола, наемного лесника (умер в 1457 году), хранящемся в Ньюлендской церкви в Глостершире. Охотники в «Медвежьей охоте» герцога Бертольда фон Царингера из «Бернской хроники» Дибольда Шиллинга 1484 года, хранящейся в Государственной библиотеке в Берне, вооружены похожими мечами. В издании 1486 года «Книге королевских дел» охотники носят короткий меч с широким рубящим клинком,

рукоятка имеет приклепанные пластины и прямую гарду с изогнутым концом (рисунок 7).

Начиная примерно с 1500 года, большинство коротких охотничьих мечей получают более изысканный эфес. На фламандской серии гобеленов, известных как «Охота на единорога», датируемой примерно 1500 годом и сегодня хранящейся в Музее Метрополитен в Нью-Йорке, один из охотников носит короткий прямой меч, в ножнах которого находится небольшой нож. У рукоятки имеется щиток для костяшек пальцев, наклонная гарда и ассиметричный эфес.

В книге «Травля волков» Жана де Кламоргана, опубликованной в 1563 году, изображено несколько охотников, носящих короткую широкую кривую саблю. В «Отборных войсках» Хеннеля представлено несколько таких сабель, различающихся по изгибам, весу и ширине, форме эфеса и рукоятки, круглой или прямой гарде. Совсем недавно в Арсенале Эрбахта, в Оденвальде, в Германии находилась прекрасная короткая широкая сабля с рукояткой из оленьего рога, серебряными с позолотой ножнами с футлярами для меньших по размеру ножей. Сегодня она продана на аукционе Фишера в Люцерне, и местонахождение ее неизвестно.

Интересен и небольшой охотничий нож, принадлежавший Генриху VIII, сегодня он находится в Коллекции ее королевского величества в Виндзоре (таблица 2). Его изготовил Диего де Кайас в честь захвата Болоньи в 1544 году, в длину он чуть больше двух футов, имеет изогнутое лезвие, в ножнах находится еще один, небольшой нож. Эфес имеет щиток для костяшек и загнутую вниз гарду. Вероятно, именно этот нож указан в «Реестре Королевского гардероба», составленном в 1547 году, где среди перечисления оружия Генриха VIII названы «два больших ножа для охоты, ...сделанных Диего, в крытых бархатом ножнах, с ножами и шилом».

Современные определения коротких охотничьих сабель не отличаются точностью. Так в описаниях правления Генриха VIII часто появляется английское определение «лесной нож», «нож для охоты». Более полно и подробно изделия характеризуются в «Реестре» 1547 года, о котором шла речь выше. В разделе, посвященном оружию, хранящемуся в Вестминстере, буквально говорится следующее:

«...Два охотничьих ножа, с позолоченными рукоятками, один в ножнах из зеленого бархата, другой в ножнах из черного бархата, украшенных бронзовыми позолоченными накладками, с перевязью из зеленого бархата, украшенной круглыми заклепками и бронзовыми позолоченными подвесками».

Несомненно, король гордился такими красивыми «игрушками» и требовал, чтобы их содержали как можно лучше. К Рождеству 1538 года мастер Джон Банк доставил в Гринвич 132 предмета, среди которых были «королевские мечи, охотничьи ножи и кинжалы», которые он вычистил и починил, получив по 4 пенса за каждый. Существуют некоторые основания утверждать, что под «охотничьим ножом» в некоторых случаях подразумевали тяжелый рубящий нож и используемые вместе с ним инструменты, которые сегодня обычно описывают как «охотничий комплект» (более подробно об этом говорится во второй главе).

В счете торговца ножевыми изделиями, представленном Генриху VIII в 1547 году незадолго до его смерти отмечается «Охотничий нож с двумя столовыми в ножнах»... Видимо, здесь упомянуты ножи одного из вышеуказанных комплектов. Практически все разнообразные охотничьи или предназначавшиеся для кавалеристов мечи имели на ножнах один или два футляра для столовых ножей. Обычно в таких футлярах помещался небольшие ножи или нож вместе с шилом или стилетом. Нередко такие же футляры делались и на ножнах обычных поясных ножей.

Используемое в «Словаре» Ги французское слово *braquemart* или *braquemard* означает «короткий, тяжелый меч с одним лезвием, обычно правосторонним и слегка изогнутым к острию» и часто относится к тому виду оружия, которое мы сегодня назовем *couteau de chasse* (нож для охоты) или охотничий меч.

В известном «Словаре» Котгрейва, изданном в 1612 году, *braquemard* переводится как охотничий нож, кортик или кинжал. Он также переводит *malchus* (еще одно обозначение короткого рубящего меча) как «короткий охотничий нож». Очевидно, что широко использовалось понятие «охотничий нож». В «Компендиуме» Мишно (1625) слово *Whineyard* (шотл. *whinyard*) переводится как кинжал. Таким образом, мы вернулись к тому, с чего начали, самым близким к охотничьему мечу оказался «кинжал». Попробуем дать их характеристику.

Кинжалы

Одно из первых упоминаний кинжала (*hanger* или *huyngler* в более раннем написании) содержится в завещании Томаса де ля Мара Йоркского от 1358 года («мой нож или точнее кинжал»). Слово «кинжал» находим во многих английских завещаниях XV века. Например, в документе 1427 года назван «золотой кинжал». В другом завещании, от 1450 года, упомянуты «охотничий нож» и «кинжал с рукояткой из слоновой кости». В наши дни это слово используется только для обозначения кинжала с И-образным эфесом, у которого гарда и рукоятка точно сбалансированы с лезвием, однако, раньше оно имело и дополнительные значения. В завещании Джона Эстерфилдского от 1504 года указан «нож, именуемый кинжалом». В описи 1579 года движимого имущества сэра Томаса Батлера перечислены «кинжалы или ножи». Спустя восемь лет Роберт Брайен описывает свою любимую саблю и называет ее «мой ножик или кинжал».

В описи Генриха VIII, о которой шла речь выше, там, где упоминаются его ножи для охоты, также включены (в Вестминстерском собрании) «короткий кинжал с костяной рукояткой в ножнах из белой замши, защелкой и двумя серебряными обоймицами». В королевском гардеробе хранился «один небольшой короткий кинжал с бронзовыми кольцами, прямой гардой, блестящей рукояткой и ножнами из замши с ножом и шилом». В 1532 году в качестве новогоднего подарка лорд Рошфор подарил королю два кинжала с бархатными портупьями.

Несмотря на многочисленные упоминания, не совсем ясно, какая разница существовала между кинжалом и охотничьим ножом, и если она действительно существовала, то в чем же она заключалась. В завещание 1518 года сэра Уильяма Волстонкрофта включено следующее пожелание: «Я передаю Кристоферу Борингу мой кинжал или охотничий нож.» Точно также два обозначения встречаем в описи арсенала в Стамфорде от 1557 года. Под заголовком «кинжалы» там помещены следующие изделия:

Охотничьи ножи в бархатных ножнах, один длинный, один короткий.

Один кинжал с инструментами от моего отца

Один кинжал с ножом, шилом, компасом и молотком

Очевидно, что слово «кинжал» использовалось широко и применялось ко всем разновидностям коротких мечей или длинных ножей, которые применялись во время путешествий или охоты.

Особое распространение кинжалы получили у англичан. Французский посол, маршал де Вьевиль так описал английские развлечения в письме Генриху II (1547-1559):

«Англичане вовсе не так искусны в охоте на оленя как в морских сражениях. Они повезли меня в огромный парк, где обитало множество оленей.

Верхом на роскошно убранном сардинском коне я охотился в сопровождении сорока или пятидесяти лордов и джентльменов. Мы убили порядка пятнадцати или двадцати животных. Меня страшно позабавило, как англичане серьезно относились к охоте, с кинжалом в руке они кричали так громко, как будто преследовали врага в тяжелой битве и с трудом добивались победы.

В приходской церкви в Уолотоне на Темзе находится гравированная медная дощечка, на которой запечатлен подвиг Джона Сельвина, лесничего Отлендского парка, умершего в 1587 году. Во время охоты он перепрыгнул со своей лошади на спину оленя. Направив животное к королеве, он затем вонзил свою саблю ему в шею, так что тот замертво упал к ее ногам (рисунок 9).

В других частях Европы по-разному относились к идее создания удобной сабли для охоты. Так сабля эрцгерцога Фердинанда II Тирольского примерно 1560 года, сегодня находящаяся в Музее искусств в Вене, имела ту же самую длину и форму, что и сабля, принадлежавшая Генриху VIII и сегодня находящаяся в коллекции в Виндзоре, однако ее рукоять была выточена из куска ярко-алого коралла и увенчана весьма непрактичной кисточкой. Такая же рукоятка и у небольшого ножа, находившегося в ножнах. Похожие рукоятки имели и нож, вилка и ложка, изготовленные в 1579 году и хранящиеся в Историческом музее в Дрездене.

Очевидно, что описанные нами эксцентричные проявления причуд состоятельных хозяев явно отражали стремление превратить охоту в красочное зрелище.

Сабли с календарями

В первые десятилетия XVI века появились интересные мечи, на лезвиях которых выгравированы или вырезаны календари с перечнем имен святых, иногда дополнявшиеся зодиакальными знаками. Большинство таких мечей оказалось именно охотничьими. В 1532 году в качестве новогоднего подарка сэр Эдвард Сеймур (его сестра Джейн позже вышла замуж за короля) подарил Генриху VIII саблю с позолоченным эфесом и «календарем», нанесенным по поверхности клинка.

В Лондонской башне оружейников хранится охотничий меч со стальным эфесом XVI века, украшенный золотым и серебряным цветочным орнаментом. Позже по этому орнаменту был выгравирован григорианский календарь, на отдельных квадратиках изображены священные дни, отделенные картушами со знаками зодиака. Внутри круга рядом с эфесом содержится инструкция по пользованию календарем на примере 1686 года. Зажим изготовлен из рога оленя.

Скорее всего, в то время, когда был преподнесен подарок, календарь в виде рисунка наносился достаточно часто. Ряд таких лезвий подписаны или имеют инициалы Амброзиуса Гемлиха, мастера из Мюнхена. Среди его работ, отделанных подобным образом, отметим нож, объединенный с пистолетом с колесцовым замком, хранящийся в Музее Метрополитен в Нью-Йорке (таблица 64), похожий нож (только без пистолета) находится в Национальном музее в Кракове, кортик, хранящийся в Музее искусств в Вене, охотничий нож, находящийся в Национальном музее в Мюнхене и еще один, раньше бывший в Цейхгаузе в Берлине. Все изделия были изготовлены с 1528 до 1540 годов.

Появление календаря на орудиях для охоты объяснить непросто. Известно, что человек издревле связывал успех на охоте с благоприятствованием тех или иных потусторонних сил. В языческие времена это были духи леса и соответствующие боги, а позже успешную охоту связывали и с расположением святого, покровительствующего охотнику. Джон Ди в «Тройном альманахе на 1591

год по христианскому исчислению» приводит праздничные дни римского и григорианского календарей и зодиакальные знаки наряду с информацией о фазах луны, восходе и заходе солнца.

Одновременно называются «правильные дни», подходящие для посадки и рубки деревьев, кровопусканий и т.д. В одной заметке говорится, что «для очищения желудка более всего подходит время, когда Луна находится в треугольнике Ватри, то есть в созвездиях Рака, Скорпиона или Рыб». Хотя там нет рекомендаций, когда проводить охоты, но очевидно, что хорошо тренированный охотник мог провести необходимые подсчеты, исходя из собственного календаря.

На лезвиях мечей календари гравировали вплоть до XVII века. Меч из собрания Кречмара фон Кинсбуша в Нью-Йорке с выгравированным на лезвии календарем датируется примерно 1630 годом, а другой, из музея Метрополитен, представляет собой широкий нож с плоским лезвием с рукояткой из оправленного в серебро оленьего рога имеет выгравированный на лезвии календарь относящийся к 1678-1700 годам.

Комбинированные мечи

Среди других интересных новинок XVI века отметим соединение сабли и ружья, в последнем обычно использовался колесцовый замок.

Выше уже говорилось о комбинации охотничьего меча и пистолета с колесцовым замком, однако известно немного образцов такого оружия. Создавая оружие двойного действия, мастера хотели максимально защитить охотника, дав ему возможность в случае необходимости убить животное.

Несмотря на все очевидные преимущества подобных соединений, их введение ограничивалось несовершенством пистолета и большим весом. Колесцовый замок имел сложное устройство, и никто не был уверен в том, что в нужный момент он сработает так, как нужно. Чем дольше исследуешь такие изделия, особенно образцы с длинными охотничьими рапирами и копьевидными мечами для охоты на медведей, тем более склоняешься к мнению, что они относятся к механическим безделушкам и диковинкам.

Более простой и, несомненно, полезной новинкой, можно считать зубчатую заточку задней стороны некоторых мечей. Она сильнее травмировала животное, при необходимости ее можно было использовать для распиливания дерева или кости. Поэтому обычно зубчатый край делался у небольших охотничьих сабель, которые носили слуги, обслуживающие охотников. Прорубание тропы через подлесок или заготовка дров для костра считались рутинной работой, и благородные охотники вовсе не стремились ей заниматься.

Как мы сможем убедиться в дальнейшем, охотник с большей радостью занимался разделыванием туши. Именно для этого предназначались большие рыцарские охотничьи мечи, снабженные пилообразными зубцами. Иногда зубцами снабжались и широкие мечи с большими рубящими лезвиями.

Интересные образцы хранятся в Лондонской башне оружейников и в Немецком охотничьем музее в Мюнхене (таблицы 39-40). В описи Генриха VIII 1547 года указывается на охотничий нож с рукояткой из слоновой кости, позолоченной рукоятью в форме головы грифона и «задней частью лезвия в виде пилы».

Примерно в то же время, когда ввели пилообразный задник, наступил период возрождения опущенного вниз полукруглого клапана, который можно найти на некоторых больших мечах XV века. Они служили прикрытием для убиравшихся в ножны ножей и инструментов. Одним из первых образцов такого меча, имевшего

обе особенности – особый вид защиты и пилообразный конец – является охотничий меч из коллекции герцога Брунсвикского.

Над лезвием расположена плоская, повернутая вниз гарда, щиток для пальцев и отражатель в форме завитка раковины, нависающий над лезвием. Имеется также одно прямое лезвие с пилообразным задником. Костяная рукоятка покрыта гравировкой с охотничьими сценами, металлические части эфеса также гравированы, кроме того, позолочены и инкрустированы серебром.

Отделка мечей

Во все времена оружейники стремились применять богатую отделку. В начале XVI века художники начали печатать эскизы для изготовителей ружей и торговцев мечами, чтобы они смогли использовать их для украшения и рекламы своих изделий. Так Ганс Гольбейн младший, чей рисунок «танца смерти» (около 1530 года) представлен на ножнах ряда шведских и южно немецких кинжалов, сделал несколько рисунков пером для эфесов и ножен рапир, кинжалов, кавалерийских или охотничьих сабель.

Другие мастера того же периода, Генрих Альдеграфер, Урс Граф и Ганс Зебальд Беган, также делали свои рисунки. В «Книге образцов» Филиппа Орсо из Мантуи, датированной 1554 годом, также содержится несколько выразительных рисунков, предназначенных для украшения эфесов мечей. Один из таких его рисунков с рукояткой эфеса в виде фигурки орла на головке скопировал Лука Пенни (прозванный Романо) в своей известной гравюре «Орион и Диана» (1563).

Вошедшее в моду приобретение больших комплектов вооружения, выполненных по эскизам одного художника, стимулировало интерес к отделке охотничьего оружия. В Копенгагене сохранились остатки трех комплектов охотничьих сабель, изготовленные для Фридриха II Датского между 1584-1586 годами. Сегодня они разделены на два комплекта и хранятся в Тойгус-музее (таблица 13) и в Розенборге. Каждый комплект состоит из двух кинжалов, один с прямым лезвием, у другого лезвие слегка закруглено, эстока и короткого меча или рапиры с рубящим и прокалывающим лезвием.

Хотя гладко отполированные стальные эфесы мечей покрыты золотым и серебряным орнаментом, рукоятки украшены золотыми насечками и розетками, весь ансамбль производит впечатление сдержанной элегантности, сравнимое только с необычными комплектами, изготовленными для эрцгерцогов Саксонии. Некоторые из них и сегодня можно увидеть в Историческом музее в Дрездене.

Самые удивительные чувства испытываешь при виде Изумрудного гарнитура. Он состоит из охотничьей сабли и ножа для разрезания туши, сумки, охотничьего рога с ремнем, охотничьих ремешков для обвязывания небольшой дичи и собачьего ошейника. Все металлические части позолочены и оживлены прямоугольными вставками из изумруда, образующими охотничьи сценки.

В свое время Изумрудный гарнитур и еще два комплекта из бирюзы были заказаны Кристианом II, эрцгерцогом Саксонским у золотых дел мастера Габриэля Гипфеля и затем подарены братьям Иоганну Георгу и Августу между 1607-1609 годами в качестве рождественского и новогоднего подарков.

Среди самых великолепных из когда-либо изготавливавшихся видов оружия считаются те, что изготовлены группой мастеров, трудившихся при дворе баварских герцогов. Оно отделаны совершенно иначе, совсем не так, как предполагала ренессансная роскошь, отличающая саксонское оружие. Мастера были известны своей чеканкой по железу, высекали рисунок или сценку на металле и затем делали его выпуклым с помощью позолоты, наносившейся как фон.

Первым мастером, применившим такую технику, считается Эммануэль Садлер или Саттлер, сын антверпенского мастера-ножовщика, переехавший в Мюнхен, чтобы стать придворным мастером по металлу при герцоге Вильгельме V в 1594 году. После его смерти в 1610 году его сменил на этой должности младший брат Даниэль, который до этого состоял мастером у императора Рудольфа II Габсбурга в Праге.

Именно Даниэль изготовил необычный подбор, состоявший из замковых ружей, пистолетов, мечей, фляжек для пороха и других аксессуаров, со временем подаренный эрцгерцогом Максимилианом Баварским герцогу Карлу Эммануэлю Савойскому в 1650 году. Сильно напоминающая другие его изделия сабля находится в Историческом музее в Дрездене.

Мастерская Садлера мюнхенского была захвачена в 1635 году Каспаром Спатом, работавшим в похожей манере и по тем же рисункам. На изготовленном им охотничьем кинжале, хранящемся в Музее искусств в Вене, имеется покрытый чеканкой эфес, позолоченный в соответствии с традициями мастерской Садлера.

В первой половине XVI века в восточной Европе развились разные типы отделки мечей, но особого разнообразия искусство украшения оружия достигло в Англии. В данном случае металлическая поверхность оставалась гладкой, декоративные мотивы в виде цветочного орнамента, розеток, херувимов и изображений правителей наносились в форме инкрустации и покрывались серебром, иногда золотом.

Хотя именно иностранные мастера познакомили английских кузнецов с этим видом отделки, правительство всячески поощряло местных умельцев, чтобы они смогли превзойти иностранных конкурентов. В соответствии со Статутом 1563 года был строго запрещен ввоз «поясов, рапир, кинжалов, ножей, эфесов, рукояток, запоров, лезвий для кинжалов, рукояток, ножен, уже изготовленных и приобретенных в любой части за пределами острова». Из имеющихся реестров королевского гардероба и отчетов лорда управляющего двором короля ясно, что работавшие в Ханслоу и Лондоне ножовщики должны были, если использовать язык Статута «не допускать никакого чужеродного влияния, чтобы ничего не заимствовать».

Отмеченная нами тенденция обуславливалась личными пристрастиями правителей. В начале своего правления Иаков I Английский был страстным поклонником охоты. Один из его придворных, граф Вустерский иронически писал своему другу в 1604 году: «Сев в седла с расветом, уже в восемь часов утра, мы начали загонять одного зайца за другим, пространствовав до четырех часов вечера».

В 1606 году королевскому ножовщику Роберту Сауту заплатили за охотничий меч эмалированный и покрытый серебром, описанный на ломаной латыни:

«Рукоятка меча стальная, покрыта эмалевым узором, клинок железный, украшен серебрением, ножны из зеленого бархата»

Другой ножовщик по имени Натаниэль Мэтью представил королю в 1614 году охотничий меч, покрытую серебром и золотом следующим образом:

«на клинке дамасковое изображение херувима с позолотой, рукоятка серебряная с позолотой, ножны крыты зеленым бархатом, устье и носок позолочены»

Поскольку в Европе были широко распространены тяжелые инкрустированные и покрытые серебром рукоятки, не так-то просто выделить изделия именно английского производства. Обычно характерной особенностью считают шарообразное навершие рукояти. Так односторонний меч с эфесом от

рапиры из Лондонской оружейной башни, скорее всего, является образцом большого охотничьего меча.

По рисункам и гравюрам в книгах и рукописях XVII века можно сделать вывод, что практически все типы мечей использовались в качестве охотничьих. Некоторые изделия, отличающиеся великолепием отделки, с изображениями охотничьих сцен, вряд ли имели практическое применение. Так охотничья сабля императора Фердинанда II, датируемая 1633 годом, теперь находящаяся в венском музее искусств имеет крестообразный эфес, на конце высечен двуглавый орел, а также защелку, гарду и большие щитки в виде створок раковины из рога оленя. Трудно представить, как можно было пользоваться такой саблей, она бы сразу же поранила руку.

Любопытную группу образуют охотничьи сабли, украшенные специальными счетными таблицами. Неизменным компонентом любой охоты было соревнование в количестве убитой дичи и величине пораженных животных, поэтому велись самые тщательные подсчеты. В Британском музее находится исключительный образец немецкого охотничьего меча с календарем и счетчиком. Он состоит из восьми медных прикрепленных на шарнирах страничек, большинство из которых посвящены определенным разновидностям охоты – на обыкновенного оленя, кабана, вожака стаи и т.д.

На каждом листе вырезана табличка, причем желобки заполнены красным воском, и пронумерованные шкалы. Нанося на шкалу отметки в определенных местах можно было зафиксировать количество убитых животных, общий вес, количество миль, которые успел пробежать заяц, спасавшийся от охотников. Фиксировалось и время, восхода и захода солнца, длина дня и ночи для каждой недели года. Другие секции оставлены для записей используемых средств, например, обозначалось количество использованных во время охоты собак.

Для нанесения подобных записей использовались практически все разновидности сабель с прямыми лезвиями и небольшими гардами. Круглые таблички размещались в специальном футляре. У сабли, находящейся в коллекции Скотта в Глазго (таблица 37) и той, что раньше была в собрании принца Карла Прусского, имелось три таких счетчика.

Английский кинжал

К середине XVII века ружья вытеснили арбалеты и копья и в большинстве случаев меч как основное атакующее охотничье орудие. Заметим, что хранящийся сегодня в Историческом музее в Дрездене прекрасный охотничий гарнитур Иоганна Георга II состоит из ружья с колесцовым замком и двух пар кремневых пистолетов, причем один носился в кобуре, а другой в кармане. Из клинкового оружия в него входил только кинжал и широкий нож. Но в Англии кинжал продолжал пользоваться популярностью именно как охотничье орудие.

В качестве примера сошлемся на комментарий XVI века некоего английского спортсмена, любившего охоту и верховую езду. Иностранцы путешественники поражались страстью англичан к охоте. Один из них так описывал землевладельца из Кента: «он проводит все время в седле, не снимая сапог для верховой езды со шпорами и плисовых штанов».

Если не учитывать, что кинжал оказался самой удобной разновидностью меча для защиты во время путешествия, а также и для охотника, который в основном гонялся за оленями и зайцами с помощью своры гончих. В данном случае ему оказывалась полезной именно короткий клинок, в отличие от его континентальных соперников, чаще сталкивавшихся с кабаном, медведем, волком и даже зубром.

В 1629 году Генри Хоппи и Петр Инглиш открыли в Хонслоу мастерскую по изготовлению сабель. Об этом свидетельствует поданное ими прошение, хотя сама мастерская могла начать работать и раньше. Вскоре подобные предприятия организовали и другие мастера – Бенджамин Стоун, Ричард Хопкинс, Иоганн Киндт или Кеннет, Джозеф Дженкс. Как и лондонские мастера, ножовщики, они сосредоточились на изготовлении трех основных разновидностей клинкового оружия. Рапиры отличались завитыми гардами и длинными рукоятками с бороздками. Мечи для кавалерии имели эфесы корзинчатого типа и были известны как «разящие наповал». Кинжалы или кортики отличались наличием или отсутствием зазубренного заднего края.

Что касается эфесов, то рукоятки первых групп обычно представляли собой плоскую железную конструкцию, не украшенную даже примитивной гравировкой. Однако большинство кинжалов были украшены серебряной инкрустацией, характерной для английских оружейников, использовавших ее в начале XVII века. Такие изделия находим в Лондонской башне оружейников, Музее Виктории и Альберта, «Коллекции Уоллеса» и частных собраниях, где размещены изделия 1630-1650 годов с типичными плоскими шляпообразными рукоятками с завитком в том месте, где прикреплена чаша.

У одного меча тройная гарда, прикрепленная к вазообразной чаше. Большие по размеру секции закручены справа налево, меньшие – напротив. Лезвия кинжалов слегка закруглены, отличаются по размеру, их длина составляет от 20 до 30 сантиметров. Разнообразие отметок не позволяет их точно идентифицировать, одни изделия могли изготовить лондонские ножовщики, другие – золингенские кузнецы. Часто изделия подписаны и датированы как «Лондон» или «Хонслоу», что могло означать лишь место поставки.

Накладки рукоятки сделаны из рога оленя, иногда в середине разделяются железной лентой. Если они изготовлены из дерева, то связаны железной или серебряной проволокой. В Лондонской башне оружейников (таблица 14) находится прекрасный образец, где рукоятка покрыта разноцветным контрастным серебряным узором, а гарда - пересекающимся орнаментом из серебряных точек. О распространенности подобного типа изделий свидетельствует объявление, данное в 1679 году Томасом Хафпенни, сообщавшего в «Лондонской газете» о потере кинжала с рукояткой, покрытой серебряным узором.

Скорее всего, другую разновидность рукояток изготавливали ножовщики Хонслоу. Их кинжалы легко узнать по навершиям рукояток в виде головы льва. Приведем в качестве примера меч из Лондонского музея, датируемый 1634 годом, другое изделие имеет надпись «Меня изготовили в Хаунслоу». К характерным особенностям относят использование медных головок, сильно выступающие вниз шейки над рукоятками отполированы, имеют бороздки. Такое сочетание медных головок с железными гардами необычно и связано с особой историей.

Рассказывают, что в тот период компании кожевенных и кинжальных дел мастеров, озабоченные тем, что их привилегии ограничены небольшой территорией города, обыскивали места изготовления сабель и конфисковывали товары иностранного производства. Они руководствовались Статутом от 1563 года.

Однако им пришлось не только соревноваться с иностранцами, но и представить новую методику изготовления, начать украшать рукоятки и аксессуары бронзой. Фактически гильдия кожевников 12 января 1633 года смогла получить Королевскую прокламацию от Карла I, в которой запрещалось

производство поясных подвесок для кинжалов и бронзовых пряжек, на основании того, что «бронзовые прядки слишком ломкие и не такие удобные как железные».

Настоящая причина опасений мастеров заключалась, как они сами признавались, что те, «кто украшает медными пряжками, в один день делает их вдесятеро больше, чем железных пряжек».

Закономерно, что, в свою очередь, цех ножовщиков решил, что они обладают похожими возможностями и начали конфисковывать все разновидности эфесов и части изделий, изготовленные из бронзы. В мае 1650 они Суд присяжных подтвердил их позицию, обнародовав распоряжение, что «все эфесы и рукоятки, выделанные в бронзе или сплавах из этого металла, для мечей, рапир, кинжалов, кортиков и скейнов непрактичны, неудобны и их изготовление противозаконно».

Решение было принято из-за ложного убеждения, что оно соответствует ранними статутам Генриха IV и Генриха V. Его влияние оказалось настолько значительным, что в течение нескольких лет никто не осмеливался противоречить этому распоряжению, кроме мастеров из Хаунслоу, спокойно работавших в отдаленных землях.

Однако решения гильдии ножовщиков имели и другие последствия. В 1670 году Коллегия по техническому и вещевому снабжению, в обязанности которой входило обеспечение оружием Британской армии и флота обязала лондонских ножовщиков выпускать штыки с бронзовым креплением и гардой. Комиссия была, прежде всего, озабочена тем, чтобы использовавшееся в армии оружие было дешевым и удобным.

Оказалось, что медные изделия отвечают обоим требованиям, поэтому, начиная с восьмидесятых годов, поясное клинковое оружие повсеместно начали оснащать рукоятками из меди или других мягких металлов. В распоряжении коллегии, датированном 30 апреля 1686 года и адресованном Питеру Инглишу говорится о рукоятках сабель с оплеткой.

Одним из ведущих подрядчиков оказался лондонский ножовщик Томас Хавгуд, чьи мастерские постоянно обыскивались чиновниками Гильдии. К 1683 году их сопротивление достигло такого накала, что Коллегии пришлось вмешаться, подтвердив свое прежнее решение. Стало очевидно, что согласно старым уложениям просто запрещалось серебрение или золочение меди, чтобы нельзя было выдать получившееся изделие за предмет, изготовленный из драгоценного металла. После отмены ограничений изготовители сабель смогли сами выбирать методику, которой и следовали в своих мастерских.

Необходимо заметить, что хотя некоторые английские кинжалы с железными рукоятками датируются последним десятилетием XVII века, большинство все же имеют рукоятки из бронзы или серебра. В основном мастера следовали имевшимся старым образцам и изготавливали короткие, слегка загнутые мечи с рукояткой из рога оленя и повернутой вниз гардой с отражателем. Однако гарда в форме раковины не всегда отделана, рукоятка совершенно плоская, без традиционных выпуклых спиралей.

Самыми примечательными считаются серебряные рукоятки, на многих встречается клеймо изготовителя, а также, что особенно важно, обозначение Лондона как места производства. Так клеймо с буквами IH в сердечке (неопределенное) проставлено на авторском мече (таблица 22), на кинжале, находящемся в Музее Виктории и Альберта и еще на одном изделии, описанном П.Каррингтон-Пирсом в «Справочнике». Рукоятки с клеймами 1702-1703 годов

можно увидеть в Музее Виктории и Альберта, в Виндзорском замке (1697-1698 года) и в Национальном морском музее в Гринвиче (1702-1703 года).⁷

Необходимо отметить характер отделки на серебряных и медных рукоятках. Необычайно выразительны те изделия из серебра, где отливка покрыта гравировкой (таблица 20). Бронзовые рукоятки, напротив, не отличаются особым разнообразием декоративных мотивов, поскольку отливались в одних и тех же формах, где варьируется только расположение узоров.

Например, батальная сцена с чаши одного меча могла затем повториться на отражателе другого. Обычно на головках устанавливались сочетания тюдоровских роз, лилий, херувимы или головки королей. И снова отлитые в одних и тех же формах головки отличались только своими комбинациями на гардах. Взаимозаменяемость декоративных отливок не ограничивалось разнообразными кинжалами, стремление к разнообразию и созданию разных вариантов базового узора отличает байонеты, малые мечи и боевые сабли. Отметим необычный мотив оркестранта, играющего на флейте на гарде меча, что находится в Лондонской оружейной башне. Точно такой же мотив мы обнаружили на кинжале и кавалерийской сабле, находящихся в частной коллекции.

Среди покрытых серебром кинжалов конца XVII века отметим небольшую группу, которую, раньше относили к изделиям, имевшим шотландское происхождение. Несомненно, такая разновидность кинжалов была популярна как в Шотландии, так и в Англии. Они упоминаются в отчетах корпорации ножовщиков и дворцовых описях. Именно с таким кинжалом сэр Джон Рамсей бросился защищать Иакова VI во время нападения Александра Метвена в церкви святого Джонсона.

Кинжалы данной группы отличаются рукоятками из рога оленя и гардами, покрытыми плоскими серебряными чашами. Необычен серебряный футляр у основания рукоятки, прикрывающий рикассо (таблицы 18-19). Однако не следует утверждать, что вся группа имеет шотландское происхождение, как это делает Драммонд в книге «Старинное шотландское оружие» на основании того, что на одном мече встречается клеймо WS, принадлежащее абердинскому мастеру. Подобные мечи широко производились и использовались в Англии.

Попробуем высказать свои суждения по данному поводу. Роговые рукоятки напоминают изделия английских мастеров. Вспомним портрет сэра Фрэнсиса Виннингтона (1634-1700), написанный сэром Питером Лили, выставленном в Южном Кенсингтонском музее в 1866 году, где он изображен в охотничьем костюме с одним из этих мечей с роговой рукояткой. Вероятно кинжалы, изготовленные на севере, мало чем отличались от тех, что производились на юге. Редкий кинжал, который можно определить как кинжал шотландского типа, изготовленный около 1680 года, обладает множеством общих особенностей, свойственных обычным английским кинжалам того же периода.

Сохранившиеся английские кинжалы свидетельствуют о том, что они были популярны. Следует признаться, что многие образцы, которые сегодня обозначаются как охотничьи мечи, первоначально использовались как боевые или в качестве защиты гражданских деятелей. В начале 1682 года кинжалы были табельным оружием артиллеристов Британской армии.

Правда, документально подтвержденных описаний нет, за исключением докладной записки, поданной лондонскими ножовщиками Томасо Хавгуом и Джоном Хиллом:

⁷ Справочник вышел в Лондоне в 1837 году, но некоторые исследователи ошибочно считают его немецким.

Для артиллеристов новые сабли с рукоятками из оленьего рога, медными отражателями и гардами в ножнах с медной оковкой

Для матросов новые кортики с медными рукоятками и гардами, в ножнах с медной оковкой у каждого

Скорее всего, эти сабли были такими же, как уже выдававшиеся артиллеристам. К сожалению, их описание совпадает с описаниями так называемых охотничьих сабель, поэтому пока что это поясное оружие еще толком не описано. «Новые кортики» с рукоятками, целиком изготовленными из бронзы, вполне могли быть теми, которые позже определяли как кортики с «львиными головами» или «собачьими головами» на рукоятках.

В двадцатые годы XVIII века они были заменены ножовщиком Томасом Холлиером. Затем сотни изделий послужили для украшения стен Виндзорского Замка, Тауэра и Хэмптон-Корта. Некоторые сабли были покрыты голубой, черной или белой эмалью (таблица 17).

В большинстве европейских армий кинжал с небольшой медной рукояткой сначала ввели в качестве дополнительного оружия для пехоты и затем включили в качестве оружия в специализированные войска, разведчиков и стрелков, последний стали использовать как штык. Похожие кинжалы, но более высокого качества носили пехотные и морские офицеры. На портретах работы Майкла Дала и сэра Годфри Кнеллера, сегодня находящихся в Морском музее в Гринвиче, изображено несколько морских офицеров, имеющих при себе как прямые, так и украшенные кинжалы, внешне неотличимые от охотничьих сабель.

Как отмечает Лакинг, на гравюре «Открытие галереи П.Абрахамса в Санта-Кларе», напечатанной в Нюрнберге в 1702 году изображен английский адмирал с кинжалом. В коллекции Джона Винсбери сохранился английский кинжал с железным, посеребренным эфесом примерно 1640 года. На его ножнах прикреплен кусок пергамента, в котором сообщается его история и родословная его хозяина капитана Джона Джексона, носившего его в битве при Ла Хойе в 1692 году.

Кинжал, который с гордостью носили во время битв, на охоте получал совершенно иное применение, что сегодня кажется просто отвратительным. После того, как оленя убивали, соблюдался определенный ритуал. Прежде всего давали понюхать крови молодым гончим, чтобы в будущем, как писал Ричард Блум в «Развлечениях джентльмена» (1686), они пьянели от нее. Затем он описывает дальнейшие действия:

«Взяв в руки кинжал, охотник мощным ударом пытается обезглавить оленя. Если голова не отсекалась, каждый мог попробовать сделать то же самое. Обычно охотник или лесник для этого выбирал не только самый острый, но и самый результативный кинжал, чтобы он лучше справился, каждый из присутствующих давал ему по шиллингу». В качестве примера в книге «Отдых джентльмена» приведена вклейка между страницами 84-85, озаглавленная «Охота на оленя и расчленение его головы».

Фулли считавший такой вид развлечения чисто английским, не упоминает его в «Псовой охоте» (1573), но Жорж Турбебиль, чья книга «Благородное искусство псовой охоты» на самом деле представляет собой всего лишь перевод книги Фулли, упоминает об этом обычае в одном из немногих принадлежащих лично ему пассажей: «им нравилось отрубать его голову своими охотничьими кинжалами, скейнами или саблями, чтобы испытать их остроту и показать силу своих рук».

Хотя в те времена люди были не такими брезгливыми, чем сегодня, все же раздавались протесты против подобных обычаев. Один из авторов с едкой иронией пишет о чрезмерном увлечении охотой:

«Думая о тех, для кого музыкой становятся звуки рога и тьяканье гончих, и кто болеет, если хоть день не выезжает на охоту, начинаешь понимать, почему высшей добродетелью они считают собачье дерьмо. На охоте они испытывают такие же чувства, как азартные игроки! Мясник, не задумываясь, ежедневно убивает коров и овец, а истинные джентльмены обставляют убийство издевательством над бедными животными. Сняв шляпы, они восторженно встают на колени и, вытащив специальный кинжал (обычный нож оказывается недостаточно хорош), совершив несколько действий, рассекают животное на части как заправские анатомы. Собравшиеся вокруг сосредоточенно наблюдают за происходящим и с интересом наблюдают, как Новичок делает то, что они уже делали множество раз. Окунув палец в свежую кровь, новичок вдыхает ее запах, который считает лучшим ароматом на свете».

Правда, не все ощущали то же самое. Охота продолжала оставаться национальным видом досуга, которым с удовольствием наслаждались во многих странах.

Декоративные охотничьи сабли

В начале XVII века модель охоты в Европе начала меняться. Пока одни охотники сохраняли свое охотничье снаряжение и получали удовольствие от грубой и беспорядочной беготни по сельским просторам, многие джентльмены старались изменить весь порядок действий. Охоту стали проводить в специально разбитых и заключенных в замкнутых участках, в центре которых стояли стенды для стрельбы или павильоны. Некоторые из него часто имели весьма причудливую форму (об этом идет речь в шестой главе).

Освободившись от естественных тягот и лишений, сопровождавших охоту, благородные охотники, сопровождаемые своими дамами и группой поклонников, могли с удобствами отстрелять большое количество самой разной дичи, не запачкав руки. Теперь каждый лорд-помещик стремился превзойти своего соседа величиной и великолепием охоты. Постепенно охота из тяжелой работы стала превращаться в светскую забаву. К началу XVIII века входит в моду ношение всеми участниками охоты от слуг и лесничих до самих охотников и их гостей обеих полов специальной униформы, соперничавшей с самыми изысканными военными мундирами.

На серии из шести картин Иоганна Тишбейна (1722 -1789), заказанной ландграфом Фридрихом II Гессен-Кассельским, можно рассмотреть малейшие детали великолепных красных платьев и костюмов, расшитых красным шелком и украшенных прекрасной парчой и золотым шнуром. Такую одежду носят все участники охоты, организованной ландграфом. На фоне изысканных одежд сабли и другие приспособления кажутся не более, чем декорацией.

Охотничий комплект Иосифа II, изготовленный около 1765 года, хранящийся сегодня в Историко-художественном музее в Вене, состоит из позолоченного кинжала с костяной рукояткой, свисающего с зеленой кожаной перевязи, отороченный золотым шнурком. Ему соответствует изготовленный из рога охотничий нож на такой же перевязи.

На картине 1785 года, где изображена охота на медведя Фердинанда IV, сегодня находящейся в Главном городском Музее в Неаполе, изображены охотники и лошади, облаченные в зеленые одеяния, отделанные золотом. В тот же тон покрашены ремни для сабель и ножны. На портрете Ксавери Аерманна «Человек в охотничьей форме курфюрста баварского» (1796), хранящемся в немецком Музее охоты в Мюнхене, изображен охотник в темной форме, щедро

украшенной серебряным галуном, поясом, значками, шнурами и эполетами. Соответствующий темляк подвешен к серебряному эфесу его охотничьей сабли.

Украшенные подобным образом охотничьи сабли иногда могли использоваться и по назначению, хотя их владельцы ничего не предпринимали для этого. Очевидно, что функциональное оружие XVI-XVII веков в следующем веке стало составной частью парадного гардероба. Английский историк Башфорд Дин в своем «Каталоге» характеризует их не иначе как уродливые придворные изделия, «слишком маленькие, чтобы они надежно служили во время охоты, в тех редких случаях, когда их владельцам приходилось защищаться от разъяренных кабанов или оленя, ими можно было только пустить кровь, но не расчленить тушу животного». Замечание автора не лишено здравого смысла, правда, отказывая оружию в практической ценности, нельзя забывать о его высоком качестве как произведения искусства.

Как обычно, художники, гравировщики и ювелиры охотно выполняли все прихоти состоятельных заказчиков. Во Франции и Германии печатались книги с гравированными рисунками, предназначавшимися для украшения сабель, ножовщики по всей Европе копировали их, с точностью передавая мельчайшие детали. Примером подобного сотрудничества между художником и оружейником может служить охотничья сабля, находящаяся в Виндзорском замке. Вместе с парой пистолетов и ягдташем, изготовленными Мишелем Батиста из Неаполя, она составляла охотничий гарнитур Карла III Испанского.

Смонтированная в Неаполе венским мастером Францем Буржуа примерно в 1775 году, сабля имеет стальной позолоченный эфес с чеканкой. Отделка, включающая традиционные мотивы военных и охотничьих трофеев, выполнена по эскизам французских художников Де Лаколomba, Де Марто и Кристофа Юэ, выполненным между 1730 и 1750 годами. Перед кузнецами и граверами иногда ставились очень сложные задачи, выполнение становившихся все более изысканными рисунков по железу оказывалось необычно трудной задачей. Поэтому часто узоры наносились по накладным серебряным или медным пластинам, они чеканились, золотились и даже усыпались камнями. Следовательно, золотых дел мастера и ювелиры играли более значительную роль, чем кузнецы, изготавливавшие сабли.

Самым известным конструктором и изготовителем великолепных по качеству охотничьих мечей и аксессуаров считался Иоганн Мельхиор Динглингер (1690-1731), работавший в Дрездене вместе со своими братьями Георгом Фридрихом и Георгом Христофором, позже к ним присоединились его сыновья Иоганн Фридрих и Мориц Конрад.

Иоганн возглавил семейное предприятие, известное своим применением драгоценных металлов, камней и эмали. Для своего хозяина Августа Стронга он делал красивые, хотя и немного фривольные гарнитуры, состоявшие из охотничьего оружия и аксессуаров. Так сердоликовый гарнитур, сегодня находящийся в Дрезденской сокровищнице, состоит из кинжала, ножа, прогулочной трости, кнута, подвески для часов, плюмажей и комплектов пуговиц и застежек. Все они сделаны из драгоценных металлов и отделаны сердоликами. Кроме того, он сделал серебряный и другие гарнитуры, отделанные сапфирами, изумрудами и агатами. Камней было так много, что сабля, входившая в Большой бриллиантовый гарнитур, вполне могла поранить руку, если бы кто-то решил воспользоваться ею без перчатки. Столь же красивыми и непрактичными были две сабли, отделанные жемчугом, изготовленные примерно в 1720 году для короля Дании Фридриха IV и его брата принца Карла. Динглингер также придумал и изготовил Большой охотничий набор, предназначенный для охотничьего праздника – он состоит из различных ножей, столовой посуды, предметов для сервировки и украшения стола.

Рассматривая невероятное разнообразие охотничьих сабель XVIII века легко разделить их на группы по материалу, использовавшемуся для эфесов. Прежде всего, мастера отказались от необработанного рога оленя или антилопы, из которых изготавливали практичные и удобные рукоятки мечей в XVI-XVII веках.

Немецкий кинжал, изготовленный примерно в 1775 году, из парижского Музея оружия является наглядным примером того, до какой степени совершенства можно было прийти при изготовлении эфеса из рога оленя. Рукоятка вырезана в виде головки аспиды - чешуйчатого чудовища, из глотки которого выходит раздвоенный язык. Для изготовления рукояток использовался любой материал, животного, растительного или минерального происхождения, который можно было приспособить: кость, агат, стекло, фарфор, раковины, жадеит, эбеновое дерево.

Однако самым популярным материалом оказалась кость, использовавшаяся с давних времен, но особое распространение получившая в начале XVII века. Лондонские ножовщики оказались среди тех, кто проявили особенное мастерство в изготовлении столовых ножей и вилок с резными рукоятками. Автор «Путеводителя по Лондону за 1633 год» Стоу, не без основания, похвалится, что «во времена короля Иакова I в Лондоне делались самые лучшие и самые красивые ножи в мире».

Заметим, что почти все большие производственные центры в Европе, особенно те, что находились в Голландии и Саксонии, имели и своих токарей и резчиков. Один из наиболее значительных центров торговли слоновой костью находился в Дьеппе. Историк Массевиль в своей «Общей истории Нормандии» пишет: «Дьепп превосходил все другие города мира своими изысканными изделиями из слоновой кости».

В XVII веке форма рукоятки из слоновой кости часто копировалась с так называемого шотландского эфеса из рога оленя или антилопы (об этом мы говорили выше). Обычно использовали два куска материала - из одного делали рукоятку, а из другого - гарду. Что касается эфесов из слоновой кости, то они покрывались изысканной резьбой на охотничьи темы - собак, нападающих на зайцев, оленей, медведей и львов. Их тела сложно переплетались в едином возбужденном порыве. Похожая техника использовалась и для группы круглых пороховниц, которые использовались вместе с определенными мечами и ружьями.

Прекрасные образцы первых саксонских сабель с рукоятками из слоновой кости находятся в Музее Метрополитен в Нью-Йорке и Музее Виктории и Альберта. Если на рукоятках XVIII века из слоновой кости встречается резьба, то она всегда превосходного качества. Отметим, что деликатные гарды из слоновой кости, подверженные механическим воздействиям, легко ломались и часто заменялись металлическими (таблица 31).

На изделиях XVIII века воспроизводились похожие сценки сражающихся животных, однако, на некоторых рукоятках отразились и веяния времени, они впечатляют столбцами в духе барокко или рисунками в стиле рококо. На самых простых по модели, но искусных по форме рукоятках встречаются накладные пластинки из слоновой кости, рога или кости, прикрепленные к хвостовику как захваты (таблица 34).

Среди других материалов, охотно использовавшихся и становившихся предметом создания скульптурных работ, отметил рог и дерево. Самый необычный эфес из рога носорога прикреплен к сабле, изготовленный для Кристиана V Датского перед его восшествием на трон в 1670 году. Скорее всего, он был создан под влиянием рукояток с изображениями животных. Его создателем считается резчик по слоновой кости Якоб Йенсен Нордманд, который являлся и смотрителем королевского арсенала, находившегося в Замке Розенборг.

В европейских мечах не часто использовали рог носорога, поскольку этот материал, добывавшийся в Африке и на Востоке, ценился очень дорого, ибо считалось, что он обладает необычайными свойствами. Верили, что он способствует потенции и может помочь распознать яды, сказанным объясняется распространение чаш из рога носорога. Го Хун, известный даосский ученый IV века, полагал, что «когда человека ранят стрелой, пропитанной ядом, и он находится на пороге смерти, то следует слегка коснуться его раны рогом носорога, и тогда из раны появится пена, сам же он почувствует себя значительно лучше». В императорском хранилище в Токио хранятся тосу (поясные ножи) с рукоятками из рога и ножны. Рукоятки кривых абиссинских мечей иногда также изготавливались из рога носорога.

Для изготовления европейских сабель использовались рога разных животных, правда, они редко покрывались резьбой. Так у охотничьей сабли королевы Софии Амелии, хранящейся в Розенборге, изготовленной примерно в 1650 году, великолепная золотая рукоятка, украшенная эмалью, однако сам захват сделан из простого, полированного рога. В Розенборге также находится прекрасный покрытый серебром кинжал с захватом из черного (эбенового) дерева, он был подарен молодому Кристиану VII во время его визита во Францию в 1768 году королем Людовиком XV.

Обычно деревянные рукоятки состояли из двух пластин, прикрепленных заклепками к хвостовику, и редко покрывались резьбой. На покрытом серебром кинжале, находящемся в Виндзорском замке, имеющем лондонское клеймо с обозначенным на нем 1809 годом, имеется захват, изготовленный из двух эбеновых пластин, прикрепленных посеребренными заклепками. По записям в «Каталоге» Лакинга, этот кинжал носил «мистер дю Паскуэ, когда занимал должность конюшего у принца Уэльского». Однако в Музее Метрополитен хранится сабля с захватом из орехового дерева, покрытым сложной резьбой.

Все перечисленные нами материалы легко подвергались обработке, но были достаточно непрочными и требовали регулярный ремонт. Поэтому ряд ножовщиков предпочитали использовать более твердые материалы, например, халцедоны или агаты. В XVII и XVIII столетиях большинство поделочных камней добывалось из шахт Идер Оберштейна, находившихся в Германии, поэтому считается, что большинство сабель с каменными рукоятками, было изготовлено в немецких мастерских.

Однако мастера, способные полировать и шлифовать камень, предназначенный для изготовления рукояток для ножей и сабель, расселялись по разным странам. В Дании ножовщику и золотых дел мастеру Каспару Гербаху в 1662 году была пожалована лицензия, чтобы он смог открыть мельницу вместе с магазином полированных камней в Лингбю. Позже Бендикс Гродшиллинг, смотритель Кунсткамеры в Розенборге, заказывал у него агатовые рукоятки для рапир и охотничьих сабель. В двадцатые годы XVIII века под руководством Мишеля Бекера в Фредериксверте учредили полировальную мельницу, где занимались шлифовкой агатов, возможно, именно здесь изготовили покрытую золотом агатовую охотничью саблю для Фридриха IV.

Начиная с XVII века, полировщики поделочных камней, обеспечивавшие потребности ножовщиков, появились и в Лондоне. В приходских книгах церкви святого Гилберта, находившейся в Криплгейте в Лондоне, начинают упоминаться резчики по камню, гранильщики алмазов и ювелиры. В 1628 году Джеймс Мейс, ученик придворного ножовщика Роберта Саута, перешел к Конраду Питерсу, лондонскому ювелиру и резчику по камню, со временем, в 1635 году, став полноправным членом Общества ножовщиков.

Большое количество сохранившихся изделий свидетельствует о том, что производство агатовых рукояток стало одной из главных специализаций ножовщиков. Обычно ими украшались кинжалы, а также мечи и сабли. На большинстве изделий имеются серебряные накладки и лондонская датировка (таблица 27). В объявлении, помещенном в «Лондонской газете» от 10-14 июля 1690 года (номер 2574) читаем:

«В наемной карете забыты... новая серебряная сабля с агатовой рукояткой и кенингсмаркская сабля в ножнах, рукоятка помечена буквами R.Y.».

У нескольких кинжалов с агатовыми рукоятками встречались большие рукоятки, в качестве примера можно привести малый охотничий меч, хранящийся в коллекции Уоллеса, хвостовик клинка закреплен в специальном отверстии, высверленном в камне. Видимо, изготовители подобных изделий подражали образцам, вывезенным с Востока. Кинжалы отделывались серебряными и золочеными лентами, украшались бирюзой и рубинами, опоясывающими рукоятку и гарду.

Иногда к английским клинкам приделывались индийские и персидские эфесы из яшмы или нефрита. Несколько превосходных образцов находятся в Оружейной палате в Москве. В Сокровищнице в Мюнхене хранится французский кинжал примерно 1740 года с нефритовой рукояткой и гардой, покрытой золотом и серебром и отделанной бриллиантами. В комплекте с ним имеется расшитый золотом пояс и петля, также украшенная серебряными фигурками и россыпью бриллиантов.

У некоторых декоративных охотничьих мечей имелись фарфоровые рукоятки, раскрашенные сценками на охотничьи темы. Так захват французского покрытого серебром кинжала 1778 года, находящийся в Музее метрополитен в Нью-Йорке (таблица 33) расписан очаровательными виньетками, изображающими охотника с собакой, окруженного дамами. Такие изделия обычно выпускались на французских фабриках в Шантильи и Сен-Клу.

Как и следовало ожидать, самые претенциозные рукоятки мечей данного типа были изготовлены на мейсенской фабрике, находившейся под Дрезденом. На кинжале примерно 1750 года, находящемся сегодня в Тойгусмузее в Копенгагене, рукоятка имитирует копыто животного. Входящие в тот же комплект нож и вилка также имеют фарфоровые рукоятки.

На фабрике Боу в Лондоне в середине XVIII века изготавливали огромное количество фарфоровых рукояток для ножовщиков, но не сохранились документальные свидетельства, подтверждающие, что такие же рукоятки делались и для мечей. К тому времени они встречались с сильной конкуренцией в данной области со стороны более прочной продукции, производившейся на эмалевой фабрике в Южном Стратфордшире, работавшей на медной основе.

Ощущавшаяся в Германии большая потребность производства декоративных охотничьих мечей и аксессуаров была подхвачена Берлинскими эмалевыми фабриками, которые стали изготавливать изделия с нерасписанной белой поверхностью. Затем домашний живописец мог нарисовать на ней узор в соответствии с желаниями заказчика. В качестве примера приведем прекрасный образец кинжала, находящегося в Музее Виктории и Альберта, в кожаных ножнах на поясе с петлей. Кожаные изделия также покрыты эмалевыми пластинами на медной основе, на которых изображены охотники и разные виды охоты (таблица 32).

К концу XVIII века в Европу начали импортировать панцири морских черепах, обитавших в азиатских тропических водах. Основным преимуществом этого материала было то, что ему легко придавалась нужная форма или объем, и наносились любые украшения. Отличительной особенностью изготовленных из

панциря табакерок и ювелирных изделий стало прокалывание, когда рисунок накладывался полосками или в виде точек из серебра или золота. В «Обзоре шотландского искусства» (1956) В.Рейд сообщает, что им зафиксировано только двадцать восемь образцов пистолетов, отделанных шпоном из панциря черепахи.

Правда, такая техника почти не применялась на саблях и ружьях. Известно только несколько прекрасных образцов охотничьих мечей, где использовалась данная техника. Первый находится в Музее Метрополитен в Нью-Йорке и представляет собой изделие, покрытое серебром с зажимом в форме раковины, украшенной охотничьей сценкой. Облицованная панцирем черепахи рукоятка покрыта серебряной сеткой и накладками с рисунками, напоминающими оформление немецких табакерок середины XVIII века. Обычно считают, что щедро украшенные завитками и сетчатым узором панели изготавливали в Неаполе, где с XVIII века эти изделия пользовались спросом приезжих.

В 1722 году для императора Карла VI изготовили великолепное охотничье ружье с кремневым замком. Хотя ствол и замок подписаны мадридским придворным оружейником Диего Вентурой, ствол покрыт кусочками панциря черепахи, золотыми накладками и рядом камней, скорее всего, сделанных неополитанским золотых дел мастером и ювелиром. В комплект к этому ружью, возможно, изготовленному в 1740 году, сегодня находящемуся в Музее искусств в Вене, входит кинжал с бронзовой позолоченной рукояткой, украшенной накладками из панциря черепахи, инкрустированными золотом (таблица 28).

В трех последних типах эфесов гарда, головка и спираль являлись своеобразным оформлением для орнаментальной центральной части, рукоятки. Если рукоятка изготавливалась из цельного куска металла, то вся ее поверхность отделялась одним сюжетом. Данная особенность свойственна большинству изделий XVIII века.

В 1727 году аугсбургский мастер Иоанн Яков Баумгартнер напечатал серию гравюр под общим заглавием «Новейшие охотничьи ножи и кинжалы». Рисунки Баумгартнера, мастеров предназначавшиеся для золотых и серебряных дел, представляли собой сложные шаблоны из переплетающихся орнаментов и листьев, виньетки из классических бюстов и охотничьих сценок.

Одним из первых представителей стиля рококо считается французский гравер Гюстав Мессонье (1693-1750), среди множества сделанных им листов с орнаментами встречается и образец рисунка, использованного для золотой сабли, изготовленной в честь женитьбы его короля. Более легко приспособлялись для отливок и вырезания рисунки Иеремии Ваксмута (1712-1779), другого аугсбургского мастера. Композиция представляет разнообразные варианты завитков, переплетающихся и закручивающихся в асимметричные спирали. По рисункам Ваксмута во Франции было изготовлено множество бронзовых позолоченных и серебряных рукояток, гард и отражателей для охотничьих мечей.

Ярким примером стиля рококо является кинжал, находящийся в Национальном музее в Мюнхене, который входит в группу декоративных мечей со спрятанными или прикрепленными к рукояткам часами. Так на бронзовой позолоченной рукоятке сабли имеются часы, подписанные «Бено Хубер 1619 Вена», установленные в центре гарды. Находящийся в Музее Метрополитен кинжал с серебряной рукояткой отделан витым орнаментом, выполненным четко и ясно.

Немецкие и датские серебряных дел мастера пытались подражать и другой аугсбургской школе с более ярко выраженными элементами рококо. Английские мастера серебряных дел предпочитали два типа эфесов. Первая представляет собой тяжелую, покрытую серебром рукоятку с огромным отражателем в форме раковины (таблица 26).

Изгиб чаши, составная головка и задняя полоска гарды накладываются, образуя овал. На чаше, головке, и гарде помещались литые или барельефные головы горгулий. Рукоятка в большинстве случаев изготавливалась из рога с желобками. На клинках имеются клейма второй четверти XVIII века.

Второй тип кинжала относится к более легкой конструкции. Две небольших гарды из перфорированных спиралей с близко расположенными завитками соединены цепью с головкой в форме головы льва или собаки. Рукоятка часто делалась из слоновой кости и красилась в зеленый цвет. В основном изделия датируются первой половиной века, известно, что они пользовались популярностью не только у охотников, но и у военных и морских офицеров.

Сделанные на континенте охотничьих сабли отличались большим разнообразием отлитых из бронзы рукояток, некоторые были весьма простыми по форме с накладками из раковины, другие имели головки и гарду в виде копыта животного, иногда на дуге прикреплялась сложная по форме фигурка, а на гарде вырезалась охотничья сценка. Прилагавшиеся в ножнах вилка и нож были достаточно стандартными.

Отметим одну весьма примечательную группу литых рукояток. Хотя по форме они явно европейского типа, рукоятки отделаны в китайском стиле, изготовлены из японского сплава меди и золота шакудо. Одно время считали, что их изготавливали в Тонкине, провинции Аннама, находившейся под китайским влиянием, но нет никаких документальных свидетельств, подтверждающих эту версию. Среди выполненных в той же манере рукояток для тростей, коробочек для табакерок иногда встречаются фигурки, одетые в японские одежды. Скорее всего, сам по себе сплав, из которого они изготовлены, относится к первоклассным японским изделиям. Правда, имеются некоторые сомнения, может быть, эти рукоятки были изготовлены под влиянием японской техники и предназначались для экспорта на европейский рынок. Косвенным свидетельством сказанному может быть тот факт, что они были изготовлены для Голландской Ост-индской компании на фабрике, находившейся в Дешиме в Японии.

В Музее Метрополитен в Нью-Йорке находятся три прекрасных образца кинжалов. Один из них полностью покрыт пейзажами и охотничьими сценками, выгравированными на позолоченной рифленой поверхности. У другой сабли интересна рукоятка в виде счастливого «драконьего зуба», вырезанного из бивня мамонта. Она дополняется белыми ножнами из шагреновой кожи. Другой кинжал с рукояткой из шакудо, находящийся в музее Виктории и Альберта, также имеет шагреновые ножны (таблица 16). В дрезденской оружейной палате хранится гарнитур из подвески, кинжала, и прогулочной трости, украшенных накладками из шакудо. Интересно также отметить, что кинжал очень похож на тот, что хранится в Нью-Йорке, не менее примечательно и его характеристика в дрезденской описи 1716 года, где он назван «малым московитским серебряным».

Еще один клинок из данной группы находится в Музее искусств в Вене, на его лезвии имеется надпись:

Любовь сладка и не горька
Когда она взаимна

Некоторые лондонские ножовщики XVII века находили, что выгравировать изысканный рисунок на меди и серебре гораздо легче и дешевле, чем пытаться нанести его на железную или стальную поверхность. Возможно поэтому число прекрасных сабель с железными рукоятками, изготовленными в XVIII веке, гораздо меньше тех, что изготовлены из более мягких металлов.

Кинжалы с рукоятками в технике шакудо являлись фактически жалкими подражаниями железным рукояткам с чеканкой и позолоченными задними частями, выпускавшимися великими мастерами оружейниками таких, например,

центров как Тула в России. Они проявили свое мастерство и в изготовлении разнообразной утвари для дома наподобие канделябров и столов, личных предметов в виде табакерок и сабель.

Другим центром считался Карлсбад. Побывавший там путешественник писал в 1768 году «о мастерах в Вейзе, изготавливавших прекрасные золотые накладки на охотничьих мечах, рукоятки для тростей и разные рабочие коробки для дам... Какое удовольствие получаешь, посещая множество мастеров, работающих в Вейзе с бронзой, сплавом олова со свинцом, сталью, а также видеть, что по мастерству карлсбадские мастера не только равны большинству английских, но даже и превосходят их».

Согласимся с тем, что английские мастера были весьма искусны в своем деле, однако до нас дошло только несколько превосходных охотничьих сабель второй половины XVIII века со стальными рукоятками. Мастера во Франции и Германии также создавали великолепные образцы рукояток. Обычно она была плоской пистолетной формы или цилиндрической, расширяющейся к головке. Гарды были короткими, приземистыми и направленными вниз. Стальные рукоятки данного типа часто украшались чернью или золотились, имели несколько медальонов с портретами или декоративные овальные накладки, наложенные поверх покрывавших всю поверхность геометрических узоров.

Не менее распространены были и металлические полоски, наложенные на хват. Так охотничья сабля, дарованная королем Фердинандом Неапольским Густаву III Шведскому в 1784 году и сегодня находящаяся в Ливрусткаммере в Стокгольме, представляет собой выдающийся образец этой группы.

Следует включить в обзор и охотничьи сабли XVIII века, которые нельзя рассматривать только как детали костюма. Несмотря на то, что их рукоятки были достаточно слабыми, клинки практически всегда оказывались отменного качества. Так на картине Дж.П.Хоремана, где изображена придворная охота из Охотничьего зала в Аммалиенсбурге под Мюнхеном изображены конные охотники в великолепной голубой форме, разделяющие кабана своими кинжалами.

В описании медвежьей охоты, устроенной королем Фридрихом I Шведским в 1737 году в окрестностях Шонберга, рассказывается, как гигантский медведь задрал пятерых или шестерых его людей и отчаявшийся король «повелел, чтобы все собаки, которые имелись в распоряжении охотников, числом около шестидесяти, были выпущены на него, что и было вскоре сделано. Медведь тотчас убил шесть или семь собак, но был затем побежден остальными. Так что и сам король не смог нанести ему удара своим кинжалом, что положило бы конец не только его жизни, но его неистовости и свирепости». Чтобы вступить в подобную стычку, охотнику нужна была не только отвага, но и прочный клинок.

Охотничьи клинки

В начале XVIII века сабельных дел мастера из Золингера практически стали монополистами, поставившими лезвия почти для всех изготовителей рукояток в Европе. В соответствии с потребностями покупателей они производили изделия практически любой формы и величины. Лезвия отличались в длину, составляя от 18 до 30 дюймов. Некоторые были прямыми, другие закругленными, но все они редко доходили до величины сабли. Большинство оказывались черненными, наиболее практичные образцы имели зазубренные края. Количество, глубина и длина желобов различались в каждом изделии.

Обычно изготовители клинков оставляли свои отметки или писали имена, но встречаются и множество фиктивных надписей. Скорее всего, они просто отпечатывались на лезвиях, причем вид штампа зависел от прихоти

покупателя. Во многих странах некоторые марки, например, изображение бегущего волка, рассматривались как гарантия качества лезвия. Во время сражений и охоты от клинка требовалась гарантия прочности.

Сабля должна была обладать и мистическими свойствами, позволявшими пронзать больших оленей и совершать великие подвиги, или хотя бы приносить удачу. С этой целью на саблю на многие лезвия сабель наносились магические знаки или числа (рисунок 14). Их можно определить как стандартные астрологические символы. Так один комплект был специально сконструирован как «талисман, чтобы заставить влюбиться и отгонять все дурные помыслы врагов».

На других изделиях имеются каббалистические знаки, известные только владельцу или тому чародею, кто продал заговор. На лезвиях XVII-XVIII веков часто штампуются цифры 1414, которые трактуются различным образом. Как сочетание счастливого числа семь или как дата смерти божьего героя Яна Гуса. К сожалению, другие подборки чисел типа 1441, 1506 и 1515 годов, которые также используются, не поддаются никакому логическому объяснению.

Большинство магических знаков, встречающихся на охотничьих саблях, относятся к изделиям, происходящим из Германии или первоначально использовавшимся именно в Германии. Обычно охотничьи сабли определяются по выгравированным на них охотничьим сценкам и соответствующим девизам. Во второй половине XVIII века отделка на саблях часто ограничивалась лентой пересекающегося орнамента с небольшими веточками листвы или изображениями военных трофеев.

В музее Виктории и Альберта находится книга образцов, скорее всего, выполненных английским художником Робертом Уилсоном. В ней содержится порядка сотни рисунков для сабель. К тому времени сложился обычай создания универсальных изделий, поэтому в таких общепризнанных центрах по изготовлению клинков, как Золинген, Клингенталь, Бирмингем часто рукоятка оставалась неотделанной. Отделка завершалась после приобретения изделия по желанию заказчика. Обычно выгравировывая узоры французские и немецкие мастера помещали свои имена на кликах, а английские ножовщики гравировали их на задней стороне верхнего медальона футляра.

Распространение в XVIII веке оружия с колесцовым замком и небольших пистолетов с кремневым замком побудило оружейников создать комбинацию из пистолетов и клинкового оружия.

Из множества разновидностей сабель чаще всего такой тандем представлен в виде кинжала и пистолета. На некоторых из них ствол пистолета прикреплялся к одной из сторон лезвия, а затворный механизм аккуратно устанавливался на рукоятку, так чтобы он не соприкасался с хватом (таблица 38). Только два пистолета данного времени не имеют такой конструкции. Такая двойная конструкция требовала разработки подходящих ножен, способных обеспечивать должную защиту и не выглядевших слишком громоздкими, что являлось определенной проблемой. Поскольку у многих не оказывалось подходящих хватов, некоторые мастера оружейники просто прикрепляли пистолет к лезвию кинжала. В результате получалось нескладное оружие, с помощью которого можно было только нанести грубый режущий удар.

Охотничьи сабли XIX века

В начале XIX века Наполеоновские войны вызвали временный перерыв в производстве прекрасных охотничьих сабель. Сам Наполеон учредил мастерские по производству представительского оружия на Государственной военной фабрике в Версале. Здесь возродили великолепие Римской империи, проявившееся в

убранстве сабель, что были изготовлены для трех консулов главным мастером Николя Ноэлем Буте. Правда, изготовивший до этого несколько превосходных охотничьих ручей, Буте не смог подняться до таких же высот в создании каких-либо охотничьих сабель.

Под патронажем Наполеона появилась и другая фабрика, находившаяся в Клингентале в Эльзасе. В 1792 году ее назвали «Фабрикой по производству парадного оружия для войны», в 1805 году ее посетил Жозеф Бонапарт. Затем фабрикой управлял подрядчик Жюльен Куло. После реставрации семья Куло основала компанию и наряду с другими европейскими производствами перешла на изготовление прекрасных охотничьих сабель. Они ввели рукоятки из рога оленя, сохранявшие природную грубую поверхность, на которой гравировались барельефы с охотничьими сценами, фон подкрашивался таким образом, что фигурки выступали необычайно четко. Предприниматели также возвратили гарды XVII века, изготовленные из рога с вырезанными из кости животными.

Точно такие же рукоятки изготавливали и в фирме Вейерсберга из Золингена. Фактически немецкие и французские фирмы попытались возродить практически все старые стили декорирования охотничьих сабель. Так, например, у сабли, находящейся в «коллекции Уоллеса» имеется рукоятка из отделанной стали, которую можно считать подлинным шедевром XVIII века.

Ножны из слоновой кости покрыты сложной рельефной композицией, повторяющей старую саксонскую тему с борзыми, загоняющими диких животных. На лезвии выгравированы узоры, явно свидетельствующие о работе XIX века. Ножны вполне могут представлять собой работу одной из Дьепских семей резчиков по кости, которые сохранили традиции своего мастерства и специализировались на имитации стиля XVI- XVII веков.

Когда дело дошло для разработки специальных сабель, предназначенных для презентаций или выставок, то разработчики сабель как бы сняли все ограничения. На французской охотничьей сабле, подаренной Наполеоном III маркизу Хертфорду примерно в 1860 году и сегодня находящейся в Коллекции Уоллеса, рукоятка выполнена из серебра в виде фигурки американского индейца, борющегося с горным львом, у его ног лежит второй лев, пронзенный стрелой. Ножны выполнены из окисленного серебра в пару эфесом.

На Международной выставке, проводившейся в Лондоне, Париже и Берлине во второй половине XIX века, показали изделия с придумками викторианской эпохи. В 1851 году на Лондонской выставке представили серебряную охотничью саблю, изготовленную Маррелем Фрером из Парижа, с литым эфесом, украшенным изображениями персонажей легенды о Святом Губерте, а также другими символами охоты. Она вызвала всеобщее восхищение и была приобретена для постоянной экспозиции за сумму в 200 фунтов.

В викторианский период изготовители сабель давали разгуляться своей фантазии. Появление доступных и надежных небольших пистонных пистолетов побудило изобретателей изготавливать причудливые сочетания из сабли и огнестрельного оружия.

Хотя основная часть изделий направлялась прямо на военный рынок, но охотничьему кинжалу было суждено претерпеть многочисленные усовершенствования. В 1840 году Джозеф Селестен Дюмонтье из Парижа оформил французский патент за номером 11875 и зарегистрировал «нож для охоты с пистолетом». Выданный в Англии В.Дэвису патент признавал его автором сабли, оснащенной револьвером под патрон Боксера, ножны были с шарнирным устройством, чтобы можно было поместить ружейный ствол.

Современные охотничьи сабли

Внедрение массового производства не проявилось на фабриках по изготовлению сабель так же, как и в других областях. Они по-прежнему стремились следовать традиционным методикам и индивидуальным образцам, в каталогах таких фирм как Карл Эйкхорн из Золингена приводятся многочисленные образцы охотничьих сабель, доступных и широкой публике. Отмечаются две базовые группы, одна с защитой для пальцев и другая без. Манера отделки менялась в соответствии с местом изготовления в одной из земель Германии – Баварии, Саксонии, Гессена, Брауншвейга. Изделия различались по качеству, отделка соответствовала статусу и той сумме, которую мог выложить будущий хозяин. Следует отметить Охотничий кинжал Эйкхорна 1908 года, во много сходный с английским кинжалом XVII века (рисунок 16).

Приход нацистов к власти стал огромным стимулом для ношения церемониальных сабель и кинжалов, что необычно вдохновило изготовителей сабель из Золингенского района. Выделение охотничьих сабель и кинжалов произошло благодаря необычайному интересу к охоте Германа Геринга. Среди множества других титулов он носил звание Рейхсегермейстера. Под его началом находились Национальная лесная служба и Национальная охотничья ассоциация. Именно по его инициативе в 1937 году в Берлине прошла большая международная Охотничья выставка. Страстно любивший помпезность и украшательство, Геринг лично разработал фасоны многих церемониальных изделий, которые носили члены обеих ассоциаций.

Основное различие между саблями двух организаций оказалось то, что чиновники Национальной лесной службы имели сабли с чашей, а у чиновников Национальной охотничьей ассоциации стандартные сабли имели лишь небольшие гарды в виде копыт животных. На рукоятках «лесников» имелись заклепки в виде желудя, национальный орел и знак свастики, оправа имела золоченую окраску. Ножны изготавливались из черной кожи.

Эфесы кинжалов «охотников» имели только эмблему общества из серебряной головки оленя и свастику. Подложка отделялась серебром, и цвет самых ножен был зеленым. Младшие члены обеих организаций отличались по захватам из слоновой кости или белого пластика, а не стандартным захватам из рога оленя.

Естественно, что каждый производитель представлял свои версии основных вариантов, встречается множество специальных презентационных моделей сабель и полуофициального оружия. Все лезвия гравировались общим сюжетом, представляющим собой различные охотничьи сценки. Обязательным единственным приспособлением оказывался правосторонний захват, изготавливавшийся из слоновой кости или рога оленя, его следовало отделять в соответствии с рангом его владельца.

Неясно, станет ли когда-либо производиться такое множество охотничьих сабель в одном месте, но золингенские кузнецы продолжают торговать своими изделиями, и именно в Германии сегодня производится основная масса охотничьих сабель.

Восточные сабли

В отличие от европейских изделий у нас нет документальных свидетельств того, что восточные сабли разрабатывались только для охоты. Так на японских оттисках охоты на кабана и оленя можно увидеть охотников с традиционным самурайским мечом. Обычно для охоты использовали рубящие

сабли или ножи для джунглей, типа дао из Ассамы или малайского паранга. На персидских и индийских иллюстрациях представлены в основном самые распространенные восточные сабли, изогнутый talwar (тальвар) и shamsbir (шамшир). Лезвия последних украшены изображениями животных или охотничьими сценами, отчего и сабли именуются охотничьими (shamsbir shikergar), но на самом деле они ничем не отличаются от остальных изделий.

Восточные изготовители сабель особенно гордились качеством своих клинков. Если судить по индийским и персидским изображениям, то охотники великолепно с ними обращаются, изображено, как они наклоняются с седла, чтобы нанести сильные резкие удары, которые почти пополам рассекали животных. На портрете Умеда Сингха, бундского раджи из Северной Индии (1749-около 1773), хранящемся в Музее Виктории и Альберта (554-1952) он изображен верхом на лошади, разрубающим глотку гигантского медведя своим тальваром, до этого он неудачно нападал на него с луком и стрелами. Отметим и другое бундское изображение примерно 1820 года, на котором изображена охотница, придворная дама, ударяющая тигра тальваром с широким лезвием.

В 1840 году английский чиновник в Индии писал:

«У сикхов встречается любопытный обычай ловли диких свиней, с которым мне не доводилось встречаться ни в одной другой части Индии. Они изготавливают нечто вроде западни из прочных прутьев, и, спугнув боровов и заставив их бежать, обычно ловят прекрасные экземпляры. Когда же, разъяренные, не видя ничего, они устремляются из этих ловушек, к ним приближается охотник, которому достаточно нанести всего лишь один удар саблей, чтобы покончить с боровом».

К восточным рукояткам часто приделывались европейские лезвия, существовала достаточно динамичная торговля между золингенскими кузнецами и колониальными рынками. Вот что говорит преподобный Дж.Г.Вуд о сабле хамранских арабов:

«Она прямая, с двойным лезвием, оснащена перекрестной рукояткой, наподобие тех, что были у древних крестоносцев, откуда пришла эта традиция. Лезвия европейского происхождения, арабы считаются истинными знатоками стали, цена хороший клинок превышает всего остального. Обычно они доводят лезвия до остроты бритвы, и доказывают это, бреясь саблями...»

Длина лезвия составляет три фута, рукоятка примерно длиной в шесть дюймов, так что оружие выглядит очень внушительно. Если сильно ударить то его острым лезвием можно перерубить человека пополам... Вооружившись только саблей эти царственные охотники нападают на любую дичь и весьма хладнокровно атакуют слона, носорога, жирафа, льва или антилопы.

Обычно на слона нападали два вооруженных охотника, один заманивал, гарцуя перед слоном, второй нападал из засады, наносил колющий удар по передней ноге животного, обездвиживая его.

Во время охоты в Абиссинии с арабами сэръ Самуэль Бейкер одолжил покрытую серебром семейную саблю у возглавлявшего экспедицию Тахира Нура, который попросил его обращаться с саблей аккуратно и не наносить ею удары по камню. Когда на него неожиданно напал молодой носорог, Бейкер «нанес подобный молнии направленный вниз удар с помощью любимой сабли Тахира Нура. Молодой носорог упал замертво как подкошенный. Все арабы подбежали. Тахир Нур аккуратно вынул саблю из моей руки, вытянул ее во всю длину и осмотрел края, затем вытер кровь о тело носорога. Чтобы доказать, чтобы его оружие безукоризненно, он сбрил несколько волосков со своей обнаженной руки. С облегчением вздохнув, он воскликнул: «Аллах велик!» и вновь поместил саблю в ножны».

Бейкер обнаружил, что сабля перерубила позвоночник или шею объемом до пятнадцати дюймов, причем голова продолжала висеть на тоненькой полоске кожи.

Глава вторая

Ножи и штыки

Характерной особенностью большинства бронзовых критских кинжалов XVI-XVII веков считаются охотничьи сценки, выгравированные или нанесенные на лезвие посредством интарсии золотом или серебром. Однако не следует придавать этому слишком большое значение. Дело в том, что мастера часто пользовались уже готовыми изделиями для своих собственных работ. Так известное лезвие, украшенное изображением охоты на львов, найденное в Микенах (шахтная могила IV), сегодня хранящееся в Национальном музее в Афинах, возможно, принадлежало церемониальному кинжалу. Сам же плоский бронзовый кинжал, безусловно, составлял часть охотничьего вооружения минойской культуры. Оно представляет собой защитное колющее оружие, подходившее как для развлечения (охоты), так и для битв (войны). В доисторическое или классическое время еще не появились ни ножи, ни кинжалы, специально предназначавшиеся для охоты.

Скрамасакс

Предком средневекового охотничьего ножа, использующегося и сегодня, считается скрамасакс, длинный универсальный нож, бытовавший в северной Европе примерно по крайней мере с VIII века до н.э. Его прочный однолезвийный клинок треугольного сечения позволял легко наносить не только колющие, но и режущие удары.

Лезвие прекрасно защищало его владельца и от людей, и от зверей, им можно было не только убить зверя, но и освежевать его, расчленять дичь или срубить дерево. В случае необходимости ножом пользовались и для еды. Тупой обух ножа шел параллельно лезвию, образуя в нижней части острие. Длина лезвия варьировалась от нескольких дюймов до размеров короткой сабли, на некоторых прекрасных образцах выгравированы надписи или геометрические узоры.

В качестве примера можно привести небольшую по величине саблю примерно 900-1000 года, хранящуюся в Британском музее, на которой надписано имя изготовителя Biorhtelm (Биорхелм) и владельца Sigebereht (Зигиберехт). Со своим косым концом, медными и серебряными накладками оно удивительным образом напоминает сингальский кинжал-нож XVII-XVIII века (piha-ketta). Загнутый хвостовик скрамасакса вставлялся в деревянный рог или рукоятку из кости и имел металлическую головку, обычно у него не было гарды.

У некоторых скрамасаксов лезвия слегка вогнуты с небольшим вырезом в конце и имели также углубленные в клинок желобки или пазы вдоль краев. Хотя, у них отсутствовал соответствующий ложный край, все же они удивительно походили на длинный охотничий нож XIX века. Ряд таких скрамасаксов обнаружили в погребениях VII-VIII веков в Нидершторцингере в Германии.

Лучше других сохранился образец так называемого Охотничьего ножа Шарлеманя, хранящийся в Кафедральном соборе Аахена, ножны которого надписаны *Burhsige me fecit* (меня сделал Бирхсиг) (рисунок 17). Сделанный с задней части надкос стал отличительной особенностью изделий, изготавливавшихся вплоть до XV века. С такой разновидностью лезвий мы

встречается, например, в алтарных изображениях XV века, имеющих в Северной Германии и Скандинавии.

Правда, к тому времени начали развиваться и другие разновидности ножей со своими особенностями рукояток. У некоторых появляются сферические гарды и обоюдоострые лезвия, в основном они применялись как поясное оружие. Другие же формы, использовавшиеся гражданскими лицами, были более удобны для защиты, чем для хозяйственного применения.

Хозяйственные ножи

В конце Средних Веков наиболее распространенной формой гражданских кинжалов по-прежнему оставались однолезвийные кинжалы, использовавшиеся в качестве оружия и для домашних надобностей. Лезвия скрамасаксов стали шире и тоньше, конец закруглялся к обуху. В большинстве случаев остроконечный хвостовик скрамасакса заменялся плоской рейкой, к которой приклепывались две пластинки подходящего материала (из кости или дерева), образуя рукоятку. Такую форму ножа можно увидеть на изображении магазина торговца ножевыми изделиями из рукописи 1476 года, хранящейся в Городской библиотеке в Нюрнберге.

Особое значение придавалось рубящим и проникающим способностям ножа, поэтому и от рукоятки требовалась поддержка удара. Когда приделывалась головка, то она часто делалась асимметричной с выступом на конце, защищая пальцы от соскальзывания с захвата во время работы. Пальцы также отчасти защищала небольшая гарда, выступающая с боковой стороны рукоятки. Опираясь на нее можно было увеличить давление на нож. К данной гарде также часто приделывали небольшой диск. Он становился частью гарды и прикрывал малые ножи, находившиеся в ножнах. Концы гарды слегка отгибались вверх, к концу рукоятки. Трудно сказать, какое это имело значение, скорее всего чисто декоративное, но традиция сохранялась, отделка такого типа продолжала появляться на охотничьих ножах вплоть до конца XVIII века.

Типичные ножи-кинжалы конца XV и начала XVI века можно увидеть и на гравюрах Альбрехта Дюрера («Повар и его жена, Три крестьянина», около 1495) и Урса Графа («Танцующая крестьянская пара», 1525). Похожими характеристиками обладают и ножи у охотников на гобелене, известном как «Охота Максимилиана», вытканном примерно в 1525 году, сегодня хранящемся в Лувре в Париже. Ножны всех ножей дополнены меньшими по форме футлярами для столовых предметов.

На поясах у охотников на серн и каменных козлов с гравюры Г.Бургмайера «Триумф Максимилиана» висят дополнительные футляры, позволяющие хранить специальные лезвия для дротиков. Такие ножи – кинжалы использовались как крестьянами в его повседневной жизни, так и охотниками, преследовавшими животных. Доказательство сказанному можно найти в некоторых немецких и шведских документах XVI века. Сегодня обычно их называют Hauswehr (рисунок 18).

Шотландские кинжалы и ножи для снятия шкуры.

В имеющейся литературе об охотничьих ножах, особенно английской, употребляется множество разных терминов, что порождает определенную путаницу, особенно при обозначении отдельных

разновидностей. Впервые охотничьи ножи упоминаются в 1386 году, когда лондонских золотых дел мастер Джон Боттшам поставил Ричарду III позолоченную саблю и «нож, чтобы использовать на охоте» за 25 фунтов 17 шиллингов и 4 пенса.

Обширную информацию об оружии содержит опись арсенала Генриха VIII и его гардероба, в который входило множество разных ножей. Безусловно, к охотничьим ножам можно отнести тот, о котором говорится следующее: «короткий нож для охоты с рукояткой из черного рога и черненой крестовиной в ножнах с кожаной перевязью». Сложнее понять, что подразумевалось под обозначением разнообразные «ножи для охоты»: мечи, ножи или резак.

Некоторые ножи обозначаются как «ножи для охоты, типа скейнов», другие как «кривой нож с золотыми накладками». Третьи ножи просто называются «скейнами», и упоминаются вместе с одним или двумя меньшими по размеру ножами и шилом. Скорее всего, такая разновидность ножа имеет ирландское происхождение.

В 1592 году в пьесе «Солиман и Персида», приписываемой Томасу Киду, появились такие строчки:

Выйдя против ирландцев быстрых,
Своим кинжалом отразил удар их скейнов

В завещании, Джона Бедсворта, ректора Лакстона, составленном в феврале 1472/1473 года, указан «басселард или ирландский скейн, украшенный золотом и серебром». Название «басселард» позволяет предположить, что по длине скейн напоминал короткий меч, а не нож. О том же свидетельствует и более поздние описания. В 1646 году длина скейна была обозначена в «один локоть», что приблизительно составляло 1 фут и 6 дюймов (ок.45 см). В 1607 году за 2 фунта 10 шиллингов лондонский ножовщик Роберт Саут изготовил для Иакова I прекрасно отделанный скейн для охоты «с серебряной рукояткой, украшенной позолотой и бирюзой».

Сегодня скейн (гаэльское *sgian dubh*) используется для обозначения небольшого ножа, который шотландцы носили в носках. Полагают, что раньше такое небольшое оружие носили подмышкой. Шотландским эквивалентом длинного ирландского скейна считался дирк - длинный кинжал с прямым лезвием. Одно из первых упоминаний о таком ноже-кинжале содержится в дворовой книге Абердинского шерифа 1597 года, где указан «дирк или длинный кинжал». Ричард Джеймс (1592-1638) описывает дирк как «длинный нож, с широким обухом и острым лезвием», т.е. как кинжал с односторонним лезвием.

Скорее всего речь идет о местной разновидности охотничьего ножа, известного в северной Европе уже в начале XIV века. Чопорные европейские антиквары XIX века называли его киндалом из-за резной гарды с двумя закругленными долями и фаллообразным захватом. Он оказался самым популярным оружием, носившимся как гражданскими лицами, так и военными. Прекрасный образец можно отчетливо разглядеть на поясе крестьянина на картине Распятия (одна из Страстей Христовых) из алтаря 1429 года францисканской церкви в Бамберге, сегодня хранящемся в Национальном музее в Мюнхене.

В своем завещании, датированном февралем 1437/1448 года горожанин и торговец мануфактурным товаром из Йорка оставляет своему сыну Ричарду «один дирк, охотничий нож». Ткач из того же города Джон Падси в 1442 году упоминает свой «дирк». На портрете Волдемара Аттендага, находящемся в Церкви святого Питера в Нестведе, Дания, примерно 1375

года, он изображен в доспехах с саблей и кинжалом. Такая же разновидность кинжала представлена и на нескольких английских мемориальных латунных дощечках с изображениями вооруженных людей (например, сэра Томаса Брукса, 1529 года, Гобхэм, Кент) и на некоторых скульптурных портретах рыцарей (Джона Фитзейлена, 1434, Арандель, Суссекс; Питера де Грандисона, умер в 1358 году, Херефордский собор).

Хотя большинство охотничьих ножей было однолезвийными с прямыми обухами, все же они были слишком узкими, чтобы эффективно использоваться как в виде рубящих ножей, так и кинжалов. Правда, нет правил без исключений. На рисунке Иеронима Босха «Блудный сын» примерно 1490 года, хранящейся в музее Бейнингена ван Боймана в Ростердаме, изображен охотничий нож с широким рубящим лезвием.

На многих ножах вся поверхность ручки была покрыта резьбой, а вместо круглой головки к хвостовику припаивалась плоская накладка или металлический диск. С такой разновидностью ножа в ножнах с небольшим меньшим по форме ножом мы встречаемся на иллюстрации начала XV века из австрийского перевода «Путешествия сэра Джона Мандевила». На картине XV века «Охота герцога Бургундского», хранящегося в Музее Версаля, изображены приятели Филиппа Доброго, герцога Бургундского (1419-1467), все они носят у пояса охотничьи ножи.

О древнем происхождении этого типа ножа свидетельствует бронзовый кинжал с почти идентичной рукояткой, хранящийся в национальном музее в Копенгагене. Он представляет собой образец хорошо известной группы коротких мечей и ножей Бронзового века, которые обнаружили в Скандинавии и Северной Германии. Именно из этой группы ножей, как считают некоторые, и происходит баллок - длинный шотландский кинжал с прямым лезвием.

Хотя первые шотландские кинжалы имеют гарду с типичными закругленными долями, во второй половине XVII века их начали делать расплюснутыми, по бокам сделаны параллельные линии, соответственно расширяющиеся при основании. Таким образом захват потерял всякое сходство с фаллосом, и плоская головка изменилась по величине.

Баллок нередко изготавливали из бракованных широких лезвий, они оказывались достаточно прочными и могли использоваться как кинжалы для сражений и для охоты. Несколько шотландских кинжалов XVII века сделаны с пилообразными задниками, прикрепленными к лезвиям. Такая форма получила распространение в XVIII веке, тогда задник шотландского кинжала обычно зазубривался и отделялся желобками, захват филигранно гравировался кельтскими знаками.

Французский путешественник, побывавший в Шотландии в 1799 году, пишет, что на рукоятке шотландского кинжала как «элегантно и с большим вкусом переплелись стебли и грозди, переходящие и находящие друг на друга». В большинстве ножен прилегающие к кинжалу нож и вилка помещались один над другим. С первой четверти XIX века шотландский кинжал постепенно превращается в составляющую костюма, захват гравировался изображениями чертополоха или вставками из дымчатого топаза или желтого кварца, в качестве украшения использовалось и цветное стекло. Для изготовления ножей продолжали использовать клинки старинных мечей, а многие прямые, но вполне пригодные клинки просто использовались слугами в качестве охотничьих ножей.

Охотничий комплект

Английский баллок, ирландский скейн и шотландский дирк использовались именно для охоты, нам же интересен, прежде всего, наиболее распространенный тип такого ножа – хозяйственный нож или *hauswern* и большие охотничьи комплекты, которые были обусловлены его появлением. На иллюстрациях XV века этот нож всегда присутствует вместе с двумя или тремя вспомогательными ножами. Однако в XVI веке их количество нередко увеличивалось. Сохранившиеся экземпляры существенно различаются по размерам, от простых, с накладками из железа и захватами из рога оленя, до высокохудожественных изделий, свидетельствующих о мастерстве ножовщиков и золотых дел мастеров.

Упомянем серебряный декоративный охотничий нож Иоганна Фредерика, герцога Штеттин-Померании, сегодня хранящийся в Государственном историческом музее в Дрездене. Его изготовили примерно в 1590 году, на нем имеется отметка штеттинского золотых дел мастера Эгидиуса Бланке. Клинок двусторонний с параллельными сторонами, что позволяет использовать его и как кинжал и как тяжелый нож. В ножнах находится четыре маленьких ножа.

Отметим также серебряный разукрашенный охотничий нож герцога Генриха Святого, указанный в Описи дрезденского арсенала 1567 года, до настоящего времени там и хранящийся, в его ножнах располагается пять небольших ножей. У его клинка широкий тупой задник. Такой образец охотничьего ножа, во многом напоминает резак мясника. В XVI веке его носили в кожаных ножнах и дополняли множеством разнообразных приспособлений, размещавшихся в них.

Подобные наборы ножей для путешественников вовсе не были новинкой в охотничьей области. Уже в начале 1380 года в Описи Карла V французского встречается набор из двух ножей, шила и пары щипцов, которые следовало носить на серебряной цепочке во время езды по лесу вместе с кошельком. В описи герцогов Бургундских, сделанной в 1420 году, упоминается большой немецкий нож, к которому прилагались шесть меньших по форме, напильник, шило и пинцеты.

В конце XV века складываются два основных типа комплектов для охоты. Первый состоял из наборов ножей для отрезания и подачи приготовленного мяса. Они представляют собой более изысканную версию наборов XIV века, которые состояли только из пары огромных ножей мясников, размещавшихся в специальных футлярах на кожаных ножнах. Рукоятки делались плоскими, чтобы уменьшить их вес.

Сохранилось несколько очень красивых комплектов, отметим пару ножей изготовленных около 1355 года, хранящихся в Вене (таблица 54), а также серебряную и покрытую эмалью пару, находящуюся в Британском музее, изготовленную для Иоанна Смелого, герцога Бургундского между 1385 и 1404 годами.

В 1496 году королевский ножовщик Ганс Самерспергер из Галле, что в Тироле изготовил для Максимилиана I великолепный набор ножей, сегодня он хранится в Штифт Кремсмюнстере. Набор состоит из двух тяжелых однолезвийных ножей, большой предназначался для разрубания костей и сухожилий, меньший - для снятия шкуры с животного и разрезания мяса, столового ножа и большого ножа с тонким лезвием в форме языка (таблица 55).

Последний известен как «охотничий лист» или «приспособление для подачи» (поскольку использовался для отрезания и подачи поджаренного мяса). Об использовании одного из таких наборов говорится в описании домашней утвари герцога Бургундского 1474 года:

«Слуга должен был нарезать и разложить на столе хлеб, затем он должен был вынуть ножи из футляра и разместить два больших ножа (при этом кротко поцеловать их) перед тем местом, где должен был сесть принц; повернув острие по направлению к принцу и прикрыв их материей. Затем он должен был положить маленький нож рукояткой к месту принца по той причине, что большие ножи предполагалось использовать обслуживающим трапезу дворянам, таким образом, все лезвия оказывались повернутыми по направлению к принцу, а маленький нож отвернут в противоположную сторону, поскольку им должен был пользоваться сам принц. После этого стремянной должен был отрезать мясо, положить на свой нож и предложить принцу».

На гравюре Михаэля Вольдемунга из «Сокровищницы» (Нюрнберг, 1491) изображена именно такая сценка.

Однако самая распространенная разновидность набора, который использовался вместе с прочным рубящим ножом, состояла из столового ножа и вилки. Изящное трио такого типа примерно 1600 – 1610 годов находится в Музее изящных искусств в Вене. Его сделали для императора Рудольфа II, в нем были агатовые рукоятки. Похожий набор, датируемый 1619 годом, находится в музее Банф в Шотландии. Подбирая более точный термин, Чарльз Берд называет его «trousseau de diner» (обеденный набор). Рукоятки данного набора украшены янтарем. Другой комплект с янтарными рукоятками (Bernstein-Besteck) имеется в Музее истории искусств в Вене, он состоит из ножа для подачи, режущего ножа и вилки, сюда же входит целый ряд других ножей и инструментов.

Вторая группа охотничьих ножей предназначена для добывания и разделки животных. Как уже отмечалось по поводу кортиков, английские дворяне, не желавшие заниматься этой грязной работой, предпочитали отдавать ее на милость своих охотников, оставляя себе только церемониальную часть.

На гравюре в книге Джорджа Тюрбервиля «Благородное искусство Псовой охоты» (1575) изображена королева Елизавета, которой лесничий протягивает острый нож, чтобы она сделала первый разрез на туше только что загнанного оленя (рисунок 20). Однако на континенте охотник благородного происхождения обычно был вооружен большим охотничьим мечом, а в ножнах к нему носил тяжелый разделочный нож, не говоря уже о хранившихся там же инструментах и столовых приборах. Отделанный точно также как и сабля, резак в Германии именовался «охотничьим». Один из первых подобных ансамблей, включающий меч и соответствующий нож, сделанный около 1520 года, хранится в Дрездене.

С именем императора Максимилиана обычно связывают особый тип меча с мозаичным захватом и асимметричной головкой, широкой прямой гардой и длинным односторонним лезвием. Интересно заметить, что в Описи 1671 года этот меч упоминается как двуручный. К нему прилагаются набор в виде ножа с односторонней гардой, тяжелым режущим лезвием и подбор меньших по форме ножей, оснащенных похожим захватом и головкой.

Комплект, названный в Дрезденской Описи 1668 года охотничьим, можно увидеть на портретах князей и их свиты, выполненных Л. Кранахом Старшим в 1544 и 1545 годах, где изображена охота на оленя. Младший

Кранах соответственно изобразил на своей картине 1551 г., хранящейся в Дрезденской галерее, спящего Геркулеса и гномов.

Представление о практическом использовании этих комплектов позволяют получить иллюстрации из «Кобургской Хроники», серии из двадцати одной охотничьей картинке, нарисованной Вольфом Пиркнером для герцога Иоганна Казимира Сакс-Кобурга (1564-1633). Здесь изображается двадцать одна оленья туша, в различной степени разделки, расчленения и снятия шкуры.

В главе первой уже говорилось о знаменитых изумрудном и бирюзовом охотничьих комплектах, хранящихся в Дрездене, и состоявших из мечей и ножей. На миниатюрном портрете Иоганна Георга I работы Даниэля Бретшнейдера, датированном 1647 годом, хранящимся в национальной библиотеке в Дрездене, можно увидеть принадлежавший ему простой меч. Другая версия той же самой миниатюры находится в коллекции Кречмара фон Кинбуша в Нью-Йорке.

На этих портретах принц одет в охотничий костюм, слева носит свой длинный меч и нож справа. Виден поясной ремень, на котором находится круглая фляжка для пороха. В коллекции Кинбуша также есть меч и нож, похожие на те, что мы встречаем на миниатюрах, только с инициалами, датировка 1662 годом свидетельствует о том, что он принадлежал эрцгерцогу Иоганну Георгу II, наследнику предыдущего.

Из той же самой мастерской происходит гарнитур, хранящийся в Лондонской оружейной башне (таблица 10). На мече и ножах имеются захваты из рога оленя, железные накладки украшены охотничьими сценками. Перед нами тяжелое практическое оружие. Такой же нож находится в коллекции Скотта (музей Глазго). Металлический прибор ножен украшен резными панелями с изображением гербов Саксонии и Брабанта, лежащего оленя и охотника со своей собакой.

Большие ножи с рукоятками из оленьего рога в окованных железом ножнах весьма характерны для немецкого охотничьего снаряжения, изготавливавшегося в XVII веке. На охотничьих сценках, вытканых на гобеленах по рисункам Питера Кандида (1548-1628), хранящихся в Национальном баварском музее в Мюнхене изображено, как их конкретно использовали (рисунок 21).

На натюрморте Корнелиуса Гийсбрехта 1611 года, хранящемся в Розенборге изображен другой тип набора, состоящий из двух охотничьих рогов и кинжала. Такой набор, изготовленный около 1630 года и принадлежавший принцу Кристиану Датскому, и сегодня можно увидеть в Розенборге. Там же хранится более легкий и декоративный охотничий меч с ножом из королевского комплекта. Рукоятки основного оружия имеют агатовые захваты серого и красного цвета с накладками из серебра и золота. В ножнах меча и резака располагались небольшие ножи с одинаковыми рукоятками.

Хотя местные мастера из Копенгагена могли производить подобные прекрасные изделия, времена делают попытки приписать изысканную работу золотых дел мастеров на ножнах некоему неизвестному парижскому ювелиру, которого посетил Кристиан V Датский в 1662-1663 году. Отметим также, что модные рисунки быстро распространялись из одной страны в другую, поэтому сложно выделить отдельные стилевые особенности конкретной области. Трудно проследить и эволюцию развития конкретных декоративных узоров.

Лезвия ножей варьируются от длинных, узких остроконечных (как, например, нож, хранящийся в коллекции Одескальчи, в Риме, изображенный

на таблица53) до широкого, с квадратным по форме концом, изготовленного в XVII веке и сегодня находящегося в музее Каподимонте в Неаполе.

Похоже, что асимметричные головки и пестрые захваты комплектов скопированы с рисунков XVI века. Обычно клинки поздних охотничьих ножей или резаков имели широкие лезвия с квадратными или закругленными концами. В то время как у более ранних оказывались узкие, остроконечные лезвия. Так на немецком резаке, сделанном около 1750 года, хранящемся в коллекции Кинбуша имеет большую ручку с железными головкой и гарду, украшенную головами львов.

Большинство поздних образцов имеет необычные пропорции и тщательную отделку. В Коллекции Уоллеса хранится охотничий комплект, где нож имеет бронзовую позолоченную рукоятку в форме оленя, на которого нападает гончая. Среди аксессуаров отметим шило и напильник, увенчанные рукоятками, вырезанными в виде головок или передней части гончих (рисунок 57). На лезвии выгравирован герб Бранденбурга и инициалы Георга Фридриха Карла, маркграфа Бранденбург-Кульмбаха. Комплект датируется 1732 годом.

Один из последних датированных экземпляров комплекта с серебряными накладками, в который входит и большой нож с рукояткой выполненной в виде оленя, хранится в Виндзорском замке и подписан Антоном Рудольф Швертфегером из Ганновера 1789 годом. Тяжелые ножи такого рода, вероятно, носились как знак отличия лесников различных рангов и охотников. Подписанный комплект, скорее всего, привез обратно из Ганновера сам Георг IV или один из его егерей, когда он был еще принцем Уэльским, отсюда и высеченные на лезвии инициалы G.P. с короной.

Интересно отметить, что в 1823 году ножовщики И. и Р. Кафф поставили королю комплект приспособлений для охоты в следующем составе:

Стальной охотничий резак с молотком, клещами и пилой

Рукоятка с накладкой из рога самца и тщательно отделанная

4.14.6

Футляр для резака из воловьей кожи с ремнями и пряжками

1.0.0

Широкий пояс с креплениями для вышеперечисленных предметов и плаща

10.0

Комплект карманных инструментов с ключами для охоты

1.11.6

Кожаный футляр для хранения всех перечисленных выше предметов и резака с ремнями и пряжками для седла

12.0

Хотя резак и не сохранился и не находится в Виндзорском замке, в ту же коллекцию входит и другой нож с позолоченной головкой, и гардой с головками орла, скорее всего, все изделия относятся к началу XIX века.

К тому времени главную роль на охотничьей сцене играло огнестрельное оружие, если было нужно, то состоятельный охотник мог устроить настоящую оргию в виде массового истребления дичи. Многие охотники лишились удовольствия от длительной погони и последующей схватки с животным. Возникла потребность пощекотать нервы другим способом. Именно поэтому в XVII веке появилось множество формальных правил и обычаев, соблюдаемых с фанатической тщательностью. Они не имели ничего общего с пресловутым кодексом чести. В Кобургской Хронике (о ней говорилось выше) представлена методика охоты, которую применял герцог Джон Казимир Кобургский (1564-1633), а также наказание «клинком» за нарушение правил. Любой, кто нарушал сложные правила охоты, вынужден

был наклониться над тушей оленя, после чего его трижды ударяли плоской частью охотничьего резака.

Все сказанное сопровождалось распеванием ритма, который в грубой форме можно перевести следующим образом:

Йо-хо-хо за короля, принцев и лордов,
Йо-хо-хо, за рыцарей, охотников и обслугу,
Йо-хо-хо, а это за добрый старый закон охоты.

В конце XVIII века, соблюдение подобных правил было обязательно даже для женщин, правда, охотницы, принадлежавшие к высшим слоям общества, могли выступать в роли наказывающих. Вот чем объясняется появление огромного числа привлекательных женщин в окружении охотников, изображенных на охотничьих рисунках того времени.

Охотничьи комплекты с вместительными ножнами иногда приспособлялись и для других целей. Об этом нам известно из Описи гардероба Генриха VIII, составленной в 1547 году:

«Короткий нож в бархатных ножнах с бронзовыми позолоченными застежками и парой обоймиц, где размещены компас, молоток, нож с посеребренной рукояткой, пара ножниц с позолоченной головкой и серебряная позолоченная чернильница». Возможно, речь идет о «маленьком коротком ноже», указанном в описи королевского гардероба, выполненной в 1537 году.

Упомянутый нами походный нож, вполне подходивший путешественнику, инженеру или землемеру, скорее всего, не сохранился, однако похожий набор предметов встречается в охотничьем комплекте Иоганна Георга I, хранящегося в Дрездене. Это резак отличается от большинства аналогов тем, что выполнен как фальчион (короткая широкая кривая сабля) с закругленным в задней части лезвием, обрубленным фальшивым концом и гардой в форме буквы S. Рукоятка из черного дерева имеет серебряные накладки с надписями *gottes gute und trew ist alle morgen paw* (милость господня и вера в него да усилятся с каждым днем).

На ножнах имеется марка дрезденского мастера золотых дел Михаэля Ботце. Инициалы изготовителя С.Т.Д.Е.М. (для Кристофа Трешлера Старшего, часовщика) и дата 1619 год видны на других инструментах. Значение четырех делений не совсем ясно, но такая же группа из четырех делений есть и на гравюре Вольфа Траута примерно 1517-1518 годов с изображением Максимилиана I как покровителя оружия и артиллерии.

Инструменты, изготовленные Трешлером и датированные 1617 годом, находятся и в ножнах рапиры короля Фредерика II из Розенборга. Инструменты с нанесенной разметкой, без сомнения, предназначались для использования в артиллерии. Правда, не следует связывать тяжелый охотничий нож с вооружением артиллерийского офицера, но И.Фуртенбах в «Оружейной книге» 1627 года, рекомендует, чтобы генералы носили длинный остроконечный охотничий нож. Его можно было использовать для вытесывания колец для закрепления артиллерийских орудий или мортир, а тупой конец можно было использовать как молоток для их забивания.

В ножнах можно было переносить следующие инструменты: железную мерительную рейку, три булавки для прочистки запальника, две прямых линейки, угольник, две мерки для калибра, два делительных циркуля, две ручки, одну, заправленную красными, другую черными чернилами, нож с задником в виде пилы, чертилку, уровень.

Осталось рассказать о последней группе ножей и инструментов, которые иногда описываются в каталогах охотничьих принадлежностей.

Полный набор состоит из большого и малого ножа, небольшой рамочной пилы, шила, соединенных вместе напильника и долота, молотка, пары небольших ножниц, пинцетов и небольшого разделочного ножа. Иногда сюда включался еще нож с круглым лезвием.

Один комплект находится в Коллекции лорда Лондесбро (рисунок 22), а другой в музее Царского села. Последний комплект с гербом Саксонии в каталоге 1835 года представлен как ветеринарный набор XVI века. Похожие наборы имеются в Музее Глазго и в Лондонской оружейной башне, в них только не представлены молоток, пинцеты и большие ножницы. Набор, хранящийся в Золингенском музее клинков, также не содержит пинцет и ножницы. Большой нож, находящийся в Лондонской оружейной башне, датируется 1581 годом, как и в других наборах, он покрыт гравировкой в виде охотничьих сцен. Входящие в состав комплекта секачи или клювообразные крючки весьма схожи с ножами для обрезания, которые использовали виноградари, из-за чего некоторые исследователи не совсем справедливо отнесли их к инструментам садовника.

Байонеты (штыки)

До изобретения многозарядного оружия охотнику приходилось затрачивать много времени и сил на перезарядку ружья для второго выстрела. Обычно он упускал дичь или ранил ее, подвергаясь во время охоты на медведя или дикого кабана большой опасности. Поэтому возникла насущная необходимость в создании оружия, с помощью которого можно было добить или отогнать раненое животное. В начале XVI века некоторые охотники, оказавшись в столь сложной ситуации, вставляли в ствол ружья нож подходящей величины, превратив его в копье. Так и был изобретен «затычный» байонет.

Сегодня этим словом обозначают все разновидности клинков, которые прикрепляются к дульной части ствола, название дано по имени французского города Байонна. Относительно небольшой городок, расположенный на самом краю юго-западной части Франции около испанской границы всегда был важным центром производства клинкового оружия, и байоннские мастера □ ножовщики славились своими изделиями, начиная с XIV века.

В описи Гильома де Монморанси 1591 года встречается описание «двух кинжалов из Байонны, отделанных желтым золотом». В «Словаре Котгрейва 1611 года появляется следующее определение: «байонет, разновидность небольшого плоского карманного кинжала с ножевым лезвием; или большой нож, носимый на подвеске как кинжал».

В 1655 году Пьер Борель так писал о байонете: «В настоящее время лучшие кинжалы, называют байоннскими или просто байонетами». Правда, он не упоминает о том, как они использовались. Однако сеньор де Пейсегюр, в своих мемуарах описывая военные баталии 1647 года, рассказывает, что его солдаты несли байонеты, длина которых, включая рукоятки и лезвия, достигала двух футов «их рукоятки были изготовлены таким образом, чтобы соответствовать ружейным стволам, вставляя их таким образом, чтобы при необходимости они могли защитить себя».

Трудно сказать, насколько Пейсегюр точен, очевидно одно, к шестидесятым годам XVII века «короткие сабли или байонеты» использовались в голландской, бельгийской, британской и других армиях. В 1670 году сэр Джеймс Тернер смог констатировать в своем труде «Pallas

Armata»: «Ножи с лезвием длиной в один фут, пригодны как для рубки, так и для протыкания (причем их захват сделан так, чтобы его можно было вложить в ствол мушкета)».

Охотничий байонет оказался несколько короче военного, его длина редко превышала один фут и шесть дюймов. Гладкий круглый захват постепенно поднимался по направлению к гарде, так что ручка могла входить в ствол оружия достаточно далеко, образуя надежное соединение, легко входившее и вынимавшееся. По крайней мере, случаи заклинивания оружия не зафиксированы.

Почти все байонеты наделялись короткими прямыми гардами. Поскольку военные были больше озабочены практическими свойствами оружия и возможностью стрелять вместе с укрепленным байонетом, их не волновала реакция спортивных сообществ, обсуждавших достоинства и недостатки новой системы. Поэтому от вставляемых они быстро перешли к байонетам, закрепляемым на стволе посредством хомута, а затем и к соединению сабли и байонета.

Вместе с тем континентальные охотники, особенно те, что проживали во Франции, Испании и Италии, на удивление долго продолжали носить традиционные втыкаемые байонеты. Правда, иногда пытались подхватить и идеи, апробировавшиеся вначале военными. Так в 1706 году французский инженер Исаак де ла Шометт разработал складной нож с кольцами, который можно было носить на поясе и при необходимости надеть на дуло охотничьего ружья. В 1718 году М.Дешамп, повинувшись современной моде, изготовил нож с впадиной, который можно было установить на дуло ружья или поместить на ручку, чтобы использовать как поясной нож. В XVIII веке было сделано несколько моделей охотничьих ружей с выемкой, куда помещали байонет, когда его не использовали.

Отметим и другой военный опытный образец, складной байонет, представленный в шведской армии в последней четверти XVII века, апробированный на нескольких видах дичи. В Музее изящных искусств в Вене хранится прекрасно отделанный нож, выполненный около 1700 года, выполненный в силезском стиле, его рукоятка украшена большими накладками из слоновой кости и перламутра, длинный байонет в виде копья прикреплен на петлях, чтобы при необходимости складывать его параллельно стволу.

Трудно сказать, можно ли было выстоять с таким оружием против разъяренного кабана. Скорее всего, для охоты на большое животное более подходил выемчатый байонет, хотя некоторые изготавливались с широкими копьеобразными лезвиями, явно предназначаясь для охоты против кабана и медведя. Очевиден тот факт, что большинство существовавших охотничьих выемчатых байонетов богато украшались, поскольку байонеты, как и многие сабли, более позднего времени, оказались частью дресс-кода.

Даже немногие байонеты, не такие роскошные и отделанные всего лишь плоскими планками или захватами из рога, не настолько изношены, чтобы можно было говорить об их практическом применении. Рукоятки из слоновой кости или металла настолько изящно разукрашены, что рука буквально не поднимается, чтобы вонзить их в дуло ружья. Отметим прекрасный испанский байонет с отделанным сталью захватом, к которому прилагался оригинальный расшитый пояс, подписанный Якоб Лавау, Мадрид, датированный 1778 годом, хранящийся сегодня в Музее декоративного искусства в Париже (таблица 68). О его предназначении говорят вышитые

сценки на поясе, где изображены охотники, атакующие кабана с ружьями с установленными в них байонетами,.

Другой аналогичный байонет того же самого мастера находится в Музее Виктории и Альберта. В целом они представляли собой полностью металлическую конструкцию, покрытую настолько изысканными узорами, что их можно было повредить, просто начав использовать, не говоря уже о тех повреждениях, которые вызывались прикосновениями к дулу оружия. Поэтому выскажем предположение, что с самого начала они задумывались как выставочные экземпляры.

Испанские мастера продолжали производить подобные изделия и в XIX веке. В арсенале Джона Вудмена Хиггинса хранится ствольный байонет, изготовленный испанским оружейником Еусебией Зулоагой в 1845 году, украшенный изысканными золотыми и серебряными узорами. Очевидно, что никогда не предполагали его использовать. Украшенные эмалью и золотом байонеты изготавливались толедскими оружейниками для международных выставок, которые стали проводить с середины XIX века.

Трудно сказать, почему ствольный байонет никогда активно не использовался. Испанский художник Франциско Гойя (1746-1828) часто включал их изображения в свои охотничьи картины. Его портреты короля Карло III, находящиеся в Прадо, в Мадриде и Карлоса IV в Каподемонте в Италии представляют обоих монархов стреляющими птиц. Они одеты в охотничьи костюмы с плоскими байонетами у пояса. В Прадо находится и рисунок на картоне Гойи для гобелена с охотничьей сценкой (1771), где охотники с байонетами на поясах стреляют в летящих птиц.

Испанские охотники редко использовали ружья со ствольными байонетами, хотя на многих ружьях имеется надрез, чтобы байонет можно было легко оттуда вытащить. Побывавший в Риме в 1835 году англичанин заметил, что «рукоятки вилочной формы обычно использовали для ножей, применявшихся при охоте на кабанов, чтобы их можно было поместить в дуло ружья, нельзя признать это приспособление оправданным, ибо при использовании байонет так глубоко застревал в стволе, что его было практически невозможно вытащить одной рукой».

Джеймс Лавин высказал предположение, что большинство ствольных байонетов фактически представляли собой доработанные охотничьи ножи (*cuchillos de monte*). Некоторые действительно изготавливались с рукоятками, которые можно было привинтить, чтобы удобнее использовать их в качестве ножей (таблица 69).

К еще одной интересной группе байонетов относится прекрасный образец, находящийся в Изящных искусствах в Вене, в его рукоятке вмонтирован небольшой молоток и отвертка. По-видимому, образцом для мастера стали байонеты XVII века.

Первые комбинированные ножи

Потребность в создании практичных охотничьих ружей настолько возросла, что сделанный по военному образцу байонет начал постепенно выходить из употребления. Сказанное относится и к немногочисленным по количеству двустольным ружьям, дополненным прикреплявшимся сбоку байонетом с сабельным клинком. Введение в обиход унитарного патрона с металлической гильзой, предназначавшегося для разных целей, положило конец эпохе охотничьих байонетов.

На ранних этапах развития огнестрельного оружия, когда мастера изощрялись в создании различных механических приспособлений, появились различные комбинации ножей или байонетов с пистолетами. Один из первых сохранившихся образцов такого ножа относится к XVI веку, он хранится в Эрмитаже, в Ленинграде и отличается тем, что его лезвие оснащено пистолетом с колесцовым замком (таблица 63).

Похожий нож, только с меньшим захватом, хранится в Коллекции Скотта в Глазго. Оба изделия явно одного типа, относятся к оружию, указанному в Описи Лондонской оружейной башни за 1599 год как «позолоченный кинжал, изготовленный в форме ножа для охоты в ножнах из бархата». Отметим и большой нож-резак с колесцовым пистолетом, украшенный гравированным календарем, датируемый 1540-1546 годами, хранящийся в Музее Метрополитен в Нью-Йорке (таблица 64).

Прекрасный похожий нож с колесцовым пистолетом имеет широкую гарду, более подходящую для поединка на саблях, чем для охоты, недавно находился в коллекции принца Карла Прусского (вся коллекция была перенесена в Берлин). В той же самой коллекции находился байонет, оснащенный аккуратным пистолетом с колесцовым замком.

Появление позолоченных байонетов с колесцовыми пистолетами косвенно свидетельствует о том, что байонеты раньше были ножами или кинжалами. С ножом или байонетом также нередко соединяли кремневые пистолеты.

Некоторые ножи с пистолетами оказывались во многом непрактичным оружием, ибо пистолет располагался на клинке впереди рукоятки. По той же причине пистолеты никогда не соединялись с байонетами. Мы не располагаем сведениями о том, что они имели практической применение (таблица 66).

Все типы изысканных по форме наборов ножей и причудливых комбинаций, о которых шла речь в этой главе нельзя сравнивать по удобству применения или практической пользе с прямыми охотничьими ножами как кинжалами. К XVIII веку в декоре и оформлении охотничьих ножей начинают появляться национальные особенности. Приведем некоторые примеры.

Немецкие ножовщики по-прежнему предпочитали грубые рукоятки из оленьего рога с железными заклепками и накладками. Следуя старинным образцам, французские охотничьи кинжалы имели захваты из отполированной кости или дерева, гравированные самым изящным образом. В обеих странах влияние моды рококо можно проследить на некоторых ножах самого лучшего качества, с бронзовыми посеребренными клинками. Совершенно необыкновенный образец находится в Эрмитаже в Ленинграде, стальное лезвие кинжала, хранящегося в зеленых ножнах из шагреновой кожи, покрыто гравировкой и позолоченным орнаментом. На нем имеется двойная монограмма Людовика XV (1715-1774) и надпись:

Для охоты и для стола
Да не дрогнет рука,
Которая направляет мой острый нож,
Способный разрубить на куски,
Вызывающий страх у всех, кто на него смотрит.

В европейских странах, граничащих с северной береговой линией Средиземного моря – Испанией, южной Францией и Италией, развилась совершенно иная форма ножа-кинжала. Независимо от формы клинка (однолезвийного или двустороннего) он представлял собой колющее оружие,

часто немногим отличающимся от большого стилета. Рукоятка изделия обычно делалась из одного куска дерева или рога, часто на конце делались выемки. Хвостовик лезвия прокалывался, к нему припаивалась небольшая металлическая шапка, занимавшая место головки. Гарда часто отсутствовала, между рукояткой и лезвием располагалось колончатое рикассо тщательно отшлифованное или отполированное. На лучших образцах основание лезвия также оттачивалось, покрывалось гравировкой или орнаментом.

Отдельную группу составляли ножи, в рукоятку которых было вмонтировано шило, входившее в охотничий комплект. На некоторых экземплярах хвостовик оформлен как инструмент, рукоятка привинчена на основании лезвия (таблица 59). На одном ноже, хранящемся в Эрмитаже в Ленинграде, хвостовик лезвия выполнен в виде винта, на который навинчена рукоятка. Внутри винта просверлено узкое отверстие, выходящее на поверхность клинка. Считалось, что в таких кинжалах в прошлом носили яд или бациллы чумы.

Отметим еще одну разновидность, производившуюся Альбасете, испанском центре по изготовлению ножей, - наваху, особую форму длинного складного ножа, использовавшегося в основном не на охоте, а как оружие для сражения, дуэлей и метания. Примерно в 1930 году лондонские ножовщики, в частности, известная фирма Уилкинсона, представила свою версию ножа в «Каталоге Охотничьих и спортивных ножей».

Ножи XIX века

Одновременно с распространением цивилизации в Европе потребность в ношении универсального ножа практически сходит на нет, и охотничий нож превращается в специализированный инструмент. Иная ситуация сложилась в Новом свете, где американские и канадские поселенцы продолжали вести жизнь полную опасностей и необходимости защищаться от разных врагов, как людей, так и животных. Поэтому производители ножей в таких центрах как Шеффилд в Англии, Шательро и Тьер во Франции и Золинген в Германии теперь сконцентрировались на новых странах, возникших по ту сторону Атлантического океана.

Часть изготовленных ими изделий предназначалась в качестве подарков индейским племенам, к началу XIX века такие компании как Гудзонская, изготавливали для этих целей различные по качеству типы ножей: богато украшенные, где заказчик выбирал форму и отделку рукоятки, с накладками из рога, ложного оленя, дерева или меди; обдирочные или скорняжные с рукоятками из рога или красного дерева; большие главные ножи с остроконечными колющими лезвиями, напоминающие ножи из охотничьих комплектов XVII века.

В основном изделия изготавливались в Шеффилде компанией Джукса Кулсона, на них ставилась соответствующее клеймо предприятия в виде лисы. Подобные прямые мясные, обдирочные или охотничьи ножи также изготавливались и в самой Америке, начиная с тридцатых годов XIX века фирмой Джона Рассела, находившейся на Грин Ривер, в Гринфилде, Массачусетс. Чтобы привлечь покупателей, названия фирм проставлялись на лезвиях, и вскоре ножи с Грин Ривер стали настолько известны и ценились так высоко, что шеффилдские ножовщики оказались вынужденными проставлять свои собственные штампы вместе с выгравированными именами. Фактически ножи с Грин Ривер продолжают изготавливать и сегодня (рисунок 23).

В тридцатых годах определенный стимул в изготовлении ножей возник в связи с ношением на поясе длинных охотничьих ножей типа «боуи». Их назвали по охотничьему ножу, изобретенному солдатом по имени Джеймс Боуи (1795-1836). Хотя трудно установить точное происхождение конструкции ножа, само название боуи стало употребляться по отношению ко всем большим однолезвийным ножам, которые можно было использовать для сражений, охоты, очистки земли, рубки дров. Оригинальные ножи изготавливались американскими кузнецами в районах Миссисипи, Арканзаса, Луизианы и Техаса.

Ножи отличались следующими особенностями. Лезвия обычно заканчивались ложным концом, варьировались по длине, составлявшей от 9 до 15 дюймов, и доходили до 2 дюймов в ширину. Гарда представляла собой металлическую полосу, иногда согнутую в виде буквы S, прямой формы захваты изготавливались из дерева, кости или рога.

После того, как нож типа боуи прочно закрепился в своих правах, английские ножовщики начали экспортировать свои собственные модели. Так Джордж Вольстенхольм, основатель завода Вашингтона в Шеффилде оказался одним из первых, кто отправил английские ножи боуи со своей торговой маркой в виде знаков IXL. Другие Шеффилдские фирмы, в частности Джозеф Роджерс с сыновьями, В. и С. Батчеры, компания Ибботсона оказались достаточно подвижными и смогли присоединиться к торговым операциям. Некоторые изготовители также использовали похожие цифровые отметки типа NON XL I и XCD.

Поскольку каждый изготовитель находился в постоянном поиске покупателей, то множилось и разнообразие рукояток, начинали использоваться новые материалы, большинство природных материалов, такие как дерево, рог, кость обычная и слоновая, заменялись прессованным рогом, целлулоидом, гуттаперчей, пока, в конце концов, все они не были заменены синтетикой.

Конечно, для ножей экстра класса использовались накладки из серебра, немецкого нейзильбера и другие сплавы. Чтобы привлечь внимание потенциальных покупателей, особое внимание обращали на отделку, гравировались охотничьи сценки, патриотические мотивы и лозунги («Америка – земля свободных»). На лезвиях появлялись имена и названия компаний: «Американский охотничий нож», «Охотничья Компания», «Надежная Защита», «Для Кабанов и буйволов».

Английские производители стремились попасть не только на американский рынок. Обширные и разнообразные колонии Британской империи манили к себе викторианских охотников. Их воображение распяляли книги писателей путешественников, таких как сэр Самуэль Бейкер, Гордон Каннинг и Х.А.Левинсон («Старый Шекери»). Бесчисленные отставники и состоятельные любители отправлялись охотиться на разнообразную живность, обитающую в самых различных ареалах: на горных террасах, в ближних джунглях, на бесплодных равнинах и в горах.

Старый Шекери в своих «Ценных советах охотникам и путешественникам» (Лондон, 1874) стремился, чтобы его читатели отправлялись на охоту полностью экипированными, независимо от того, сколько весила их амуниция. Он рекомендовал надевать охотничий пояс (рисунок 24) на который кроме огромного пистолета и полевого бинокля надо было подвесить под сумки для патронов, охотничий и разделочный ножи от Торнхилла с лондонской Бонд-стрит. Пол его словам, этот разделочный нож имел такое прочное лезвие, что им можно было разрубить доллар. Для закалывания свиньи он советовал удобный охотничий нож с семидюймовым

лезвием, который следовало носить на поясе сзади, чтобы при необходимости его легко можно было достать (рисунок.24)

С ножом старого Шекери во многом схож образец, изобретенный примерно в 1860 году полковником Генри Шекспиром, который изготовили Уилкинсоны из Лондона. Правда, у него нет гарды, имеется только плоский наборный захват. В своей книге «Дикая охота в Индии» (Лондон, 1862) Шекспир описывает его примерно следующим образом «порядка семи дюймов длиной, примерно полтора дюйма шириной в области лезвия, частично обоюдоострый, сужающийся к концу, максимально остро наточенный. В ножнах имеется пружина, которая удерживает лезвие, когда нож нужно использовать, пружину нажимают мизинцем, одновременно захватывая рукоятку». Отметим, что именно такой нож описывает и рекомендует капитан Дж.Х.Болдвин в своей «Большой и малой игре в Бенгалии» (Лондон, 1883).

Конечно, можно иронически отнестись к списку оружия, которым стремились воспользоваться охотники викторианской поры, но поскольку лагерная жизнь того времени не отличалась такими же удобствами, какими пользуется охотник во время современного сафари, охотнику почти наверняка грозило близкое столкновение с животными. В Цейлонском разделе Колониальной и Индийской Выставки, проводившейся в Лондоне в 1886 году, выставлялись леопарды, убитые мистером Р.Бишампом Дауналом из Барнесс Холла с помощью охотничьего ножа во время охоты на лося вместе со сворой гончих.

Более известный своими охотничьими подвигами сэр Самуэль Бейкер хвастался, что убил четыреста оленей с помощью ножа или только при поддержке собак. Он описывает свои деяния в книге «Ружье и гончая на Цейлоне» как «тяжелый, но благородный вид спорта, когда пользуются только охотничьим ножом, бесспорно ради того, чтобы почувствовать специфику охоты на дичь. Возможно, также охотиться на лося, оленя, кабана или леопарда, и по-прежнему нож и добрая гончая помогут тебе прежде всего».

Его любимый нож изготавливался из усеченной широкой шотландской сабли (со штампом Андре Фаррара), составлявшей один фут и 6 дюймов в длину и два дюйма в ширину, примерно фунт веса, обоюдоострая и заточенная как ланцет. Однажды именно таким ножом он остановил разъяренного кабана, бросившегося на него, четко ударив его в спину хребет и плечо, пройдя до жизненно важных органов.

Только со своим ножом охотился на дикого кабана португальский охотник по имени Дж.П.Фалькао. Обычно он прыгал на спину вепря, хватал его за жирный загривок, а затем погружал свой охотничий нож между первым и вторым ребрами. Обычно он использовал изготовленный в Шеффилде боуи, уже описанного нами типа. Потребность в нем оказалась настолько велика, что местные оружейники, всегда готовые скопировать европейское оружие представили свою собственную линию охотничьих ножей.

Среди них самыми популярными оказались ножи типа боуи, изготовленные в южной Индии фирмой «Арунахалум и компания», причем настолько искусно, что их даже принимали за американские изделия. Мастера подписывали свои лезвия ARNACHELLAM SALEM. Любопытную характеристику дает в «Индийском и восточном оружии» (1896) Эгертон, называет этих индийских мастеров «самыми известными оружейниками во всей Индии за последние пятьдесят лет».

Комбинированные ножи

Скорее всего, среди всех прочих мастеров викторианские мастера отличались особой страстью к безделушкам. Самым типичным примером комбинированного оружия оказался запатентованный Балдок, нож с копьем, изготовленный корпорацией Уолтер Лок или Шеффилдским мастером Джеймсом Диксоном и сыновьями. По форме это был нож с лезвием, частично зазубренным в конце и полый металлической рукояткой, которую можно было защелкнуть на конце специального сделанного древка, образовав тем самым копье. Множество самых разнообразных сложных ножей было изготовлено в середине XIX века, о чем свидетельствуют объявления таких фирм, как Унви и Роджерс из Шеффилда. Наряду с массой типов ножей перечисляются и американские боуи, индийские охотничьи ножи и уже известные нам ножи с пистолетами (рисунок 25).

Хотя нож с пистолетом был известен уже в XVI веке, на самом деле свою настоящую популярность он приобрел лишь после введения ударного пистолета. Одним из первых, кто воспользовался преимуществом небольшого и удобного механизма оказался Джордж Элгин из Нью-Йорка, получивший в 1837 году американский патент № 254 за нож с пистолетом. По форме оружие представляло собой одноразовый ударный пистолет, укрепленный на лезвии, самые большие экземпляры доходили почти до 18 дюймов в длину.

Хотя Элгин считал, что пистолет станут прикреплять к кортику или к боуи, в большинстве моделей, изготовленных для американской исследовательской экспедиции, которая проводила изыскания в Южных морях между 1838-1842 годами использовались именно ножи с лезвиями типа боуи. В финансовом плане эта идея не принесла Элгину практически никакой выгоды, но он основал новую традицию и составил новый этап в истории развития комбинированного оружия.

Во Франции кинжалы с пистолетным стволом, размещенным по обеим сторонам лезвия и с механизмом, спрятанным в рукоятке, делались разной величины. Похожий на нож Элгина пистолетный нож изготавливался в той же Франции с использовавшимся в качестве огнестрельного оружия пистонный револьвер. Его запатентовал в 1864 году в Англии Г.А.Бонневилль (патент 130).

Дальнейшее развитие идеи находим в компании Унвин и Роджерс, начавших производить карманный нож со складным лезвием кинжального типа и небольшим ударным пистолетом, встроенным в рукоятку. В объявлении 1839 года производители представляют оружие длиной в 6 дюймов, и заявляют, что оно позволит сохранить жизнь его обладателю. Посредством крепления в форме шурупа, устанавливаемого на спусковой крючок, карманный нож можно было врезать в дверной косяк, чтобы использовать для защиты от взлома. Согласно рекламной листовке, при стрельбе с руки он имел убойную дальность не менее 50 ярдов. Правда, непонятно, кого именно можно было убить на таком расстоянии. Однако благодаря охотничьим байкам такие ножи считались самыми популярными среди прочих совершенно необходимых атрибутов снаряжения, таких как крючок для вынимания камней из копыт лошадей.

В 1860 году был запатентован изготовленный компанией Унвин и Роджерс пистолетный нож под патрон, заряжающийся с казенной части (патент 2081). В 1862 году радиус его действия составлял от 100 до 130 ярдов. Другим распространенным охотничьим ножом можно считать тот, который изображен в издании 1860 года «Книги полевой охоты» Ганса Баска. Он представляет собой карманный нож и отвертку, к которому полагался съемный комплект инструментов, состоявших из бутылки для масла, шомпола, скобы

извлекателя, то есть всего, что нужно было для чистки оружия или удаления заклинившегося патрона.

Обратим внимание и на разыгравшееся воображение, авторы XIX века тяготели к декоративности. Здесь доминировала Франция, оказывавшая определенное влияние и на остальные страны своим пристратием к неоклассическим линиям, захватам в виде колонн с урнами, украшенными трофеями. В сороковые годы XIX столетия начавшиеся в Лондоне и Париже эксперименты с новыми технологиями позволили произвести литые металлические рукоятки с рисунками в любом стиле от барокко до современности.

Выделим охотничий нож императора Франца Иосифа I (1848-1916), хранящийся в Музее истории искусств в Вене с рукояткой, выделанной в виде фигурки кабана. Особое пристрастие король Фридрих VII датский имел к саблям и кинжалам с литыми железными рукоятками. Выделанный таким образом кинжал он носил во время своего падения с лошади в 1855 году в Розенборге. В «Официальном каталоге «Всемирной выставки», прошедшей в Лондоне в 1851 году изображено несколько рукояток, представленных парижским мастером по металлу и дизайнером Фроман-Мерисом. Рукоятка охотничьего ножа выполнена в виде фигурки лисы, попавшей в капкан (рисунок 26).

Следует подчеркнуть, что экстравагантность отделки допускалась, прежде всего, для той одежды, которая предназначалась для парадных герцогских или праздничных охот. Обычный охотничий нож оставался традиционным изделием с захватом из рога оленя или дерева, с приклепанным хвостовиком.

Однако накладки европейского ножа, если они делались из меди или серебра обычно предполагали отливки в виде голов собак, оленя или кабана. В отличие от своих американских собратьев европейские охотники вовсе не стремились заниматься добыванием зверя, потрошением туши или просто выделиться своими доспехами, поэтому большинство ножей имели обоюдоострое кинжальное лезвие и предназначались только для самообороны (таблица 61). В последние годы наблюдается отход от императорской и нацистской формы охотничьего оружия назад к разработкам XVII века, для которых характерно использование тяжелого рубящего клинка, поддерживаемого небольшими ножами.

Восточные ножи

Сведений о восточных охотничьих ножах крайне мало, поскольку далеко не всегда возможно выделить среди множества восточных ножей те, что употреблялись только для охоты. Если на индийских и персидских охотничьих картинах XVII-XVIII веков изображался охотник с ножом, то он мог использовать его для каждодневных нужд (рисунок 27). Чаще других для охоты использовался арабский кинжал джамбия, имевший закругленное и рубящее лезвие. Он распространен во всех мусульманских странах, от Северной Африки до Турции и Персии, а также в Индии. В эту же группу ножей входит индо-персидский ханджар с прекрасными рукоятками из жадеита или украшенными драгоценными камнями, а также пешкабз с рукояткой из слоновой кости. Выше мы сравнивали сингальский нож-кинжал пиха-кета с скрамасаксом. Отметим и разновидность местного ножа с лезвием не вполне подходящим на европейский резак, но имеющий такую же явно выраженную

рукоятку с огромным круглым наконечником, его называли горг или тамил-пихангатти.

Несколько иную конструкцию имеет моплах с малабарского побережья. Кукри, местный нож и основное оружие гурков (гуркхов), воинов из одноименного непальского племени, скорее всего, происходят непосредственно от греческого кописа, да использовались они точно таким же образом. Чаще всего о кукри пишут как о боевом оружии, известны многочисленные достоверные истории о том, как гурки, перерубали человека надвое одним ударом.

Известно, что кукри использовался и как нож для охоты, а также для работы в джунглях. Гурки-охотники настолько верили в его силу, что не боялись нападать в одиночку на тигра. Происходило это следующим образом. Подкравшись поближе к хищнику, охотник ударял его по лапе, почти отрубая ее или, по крайней мере, перерезая сухожилия. После этого тигр почти терял подвижность и начинал слабеть от потери крови. Убедившись, что с поврежденной лапой он почти не мог двигаться, гурка подходил ближе и наносил завершающий удар в шею или в горло (рисунок 28).

Малайцы использовали другую разновидность резательного ножа, голок. По форме он представлял собой нож с круглым загнутым рубящим лезвием. Другой разновидностью однолезвийного ножа, по своим очертаниям больше напоминавшим копье, оказался баронг, национальное оружие моро с островов Сулу и Северного Борнео. С помощью этих ножей можно было нанести рубящий удар, достаточный, чтобы обездвижить большинство животных. Такие лезвия ценились за свою эффективность и качество наравне с японскими. Скорее всего, в Японии именно для охоты был разработан ната, небольшой резак с зазубренным лезвием и тупым или закругленным концом.

В заключение нашего обзора известны разновидностей охотничьих ножей, следует упомянуть и о метательных ножах, бытовавших в Северной Африке, использовавшихся как для охоты, так и во время военных действий. Конечно, бросить можно было любой нож, даже наваха, большой испанский ножи. Но африканский метательный нож, встречавшийся в Конго и Северном Камероне, представлял собой нечто иное.

Местные жители называли его «тот, что наносит сильный удар», «тот, кто может убить», «тот, кто сам встает», его происхождение достаточно древнее. Такой нож держит ливиец на стенной скульптуре в Тель эль Амарне примерно 1400-1300 годов до н.э. Его изготавливали из нескольких лезвий, прикрепленных к центральному стрежню асимметричным образом. Хвостовик заключался в плоскую цилиндрической формы рукоятку или просто обматывался кожей или ремешками.

Обычно нож бросали по горизонтали, на достаточно большое расстояние, доходившее до 100 ярдов. Конечно, на такой дальности он не мог нанести серьезной травмы, но на более коротких дистанциях вполне мог подрезать сухожилие или даже отрубить ногу. При современном испытательном броске с расстояния 15 ярдов нож смог пробить разделочную доску толщиной в 15 миллиметров. Хотя лезвия отличались по форме, отметим базовую форму, обычно они походили на букву F. Е.С.Томсон выделял восемнадцать разновидностей.

Среди банту, жителей Конго, были распространены метательные ножи восбеле, которые вырубались из листов корабельного железа, а затем обрабатывались местными умельцами. Они высоко ценились и даже использовались в качестве платежного эквивалента.

Глава третья

Древковое оружие

Копье

Копье является старейшим охотничьим оружием. Заточив деревянную палку или привязав к ней куски кремня или кости, первобытный человек мог серьезно ранить большое животное, оставаясь на какое-то время защищенным от возможного удара клыком или укусов. Ведь не всегда удавалось вонзить копье достаточно глубоко, многое зависело от силы удара или от подвижности животного, стремившегося наброситься на охотника.

Конечно, мы никогда не узнаем, когда охотники впервые поняли, какие преимущества им дают приспособления, позволявшие удерживать лезвие в туловище животного. Возможно, уже экспериментировавший с деревом и костью охотник времен неолита впервые стал приспособлять поперечину к своему копыю.

Наверняка можно утверждать, что уже в период Бронзового века ряд охотников оценили преимущества подобного приспособления. В оксфордском Эшмолеанском музее хранится бронзовое копье с удивительно сложным устройством. Чтобы утяжелить наконечник и сделать его более прочным, к центру приделаны два выступающих остроконечных лезвия и два ограничительных колышка у основания. Похожую разновидность бронзового копья обнаружили и в Плейстоу, в графстве Эссекс. Здесь только ограничительные колышки заменены длинным стержнем.

В Британском музее хранится персидская печать цилиндрической формы, на которой изображен охотник на лошади, преследующий кабана, причем поперечина на копье тщательно вырисована. Давая советы по поводу того, как лучше охотиться на дикого кабана, Ксенофонт сообщает примерно в 400 году до н.э.:

«Копья должны быть примерно в пятнадцать дюймов длиной, их короткие зубья следует расположить с разных сторон вокруг наконечника, так, чтобы они выступали в разные стороны. Самые прочные боевые копья делали из кизилового дерева. Представим себе, как охотник пользуется этим копьём, стремясь избегать резких движений, учитывая любые неожиданности, он подбирается к кабану как можно ближе. Воткнув копье до основания лезвия со стороны горла, он должен протолкнуть его как можно глубже. Когда кабан попытается вытащить его и схватится за копье зубами, острые лезвия причинят ему боль и сломают его зубы, так что он не сможет дотянуться до человека, держащего копье».

Несмотря на то, что основная форма охотничьего копья сложилась достаточно давно, никакой единой конструкции не существовало. Если рассмотреть изображения этрусской охоты на кабана, выгравированные на алебастровой урне, хранящейся в Археологическом музее во Флоренции, то окажется, что этрусские охотники совершенно не следовали рекомендациям Ксенофонта. Они противостояли кабану с копьём, имевшим достаточно прочное древко и небольшой утолщенный и остро заточенный наконечник, позволявший глубоко воткнуть его в туловище животного.

Обычай охотиться на львов отражен на известной мозаике, находившейся в Пелле, Македония, относящейся примерно к 300 году до н.э. На ней изображена сцена охоты, причем один из охотников поражает хищника

копьем. Похожее копьё изображено и на римской мозаике, находящейся в Большом дворце в Константинополе.

Встречается и другая ситуация, так на одной из мозаик, находящихся в римской вилле на Пиацца Армерина в Сицилии, изображен охотник, нападающий на кабана с помощью прочного копья, за лезвием которого находится ограничитель в виде перекладки, загнутой с обеих сторон.

На фреске в римских «Охотничьих банях» в Лепсис Магна, в Триполи также изображены охотники, использующие копья с перекрестными загнутыми перекладинами, на сей раз для охоты на леопардов. Похожее копьеобразные лезвия, датируемые IX-XII веками нашли и в Финляндии. По крайней мере, у одного копья концы ограничителя грубо выделаны в виде собачьих голов. Другие разновидности перекладин на копьях, запечатлены на римских росписях и мозаиках изображающих бестиариев - гладиаторов, борющихся с дикими животными (рисунок 29).

В Герфордском городском музее находится любопытная головка копья, которую обнаружили во время раскопок одного из строений на территории римской фермы примерно 300 года н.э. У узкого лезвия в форме листа имеется длинный ограничитель, заканчивающийся двумя лангетами. К лангетам припаяны остатки железной перекладки. Он не относится к тому типу копий, которые обычно ассоциируются с римскими артефактами и вовсе не похож на железные наконечники копий, которые находят в ломбардских погребениях IX-X веков.

В иллюстрированных рукописях этого периода практически не встречается информация об охотничьих копьях, ни их изображения в сценах охоты, ибо внешне они не отличались от тех, что использовались в сражениях. В большинстве случаев мы встречаемся со стилизованными изображениями оружия. Так, например, нарисованный под лезвием диск, возможно, обозначает выступ, или плотный «воротник», или металлический хомут для закрепления на древке. Трудно поверить, что две или три горизонтальные линии, которыми перечеркнуто древко под лезвием, означают такое же количество перекладин.

Даже на гобелене из Байе, обычно являющихся одним из ценных источников, нет практически никакой информации о копьях. Там нет никаких различий в изображениях копий, которые несут охотники, вестники, пешие или конные воины. Изображения одной, двух или трех перекладин являются причудами вышивальщиц. Исследуя разнообразные источники начала Средних Веков, не удалось выявить никаких разновидностей охотничьих или боевых копий в зависимости от наличия или отсутствия перекладин.

Исследование бывших в употреблении экземпляров не подтверждает существование каких-либо копий с множественными лезвиями. Большинство распространенных видов копий имеют длинное узкое лезвие с углублением, из которого с каждой стороны выступает плоское треугольное «крыло» или «ухо» с плоским концом.

Поскольку некоторые из них имеют большие припаянные головки, сильно выступающие, они могут представлять тот тип копья, которые художники пытались нарисовать, причем многократно повторяя одно и то же изображение. Такие копья с «крыльями» с обеих сторон, не допуская слишком глубокого проникновения лезвия, как, например, *lansea unkata* о которой пишет Аполлинарий Сидонский, сегодня обычно обозначается как копьё - хлыст. Оно было широко распространено в каролингскую эпоху и встречается среди археологических находок по всей Европе. На некоторых

наконечниках даже сохранились остатки золоченого или серебряного орнамента.

В XIV веке лезвие данного копья начало меняться, приобретая треугольную форму, одновременно крылья становились более заостренными и увеличивались в размере. Такое копьё с ярко выраженными крыльями иногда сегодня обозначается как богемская ушная ложечка (Bohmische Ohrloffel). Название вовсе не говорит о том, что оно относилось именно к данной области Европы.

То же время появились специальные формы копья, предназначенные именно для охоты. Примерно в 1300 году французскому охотнику на вепря рекомендовали брать прочное и острое копьё с перекладиной. В 1394 году в Англии начинают встречаться упоминания «кабанье копьё». В описи 1407 года Арсенала Гонзага в Мантуе указано «одно охотничье копьё».

К концу XV века формируются несколько типов крылатых копий, различавшихся по величине и форме лезвий и крыльев. Так с одной стороны линии находился протазан (алебарда), его длинное треугольной формы обоюдоострое лезвие имело только два перевернутых «уха» или рудиментарные крылья у основания. С ним контрастировала рунка (rawson, ranseur, runka или corseque), у которой крылья располагались симметрично по обе стороны центрального лезвия, расходясь от основания или загибаясь как вилы у трезубца.

Анализ ранних гравюр на дереве и эстампов позволяет сделать вывод, что в зависимости от потребности использовались самые разные типы древкового оружия, чаще всего изображались охотничьи копья типа «ушной ложечки». Скорее всего, именно об этом копьё пишет в 1387 году Гастон Фебус, давая охотнику следующий совет: «Следует взять копьё испытанное, но не слишком старое, хорошо заостренное и достаточно прочное».

На девонширских охотничьих гобеленах примерно 1425-1450 годов, хранящихся в Музее Виктории и Альберта, весьма точно изображено охотничье копьё XV века, иначе называемое knebelspiess. Такое же копьё можно увидеть и в печатной версии «Книги королевского поведения», опубликованной в 1486 году (рисунок 30). Два прекрасных образца копий, среди которых изделие, принадлежавшее императору Фридриху III (1415-1493), хранящееся в Музее искусства и истории в Аене (таблица 47), и копьё, возможно, английское по происхождению, недавно находившееся в Коллекции Мейрика, сегодня хранящееся в Музее искусство Метрополитен. Лезвие последнего изделия выполнено с накладками из бронзового зигзагообразного орнамента, крылья гравированы охотничьими сценками (таблица 48, в центре). В похожем стиле и возможно тем же мастером, выполнено и копьё, хранящееся в Музее Стибберта во Флоренции.

На иллюстрации из рукописного трактата Гастона Фебуса, хранящегося в Национальной библиотеке в Париже, представлено не только крылатое копьё, но и разновидность копья с прямым соединительным лезвием и перекладиной, возможно, с выступающей частью, чтобы можно было приделать или прикрепить ее под основанием лезвия. Такая разновидность копья считается самой старой формой крылатого лезвия, она оказывалась более легкой в носке, дешевле в изготовлении и практически не требовала усилий при эксплуатации. Поэтому она стала необычайно популярной в XVI веке.

На фламандском рукописном календаре начала XVI века, хранящемся в Британском музее, содержится интересная иллюстрация в той

его части, что посвящена ноябрю. На сценке запечатлен момент возвращения с охоты на оленя. Один из охотников несет копье, чье лезвие прочно приковано к перекладине. Источником необычайно интересных деталей вооружения может служить «Триумф Максимилиана», например, изображение группы охотников на медведя, несущих копья с широкими лезвиями и перекладинами, которые явно привязаны к древку сразу под наконечником (рисунок 31).

Копья, предназначенные для охоты на медведей, отличались более мощными пропорциями, чем остальные изделия, лезвия некоторых из них могли иметь длину до двух футов. Длина обычного охотничьего копья, применявшегося во время всех разновидностей охоты, колебалась между 6 и 7 футами, лезвие составляло где-то 12-18 дюймов.

В книгах XVI века, посвященных охоте, отмечается, что для охоты на оленей, волков, лисиц и даже зайцев использовались одни и те же копья. Обычно животных преследовали с помощью своры собак или гнали к огороженной территории, где и убивали (рисунок 32). Гастон Фебус советовал своим читателям приближаться к кабану верхом, рысью, но не галопом, ослабив поводья и, используя короткие шпоры, чтобы можно было легко маневрировать. Он предупреждал, чтобы для охоты не использовали турнирные копья.

Фебус также писал о том, что приближаться к кабану опасно: «Держите копье за середину, чтобы разъяренное животное не ударило Вас своими клыками. Как только острый конец войдет в его тело, навалитесь на древко изо всех сил и постарайтесь вонзить его как можно глубже, но ни в коем случае не отпускайте древко. Если зверь окажется сильнее Вас, то старайтесь поворачивать древко из стороны в сторону, держа его как можно сильнее и не отпуская, пока к Вам не придут на помощь или Господь бог не услышит ваши мольбы».

На Цейлоне встречается необычайно акробатический способ охоты на кабанов с помощью копья под названием И-ития. Это копье имело прочное семифутовое древко, на конце которого располагалось лезвие длиной в 6 дюймов и 2,5 дюйма в ширину. Загонщики гнали кабана к охотнику, который бросался на разъяренного зверя, пронзал его своим копьем, затем приподнимал его, чтобы зверь давил своим весом на копье, и, наконец, нес его домой. Нам, правда, не известно, имело ли это копье перекладину или ограничитель.

На индийском рисунке конца XVIII века, хранящемся в Музее Виктории и Альберта в Лондоне, изображена охота на тигра. Там изображен загонщик, держащий копье с остроконечным лезвием в форме листа, закрепленным широким ободом. Похоже, что лезвие с каждой стороны центрального ребра имеет полость, вероятно, чтобы облегчить его вес. Похожим образом выполнено японское копье для охоты на кабана.

Следует отметить, что в XVI веке охотничье копье также рассматривалось и как военное оружие, о чем свидетельствует тот факт, что нанятые Генрихом VIII для его армии, находящейся во Франции в 1544 году, Альмейнские конные наемники, были вооружены ручными ружьями и копьями, предназначенными и для охоты на кабанов. Одним из источников стало сообщение о пьяной драке, в во время которой один из наемников пронзил своим копьем горло английского солдата.

Известно, что Генрих VIII был большим любителем охоты на кабанов, и, как и все короли, предпочитал использовать оружие лучшего качества. Приведем в качестве примера выдержки из Описи оружия и доспехов, хранящегося в Лондонской оружейной башне:

Копья для охоты на свиней вместе с древками, обитыми красным бархатом и отделанными красным шелком.

Копья для охоты на кабанов причудливой формы и покрытые кожей.

Копья для охоты на кабанов с обожженными древками, отделанными кожей.

Копья для охоты на кабанов резные и позолоченные.

Приведем также пример из другой описи для арсенала в Гринвиче?

Копья для охоты на кабанов с белыми рукоятками

Копья для охоты на кабанов с гравированными и позолоченными рукоятками

Копья для охоты на кабанов с рукоятками мавританской работы

Сегодня в Лондонской оружейной башне можно увидеть прекрасное французское копьё для охоты на свиней примерно 1630 года, задняя часть лезвия которого покрыта орнаментом из золота и серебра. Другое лезвие с выгравированными гербами и лозунгами принадлежало королю Карлу V (таблица 49, 52).

Большинство национальных коллекций, особенно те, что собраны в Дрездене, представлены образцами декоративных охотничьих копий. Возможно, самое прекрасное из них гравированное и покрытое золотом копьё для охоты на кабанов, изготовили в 1559-1560 годах для эрцгерцога Фердинанда II Джованни Батиста Серабальо, сегодня оно находится в Музее изящных искусств в Вене. Похожее копьё хранится в Британском музее.

Оба копья отличаются тем, что на них «уши» образованы двумя прекрасными гравированными головами кабанов. Иногда такие экземпляры дополнялись пистолетом с колесцовым замком, чаще всего двумя. Они прикреплялись стволами к боковым лезвиям, так что механизмы размещались по обе стороны.

Копьё Николая Лорренского примерно 1565 года, сегодня хранящееся в Музее оружия в Париже, имеет лезвие треугольного сечения и пистолеты с колесцовым замком, расположенные с каждой стороны. В описи 1576 года оружие описано следующим образом: Копьё с трехгранным наконечником, покрытое золотом и серебром, окруженное тремя небольшими пистолетами». Обычно такие копья с колесцовыми пистолетами изготавливались на немецких фабриках. Как все комбинированные изделия, они оказывались необычайно неуклюжими, несбалансированными и гораздо менее эффективными, чем обычное прямонаправленное копьё.

Использовавшиеся каждый день копья не могут похвастаться подобными усовершенствованиями, однако материалы, из которых изготавливались перекладины, методика, с помощью которой они прикреплялись к древку, не менее интересны. Сначала отметим, что в XV веке перекладина представляла собой кусок дерева или рога, плотно закрепленный в нужной позиции ремнями. Тогда же поняли, что гораздо удобнее и безопаснее будет убирающаяся перекладина, ибо она расширяет сферу применения копья. Кроме того, тогда нельзя будет нанести даже случайное повреждение носителю копья или его товарищам.

Обычно кусок рога часто только приблизительно заострялся, он прикреплялся к древку с помощью кожаного ремешка, проходившего через отверстие в наконечнике, или приплетался к оплетке, которая обычно крест-накрест пересекала верхнюю часть древка, составляя с ней одно целое. Иногда рог украшался знаками или благопожелательными надписями. В коллекции Кинбуша находится копьё с роговой перекладиной, украшенное

гравированным гербом герцога Христиана Саксен-Вейсенфельского и датированное 1727 годом.

Несколько похожих копий находятся в Историческом музее в Дрездене. Чаще отдавали предпочтение железным, а не роговым перекладам, которые отличались большей надежностью и прочностью. Их прикрепляли к отверстию с помощью шарнирных или вращающихся приспособлений (рисунок 33).

Охотничье копьё с ярко выраженной перекладной продолжали использовать на протяжении всего XVII века и только к середине XVIII века их почти полностью вытеснили ружья с кремневым замком, которые стали основным оружием для всех видов охоты во всех странах Европы. Копье быстро превратилось в декоративное оружие или церемониальный знак использовавшегося на охоте персонала.

Но его продолжали рекомендовать пресытившимся дворянам для захватывающего рукопашного поединка между человеком и зверем, правящие классы Германии и России, следуя обычаям предков, продолжали поощрять преследование кабана с помощью копий

Энтузиасты продолжали поддерживать эту разновидность охоты. В 1938 году золингерский изготовитель ножей Эйкхорн предлагал своим покупателям на выбор две разновидности копий для охоты на кабанов:

№ 1780. Тяжелая разновидность - 45 рейхсмарок

№ 1447. Легкая разновидность - 28 рейхсмарок.

Производство продолжает функционировать и сегодня.

Пики

Первоначально понятие «пика» употребляли как синонимическое с обозначением «копье», однако, начиная с XVII века, его стали применять только к копьё с длинным древком и небольшой головкой или наконечником. Сегодня пики относят исключительно к боевому оружию, но первоначально их часто использовали и для охоты. Так, скажем, на рисунках из рукописи XIII века изображено животное, которое убивает человек в кольчуге, вооруженный пикой (рисунок 34).

При применении в качестве охотничьего оружия пика обладала ограниченными возможностями. Однако с ее помощью конный охотник имел определенное преимущество во времена долгой охоты, догнав добычу, он обездвиживал ее ударом пики, чтобы можно было пустить в ход саблю или копьё. На картине Лукаса Кранаха 1529 года «Охота на оленя эрцгерцога Фридриха Мудрого», хранящаяся в Музее истории и искусств в Вене, изображен олень, преследуемый по берегу реки, в то время как на другой стороне потока располагаются королевские охотники со своими самострелами. Одни охотники завлекают оленя, другие держат наизготовку сабли или длинные пики.

На иллюстрации Страдана (1578), изображающей охоту на медведя, изображены конные охотники, подгоняющие пиками зверя к сетям, около которых его поджидают пешие охотники с пиками в руках. На другой картине того же художника мы видим конного охотника с пикой в руках, окруженного собаками. Лорд Атри изображен на портрете Тициана (1550) в прекрасном охотничьем костюме брусничного цвета с золотым шитьем. Он держит в руке пику, древко которой покрыто таким же материалом. Маленький наконечник использовался начиная со Средневековья до Нового времени.

Хотя в XVI веке конструкция пики усовершенствовалась, наконечник остался практически без изменений.

Встречалась и другая разновидность пики, пропорции которой показывают, что она предназначалась только для охоты. Это пики для охоты на серну и каменного козла. Прекрасную иллюстрацию находим в «Триумфе Максимилиана» (рисунок 35). На ней изображена группа охотников на серн, которыми командует Конрад Цуберле, который обещал, что обеспечит своего императора «самыми прекрасными горными козлами и сернами, из тех, на которые охотились в мире».

Заметим, что в зависимости от условий охотникам было необходимо самое разнообразное оборудование. Так, во время охоты в горных районах они носили прочные кожаные туфли и надевали металлические шипы, чтобы не скользить на ледяной поверхности. Для хождения по снегу охотники надевали снегоступы в виде деревянных колец, на которых были закреплены конструкции, напоминавшие круглое решето (рисунок 35)

В качестве вспомогательных приспособлений для подъема на горы могли использовать тонкие копья длиной в 3-4 метра. С их снимали острые наконечники, укладывая их в ножны наравне с поясными ножами. На многочисленных гравюрах можно увидеть охотников на серн, взбирающихся на горные уступы, чтобы поразить животных, находящихся внизу. Они использовали копья и как метательные снаряды, и для того, чтобы столкнуть серну с обрыва, и как средство для переноски убитых животных вниз в долину. Интересно, что искусный охотник на серну мог бросить свое копьё на расстояние до 40 м.

Похоже, что именно данная разновидность охоты привлекала Максимилиана. В рукописи «Тайные наставления по охоте», написанных для его внуков Карла и Фердинанда, он пропагандирует пики длиной в четыре клафтера, то есть более, чем в 6 м длиной. Чтобы не повредить древка, пики полагалось хранить в специальных коробках, висевших на хорах в церкви. Один из таких редких образцов пик сохранился в замке Тратцберг в Австрии.

Копья для охоты на кабанов

По мере того, как в XVII веке получали распространение ружья с кремневым замком, превращавшие охоту в один из способов массового истребления животных, многие дворяне склонялись к участию в охоте, где животное могло выжить, а охотник только чувствовал опасность, но не испытывал ее. Такие возможности предоставляла охота на кабана с помощью пик или легких копий.

На картине Веласкеса «Охота на кабана Филиппа IV Испанского», написанной около 1640 года, сегодня хранящейся в Национальной галерее Лондона, изображена лесная поляна, окруженная сетями наподобие арены, на которую можно было выгнать кабана. Всадники подгоняли кабана с помощью коротких пик, небольших остроконечных сабель или двойных копий с зазубринами (горгулий). Стоявшие вокруг сетей слуги вооружались обычными копьями для охоты на кабанов, имевшими широкое лезвие и перекладину.

В 1674 граф Амадео ди Кастельмонте опубликовал в Турине свою «Настоящую охоту». Хотя он и заявляет, что собирается говорить об охоте на оленя, медведя, кабана, лисицу и зайца, он одновременно сообщает минимальные сведения, иллюстрации приведены только для того, чтобы польстить правителям Савойи и представить портреты членов королевской семьи, их жен и любовниц.

Правда, одна вклейка заслуживает внимания, поскольку на ней изображены во время охоты на кабана с помощью коротких пик или дротиков эрцгерцог и эрцгерцогиня Баварские, посетившие с визитом двор Савойи. Эрцгерцог изображен замахвающимся или почти бросающим свое копьё в кабана, а его супруга едет верхом на дамском седле. Она одета неподобающим образом – в парадные одежды, поэтому пик держит прямо, параллельно земле. Их обращение с пиками почти такое же, как у индийских охотников на кабанов, нарисованных почти на 200 лет позже.

На картине Якова Филиппа Хакерта, хранящейся в музее Каподимонте, где изображена охота на кабана Фердинанда IV Неапольского в 1785 году, показан более традиционный способ охоты на это животное. Охота проходила в Кассано, где собаки подняли кабана и погнали его по отмеченному флажками маршруту по ровной долине.

Верховые охотники подгоняли собак с помощью коротких легких пик, которые в случае необходимости можно было вонзить или бросить в разъяренного кабана. Отсутствие прикрытия, бег вдоль флажков, группы слуг, следящие за собаками, и длинные ряды тщательно выстроенных зрителей показывают, до какой степени деградировала охота, постепенно превращаясь в зрелище.

Не прошло много времени, как охота переместилась в пыльные, покрытые кустарниками равнины Индии, где превратилась в опасную игру, требовавшую определенных навыков и волновавшую кровь. В нее с удовольствием играли в британских колониальных сообществах.

Похожим образом организовывалась охота на лис в Англии, когда в XVIII века количество оленей начало уменьшаться. Поэтому копы для охоты на кабанов, столь распространенные в Индии, уже в начале XIX века получают распространение в Англии, вытесняя другие разновидности оружия, предназначенные для преследования больших животных, таких как медведи.

Обычно на медведей в Индии охотились конные всадники, вооруженные коротким копьём с широким лезвием, который бросали наподобие дротика. Другие животных преследовали с помощью пик. Для этого использовали восточную разновидность оружия, применявшуюся как на охоте, так и во время военных действий, длиной от 2 до 3 м. Древко изготовлялось из длинного бамбука часто украшалось лаком, парчой, серебром или золотом, оно выделялось и своим тяжелым металлическим наконечником с шарообразной головкой, заканчивающейся острием. Этот груз действовал как противовес, обеспечивающий дальность броска. Острие обычно представляло собой небольшое лезвие треугольной или листовидной формы. Однако, у некоторых очень коротких пик, использовавшихся как дротики, имелись длинные остроконечные лезвия.

Когда европейцы в Индии обратили внимание на передвигавшиеся по стране огромные стада диких свиней, то стали использовать то же самое прочное, но легкое бамбуковое древко. Специализировавшийся на описаниях охоты Г.А.Ливсон так писал о способе их производства:

«Бамбук для военных пик следует срезать в конце жаркого сезона, когда сок еще хранится в корнях, затем их следует повесить на стропила вместе с грузом в 14 футов, чтобы они в течение нескольких месяцев висели в распрямленном положении. Местные жители говорят, что если бамбук срубить во время новой луны, то он прослужит долго, если же во время полной луны, то он сгниет за два или три года. Если бамбук срубить в дневное время, то он просто пересохнет, а не высохнет».

Европейские пики для охоты на кабанов редко украшались, они оснащались самыми простыми разновидностями лезвий и наконечников. Практически встречаются пики двух основных размеров.

Длинная пика составляла примерно 4-6 м в длину и весила примерно 1,5 кг. Ее держали одной рукой, захватив примерно за две трети древка, от заднего конца, суставы были повернуты вниз, а большой палец располагался вдоль древка. Следовательно, когда рука висела свободно, оставался простор для маневра с помощью запястья, локтя и плеча. Кабана удавалось удерживать на безопасном расстоянии, и тогда человек и лошадь, слившись в единое целое, как бы выстреливали вперед. Неудобство длинного копья, равно как и пики, заключалось в том, что им неудобно было пользоваться, он оказывался слишком громоздким в кустах, среди деревьев и длинной травы.

Подобные препятствия удавалось избегать, используя короткое копьё с прочным древком, примерно 2,5 м в длину, имевшего на конце свинцовый груз. Здесь использовалась техника захвата, когда удерживали копьё за конец, вывернув суставы вперед и подняв вверх большой палец. Затем копьё придерживали локтем и вонзали в спину кабана, нанося смертельный, перпендикулярный удар.

Обе разновидности копья и сама методика использовались с древнейших времен. В качестве примера приведем изображение на рельефе на ассирийской стене 653-651 года до н.э. из Северного Дворца, города Ниневии, сегодня хранящееся в Британском музее. При правильной эксплуатации, даже при относительно небольшом весе, копьем удавалось сбить даже могущественное животное. Так на индийском рисунке примерно 1840 года, хранящемся в Музее Виктории и Альберта, можно увидеть раджу Рам Синха из Котана, нападающего на бизона описанным нами способом.

Отметим, что такой способ использования копья требовал большого искусства, кроме того, кабан мог приблизиться к лошади на опасное расстояние и нанести ей увечья. О подобных рисках сообщалось в описании встречи, состоявшейся в Калькутском шатровом клубе в марте 1860 года, состоявшейся в Соверра Буреа около Тамлука. Для этой цели собрали 15 охотников, у каждого из них было 4 лошади. В качестве загонщиков привлекали 11 слонов. Перед лицом такой небольшой армии у свиней практически не оставалось никаких шансов, однако, после трех дней преследований удалось убить только 37 боровов, при этом 9 лошадей покалечилось, а 13 человек были сброшены или выбиты из своих седел.

Выражая точку зрения большинства британских охотников, Старый Шекери пишет: «Охота на кабанов или прокалывание свиней, которые происходят в Индии, являются действительно королевской охотой, олицетворяющей все самое восхитительное. В ней соединяется привлекательность охоты на лис с возбуждением от накала страстей во время преследования, и в то же время сопровождается необычайным очарованием, которое оказывается возможным только при ощущении опасности».

Отметим, что местные вкусы сказывались в выборе лезвий для копий, среди которых следует отметить две основные разновидности. Одна назвалась бодрадж и представляла собой глубокий наконечник с плоским, похожим на лист лезвием примерно в 10 см длиной. Оно часто имело усиление в виде гребешка или ребра. Его в основном изготавливали в Аурунгабаре в Бомбее.

Другое, более длинное лезвие основывалось на форме европейского байонета с тупым или заостренным концом, треугольного сечения, 15-20 см длиной.

Его поставляли такие лондонские фирмы как Уилкинсон с Пэлл Мэлл, Хилл с Хеймаркета или Торнхилл с Бонд-стрит. Старый Шекери хвастался, что мог разрубить таким лезвием доллар, даже не повредив его край. Копье с головкой типа байонет, хранящееся в Лондонской оружейной башне, имеет клеймо Ментона, фирмы известных оружейных мастеров из Калькутты (рисунок 37).

Расцвет охоты на кабанов с копьями связывается с развитием небольших ударных и патронных пистолетов. После их появления прошло совсем немного времени, как некоторые охотники стали экспериментировать с ними и пробовать прикреплять пистолеты к лезвию копья. Подобные комбинированные копья, несомненно, оказывались более удобными и эффективными, чем их предшественники, где использовался тяжелый пистолет с колесцовым замком. Обычно пистолеты новой формы прикреплялись таким образом, чтобы при давлении на лезвие пистолет автоматически выстреливал. К сожалению, так происходило не только осознанно, под воздействием человека, но и вследствие соприкосновения с веткой или кустом. Тогда пистолет легко разряжался.

Метательное копье или дротик

Метательное копье или как мы его сейчас называем дротик, было едва ли не самым популярным оружием Древнего мира. Длинные копья с тонкими древками можно увидеть на многочисленных изображениях охотничьих сценок на греческих вазах. На хранящихся в Британском музее римских мозаиках изображены всадники, вооруженные короткими копьями с листовидными наконечниками или заостренными наподобие стрел. Они использовали их как колющее оружие, которое держали за середину древка и прижимали подмышкой, или бросали наподобие дротиков (рисунок 38).

Фактически слово «дарт» (дротик) ввели англичане, обозначившие им короткие, легкие копья. На иллюстрациях в рукописи XV века Гастона Феба изображены всадники в соответствующей позиции, готовые бросить дротики в оленей или кабанов. На Девонширских охотничьих гобеленах примерно 1425-1450 годов применявшиеся для охоты на медведей дротики имеют тяжелые заостренные как у стрел головки и прикрепленные под ним перьевые хвостовики. Они похожи на тот экземпляр, который несет рыцарь на алтарной картине из храма Святого Ламбрехта, написанной Хансом фон Тюбингеном около 1430 года, сегодня хранящейся в музее Иоганнеум в Граце (Австрия). В издании 1509 году «Метаморфоз» Овидия изображены метательные дротики с заостренными как у стрел концами, которые кидают в вепря (рисунок 39).

Легко предположить, что если Генрих VIII прекрасно владел всеми видами оружия, то он был метким метателем дротиков или легких копий. Эразм писал в 1529 году, что он (король) «имеет такую грацию и подвижность, что, бросая дротики на скаку превосходит многих». В 1532 году Анна Болейн подарила Генриху VIII «несколько богато украшенных бискайских дротиков». Возможно, именно они перечислены в описи 1547 года как «дротики с позолоченными наконечниками». В огромном арсенале короля хранились самые разнообразные дротики, в основном предназначенные для церемониальных выходов. Среди них отметим «дарды или усеченные дротики», которые бросали с надстроек военных кораблей при абордажной

схватке. Они появились примерно в конце XV века и обозначались как «испанские дротики». При испанском королевском дворе были популярны упражнения и игры конных всадников с мавританскими дротиками.

Что же касается первых европейских дротиков, то сохранилось всего несколько экземпляров, которые по всей вероятности предназначались для церемониальных целей. Так в Королевской оружейной палате в Мадриде находится стальное метательное копье или дротик конца XV века, которое явно использовалось как охотничье оружие, оно представляет собой уменьшенную копию копья для охоты на медведя, оснащенное перекладной. Оно представляет особый интерес, поскольку точно такой экземпляр изображен в Описи арсенала Карла V, сделанной примерно в 1540-1550 годах (рисунок 40).

Филипп II Испанский приобрел несколько рисунков охотничьих сенок у итальянского художника Тициана. На одной из них «Диана и Каллисто», примерно 1556 года (Национальная галерея, Эдинбург) и на более ранних рисунках того же Тициана, в частности, «Венера и Адонис» (1545-1546, Прадо, Мадрид) представлено охотничье вооружение, куда входит и тяжелый дротик с перьевым наконечником.

Именно на востоке искусство бросания дротиков достигло наивысшего совершенства. Так французский ювелир Джон Шарден, путешествовавший по Персии в семидесятых годах XVII века писал с восхищением: «Народ Персии так хорошо сложен и так искусен в данном упражнении, что может бросать дротик или метательное копье на шестьсот или семьсот шагов».

Хотя трудно точно сказать, когда появились первые персидские или турецкие дротики, то совершенно точно известно множество образцов XVII-XVIII веков. Их называли по разному – джерид, джарид или джеред, их длина колебалась от одного до полутора метров, а лезвие составляло от 10 до 20 см. Обычно оно имело треугольное или квадратное сечение, прямые и ромбовидные формы не известны.

Древки обычно изготавливали из дерева, украшая декоративными накладками из серебра, были также популярны и дротики, полностью изготовленные из стали. Обычно у них были плоские наконечники, с остро отточенными лезвиями, и оперение на задней части наподобие перьев стрел, Поверхность древка украшали гравированным или вырезанным орнаментом в виде арабесок (рисунок 40). Обычно дротики переносили по три штуки в колчанах, где они подвешивались к серебряным петлям, чтобы защитить острые лезвия. Иногда один или два дротика переносились в ножнах вместе с саблей, причем все они отделялись одинаково. Заметим, что японский дротик макура уари имел самое маленькое лезвие, порядка 5 см.

Трудно сказать, когда дротик начал использоваться в качестве короткого копья. Известно, что национальные его разновидности, как, например, африканский асегай, использовались как для метания, так и для нанесения колющих ударов. Самым искусными метателями считались кафрские воины и охотники. Рассказывают, что они метали их так быстро, что три копья находились в воздухе одновременно. Происходило это следующим образом: вначале воин раскачивал в руке самое легкое копье, заставляя его вибрировать, а затем метал его на расстояние в 50-70 ярдов «как будто изящная змея грациозно взвивалась в воздух». Затем он переходил к более тяжелым копьям.

Для усиления броска и увеличения дальности использовали простое приспособление в виде веревочной петли, прикрепленной к середине

древка. Такую разновидность дротика греки называли *ankule*, а римляне *amentum*. В данном случае дротик удерживали в руке и бросали с помощью двух пальцев, пропущенных через петлю. Аборигены из Новой Каледонии (Новая Гвинея) и Гебридских островов использовали похожую петлю, которую прикрепляли таким образом, что она соскальзывала с древка при резком толчке сразу же после броска.

Самой эффективной среди разновидностей метательных копий оказывалась метательная палка, обнаруженная этнографами в Австралии, Центральной Америке и в районах Арктики, где лук был или не известен или почти не использовался из-за нехватки материала. Почти все палки были деревянными от 60-80 см длиной и отличались разнообразием конфигураций. По форме они представляли собой ровный, несколько расширяющийся к одному концу стержень с захватом с одной стороны и выступающим острием с другой. Последнее представляло собой зуб или кусок кости и помещалось на толстом конце копья. При метании копье располагалось вдоль руки и поддерживалось пальцами.

Обычно при бросании копья рукой захватывали середину древка. Сила броска направлялась к основанию, так что палка выступала в качестве продолжения руки метателя. В большинстве случаев так усиливался радиус броска копья. Привезенные в Европу аборигены демонстрировали свои палки, в Кенсингтоне, бросая их на расстояние в 30-40 м.

Копья с несколькими лезвиями

Все виды копий или пик, описанные ранее, независимо от своей длины, формы и конструкции, основывались на одной разновидности лезвия. Достаточно давно поняли, что в случае охоты на небольшого или слишком подвижного зверя было гораздо легче поразить цель с помощью двух или больше лезвий. Конечно, цель удавалось поразить, однако, возникали новые проблемы, ибо соответственно увеличивался вес и снижалась маневренность копья.

Одним из самых первых образцов копья с множеством лезвий считается хранящийся в Британском музее бронзовый трезубец, из города Ура (Месопотамия), датируемый примерно 3000 годом до н.э. С незапамятных времен использовались и классический трезубец, как у Нептуна, всегда предназначавшийся для охоты на рыбу, и копье для ловли угря. Бронзовые трезубцы обнаружены при раскопках поселений доисторических озерных жителей Швейцарии. Их находили и по берегам озера Гарда, а железные предметы - из селения Ла-Тен, давшего название одноименной археологической культуре.

На мозаике Барберини первого века н.э., хранящейся в национальном археологическом музее Пренестина в Палестрине, изображен рыболов, держащей наизготове трезубец. Заметим, что подобные копья с множеством лезвий использовались не только против морских существ. На персидской печати IV или V века выгравирована сценка с конным охотником, бросающим в лису удлиненное копье с тремя зубцами (рисунок 41).

Встречаются и другие охотничьи сценки, например, на мозаиках императорской виллы Пьяцца Армерина, заложенной во II веке н.э. Здесь изображен другой всадник, преследующий зайца, вооруженный копьем с двумя зубцами. Выше уже говорилось о похожем оружии, которое использовали для охоты на медведя. В Германии известно двузубое «волчье копье» (*Wolfgabel*) которое используется прежде всего для охоты на волка. На картине из часовни

Берланга (Кастель), сегодня находящейся в частной коллекции в Нью-Йорке, изображена охота на зайца, где конный охотник умело обращается с трехзубым копьем.

В основном копье с множественными лезвиями, с помощью которого оказывалось возможным преодолевать обманный оптический эффект, возникавший от преломления света в воде, был нацелен на обитателей подводного мира. Большинство из них составляли выдры, на которых охотились с поразительной жестокостью. На иллюстрациях в рукописях XV века Гастона Феба и Страдануса изображены копья с тремя лезвиями, на девонширских охотничьих гобеленах (1425-1450) и в «Отдыхе джентльмена» Ричарда Блума (1686) изображены двузубые пики, применявшиеся для охоты на выдр (рисунок 42).

В современной литературе, посвященной охоте, такие копья редко характеризуются подробно, однако Д.В.Карлтон в своей «Записной книжке об охоте» (1842) дает следующее описание необычного копья для охоты на выдр:

Длинный, гибкий, ясеневый шест, заканчивается тщательно подогнанным наконечником. Он закреплено на узком конце пики с помощью винта с гайкой, вставленных в специальное отверстие. Из прочного наконечника выходят два крючка, которые не дают возможности животному освободиться от вонзившегося в него копья.

Более раннее по время употребления копье для охоты на выдр представляло собой небольшие грубо сделанные вилы, появившиеся из-под молота какого-нибудь местного кузнеца. Поэтому такой невзрачный элемент вооружения не заслуживал внимания, и его не включали в описи. Однако в арсенале Генриха VIII, хранящемся в Лондонской белой башне, хранятся двадцать пять «трехгранных крытых бархатом палок частью с позолоченными концами». В Гринвиче также находились «трехзубые позолоченные вилы», которые, возможно, предназначались для охоты на выдр.

Чтобы охотиться на выдр, обычно копье делали с тремя или более зубцами. Местные охотничьи копья делались из самых разных материалов. Так на Фиджи у копья имелось четыре деревянных острия, каждое более 3 футов в длину, соединявшиеся ремнями с древком. Таитяне использовали длинные кости, расщепленные с одного конца, чтобы получился трехзубец со съемной головкой. На Борнео головную часть копья образовывали четыре железных зубца. Эскимосы придумали любопытное копье, в обычной точке, где крепились зубцы, находился ряд костяных зубцов, выходивших из середины древка. Последняя разновидность была разработана метателем копья.

В Европе применялись три способа установки зубцов. Сначала отметим разновидность, когда колющие зубцы припаивались к стреле, плоской опорной пластине наконечника. Во - вторых, железные зубья выходили из центрального стержня или древка или приваривались к нему. Третья разновидность предполагала, чтобы зубья и основание выделялись из плоской металлической пластины (рисунок 43). Во всех разновидностях использовалось свое количество зубцов.

Приведем несколько примеров. На 89 иллюстрации Страданус изображает рыбаков с четырех- и шестизубыми копьями. Писавший в 1843 году В.Скоропе рассказывает о копье для охоты на лосося с пятью зубцами. Изготовители копий должны были специально прорабатывать вопрос, что чем больше зубцов вставляли, тем легче было попасть в цель и удержать самую маленькую рыбку.

В мемориальной коллекции Джадкина в Бате находится копье, у которого центральное острие окружено пятью зубцами крючкообразной формы

с каждой стороны. Возможно, его использовали для охоты на угря (рисунок43). На картине американского художника У.Маунта (1807-1868) «Охота на угря с копьем в Сетакете», хранящемся в коллекции Нью-йоркской Исторической ассоциации, точно такое копье показано в действии. Громоздкое на вид копье, находящееся в Замке Блэр (Пертшир), имеет головку с одиннадцатью колючками, вырезанными из плоского куска металла.

В Шотландии особой популярностью пользовалось копье для охоты на рыбу или, точнее, на лосося, на диалекте обозначавшееся как *leister* или *walster*, а на гаэльском *Muirgheadh*. Это было самое короткое и одновременно самое тяжелое копье, которым кололи, а не метали его. Обычно его прикрепляли к длинному линю или веревке. Некоторые рыбаки достигли такого искусства, что Дж.Логан в книге «Гаэльский сборник или Шотландцы у себя дома» (1848) пишет о человеке, который попадал в лосося девять раз из десяти на расстоянии до 40 ярдов.

В Англии охота с гарпуном или остройгой запрещалась уже с 1533-1534 года (билль Генриха VIII), в Шотландии - с 1601 года, в Ирландии - с 1714 . Однако, несмотря на запрет, охота с гарпуном и остройгой продолжала существовать вплоть до XX века. Яркие картины охоты с гарпуном приводит сэр В.Скотт в романе «Хью Меннеринг» и «Красная рукавица». В последнем романе он описывает охоту на берегах эстуария реки Сольвей, когда начинался отлив, и река сильно мелела, появлялись конные охотники, преследовавшие лососей:

Они гнались за рыбой во весь опор, ударяли их своими копьями с колючками, точно также как и охотники, коловшие медведя на старых гобеленах. Конечно, лосось относился к своей участи более спокойно, чем медведь, разъяренный причиняемой ему болью, бросавшийся на охотников. Однако лосось настолько быстро перемещался, что его могли поразить только искусные наездники, обладавшие зорким глазом, твердой рукой и полным контролем как над своим конем, так и над оружием.

Гарпуны

Встречается одна рыба, точнее млекопитающее, которое не могло не вызывать пристального внимания со стороны охотников. Это кит, на который охотились с тех пор, как человек смог построить подходящую для этого лодку. Скорее всего, охота на китов в неолитические времена была похожа на то, что делали эскимосы в то время, когда европейцы впервые вступили с ними в контакт. Как эскимосы, так и индейцы, жившие на северо-западном побережье, использовали гарпуны с концами в виде колючек, сделанных из кости или обсидиана, они были настолько острыми, что могли пробить шкуру кита. Обычно их прикрепляли к головке гарпуна, древко могло натягиваться, выполняя функцию маяка или буйка.

Когда в кита попадало множество гарпунов, он слабел от боли, и не мог погрузиться в глубину. Охотники терпеливо выжидали, пока он устанет и потеряет подвижность, после чего приближались и добивали его пиками и ножами. Обычно охотники тщательно следили за тем, чтобы не подплыть к киту в своих хрупких суденышках, лодках и каноэ, на близкое расстояние.

Жители Алеутских и Курильских островов применяли более безопасную систему. Наконечник копья с колючками пропитывали ядом и бросали его в кита, после чего охотник быстро уводил свое неповоротливое суденышко с места действия, предоставляя киту право умирать от яда. Затем он подбирал его с плавающего баркаса через несколько дней.

Начало создания более прочных лодок и введение прочных железных копий или гарпунов привело в Европе к развитию иной техники. Как только гарпун стал прочно удерживаться в туловище животного, возникла настоятельная потребность в том, чтобы суметь удержать его привязанным к лодке с помощью длинного выпущенного каната, даже на расстояние в 200-300 фатомов (морских сажений). Попытка буксировки лодок, наконец, позволила загонять кита, он уставал, и к нему оказывалось возможным подойти и напасть на него с помощью пик, доведя его до смерти.

Современная индустрия забивания китов началась в Бискайском заливе и превратилась в хорошо организованную торговлю, которую вели французские и испанские баски. В 1160 году король Наварры Санчо Мудрый, оказал свою милость городу Сан-Себастьян, передав ему список подлежащих таможенному обложению товаров, среди которых перечислен и китовый ус.

Ряд городов, расположенных на баскском побережье включили изображение китов в свои гербы. Когда после интенсивного промысла стада китов в заливе начали истощаться, баски перенесли свою охоту к побережью острова Ньюфаундленд. Именно здесь английские, французские и португальские рыбаки уже добывали треску.

Успешные технологии промысла распространялись от рыбаков почти всех стран северной и западной Европы, к XVI веку они всячески соперничали друг с другом, не чуждаясь никаких средств, поскольку их самым большим призом оказывался огромный кит.

В книге Хеклю «Путешествия» 1575 года описано китобойное судно с водоизмещением в 200 тонн и командой в 55 человек. Рекомендовалось использовать следующее снаряжение:

- 15 больших метательных копья
- 18 маленьких метательных копий
- 50 гарпунных крюков
- 5 полубаркасов
- 5 человек, чтобы бить с помощью гарпунных крюков.

Интересно упоминание людей, специально предназначенных для забивания китов. В начале XVII века Московская компания в Лондоне собиралась установить монополию на ловлю китов, но встретила сопротивление других торговцев. Прикрываясь шотландским патентом, выданным Натаниэлю Эдвардсу в 1626 году для рыбалки в Гренландии, они выступили единым фронтом.

Московская компания повторно обратилась за разрешением в Тайный совет, основное содержание их жалобы состояло в том, что их противники «нарушают принципы гарпунеров и охотников на китов». Ведь именно от гарпунера, обычно «бискайца», зависела удача всего мероприятия. Профессия относилась к «закрытым», консервативным занятиям, поэтому в XVIII веке ощущалась потребность в специально обученных людях. Так 3 марта 1731\1732 года Совет Лондонской Южной морской компании в Лондоне информировал, что семь судов, готовых отплыть в пролив Дэвиса, задержаны в Грейвсенде, «поскольку нуждались в голландских гарпунерах, обработчиках ворвани и матросах других профессий».

После введения гарпунного оружия (об этом подробнее говорится в шестой главе «Ружья») орудия охоты практически не изменились. Как показывает Мартин в 1694 году, метательное копье или пика практически ничем не отличаются от гарпуна Маркхема (рисунок 45).

К длинной с углубленным древком пике приваривалось остроконечное лезвие в виде листа и присоединялось к короткому

деревянному шесту с общей длиной в 10-15 футов. Гарпун имел огромный наконечник, происходивший от римского пилума и франкского или меровингского ангона. Как писал Мартен, у него «два острых лезвия, отточенных на конце, и широкая задняя часть почти как у резака. Считалось, что лучшие гарпуны надо делать из стали, сочетающей прочность и гибкость. С этим не соглашался Уильям Скорсби, великий английский капитан-китобой. Он так характеризует черенок гарпуна:

Поскольку гарпун подвергается резким усилиям и изгибам и должен быть очень острым, его следует сделать из самого лучшего и гибкого железа... Чтобы испытать прочность гарпуна, его стержень сгибают на железном болте толщиной в дюйм, затем снова разгибают и выпрямляют. Если все это проделать, не нагревая гарпун, то результат окажется просто превосходным.

Стержень гарпуна не был длинным, а вот длина и вес пики зависели от фантазии гарпунера. Иногда на гарпуне выбивали название корабля. Существовали и некоторые приметы, например, чтобы охоте сопутствовала удача, следовало прикрепить к веревке ленты и подвязки.

Методика охоты на китов, представленная в описаниях XVII века практически без изменения сохранилась вплоть до XIX века. Когда кита замечали на горизонте, тотчас с основного корабля спускались пинасы (полубаркасы) или шлюпы (ялики). Команда каждой лодки состояла из гарпунера, рулевого и четырех или шести гребцов. После спуска лодка начинала спокойно маневрировать, чтобы гарпунер получил возможность выстрелить. Остальное лучше воспроизвести со слов писателя XVII века Самуэля Пуршаса:

Стоявший на носу гарпунер бросает свой железный гарпун в кита обоими руками как только тот окажется на расстоянии броска. Как только гарпун попадает в кита, тот старается уйти в глубину. Чтобы не потерять его, к древку гарпуна привязывают веревку длиной не менее двухсот фатомов. Ее раскладывают на дне лодки, чтобы она могла свободно вытянуться, не мешая киту скрыться в глубине. Когда веревка вытянется, кита начинают тянуть вверх, заставляя подняться, веревку аккуратно сматывают, чтобы она не запуталась. Когда кит поднимается над водой, китобои ударяют его пиками, то из одной шлюпки, то из другой, ибо обычно для охоты на кита используют две лодки. Они колют до тех, пока кит плавает вокруг них, и пытаются достичь под водой его живота... Получив смертельную рану, кит выплевывает кровь (раньше он выбрасывал воду), постепенно силы оставляют его, и прежде, чем он умирает, он иногда может оттянуть шлюпку на три или четыре мили от того места, где его впервые ударили.

Пуршас предупреждает своего читателя, что во время агонии кит иногда разламывает лодку своим хвостом. Поэтому он высказывает мнение, что «охотники на китов обязательно должны быть искусными пловцами».

Похожим образом охотились на моржей, тюленей и иногда полярных медведей. Несмотря на введение гарпунных пушек, разрывных наконечников, моторных лодок, на Азорских островах продолжали использовать традиционную методику охоты на китов с ручными гарпунами и гребными лодками.

И, наконец, следует упомянуть о гиппопотаме - еще об одном животном, которое привлекало внимание гарпунеров. До недавнего времени некоторые местные жители Центральной Африки охотились на этого обитателя рек и озер практически также, как египетские охотники 3000 лет тому назад. Используемый для охоты на гиппопотама гарпун имел древко

величиной в стойку строительных лесов, то есть был порядка 3 - 4 м в длину. На один его конец надевался наконечник с большим количеством шипов и тщательно закреплялся кожаными жгутами. К другому концу гарпуна прикреплялась прочная веревка.

На гиппопотама нападали точно также, как и на кита, с лодки. Даже если он сбрасывал тяжелый шест, все равно не мог перекусить все веревки, которые его удерживали. Гиппопотам напрасно пытался выпутаться, его движения были ограничены, и он ничего не мог поделать, наконец, устав, он опускался на дно реки, где его и добивали копьями (рисунок 47).

Хамранские арабы использовали другую разновидность гарпуна, где головка прикреплялась к легкому бамбуковому шесту, который можно было бросить одной рукой. К веревке прикреплялся легкий деревянный поплавок, похожий на поплавок из тюленьей кожи, изготовленный эскимосами. Затем в гиппопотама бросались другие гарпуны, пока он не падал от изнеможения.

Если гиппопотам пытался найти убежище на земле, то он попадал в ловушку. Она представляла собой деревянное бревно 4-5 футов, снабженное острием или головкой от копья, висевшее на веревке над тропой, по которой часто пробегал гиппопотам. Конец веревки спускался и устраивался таким образом, чтобы животное попало в него, освободив тем самым бревно, копьё падало и пронзало спину гиппопотама. Такие тяжелые копья часто дополнялись камнями и тогда использовались во время охоты на слонов.

Глава четвертая

Лук

Хотя до сих пор не найдены луки, которые можно было бы наверняка идентифицировать как оружие человека периода палеолита, не приходится сомневаться, что история лука начинается именно в этот период. Доказательством могут служить многочисленные каменные головки для стрел и другие артефакты. Начиная с неолитических времен, встречаются многочисленные наскальные изображения, не только такие известные, как охотник на оленей со скалы Валторта с Пиренейского полуострова, достоверные изображения луков можно восстановить и на основе артефактов из прибрежных поселений Швейцарии.

Почти все упомянутые изделия представляли собой плоские палки длиной от 1,5 до 2,5 м (в обычном состоянии), изготовленные из тиса. Такая длина обуславливала особую толщину лука, чтобы его можно было аккуратно согнуть и не повредить при этом. Их считают предками известных длинных луков периода Средних веков. В современной терминологии луки, изготовленные из цельного дерева, обозначаются как самострелы.

На наскальных изображениях эпохи неолита в Салавруге (Белое море) изображены охотники с более короткими, приблизительно в 1 м длиной луками. Огромное количество аналогичных луков, появившихся в период неолита и позже, также не более 1 м в длину, были найдены в азиатской части России, особенно к востоку и северо-востоку от озера Байкал. Чаще всего их делали из дерева, усиленного планками из оленьего рога.

На других луках периода неолита видны признаки того, что когда – то их обвязывали ремешками или полосками из сухожилий, чтобы не допустить растрескивания дерева и придать ему большую эластичность. Это не только древнейшие короткие, но и первые комбинированные луки. Обычно при их изготовлении использовали рог, как упругий материал, которым укрепляли внутреннюю часть ветвей лука. В средней части использовалось более твердое дерево, а концы или «уши» лука, укреплялись сухожилиями, обладавшими прочностью и эластичностью.

Вначале рог и сухожилия просто привязывали к дереву, а после изобретения мощного рыбьего клея, все три материала, рог, сухожилие и дерево стали соединять в прочное слоистое образование, которому придавалась соответствующая форма. Затем в нем вырезались выемки, к которым приделывалась тетива. Покрытие из коры березы или кожи помогало сохранить лук от чрезмерного перегревания или влаги.

Вот что писал некий арабский лучник около 1500 года:

Как человек состоит из четырех частей (костей, плоти, артерий и крови), так и лук изготавливается из четырех составляющих. Используемое для конструирования лука дерево соответствует скелету, рог - плоти, сухожилие артериям, а клей – крови. Если у человека есть живот и задняя сторона, и у лука встречаем те же самые части. Если человек может согнуться вперед и не повредить свой живот, и, напротив, может поранить спину, если резко откинуться назад, то нечто подобное может произойти и с луком. Его можно сгибать к средней части, но если попытаться согнуть поперек волокон, то он наверняка переломится.

Конечно, некоторым приведенные сравнения покажутся не совсем удачными, потому что составной лук сгибался в любую сторону. Чтобы

усилить его силу или натяжение, части лука специально конструировались таким образом, чтобы он сгибался при установке тетивы, а при ее снятии распрямлялся. Отсюда и происходит естественный изгиб лука при установке тетивы. Именно данная особенность и считается характерным признаком составного лука.

На бесплодном севере не сохранились документальные свидетельства использования и совершенствования лука. И, напротив, в более теплых и лучше заселенных землях Египта и Месопотамии имеются многочисленные археологические свидетельства того, что использовались как прямой деревянные, так и составной луки. Так на египетской «охотничьей таблетке» выцарапаны изображения охотников, стреляющих из луков, к концам которых прикреплена тетива. По контуру лук получил название «двояковыпуклый».

Анализируя египетские и ассирийские изображения лучников очень сложно определить, насколько точны изображения луков, созданные художником или скульптором. Нередко они дают достаточно приблизительные или просто условные очертания лука, по которым практически невозможно сделать какие-либо выводы о его устройстве и тем более о приемах их изготовления.

Хотя обычный изгиб вытянутого самострела представлен кусочками, встречаются образцы египетских луков из акации, имеющих упругие концы, слегка загнутые внутрь и при отсутствии тетива. В частности, двояковыпуклые луки, запечатленные на «охотничьей таблетке» явно повторяются в скульптурах и рисунках, начиная с 200 и вплоть до 1500 года до н.э. Скорее всего это были простые деревянные изделия.

Примерно с 1500 года до н.э. начинают развиваться другие разновидности лука. Среди них так называемый «треугольный лук», сконструированный в форме плоского равнобедренного треугольника, стороны которого сходились в области захвата под углом в 120 градусов. Изготовленный по такой схеме простой деревянный луг оказался бы настолько непрочным в точке захвата, что при сильном натяжении он просто сломался бы. Отсюда следует вывод, что луки такого типа обязательно должны были изготавливаться из специально укрепленного дерева.

На рельефах на одной из сторон колесницы, обнаруженной в гробнице фараона Тутмоса IV (1411-1397 годов до н.э.) изображены обе разновидности лука и части лука, который использовали египетские, сирийские или палестинские воины. Концы фрагментов луков обычно слегка загибались назад. Поэтому нет никаких сомнений в том, что к тому периоду большинство используемых луков имели составную конструкцию.

Для египтян главной проблемой оставался поиск подходящих материалов, из которых можно было изготовить луки. Известно, что они искали эти материалы и старались приобрести их у своих ближайших соседей. Об этом свидетельствует интересный документ обнаруженный в Угарите:

Пришлите мне кедровое дерево из Ливана
Пришлите мне сухожилия диких быков
Пришлите мне рога диких козлов
Пучок бычьих жил

Высказывалось предположение, что составные египетские луки были только привозными, но на самом деле, встречается изображение мастерской по изготовлению луков, сделанное на основании рисунка, обнаруженного в Гробнице Менхепера в Фивах (XV век до н.э.). Отметим и

скульптуру на рельефе из гробницы Пуймоя того же самого времени, позволяющую наглядно представить процесс изготовления составных луков.

Обширную информацию о методике охоты можно получить на основании изображений правителей и их придворных, охотившихся с помощью луков и стрел из своих колесниц.

Одно из таких известных изображений встречается на крышке деревянного сундука, обнаруженного в Гробнице Тутанхамона, на нем представлен королевский лучник, стоящий в своей колеснице и обернувшийся вокруг своей поясицы поводья таким образом, чтобы освободить руки, и он мог пользоваться мощным составным луком. Колесница оснащена коробом для стрел и колчанами.

В самой гробнице обнаружили множество стрел с именем фараона. Хотя анализ луков затруднен, потому что рог или сухожилия превратились в желеобразную субстанцию, все же сохранившиеся остатки позволяют сделать вывод, что речь идет именно о составных заостренных луках, когда-то покрытых чем-то вроде коры березы.

Если рисунки и рельефы гробницы действительно точны, то тогда оказывается, что Тутанхамон использовал те же самые стрелы с заостренными как у пик головками во время охоты на птиц, львов и страусов. Нижняя половина его левой руки прикрыта кожаной гардой или «нарукавником», что позволяло защититься от ударов тетивы.

Другой составной лук обнаружили в гробнице Аменхотепа II (1436-1411 годы до н.э.), великого воина-фараона, который хвастался, что смог натянуть лук, который никто из его солдат не мог использовать по назначению. У лука была центральная часть из твердой древесины, название которой не удалось определить, имевшей основу с двух сторон с приклеенными полосками из рога, он был также покрыт корой березы.

В обеих гробницах встречаются изображения разных видов охоты от кроликов до львов, которых преследуют с колесниц. Подвиги некоторых королевских охотников тщательно фиксировались. Так на надписи, сделанной в Калху Ашшурнасирапалом II (884-859 годы до н.э.) царь хвастается: «Своим луком и стрелами убил 30 слонов. Я убил 257 диких быков, я убил 370 гигантских львов с помощью своего копья». Тиглатпилесер I (1170-1090 годы до н.э.) заявлял, что убил 4 диких быков, 10 слонов и 920 львов, и всех из них луком и стрелами. Он также заявлял, что убил зверя «дующего носом», возможно, кита или дельфина, когда выстрелил в него со своего корабля Арвад близ сирийского побережья.

В Центральной Азии между 1000-500 годами до н.э. разработали другую форму составного лука, которой было суждено войти в историю как скифский лук, поскольку именно скифы использовали его чаще других народов. Роджер Ашэм так писал о них в 1544 г.:

«Народ Скифии известен тем, что из всех других народов отдавал предпочтение и использовал луки. Скифы считали богатым того, кто имел хозяйство, состоявшее из вола, плуга, коровы и собаки, сюда же относили лук и меч. Именно от скорости стрельбы из лука зависело не только выживание человека, но и возможность уцелеть в постоянных военных баталиях».

По форме лук не отличался большими размерами, имел хорошо загнутые конечности, утопавшие в рукоятке и отогнутые назад по краям или «ушам», После падения Ассирийской империи заостренный лук впал в немилость, и тогда скифский лук распространился повсеместно на запад, придя через Персию в Грецию и затем в Италию. Он считался классическим луком, о нем пишет Гомер в «Илиаде» и «Одиссее» и широко разошелся

благодаря греческим воинам и колонистам. К счастью, сохранились описания его свойств.

В качестве примера приведем надпись III века, сделанную в Ольвии, в ней говорится: «Я утверждаю, что известный Анаксагор, сын Демагора выстрелил на 282 орга. Принимая «орг» как синоним фатома (сажени), получаем приблизительно 564 ярда или 516 метров. Такой лук во время стрельбы можно увидеть на рисунке, сделанном на основании росписи греческой керамики (рисунок 50).

Если луки становились более мощными, из них оказывалось все труднее стрелять, и их было так же трудно натянуть. В это время в западной части центральной Азии развилась другая разновидность сложного лука. У данной модели концы «уши» концов лука выпрямлялись и связывались костяными планками. Фактически длинные «уши» действовали как рычаги, равнодействующая более длинная тяга облегчала натягивание тетивы и помогала преодолеть сопротивление рога. Такая форма лука начала доминировать в качестве основного оружия в Центральной Азии, распространившись в Китай на восток, Турцию на западе и Индию на юге.

На настенной росписи V-VI веков в «гробнице танцующих фигур» в Дунчжоу в Маньчжурии имеются охотничьи сценки, на которых конные всадники со своими луками преследуют тигра и оленя (рисунок 51). Сасанидские серебряные чаши также покрыты выгравированными охотничьими сценками, на них также можно различить данную разновидность лука с длинными угловатыми ушами.

Приведем и другой пример, в Музее Метрополитен в Нью-Йорке можно увидеть изображение правителя Пероза (457\459-484 н.э.), охотящегося на горных баранов. Фигуры охотника, его лошади и барана, выбитые на горельефе, копыта лошади и рога животного оттенены чернением.

Народы восточной Европы, постоянно подвергавшиеся вторжениям азиатских кочевников, восприняли от них конструкцию составного лука, бытовавшую в Центральной Азии, на основе которой создали похожие разновидности данного оружия. Первыми в Европе появились гунны, завоевывавшие одно царство за другим. Основную силу их армии составляли быстрые всадники-лучники. Один из вождей, Тан-Гу заметил: «Так все народы, которые умели натягивать лук, объединились в одну семью».

За гуннами пришли авары, чьи луки были отогнуты вперед, чтобы обеспечить большую дальность полета стрелы, а также усилены с помощью костяных планок. Похожим образом укрепляли и захват. Значительно позже появились мадьяры, использовавшие более длинные и прямые луки. Последнюю разновидность составного лука принесли турки, возглавившие последнюю атаку на христианский мир.

Азиатский составной лук

Турецкий лук, образовался от азиатской разновидности, бытовавшей в Центральной Азии, в результате ее приспособления для конного воина. Его размеры постепенно уменьшались, так что ко времени турецкого вторжения в Малую Азию и восточную Европу он составлял примерно 40-45 дюймов. Чтобы не потерять в дальности, укоротили «уши», теперь захват больше в них не заходил. В результате всех модификаций получился мощный и необычайно упругий короткий лук.

Турецкие мастера по изготовлению луков достигли наивысшего совершенства в 1451-1566 годах, в правление султанов от Мехмета II до

Сулеймана Великолепного. В то время как восточные луки быстро совершенствовались, западное огнестрельное оружие практически не улучшалось. Поэтому вплоть до конца XVII века турецкие стрелы практически не уступали по эффективности мушкетным пулям.

Искусство и мастерство стрельбы из лука возродились при Махмуде II (1808-1839), поощряемый им Мустафа Кани опубликовал в Константинополе в 1847 году «Отрывки из сочинений мастеров стрельбы из лука». Именно из этого подробного описания мы получили некоторые сведения о сложностях производства, а также об использовании луков на среднем и ближнем Востоке. Именно такую форму лука использовали арабы, мчавшиеся вдоль северных берегов Африки в Испанию или персы, совершавшие свои набеги в Индию.

Турки, арабы и персы внесли свой собственный вклад в теорию и методику конструирования, в целом разработав ее основные принципы. Поэтому довольно сложно отличить арабский лук от турецкого или турецкий от персидского. Обычно у арабских и турецких луков имели меньшие по форме «уши», хват не утоплен, как и на изделиях индо-персидского типа. В ненатянутом состоянии «уши» у последнего более загнуты, иногда они даже встречались или пересекались. Очевидно, что внутри каждой национальной группы форма луков отличалась, соответствуя и конкретному климатическому району, и той цели, ради которой изготавливались.

Одной из первых работ, посвященных мастерству стрельбы из лука, является рукопись, составленная Марди ибн Аль Аль-Тарсуси в сотрудничестве с главным александрийским оружейником для библиотеки Саладина в 1180 году. Марди разделил все луки на цельнодеревянные или несоставные и составные (арабские и персидские), а также провел различие между ручными луками и ножными или арбалетами.

Отметим и другие источники: мамелюкскую рукопись, написанную Тайбуги аль-Беклемиси аль Юнани около 1368 года, хранящуюся в Британском музее, трактат неизвестного марокканского лучника начала XVI века, в которых содержится почти классификация.

Подробно описывая бедуинские луки, марокканский автор указывает, что они были цельными или состояли из двух продольно склеенных кусков дерева наб, ширьян или шаухат. В группу цельных он включил луки, которые усиливались роговыми накладками и полосками из сухожилий, вероятно, привязанных к деревянной основе. Настоящий же сложный лук, и этой точки зрения также придерживаются многие современные исследователи, состоял из нескольких частей, где рог и сухожилия приклеивались к дереву. Затем он добавляет интересный комментарий, поясняя те случаи, когда менялось соотношение данных материалов:

В зависимости от различных климатических условий отдавалось предпочтение той или иной конструкции лука. Так в районах, отличавшихся необычайно теплыми или холодными условиями проживания, равно как и в местах слишком сырых и влажных, подходили луки из широких деревянных полос. Для районов умеренного климата, холодных и влажных наиболее пригодными были луки из узких деревянных частей и сухожилий. Их можно было также использовать и в районах, отличавшихся умеренным климатом, скажем, зимой. В районах с холодным и влажным климатом, например в Сирии и Андалусии, самыми подходящими считались луки, в которых преобладали роговые части, а дерево почти не использовалось, тетива была не очень длинной, а клей применялся в ограниченных количествах.

Анализ данного источника позволяет сделать вывод, что у персидских и турецких луков плечи были короче, чем у арабских. Сложный и последовательный процесс конструирования сложного лука подробно описан Мустафой Кани. Основная часть лука изготавливалась из дерева, выросшего в тени, чаще всего, клена, который в изобилии рос в районе Кастамуни. Роговые полоски вырезались из темного рога карibu или водяного буйвола. Тетиву изготавливали из ахиллесовых сухожилий скота, их высушивали, скоблили и расчесывали на волокна. Затем они пропитывались костяным клеем и наклеивались с задней стороны лука. Некоторые мастера изготавливавшие луки предпочитали рыбий клей, которые изготавливали из голов дунайского осетра.

Деревянная основа сооружалась из трех частей, соединенных в виде рыбьего хвоста. Как только роговые пластинки приклеивались к внутренней части лука, его постепенно изгибали, пока он не принимал неестественно изогнутую форму, называвшуюся таджир. Во время всего процесса конструкцию тщательно нагревали. Чтобы лук приобрел нужную форму, его изгибали с помощью зазубренного рычага и помещали в самшитовый шаблон.

Операции считались настолько деликатными, что Тайбуга даже предусматривал, в какое время года следовало осуществлять каждую из них. Так осенью следовало вырезать деревянное основание и приготовить полоски из рога и сухожилия. Зима предназначалась для сборки деревянных частей и накладывания роговых полосок. В начале весны накладывали сухожилия и приступали к формированию кривизны лука, процесс изгиба продолжался все лето. От мастерства создателя зависели сила и надежность лука. Марокканский специалист также подчеркивает содержание влаги в готовом луке. В зависимости от ее количества он делит луки на два основных класса: тимарли, который перед использованием надо было сушить, и обычно покрывавшийся кожей тимарсиз, который можно было использовать сразу же.

Древние специалисты делят луки на группы в соответствии с их назначением. Так военный лук был мощным и не обладал большой кривизной, поэтому на нем было легко перетянуть тетиву. Лук, предназначенный для прицельной стрельбы, был длиннее прочих, и на коротком расстоянии выпущенная из него стрела летела почти горизонтально. Самым коротким был кавалерийский лук, предназначенный для стрельбы на расстояниях, где точность не имела особого значения. Применялись и различные тренировочные луки, требовавшие от лучника мускульного напряжения и быстрой реакции. Отметим, что описания специальных охотничьих луков отсутствуют.

Как персы, так и турки изобрели приспособления, с помощью которых из длинного лука можно было пускать стрелы, сильно натянув тетиву, более короткие стрелы не требовали таких усилий. Это была майджра или миджрат, - палка с желобком, ширина которого примерно вдвое превышала толщину стрелы и оказывалась примерно на три дюйма длиннее нее. Ее соединяли с тетивой лука или с помощью короткой веревки привязывали к пальцу правой руки, чтобы удержать при выстреле, не помешав свободному полету стрелы.

Короткая стрела удерживалась в щели благодаря силе трения и выстреливалась с увеличенной силой. Тайбуга описал несколько форм миджрата, но основной принцип действия в них был один и тот же – ложная стрела с желобком использовалась для ускорения меньшего по размерам «снаряда».

Возможно, именно лук с таким устройством описан в персидском трактате «Хидаят аль-рами (Наставление для лучника)», который Мухаммед Будхай составил для правителя Бенгалии около 1500 года. Как и в других восточных документах, перевести технические термины и затем пояснить их значение достаточно сложно. Однако, по описанию, которое дает Будхай, нет никакого сомнения, что перед нами именно лук с миджратом. Он описывает его как лук, предназначенный для пожилого человека, который больше не мог использовать обычный лук и стрелы, и даже приводит его прозвище - «друг старого человека».

Примерно то же самое мы читаем в марокканской рукописи: «Для стариков и молодых, в чьих руках нет достаточной силы, чтобы использовать тяжелые луки и длинные стрелы, персы создали разновидность лука со стрелами, называемую хусбан или давдар [происходившие от майджра].

Аналогичное турецкое приспособление для упрощения стрельбы было устроено иначе. Оно представляло собой желоб примерно шести дюймов в длину, изготовленный из рога, дерева или слоновой кости, иногда его отсрочивали кожей, закрепляя с правой стороны лука. «Желоб» не мешал стрелку натягивать тетиву, направляя полет стрелы.

Гораздо более широкое распространение получило кольцо для натягивания тетивы, которое стрелок надевал на большой палец. Для натягивания тетивы длинных луков и некоторых национальных разновидностей требовалось приложить значительное усилие, оттянув ее двумя или тремя пальцами или зажав между безымянным и большим пальцами. Еще большая сила и специальная техника захвата тетивы требовалась для стрельбы из короткого и мощного сложного лука. Обычно тетиву оттягивали большим пальцем, который поддерживали еще одним или двумя. Морс называл такой захват монгольской отмычкой. В марокканской рукописи описаны монгольские, персидские, турецкие и греческие захваты.

Кольцо для большого пальца (перс. *kustuban*, араб. *khaytaab*, тур. *zih-gir*) сильно облегчало эту работу. Его делали из золота, серебра, бронзы, железа, яшмы, халцедона, слоновой кости, рога или кожи. С помощью последнего материала удавалось обеспечить большую точность, поэтому в ряде случаев изготовленные из других материалов кольца для большого пальца покрывались кожей и имели выступающий отворот (*kulak*). В марокканской рукописи дается следующий совет: «знайте, что лучник, использовавший железный, медный, серебряный или золотой наконечник при прочих равных не превзойдет в стрельбе того, у кого имеется только кожаный щиток для большого пальца».

Описывая персидских лучников, сэр Джон Чарден писал в сочинении XVII века:

«На своем большом пальце они носят кольца шириной в дюйм и полдюйма толщиной, которым натягивают тетиву лука. Обычно кольцо изготавливают из рога слоновой кости, или нефрита, то есть разновидности зеленого алебаstra. Кольцо правителя сделано из легкой и прочной кости и окрашено в красный и желтый цвета, рассказывают, что оно напоминает яркие перья на голове большой птицы, живущей на острове Цейлон».

Об отличительных особенностях колец известно немного, их датировка затруднена. Можно только сказать, что ближневосточные и индо-персидские кольца имели с одной стороны расширение, одна из сторон расширялась, чтобы прикрыть кончик пальца (рисунок 57). Изготовленные из жадеита и украшенные драгоценными камнями кольца имели только декоративное значение. Так на портрете Селима Пьяницы, хранящемся в

Портретной галерее дворца Топкапа, он изображен как раз с таким кольцом на правой руке. Хороший лучник всегда носил свое кольцо в специальной коробочке, прикрепленной к поясу. Отметим еще гоша-гир (gosha-gir) - любопытное приспособление, которое использовалось для распрямления покоробленных концов лука.

Кроме различных способов натяжения тетивы, существовала не менее сложная техника фиксации и отпуска стрелы при выстреле. Не случайно Марди перечисляет не менее пятнадцати основных и шести дополнительных приемов. Отметим специальные приемы, предназначенные отдельно для конных лучников, стоявших неподвижно или стрелявших на скаку, из укрытия или из-под щита, державших одновременно щит и саблю, стрелявших двумя стрелами и т.д. Один из марокканских авторов дает следующие советы по поводу того, как следует отстреливать львов:

«Не следует пытаться стрелять во львов иначе как верхом на хорошо выезженном коне, обученном движению как вперед, так и назад. Его хвост следует тщательно причесать или, что было бы гораздо лучше, сбрить, чтобы лев не мог вонзить в него лапы. Если лев нападет на вас, бросьте ему плащ или часть одежды. Пока он займется «добычей», вы сможете отъехать от него на безопасное расстояние, впрочем, это уже будет зависеть от скорости вашего животного.

Затем обернитесь и выпустите стрелу. Если лев снова набросится на вас, убегайте от него зигзагами. Тогда ему будет сложнее догнать вас. Если же лев начнет отставать, подпустите его примерно на расстояние в семьдесят локтей и стреляйте снова. Если лев попытается в третий раз наброситься на вас, продолжайте убежать от него зигзагами до тех пор, пока он не устанет и не выбьется из сил. Тогда, наконец, вы сможете приблизиться к нему на максимально безопасное расстояние, что зависит от того, насколько он вымотался, и выстрелить. Но и в этом случае вам следует держаться настороже, пока вы не поразите льва стрелами.

Некоторые утверждают, что лев не бросится на охотника до тех пор, пока его хвост остается поднятым. Но как только он опускает хвост, так нападает.

Некоторые полагают, что в том случае, если животное разъярится и соберется напасть, на льва следует набросить сплетенный из волос и пропитанный смолой сеть или аркан. Пытаясь освободить лапы, он еще больше запутается. Тогда и нужно выстрелить, и да пошлет Господь вам удачу».

Персидские и арабские лучники предпочитали стрелять в заднюю часть животного (рисунок 52), достигая нужного результата после продолжительных упражнений. Одна из методик, связанная с охотой на льва, предполагала, что следовало гарцевать на лошади по мягкой почве, быстро выпуская стрелы в оставленные животным следы. Так обозначали действия льва, рыскающего в поисках охотника.

Приведем рекомендацию марокканца по отстрелу птиц в область крыла:

«Есть быстро летящие и медленно летящие птицы. Попасть в быстро летящих птиц, таких как голуби и ласточки, можно только случайно. Поэтому нечего и разрабатывать особую методику. Иначе обстоит дело с медленно перемещающимися птицами с вытянутыми крыльями, такими как аисты, орлы, грифы и тому подобные. Здесь существуют известные приемы стрельбы, освоить которые можно благодаря специальной тренировке.

Они заключаются в следующем. Возьмите два самых длинных шеста, какие удастся найти, вбейте их в землю примерно на расстоянии в двадцать локтей. Протяните между ними веревку и прикрепите к ней плоский предмет примерно в величину птицы. Это и будет ваша мишень. Сядьте на лошадь и пустите ее между шестами, держа наготове лук. Лучше всего выпустить стрелу, находясь прямо под мишенью, чтобы движения лошади не мешали вам. Научившись прицеливаться и попадать в мишень на тихом ходу лошади. Постепенно ускоряйте ее бег, чтобы научиться попадать в цель с бегущей лошади.

Когда вы научитесь попадать в неподвижную мишень первым выстрелом с бегущей лошади, можете переходить к охоте на летящую птицу, поскольку освоенная вами методика позволяет стрелять, когда всадник перемещается, а мишень неподвижна. Соответственно на охоте, при стрельбе в летящую птицу все происходит наоборот: лучник неподвижен, а мишень движется.

Если у вас нет лошади, проделывайте все упражнения бегом, если вам не нравится бегать, то для достижения намеченного, переходите сразу к стрельбе в летящую птицу, пока вам не удастся добиться нужного результата. Теперь несколько советов, как этого лучше достичь. Если речь идет об аисте, орле или грифе, то есть птицах, вытягивающих крылья при полете, то цельтесь в верхнюю часть клюва, быстро натягивайте лук и, не мешкая, стреляйте.

Если речь идет о птицах, крылья которых обычно не вытянуты или о птицах, которые не отличаются быстротой перемещения (скажем, о журавле, цапле или вороне), то направляйте лук в то место, которое находится в одном локте от его клюва. Затем быстро и, не мешкая, спускайте тетиву. И даже тогда не дадим никаких гарантий в том, что вам удастся попасть в нее, поскольку выпущенная стрела может попасть в крыло.

Птиц и мелкую дичь удавалось сбить с помощью маджры. Иногда пользовались небольшим цилиндрическим удлинителем, прикрепленным к головке стрелы.

Во время охоты на летящие стаи небольших птиц использовалась другая методика, основанная на применении «виляющей стрелы». Обычно такие стрелы не имели оперения, а на головке у них делалась небольшая зарубка. Вскоре после выстрела такая стрела начинала вращаться, продолжая лететь в сторону цели.

Синдские лучники из Индии применяли этот метод по-своему. Держа лук горизонтально, они устанавливали стрелу под таким углом, чтобы она начала вращаться сразу же после выстрела. Арабы считали такой способ стрельбы неудобным, о чем можно прочитать в уже упоминавшейся нами марокканской рукописи: «Не следует употреблять в пищу птиц, убитых таким образом, поскольку их фактически забивают до смерти. Однако те, что были поражены головкой стрелы и убиты с благословения Господа, можно есть».

Появляясь перед публикой, турецкие, персидские и русские верховые охотники всегда привлекали всеобщее внимание. С левой стороны у них свисал саадак - футляр для лука и сабля, с другой – колчан. В саадак обычно входила половина лука, как и цилиндрический или прямоугольной формы колчан он отделялся кожей или расшитой золотом парчой. Иногда саадачный прибор украшался бронзовой, серебряной или золотой отделкой.

В качестве превосходного образца можно отметить посеребренный и позолоченный футляр Георгия Уджлаки, датированный 1627 годом, хранящийся в баденском краеведческом музее в Карлсруэ. Богато орнаментированные колчаны можно увидеть и на персидских рисунках XIV-XVI

веков, среди них и изображение хвоста снежного леопарда, который иногда сплетается с выступающими головками стрел. У колчанов часто имелся наружный карман, явно предназначенный для особых стрел или удлинительных приспособлений.

Достигшие необычайной точности в стрельбе из луков турки не переставали удивлять европейских путешественников. Так фламандский дипломат де Басбек, с 1554 по 1562 годы служивший послом в Константинополе, дает следующее описание в своих воспоминаниях:

«Турки считаются искусными мастерами в стрельбе из лука. Они начинают обучение в возрасте семи-восьми лет и продолжают его до восемнадцати или двадцати лет, постепенно увеличивая силу своего оружия, и достигают такого совершенства, что могут поразить даже мельчайшую цель своими стрелами. Их луки не намного мощнее, чем наши, но, несмотря на небольшой размер, они чрезвычайно упруги, что объясняется тем, что они изготовлены из дерева, склеенного с бычьим рогом и обмотаны проклеенными сухожилиями и льняной веревкой.

Такие луки не отличаются большой мощностью и используются для охоты. Тренированные турки легко натягивают их, доставая концом стрелы до своего уха. Заметим, что так может натянуть лук только человек, обладающий соответствующей силой... Точно направив свою стрелу, турки способны попасть человеку в глаз или в любую другую часть его тела. Там, где они упражняются в стрельбе, вы можете увидеть, как они искусно это делают, пять из шести стрел попадают точно в яблочко (по размерам оно не больше доллара), причем, даже не пробивая и не повреждая его, а точно вонзаясь в цель.

Одним из величайших достижений турок была стрельба по летящей или удаленной мишени. Соревнования по стрельбе проходили на площади, находившейся в окрестностях Константинополя, под названием ОК Мейдан («Площадь стрел»). Имена победителей увековечивались на надписях на каменных столбах. Дистанция для стрельбы обычно измерялась в гез, приблизительно равном длине турецкой стрелы, в среднем, составлявшем 25 дюймов (около 60 см). Именно здесь в 1798 году, используя специальные стрелы и с помощью *siper* султан Селим III (как говорится в записях) смог выпустить стрелу на 972 ярда. Свидетелем стал английский посол сэра Роберт Эйнсли.

Традиционно лучники стреляли на 600-800 ярдов. Конечно, известная доля вымысла в подобных охотничьих рассказах существует. Очевидно одно, существует и некоторые достоверные источники, в 1794 году секретарь турецкого посольства в Лондоне, который заявлял, что сделал всего лишь хороший выстрел, достиг дистанции в 482 ярда. Очевидцами его выстрела оказались свидетели, которым можно было доверять. Руководивший серией опытов с турецкими луками сэра Ральф Пейн-Гэлуэй добился результата в 421 ярд.¹

Следя за такими «выступлениями» и имитируя действия профессионалов, многие добивались сходных результатов, неудивительно, что во многих восточных европейских странах, особенно тех, которые контактировали с турецкими воинами, таких как Австрия, Германия, Венгрия и

¹ Сравним приведенные данные с современными. В 1967 году американский лучник Генри Дрейк выстрелил на 852 ярда из ручного лука. Год назад, используя ножной лук, из положения лежа на спине, он добился результата в 1, 071 ярд.

Польша население восприняло турецкий стиль стрельбы из лука и использования стрел.

На гравюре Леонарда Бека, изображен император Максимилиан I верхом на лошади, стреляющий из составного турецкого лука (рисунок 53). Альбрехт Дюрер изобразил различные составные лук на своих гравюрах на дереве «Мученичество святого Себастьяна», «Четыре всадника Апокалипсиса» и «Святой Михаил, сражающийся с драконом» (ок.1500 г.).

На рисунке «Геркулес и стимфалийские птицы», хранящемся в Немецком национальном музее в Нюрнберге, выполненном в то же время, изображен лучник, натягивающий мощный составной лук, представлен и его турецкий футляр для лука. Известен не только изобразительный, но и письменный источник. Олаф Магнус, автор «Истории готов, шведов и вандалов» (1555) изображает лучников (некоторые из них на лыжах), охотящихся на различных животных, скорее всего с составными луками.

В Италию и Испанию составные луки вполне могли занести арабы, совершавшие свои захватнические набеги вдоль северных берегов Африки.² На итальянской картине «Чудо быка» из церкви Сан-Анджело из Вико Д'Абате близ Флоренции изображен охотник с составным луком. Считалось, что лучшими в Европе стрелками из составных луков были венецианцы.

Полное и достаточно детальное представление об их устройстве и снаряжении для стрельбы дает картина Витторе Карпаччо, выполненная в 1493 году и хранящаяся в Академии. В Музее Клюни в Париже находится охотничий лук, крылья которого выполнены из рога, вставленного в металлический захват и украшенного серебряными накладками. Скорее всего, он изготовлен западноевропейским мастером XVII века и является одной из последних попыток превзойти лучшие образцы азиатских луков.

Китайский лук

Азиатский лук достиг максимального и воистину гигантского размера, когда начал распространяться на Дальний Восток и появился в Монголии, Манчжурии и Китае. С глубокой древности и до наших дней лук считался в этом районе одним из основных орудий охоты. В китайских книгах, составленных на основе рукописей XI века, содержится огромный объем информации об истории создания и конструкции луков. Правда, многие из книг противоречат друг другу или сообщают заведомо неверные сведения.

Все источники сходятся в том, что, например, деревянный лук изобрел император Хуан Ди примерно в 2698 году до н.э. или тот император, который сменил Хуан Ди на троне. С помощью археологических находок удалось подтвердить, что лук использовался уже, по крайней мере, во времена Бронзового века династии Шан (1550-1025 гг. до н.э.), скорее всего, он был составным.

В описях китайских гарнизонов от 264-330 годов н.э. «роговой лук» упоминается как семейное оружие. На настенных росписях гробниц периода Хань V-VIII веков н.э. содержатся многочисленные изображения конных всадников, охотящихся на птиц и животных. Типичный китайский лук средних Веков и современного времени с длинными жесткими «ушами» и выступающими упорами для тетивы появляется на памятниках VIII - X веков н.э.

² Описи Арсенала семьи ГонзагаЮ находившегося в Мантуе 1542 и 1543 годов включают несколько турецких луков и колчанов.

Китайский составной лук считался одним из самых больших в своей группе. Обычно он состоял из бамбукового основания, внутренняя часть усиливалась кусочками рога, задняя покрывалась сухожилиями, отделялась лаковым покрытием и серебряной нитью. Длинные «уши» лука обычно изготавливались из тутового дерева. Существовала и своя методика подготовки деревянных частей. Бамбук обычно срубали зимой, поскольку весной и летом он подвергался риску гниения или повреждения насекомыми, рог смягчался и готовился к использованию весной, тетива приводилась в нужное состояние летом, все материалы обрабатывались и собирались вместе летом.

Вот как об этом пишет Сун Инь Син в книге «Тянь Гун гай-ву» 1637 года:

Изготовление лука начинается с заготовки ровной бамбуковой планки. ... Приготовленная бамбуковая планка должна быть узкой в середине с относительно широкими концами примерно в два локтя длиной. На одну сторону приклеивали роговую пластинку, другую просто покрывали слоем клея, затем все изделие усиливали, оборачивая вокруг него жилы. Роговая пластина состояла из соединенных вместе зубчатых концов двух кусков бычьего рога.

Заметим, что северные варвары не имели таких длинных рогов животного, поэтому им приходилось использовать четыре, а не два куска рога барана, соединенных вместе и образующих роговую пластинку. Изготовители луков из провинции Гуандунь используют как рога водяного буйвола, так и желтого скота.

Роговая пластинка лука укреплялась с помощью плотно обмотанных и проклеенных бычьих жил, а затем обклеивалась корой березы, ценимой за свою гибкость и мягкость, создавая особое ощущение теплоты при прикосновении к луку. Березовое дерево (*Betula japonica*) известно в Китае как хуа, растет в огромном количестве в северных и западных провинциях. Кора обычно использовалась не только для покрытия захватов лука, древкового оружия и рукояток ножей. Их тонких и прочных стволов делались внутренние части ножен сабель и ножей.

Для изготовления лука берут прямоугольные жилы из бычьего хребта, весом примерно тридцать унций. После забивания быка жилы сначала высушивали на солнце, затем размягчали в воде, и, наконец, разделяли на ровные волокна. Северные варвары обычно сплетали тетиву лука из сухожилий, поскольку испытывали явный недостаток в шелковых нитях. Известно, что в Китае шелковые нити использовались для защиты и усиления основания луков. Из шелковых нитей плели и тетивы для луков.

Обычно клей изготавливали из рыбьих пузырей и кишок. Лучшие мастера по варке встречались в округе Нинго (современная провинция Аньгуй). В Шэньяне, где из Восточного моря вылавливали рыбу *Seiaena schlegelii*, из ее пузырей готовили клей, не уступавший по прочности металлу.

Северные варвары также производили клей, вываривая пузыри морских рыб. Такой клей не уступал китайскому, хотя и имел свои отличительные особенности. Перед началом работы надо собрать все необходимые компоненты, ибо нехватка хотя бы одного из них помешает изготовить хороший лук.

Только что изготовленный лук представлял собой практически заготовку, поэтому он помещался на стропила или на полку, находившуюся в комнате, где он постепенно высушивался с помощью постоянного огня, разводившегося на полу. Период сушки продолжался от десяти дней до двух

месяцев. Окончательно просушенный лук выносился из комнаты, сначала полировался, затем усиливался с помощью воловьих сухожилий, клея и китайского лака для дерева. Так постепенно получали изделия наилучшего качества.

Для изготовления тетивы лучше брать шелковые нити, получавшиеся от гусениц, питавшихся листьями терновника, поскольку они считаются более прочными и жесткими по сравнению с теми, что получались от гусениц, питавшихся листьями тутового дерева. Чтобы изготовить тетиву, основу, состоящую не менее чем из тридцати шелковых нитей, плотно обматывали несколькими слоями шелковой нити. Тетиву бережно складывали, если она не натягивалась на лук.

Когда-то северные варвары для изготовления разной тетивы для луков, использовали воловьих сухожилия, которые легко повреждались от влаги и тумана. Именно поэтому они предпочитали не сражаться с Китаем во время сезона дождей. Сегодня и северные варвары широко используют шелковые тетивы для луков. Иногда тетиву покрывали желтым воском, хотя особой необходимости в том не было.

Находившаяся с каждого конца выемка для закрепления тетивы покрывалась куском толстой воловьей кожи или мягким деревом. Такое покрытие называлось подушкой, и оно служило тем же целям, что и колышки на лютне. Когда тетиву отпускали при выстреле, и она резко возвращалась на исходную позицию, места ее крепления подвергались огромной нагрузке. Если бы на луке не было мягкой подушки, он мог бы просто сломаться, не выдержав удара.

В некоторых книгах содержатся и более подробные инструкции по изготовлению луков. Так Чжоу Ли устанавливает пять типов лука, упоминая о семи разновидностях дерева, применявшихся для их изготовления. Он также рекомендует, как следовало выбирать рог, по цвету устанавливая его свойства, описывает лучшие сухожилия. Кроме того, он приводит описания луков, предназначенных для различных целей. Так, луки цзя гун и соу гун предназначались для стрельбы по мишеням, птицам и зверям.

Охотничьи луки следовало украшать зелеными лентами. Излюбленным цветом для лаковых покрытий оставался красный, хотя иногда его использование считали отличительным признаком императорских луков. Не считая разнообразия типов и качества изготовления луков, их различие определялось и индивидуальными особенностями. В частности, сила натяжения тетивы ориентировалась на физические возможности конкретного лучника (рисунок 56). В каталогах луки распределялись по силе натяжения в «катти». Луки в 60, 100 120 единиц соответственно (считались мощными), а в 160 (предназначались для охоты на тигров), боевые луки также распределялись по силе в 70, 80, 90 и 100 фунтов, а самый мощный китайский имел силу натяжения в 200 фунтов.

По старым книгам трудно точно определить, как на самом деле выглядели китайские луки. Поэтому выскажем следующее предположение: отличительными особенностями китайских луков были огромные, остроугольные деревянные концы или «уши» конечностей с выступающими костяными наконечниками. Некоторые «уши» покрывались шагреновой кожей. Большинство китайских луков имели длину от 12 см до 2 м.

С.Поуп так описывает китайский лук, полученный из провинции Шаньси:

Внутренняя часть изготовлена из китового уса или рога водяного буйвола, по краям имелись накладки из какого-то желтого металла. Рукоятка

отделана шагренью, кожей акулы. «Уши» или концы сделаны из дерева, скорее всего березы. На концах вставки из рога буйвола. Тетива шелковая, заканчивается с каждого конца длинной петлей. Узел петли был тщательно выделан и защищал тетиву от соскакивания с зарубки в то время, когда тетиву натягивали, и гасил ее вибрацию после выстрела. Описанный нами лук был в 74 дюйма (187 см) длиной, весил около 2 кг, обладая силой натяжения в 30 фунтов (15 кг), когда его натягивали на 28 дюймов (70 см). Стрела летела на расстояние около 100 метров.

Как и в других восточных культурах, в древнем Китае для успешной существовали детально разработанные правила для стрельбы из лука:

Правило для глаз: никогда не смотри на кольцо для большого пальца.

Правила для рук: вытяните левую руку вперед, как будто вы отталкиваетесь от препятствия, а заднюю так, как будто пытаетесь удержать тигра за хвост.

Правила для тела: не напрягайте лицо, не наклоняйте голову, не выпячивайте вперед грудь, не горбите спину.

Китайцы использовали монгольский способ спуска тетивы, но их кольца для большого пальца отличались своим устройством от тех, что использовались в Персии, Турции и Индии. Они назывались цюэ ши или бань цзи, то есть регуляторы для пальцев) и изготавливались из слоновой кости, нефрита, халцедона и рога. Нет свидетельств, подтверждающих использование металла.

Большинство сохранившихся экземпляров цилиндрической формы с одним концом с выступом на одном конце и выемкой на другом. Некоторые в форме D и похожи на ассирийскую разновидность, более ранние образцы напоминают те, что бытовали на Среднем Востоке. В Британском музее находится кольцо для большого пальца из зеленого нефрита, восходящее к образцам IV-III веков. Оно сходно с турецкими образцами и отличается от них тем, что покрыто архаичным узором, кроме того, в узкой части имеется узкий выступ.

Большинство изделий кажутся слишком маленькими и, скорее всего, не предназначались для практического использования, а носились в качестве декоративных элементов или амулетов (прежде всего речь идет об украшенных резьбой экземплярах резных образцах). Выскажем также предположение, что некоторые входили в состав церемониальных предметов. Среди них и набор императорских колец, хранящийся в Британском музее, куда входит и кольцо для пальца большой руки.

Очевидно, что кольца особенно ценились во времена ханьской династии, они вырезались из зеленоватого нефрита, украшенного красными прожилками и зелеными полосками. Красно-коричневые кольца, которые находили в гробницах воинов, являлись амулетами для защиты от злых духов.

В некоторых древних рукописях, посвященных оружию, также упоминаются кольца из красного шнура (шэ или та), надевавшиеся на три средних пальца левой руки. Использовались также и кожаные напальчники. Китайские футляры для луков аналогичны традиционным восточным образцам: лук входил в них до половины, как и колчаны, они украшались узорами.

Японские луки

Японская культура издревле развивалась под сильным китайским влиянием. Интенсивные культурные и торговые связи между двумя странами начали развиваться уже с периода танской династии (618-906 годы н.э.), принесшей в страну мир и процветание и не могли не затронуть конструкцию различных видов вооружения. Так, у древних японских мечей обнаруживается явное сходство с изделиями из северного Китая и Кореи. В стихотворении японской императрицы Суико (593-629 гг. н.э.) восхвалялись «украшения из провинции Хэга, что касается сабель, то лучшими были добрые лезвия из Куре [Китая]!». В японском фольклоре сохранились многочисленные сюжеты о подвигах китайских лучников. Они сбивали гусей, летевших выше облаков, прицеливаясь только на крик птицы.

Большая часть древних японских составных луков по конструкции аналогичны китайским образцам. В Императорской сокровищнице в Токио находится пара огромных серебряных литавр, датированных 8 марта 767 года и покрытых гравированными изображениями конных лучников, охотящихся на кабана и оленя. Они используют составные луки с длинными «ушами» явно азиатского типа.

В некоторых собраниях примерно от того же времени сохранилось несколько цельных длинных прямых луков, изготовленных из дерева катальпа или цуки. На некоторых луках сохранились следы обвязки. В 764 году в хранилище находилось порядка сотни луков, изготовленных из бересклета и других пород дерева.

По мере ослабления влияния династии Тан японцы стали стремиться к проявлению собственной самобытности в изготовлении практически всех собственных продуктов, пока, наконец, не сосредоточились на развитии длинных тонких луков, изготавливавшихся из бамбука. Монгольское вторжение 1274-1281 годов привело к появлению более мощных и более коротких составных луков, бытовавших на континенте, и в последующее время японцы продолжили изготавливать луки указанного типа.

Обучение стрельбе из лука считалось обязательной частью образования представителя знати, прежде всего, тренировали навыки стрельбы с движущейся лошади. Даже после распространения ручного огнестрельного оружия лук продолжал рассматриваться как главное оружие охоты и воспринимался в качестве такого вплоть до второй половины XIX века.

Японские луки мало различались по длине, но по конструкции их можно разделить на пять основных групп:

Маруки - плоские деревянные луки.

Сигэтоюми - луки, обмотанные ротангом.

Банкиу - луки караульных.

Ханкиу - укороченные луки.

Хокоюми – луки для стрельбы дротиками.

Первые две разновидности считаются типично японскими, по форме они длинные и изящные, от 7 до 9 футов (от 2 до 2,7 м) в длину (рисунок 58). Обычно их ширина доходила до одного дюйма, имели круглое сечение по всей длине и почти не украшались. Сигэтоюми или составные луки изготавливались из планок каких-либо лиственных деревьев, (тутового дерева, сумаха или вишни), укрепленных полосками бамбука, причем кора образовывала внешнюю сторону. Такой трехслойный лук укреплялся обмоткой из колец ротанга. Как и меч лук имел собственное имя и являлся предметом специального культа.

При натяжении тетивы лук приобретал небольшую кривизну. К отличительным особенностям именно японского лука можно также отнести

положение захвата, который размещался не посередине, а примерно на трети длины лука снизу, приспособляясь таким образом к низкорослому японскому лучнику, который стрелял со спины лошади или с коленей. Над хватом располагалось одно из ратанговых колец (нигири), использовавшееся как прицельное приспособление.

Лук банкуи был примерно вдвое меньшего размера и использовался прежде всего, для стрельбы со спины лошади. К этой же группе относились ханкуи или церемониальные луки для караула, в основном имевшие декоративное, а не практическое применение.

Самым сложным по устройству был хокоюми, представлявший собой усовершенствованный вариант древнего китайского составного лука. Нередко он усиливался металлическими пластинами. Из него стреляли небольшими дротиками (юмияри) длиной примерно 3-4 дюйма. Чтобы при выстреле тетива не соскакивала, на концах делались специальные выемки с роговыми накладками.

Поскольку длинные луки легко натягивались до уха, что соответствовало японской традиции, японские стрелы были гораздо длиннее европейских, и имели крупные наконечники, внешне мало отличавшиеся от наконечников дротиков.

Наверное, известная толика истины содержится в историях о великане- лучнике Тамитомо (1139-1170), который использовал лук длиной в 8 футов и 9 дюймов (более 2,5 м). Рассказывают, что в частности, что он затонул, когда погрузился в маленькую лодку всего лишь с одной тяжелой стрелой. Изготавливавшиеся из металла японские наконечники для стрел (янонэ) отличались невероятным разнообразием форм и размеров (рисунок 59), и все же их можно объединить в четыре основных класса:

Тогари-я - в данном классе головок для стрел отмечается широкое разнообразие форм от длинных заостренных пикообразных головок до широких, плоских в виде сердечек. Большинство из них покрывались резьбой.

Янаги-ха - самая распространенная форма головок для стрел, грубая копия листа ивы, формы и пропорции существенно различались, длина варьировалась от 3¼ дюйма до 2, 5 дюймов.

Каримата - головка, похожая на европейский тип с вилообразными остро заточенными зубцами. Ширина колебалась от 1 до 6 дюймов.

Ватакуси - ланцетовидная головка с обратными зубцами. Дословный перевод названия «разрывающая плоть», ибо данная головка могла нанести тяжелую рану.

Внутри перечисленных четырех типов имелось множество вариантов, имевших свои собственные названия. Так среди тогари отмечается головка для стрелы, называвшаяся ринзецу (драконий язык). Отметим также омодаке (водяной подорожник), наносивший сильные увечья. Большие головки для стрел покрывались изысканными узорами и стихотворными строками. Очевидно, что они предназначались в качестве подношений.

Мы не описываем кабура-я - деревянные стрелы с утолщенной головкой с отверстиями, издававшими в полете свист, поскольку они не использовались для охоты. Вместе с тем обратим внимание на кибоко - расплюснутую деревянную головку, применявшуюся в охоте на собак (инуои) – отвратительном развлечении, введенном в XII веке императором Тоба. Во время охоты собаку выпускали внутрь огороженной площадки, где она становилась мишенью для конных охотников, перемещавшихся по периметру.

Чтобы разместить столь разнообразные виды стрел, разработали огромное количество разновидностей колчанов, многие из них отличались

изящной отделкой и предназначались для чиновников, стражей и парадов. Колчанов для охоты (кари-йебира) представлял собой сплетенный из тонкого бамбука короб, набитый стрелами. Для большей прочности бамбуковую основу обшивали деревянными планками. Еще один тип охотничьего колчана, представленный на многочисленных портретах охотников, - уцобу - цилиндрической формы короб, покрытый снаружи мехом или кожей с отверстием спереди в нижней части. Одна из самых коротких разновидностей японского лука изготавливалась из кости кита оказывалась всего лишь в 2-3 фута длиной, часто его переносили в открытом покрытом лаком футляре риманку и вместе со стрелами.

Отметим, что японские приемы стрельбы из лука сильно отличались от китайских. Лук надо было держать легко, «как будто боясь разбить воображаемое яйцо», так что после выстрела раскачивался, и тетива могла достаточно сильно ударить левую руку с задней стороны.

Стремясь обеспечить деликатное управление луком, поиски идеальной стрельбы японским лучником отражались и в указаниях, где говорилось следующее: «Лук никогда не должен знать, когда будет выпущена стрела, ... сам же лучник не должен знать, когда вылетит стрела... такой выстрел, как считают, вызывает только долгий звук за собой... стрела перемещается так же легко, как дыхание, и действительно кажется живой».

Японцы использовали и монгольскую методику выпуска стрелы, когда кольцо для большого пальца замещалось разновидностью рукавицы для стрельбы (югакэ) с подбитым и рифленным большим пальцем. Для более официальных случаев использовали специальные нарукавники (юготэ) и доспехи для груди (томо). Несмотря на свою большую величину, длинные японские луки не могут сравниться по мощности с более короткими составными луками, ибо из них не удавалось выстрелить более чем на 200 ярдов.

Луки в Британии

Одной из причин, возможно, самой значимой, повлиявшей на развитие сложных луков среди кочевых племен Азии оказалось недостаточное количество дерева, которое можно было бы использовать для изготовления цельнодеревянных луков. Той же причиной можно объяснить предпочтение имевшихся в изобилии рога и сухожилий, применявшихся для производства составных конструкций.

В Европе благодаря иным природным условиям предпочтение стали отдавать деревянному луку. Обычно размер лука составлял от 4 до 7 футов, меньшие по размеру изделия встречались редко. По всей западной Европе ситуация практически не менялась на протяжении сотен лет. Простой деревянный лук оставался самым распространенным оружием вплоть до конца Средних Веков, когда в Британии были изготовлены лучшие экземпляры.

Назовем наиболее интересные находки. Обнаруженный в торфяном болоте близ Кембриджа в Англии тисовый лук около пяти футов длиной датируется примерно 1130 годом до н.э. Хотя задняя часть расплющена, остальная поверхность сохранилась, и на ней видны следы обвязки. Похороненный вместе со своим владельцем в Чейсле на острове Уайт саксонский лук имеет такую же длину и простую конструкцию.

В 1188 году Геральд Кембрийский описывал луки уэльских лучников: «они изготовлены не из рога, слоновой кости или тиса, а из дикого не

обработанного, но прочного вяза. Из него можно выстрелить на значительное расстояние, а на близком расстоянии нанести серьезное увечье».

В современный рисунок уэльского лучника была вставлена поздняя, относящаяся к концу XIII века, копия договора 1267 года между Генрихом III Английским и принцем Левлином. Он держит в руках относительно короткий лук, что вполне можно приписать воображению художника, задняя часть которого покрыта выпуклостями или узлами.

Первое описание длинного английского лука встречаем в 1297 году. В описании убийства Симона Скеффингтонского говорится, что он был изготовлен из тиса, имел длину 10 футов, в самой широкой части составлял 6 дюймов в охвате и примерно один дюйм в узкой.

В «Иллюстрированной Библии» Холкема примерно 1330 года и книге Уолтера де Мильмета «De nobilitatibus sapientiis et prudentiis regum» (1326-1327) представлено несколько изображений таких луков, все они отличаются отсутствием отделки и наличием узлов (рисунок 60).

В издании XVII века «Академия Оружия» Рендл Холм называет такие узлы «гарантийными», «они изготавливались специально, чтобы укрепить лук». Отметим и конного королевского охотника, изображенного на миниатюре в рукописном «Апокалипсисе» XIII века, хранящемся в Бодлеанской библиотеке, он держит точно такой же грубый резной лук примерно четырех футов длиной с такими же узлами, как и те, что изображены на упоминавшихся выше иллюстрациях.

Однако длинный лук оказался не единственной разновидностью, использовавшейся в саксонские и нормандские времена, более короткие луки также ценились, особенно охотниками. В саксонских рукописях часто встречаются изображения луков, если верить схематичным изображениям художников, то самым распространенным среди них был размер примерно в 4 фута в длину. Конечно, конным охотникам было неудобно использовать длинные луки во время скачки по неровной местности.

Отметим, что, как правило, такие короткие луки были цельнодеревянными, известный нам сарацинский составной лук, видимо, входил в арсенал состоятельного человека. На изображении Христа в Кантерберийской псалтыри XII века он изображен с оружием, которое, с большей степенью вероятности, можно определить как составной лук. Такие луки нередко указываются в описях XIV века. Именно данную разновидность лука, изготовленную из китового уса, упоминает и Джон Мармадюк, губернатор шотландского города Перта в 1311 году.

Тем не менее в первых трактатах, посвященных охоте, например в уже упоминавшейся нами книге Г.Феба, приводятся иные сведения о длине лука, составлявшей, по его мнению, от 20 до 22 пядей. Переводя в современную систему мер длины, получим от 5 до 6 футов (1,2-2м), то есть размеры длинного лука. Давая советы охотникам, Феб прямо указывает, что между луком и тетивой существовал промежуток в целую ладонь и еще два пальца шириной. Такое расстояние именуется фистулой лука.

Что же касается стрелы, то она должна была составлять в длину полную руку, то есть 2,5-3 фута с бороздками, шедшими параллельно к выемке на конце стрелы. Полагают, что ее следовало держать между указательным и средним пальцами, помогая третьим пальцем натягивать тетиву. Такая форма натяжения или освобождения классифицируется Морсом как средиземноморский выпуск.

Большинство наставлений для стрельбы относились к охоте, которая предполагала преследование дичи с помощью собак и конных

лесников, направлявших ее к тому месту, где стояли спрятавшиеся пешие охотники. Лучникам рекомендовалось использовать слабые луки, которые можно было большую часть времени держать полунатянутыми. Вооруженному всаднику также рекомендовали использовать слабый лук, в основном потому, что оказывалось сложно управлять одновременно луком и лошадью.

Только пешему лучнику, собиравшемуся бить птицу влет, советовали применять сильный лук, «поскольку ему приходилось прицеливаться с большого расстояния, ибо он стрелял в летящую цель, следовательно, ему приходилось натягивать лук на всю длину своей руки, так что он не имел возможности удержать натянутый лук и должен был стрелять, едва успев прицелиться».

Похожие указания находим и у Г. Феба, его описание стрелы оказывается более подробным и особенно интересным, поскольку он обрисовывает величину охотничьей стрелы, известной как «широкая головка»: «деревянная стрела длиной восемь ладоней, считая от выемки на конце стрелы до головки с шипами четырех пальцев в ширину и пяти пальцев в длину. Ее следовало хорошенько уравновесить и отточить зубцы». В заключение главы Гастон Феб советует своим читателям: «Я не слишком разбираюсь в луках. Тот, кто хочет побольше узнать о них, должен отправляться в Англию, где находятся настоящие мастера».

Эти слова были написаны в конце XV века и отражают восхищение, французских солдат и охотников искусными английскими стрелками из лука. С начала XIV века в руках английских и уэльских солдат длинные луки превратились в самое неотразимое оружие. Хотя по устройству и конструкции он мало отличался от лука периода неолита, после суровых тренировок, через которые проходил любой англичанин с детских лет, он превращался в поистине неотразимое оружие.

Полагают, что расцвет длинных луков в конце XII века обязан именно успехам уэльских лучников. Геральд Камбрийский пишет, что во время осады замка Абергавенни в 1181 году стрелы уэльских лучников пробивали набедренник всадника, седло и убивали находившуюся под ним лошадь. Вначале английская армия попыталась противостоять столь мощному искусству стрельбы с помощью арбалетов, однако тот неожиданно потерял свои позиции в XIII веке и перестал быть таким популярным. К концу XIV века англичане отдали свои предпочтения длинному луку.

Городские шерифы получили поручение создать «достаточный запас прочных луков», белых в 6 футов, раскрашенных в 9 футов. Стрелы оказывались «длиной в эль (37-45 дюймов), из добротного и высушенного дерева, оснащенных прекрасными стальными головками с широкими зарубками на концах». Их продавали в бобинах или связках по двадцать четыре штуки, по 14 пенсов стальные и по 12 пенсов не из стали.

Успех английских лучников в битвах при Кресси (1346) и Пуатье (1356), явились прекрасными образцом для всего населения. В 1363 и 1365 годах согласно распоряжению Эдуарда III все шерифы по всей территории Британии должны были заставить мужчин в возрасте от 15 до 60 лет упражняться в стрельбе из лука во все праздничные дни и в часы досуга.

Неудивительно, что лук стал и распространенным охотничьим оружием, хотя в процессе развития феодальные законы стали ограничивать распространенную забаву. В «Кентерберийских рассказах» Джеффри Чосер так описывает лесничего:

В кафтане с капюшоном,
За кушаком, как и наряд, зеленым,

Торчала связка длинных, острых стрел,
Чьи перья иомен сохранять умел,
И слушалась стрела проворных рук,
С ним был его большой, могучий лук,
Отполированный, как будто новый.
Наручень пышный стягивал запястье,
Был меч и щит и на боку кинжал,
На шее еле серебром мерцал
Истертый лик святого Христофора,
Висел на перевязи турий рог –
Был лесником, должно быть, тот стрелок.³

Интересно отметить, что и Г.Феб также советовал лесничему или охотнику «летом и зимой носить одежду зеленого или красновато коричневого цвета, соответствующего убору леса».

Гораздо сильнее различаются взгляды на оперение стрел. Чаще всего авторы наставлений пишут о петушиных перьях, но многие лучники предпочитали пользоваться перьями гуся. Среди описи личных вещей Томаса, архиепископа Кэнтерберийского, 1397 года находим «31 бобину стрел, оснащенных белыми, побитыми молю гусиными перьями». В 1391 году Уильям де Киркби завещал стрелы, отделанные «перьями домашних птиц». В 1457 году Адам Тилдесли оставил своим наследникам стрелы «с белыми перьями».

В 1475 году Томас Эме описывает свою лучшую связку стрел «с черными перьями цапли». В Описи имущества сэра Джона Фенстольфа, сделанной в 1459 году, отмечены стрелы, отделанные перьями лебедя, без сомнения с той же целью использовались и другие разновидности. В книге Роджера Ашема «Тохорhilus» (1545) содержится подробное описание стрел, в котором указано пятнадцать различных сортов дерева, которые можно было использовать для древка. Среди них бразильский орех, турецкое дерево, верхушка ели, рябина, граб, береза, ясень, дуб, терн, бук, бузина, тополь, осина.

Что же касается перьев, то он приходит к следующему выводу: «павлинье перья использовали редко, ибо они были слишком большими и тяжелыми, так что те, кто их покупал, носили их на шляпах или как украшения, но не использовали для охоты, поскольку для этой цели лучшими считаются гусиные перья».

Обычно для охоты использовались три основных типа стрел. В-первых, стрелы с широкой головкой (так называемый «ласточкин хвост»), с двумя длинными ребрами, направленными к древку и массивным утолщением на конце (рисунок 62). Несколько стрел необычной формы можно увидеть на иллюстрациях в «Библии Холкема» (около 1330 года). В рукописи Г.Феба XV века изображены стрелы с широкой головкой, которые использовали как лучники, так и арбалетчики.

У головок второго типа ребра направлены вперед и соединены вогнутым заточенным лезвием, наподобие широкой вилки. Такие лезвия наносили сильную травму, поэтому их обычно использовались во время охоты на крупную дичь, но иногда использовали и для других целей. Так Либо в «Сельском доме» (1620) советовал: «Для охоты на гусей или других больших птиц они [стрелы] должны быть с двойными вилками, настолько острыми, чтобы ими можно было снести крыло или шею. От удара древком редко

³ Дж.Чосер. Кентерберийские рассказы. Пер.И.Кашкина. - М.,1988. – С.31-32.

образовывалась серьезная рана, которая бы тотчас сбила дичь, даже если ее ранили, она улетала и умирала в другом месте».

Во время охоты на птиц и мелкую дичь типа зайца традиционно использовалась третья разновидность головок. Она представляла собой тупую или закругленную головку, изготовленную из дерева, которая не могла повредить мех или пробить шкуру. На мозаике с библейскими сюжетами, размещенной в большой церкви XII века Монреале, находящейся в Палермо в Сицилии, встречается изображение Исава, стреляющего в птиц тупыми стрелами.

Образцы стрел можно увидеть и в большинстве исследований, посвященных охоте, о которых уже шла речь, а также во французском переводе книги П.Кресценция «Сельская жизнь» (1471), он хранящейся в Британском музее. В последней работе стрелы характеризуются как «стрела арбалета с железным наконечником или большой ворчун с надежной передней частью». Далее автор объясняет, как лучше стрелять в птиц, сидящих на дереве:

Тот, кто забавляется убиванием голубей и других птиц, гнездящихся на деревьях, должен использовать стрелы равного веса, когда он собирается выпустить стрелу, то должен отметить точное место, где будет стоять, а также место расположения птицы. Если он сможет сбить ее, то его желание исполнится, и он вернет себе стрелу. Но если промахнется, то точно отметит то место, где стоял и где находилась дичь во время стрельбы, то пусть вернется и снова выпустит стрелу, тогда безо всякого сомнения он сможет и поразить цель, и вернуть себе стрелу.

Полагали, что стрельбой из лука могли заниматься и дамы. В частности автор «Парижской хозяйки» дает следующий совет охотницам:

«В конце сентября или позже, когда закончится охота с ястребами на перепелов и куропаток и даже зимой вы можете выпускать ястребов на сорок, галок, чирков... черных дроздов и вальдшнепов. Когда черный дрозд укроется в кусте и не станет покидать его, поскольку ястреб кружится над ним и стережет его, дама или девица, владеющая навыками стрельбы из лука, может убить его первой же стрелой».

Ж.Реньяр (1656—1709), совершивший путешествие по Лапландии в конце XVII века, отмечает использование охотничьих стрел с деревянными головками:

Некоторые [стрелы] сделаны целиком из дерева, они предназначены убивать или скорее оглушать горностаев, песцов или куниц, тех животных, шкуру которых хотят получить. Встречаются и другие стрелы, покрытые пластинками из кости северного оленя, сделанные в виде гарпуна, имеющие острый конец. Такая стрела всегда оказывалась толстой и тяжелой, если ее использовали во время охоты на птиц, то она всегда оставалась в ее туловище. Случалось и так, что тяжелая стрела мешала птице улететь и тем самым разрушить мечты охотника. Третья разновидность покрывалась железом и делалась в виде ланцета, использовалась против больших животных, таких как медведи и дикий северный олень.

Несколько слов следует сказать о защите руки стрелка, том «наручне», о котором писал Чосер. Обычно он представлял собой широкий кожаный ремешок или кусок дерева или слоновой кости, привязанный к левому запястью лучника. При этом поверхность оставалась гладкой. Роджер Ашем так откровенно писал о своем приспособлении: Браслет служит двум целям: он защищает его руку от повреждений тетивой и мешает ее преждевременному

снашиванию. С другой стороны, по гладкому щитку стрела движется быстрее, что приводит к более точному попаданию».

В качестве примера можно привести богато украшенный наручень, закрывавший половину руки, находящийся в Британском музее, полагают, что он когда-то принадлежат Генриху VIII. В XVI и XVII веков наручни часто изготавливались из слоновой кости, на которой гравировались соответствующие сценки или девизы.

Что же касается лука Ашема, то ситуация сложилась совершенно иначе. Хотя он упоминает луки из бразильского ореха, вяза, лещины и ясеня, он все же убежден в преимуществах тиса. Ашем так рассказывает своему ученику о правилах выбора лука: «если ты придешь в лавку и обнаружишь, что он не очень большой, тяжелый и прочный, хорошо щелкает, не извилист, не имеет узлов, сучков, изгибов, выемок или трещин, то смело покупай этот лук, полагаясь на мой опыт».

Без сомнения, Чосер подписался бы под каждым этим словом. Лук из тиса оказывался не таким мощным, как лучшие составные луки, но достаточно сильным в большинстве случаев. В анонимном французском трактате XV века «Об искусстве стрельбы из лука» утверждается, что обычно из тисового лука можно послать стрелу на 300 шагов и что самые искусные лучники попадали в предмет или дичь на расстоянии в 400 шагов. На более близком расстоянии стрела обладала огромной разрушающей силой. Так Феб предупреждал своих читателей, чтобы они никогда не стреляли прямо в бок оленя, потому что стрела может пройти насквозь и ранить другого охотника, стоящего с противоположной стороны. При необходимости лучник мог выпустить пять или шесть стрел, в то время как арбалетчику приходилось перезаряжать свое оружие. Лук оказывался относительно дешевым изделием, нетрудным в изготовлении. Если удавалось достичь определенных навыков, то он оказывался идеальным оружием для охоты и войны.

В течение XV и XVI веков возникли разнообразные гильдии мастеров, которые выработали требования к производству луков и стрел и установили контроль качества продаваемых изделий. В Лондоне за качество оружия отвечали уважаемые компании Боуэров и Флетчеров, удалось обнаружить множество свидетельств, достоверно подтверждающих, что им удавалось превосходно справляться со своими обязанностями.

Правда, заметим, что мало было произвести хорошие луки, нужны были и превосходные стрелки. К началу XVI века стало очевидно, что благодаря отступлению от стандартов уровень изделий снизился, уменьшилось и количество лучников. Частично причину следовало искать в высокой стоимости дерева, из которого изготавливались лучшие образцы, ибо обычно для луков использовали испанский тис, который приходилось ввозить.

В Акте парламента, принятом в 1472 году, высказывалось сожаление, что стрельбой из лука «не занимаются и ее практические навыки утрачены», поскольку наблюдается недостаток планок. Поэтому издавалось предписание, чтобы некоторое их количество закупили по той цене, которую за него запрашивали. Спустя десять лет максимальная стоимость лука из тиса доходила до 3 шиллингов и 4 пенсов.

Выделим и другую причину, приведшую к закату лука. Если в Британии лучникам удалось противостоять арбалетчикам, они все же встретились с достаточно серьезным соперником. Примерно в 1505 году изобрели колесцовый и фитильный замки, что привело к созданию легкого ручного ружья, аркебузы. Легкое и простое в обращении огнестрельное оружие быстро приобрело популярность среди охотников и начало вытеснять луки.

Резкому сокращению числа лучников способствовал и переход армии на мушкеты и пистолеты.

Однако в начале процесс перехода от лука к личному огнестрельному оружию происходил медленно. Английский длинный лук по-прежнему оставался самым уважаемым оружием на континенте. На многих иллюстрациях в «Weisskunig» изображено, как император Максимилиан и его люди упражнялись в стрельбе из «типично английского двойного лука». Когда Генрих VIII оказался на троне в 1509 году он подал пример своему народу, назначив лучших лучников в свою личную гвардию. Одновременно король специальным указом назначил Генри Саутворта и Генри Пайкмана смотрителями за изготовителями луков и хранителями луков в Лондонской оружейной башне.

Хотя сам Генрих VIII не скрывал своей любви к личному огнестрельному оружию и собрал прекрасный личный арсенал, он сделал все от него зависящее для популяризации стрельбы из длинного лука среди его подданных, обязав крестьян и йоменов пользоваться этим оружием. Владение ружьями и арбалетами разрешалась только для тех горожан, чьи земли имели особую ценность.

В 1541 году Парламент издал закон, подтвердивший прежний Акт от 1512 года и усилил меры, которые должны были поощрить использование именно лука: «Каждый, кто является поданным короля, кроме тех, кто хром, стар или увечен, а также не имеющий законных оснований или обоснованных причин и не осужденный, находящийся в возрасте до шестидесяти лет, обязан постоянно упражняться с длинным луком. Кроме того, каждый родитель должен был обеспечить своих потомков мужского пола в возрасте от 7 до 17 лет луками и стрелами. В возрасте 17 лет каждый молодой человек обязан приобрести собственный лук».

Заметим, что никого принуждать не пришлось. Так известный государственный деятель и поэт сэра Томас Уайетт (1503-1542), наслаждался счастьем в уединении своего поместья в сельской местности:

Как дома чувствую себя я в поле с любимой гончей

В ненастье с книгой у камина укрываюсь,

Погожим зимним днем по первопутку

Охочусь с луком я в руках

В уединении никем не нарушимом

В классической книге Роджера Ашема «Toxophilus» (1545), содержится множество метких наблюдений о стрельбе из лука. Отметив, что «традиционно все английские мужчины искусны в стрельбе из лука», он заметил, что только некоторые из них обучались и потому умеют стрелять правильно. Поэтому в его описании отмечены разные методики:

Одни стреляют, выставив голову вперед, как будто собираются броситься на мишень, другие «стреляют» глазами, кажется, что они вот-вот вылетят из глаз. Третьи прикрывают один глаз и смотрят другим. Некоторые корчат такие рожи, что рот перекручивался, и нельзя было разобрать выражение лица, казалось, что они хотят сказать вам что-то и не могут. Еще одни высовывают язык. И наконец, последние наклоняются над стрелой.

Когда натягивают лук, то выделывают такие кренделя, как будто собираются стрелять во все стороны сразу. Другие держат лук слишком высоко или слишком низко, как будто боясь повредить ее во время стрельбы. Одни упираются луком о землю, другие держат его на весу. Стоят долго, прицелясь, а потом начинают выпускать стрелу за стрелой, промахиваясь и начиная вновь по сигналу. Некоторые так натягивают свой лук, что кажется, что он выстрелит

далеко-далеко, чего на самом деле не происходит. Прочие же способны действовать деликатно, и когда выпускают стрелу, то вам кажется, что еще ничего не произошло.

Некоторые натягивают лук, затем опускают его долу, а потом медленно поднимают, чтобы прицелиться в кружок мишени. Другие садятся задницей на землю, чтобы обрести твердую опору, третьи отставляют ее, как будто ища опору или отталкиваясь от чего-то.

Вместе с тем английские лучники были выше любой критики, как заявляет сам Ашхэм: «любой английский лучник заткнет за пояс шотландца».

Иностранные обозреватели часто фиксируют, с каким уважением относились лучники к своему оружию. «Англичане, - писал де Комин, - лучшие среди лучников всего мира».

В 1557 году Джованни Микеле, венецианский посол, сообщал следующее своему сенату в связи с оружием, применявшимся англичанами:

«Из всего оружия, англичане предпочитают обыкновенный деревянный лук и стрелы, последние встречаются в огромном количестве, поскольку их используют огромное число людей разного возраста и профессий, этим и объясняется их ... вера в лук и уважительное отношение к нему. Так что взаимные отношения, надежность и уважение, и объясняют, почему лук предпочитают всем другим видам оружия, даже аркебузе, которой доверяют гораздо меньше, продолжая считать более надежными луки и стрелы. Это и отличает англичан от командного и рядового состава других стран.

Отметим, что они могут растянуть лук одновременно с такой силой и сноровкой, что даже пробивают, как рассказывают корсеты и телесные доспехи. Тот же, кто хочет выстрелить на доступную дистанцию может пробить мишень на дюйм с половиной. Впрочем, некоторые развлекаются тем, что просто выпускают стрелы.

В том же самом году сэра Томас Элиот в «Губернаторе» восхвалял «выгоду, которую можно было извлечь из длинного лука, который использовался для охоты на оленей, полевою птицу и другую дичь, не говоря о тех выгодах и удовольствиях, которые приносит именно стрельба из лука».

Заметим, что знать ревностно относилась к упражнениям из лука, которыми занимались как сами лорды, так и их жены, не жалевшие сил, чтобы достичь определенных успехов. Об этом свидетельствует опись арсенала, хранившегося в Баркли-хаус (Стэнфорд) в 1557 году, в которой указаны следующие предметы:

Длинные луки – один для меня и другой для моей жены,
Кожаный короб для стрел в связках
Колчан со стрелами

Продемонстрированная однажды особая сила лука была описана в письме, написанном Шоном О'Нилом и отправленном из Ирландии в 1565 году кардиналу Лотарингии и Гизу: «Когда я находился в Англии, то заметил, как Ваш доблестный брат маркиз д'Эльбеф пронзил двух оленей одной стрелой».

Перед нами один из последних случаев процветания длинного лука, за которым (так было суждено случиться) последовал быстрый и удивительный упадок. В 1572 году Компания Флетчера решила сократить число подмастерьев, поскольку стрельба из лука «перестала практиковаться, как было в прошлые времена». Боуеры жаловались на высокую цену деревянных планок, которая за последние сорок лет поднялась с 40 шиллингов до 14 фунтов за сотню.

Конечно, в связи с нараставшей конкуренцией с огнестрельным оружием делались попытки усилить эффективность луков. В частности в Париже в 1575 году в 21 статье Правил изготовителей ружей и байонетов предписывалось его членам изготовить луки, состоявшие из нескольких частей, которые затем надлежало тщательно соединить вместе и пропитать хорошим лаком, образовав таким образом составной лук. Но все эти меры не привели практически ни к каким результатам. В 1583 году Комиссариат мастеров в графстве Хантингтон был вынужден обратиться в Совет за разрешением оснастить воинов в латах вместо лучников, «поскольку возникла потребность в сильных мужчинах, а способных стрелков не имеется».

В опубликованных в 1577 году незадолго до его смерти «Хрониках» Холиншед сетует на состояние дел, которое привело к тому, что французы и немцы «стали задира́ть хвосты и насмехаться над англичанами, ибо наконец смогли превзойти их, и все потому, что у нас искусство стрельбы из луков предано забвению и отложено». Далее он вполне добродушно продолжает, что «если бы некоторые из ныне живущих англичан, которые служили еще королю Эдуарду III, не стали бы мириться с позором на свою задницу, а, взяв в руки луки, смогли бы послать хорошо оперенную стрелу прямо в цель».

Время от времени Тайный совет пытались реанимировать торговлю, выпустив, например, Акт 1541 года, но течение события оказалось совсем не в пользу стрельбы из луков, о чем и свидетельствует число луков, хранившихся в оружейной Башне:

Год					
1599	длинные луки	8,185	палки для луков	6,019/86	
1617	« »	3,500	«	«	400/87
1636	« »	33	«	«	2/88

К сожалению, уже в 1664 году Джон Эвелин писал в своей «Сильве» «поскольку луком больше никто не пользуется, никто не заботится о сохранении производства луков из тиса».

Так постепенно в Англии лук практически перестал использоваться как боевое оружие. Но придворные и знать продолжали применять его на охоте. Особенно стрельбой из лука увлекались Стюарты. В 1606 году Яков I учредил комиссию, стремясь усилить действие уже принятых законов, в которых поощрялась стрельба из лука. В 1616 году он с удовлетворением отмечал, что «после субботнего богослужения люди предаются таким занятиям как танцы и стрельба из лука для мужчин, отдыхая и упражняясь». В 1621 году Яков I даровал долгожданные привилегии Компании Бауэра.

Сожалея, что для охоты используют огнестрельное оружие, он писал, что самое большое удовольствие ему доставляла погоня со специально обученной сворой гончих, которые могли выгнать оленя и загнать его.

Одно из описаний охоты короля оставил герцог Иоганн Эрнест Саксен-Веймарский, гостивший у Иакова в 1613 году пишет: «... Король неутомимо следует за собаками, пока им не удастся напасть на след дичи. Правда, не вижу, почему следует наслаждаться таким видом охоты... Его Величество и тогда, и сейчас использует длинные луки и стрелы, и когда выходит на позицию, то стреляет в оленя».

В охоте также принимала участие королева Анна Датская, в том же году было сделано следующее описание: «Выстрелив в оленя, королева ошиблась в расстоянии и убила Джела, любимую гончую Его величества. Сначала король страшно рассердился, но когда узнал, кто это сделал, то вскоре сменил гнев на милость и стал сильно жалеть королеву, умоляя ее не

беспокоиться о случившемся, поскольку его любовь к ней превыше всего. На следующий день король послал жене алмаз стоимостью 2000 фунтов как своеобразное наследство от его умершей собаки».

Карл I подтвердил полномочия комиссии Большой печатью, чтобы обеспечить принудительное использование длинных луков, он также даровал новую хартию Артиллерийской компании, учрежденной еще по конституции 1537 года, включавшей развитие стрельбы из лука. Косвенным подтверждением того внимания, которое король уделял этой проблеме, может служить посвящение Чарльзу I книги Ж. Маркхема «Искусство стрельбы из лука» (1634), на фронтисписе которой король изображен в виде лучника.

Оба монарха установили должность Королевского лучника и Хранителя луков. Однако, несмотря на все затраченные усилия, лук продолжали считать охотничьим снаряжением, но не серьезным охотничьим оружием. В 1627 году Карл I издал указ, по которому «Уильяму Магуну и Джеймсу Мельбурну, нашим двум поставщикам луков жаловать по десять фунтов в год за службу нам и обеспечение наших упражнений с помощью длинных луков».

После Реставрации Карл II снова ввел разнообразные придворные должности, назначив Джерваса Прайса «Хранителем королевских луков». Пьер Генон де Буабюссон оказался одним из последних, кто занимал этот пост, соединяя его с должностью лорда - хранителя личного арсенала. Именно он в 1691 году сопровождал Уильяма III в Ирландию.

Искусство стрельбы из лука продолжало сохранять свои позиции вплоть до конца XVII – начала XVIII веков благодаря поддержке деятельности специальных обществ, таких как Стрелки Финсбюри и Общество Королевских Лесничих в Англии, а также Королевскому обществу лучников в Шотландии. В самом конце XVIII века вновь наблюдается большой интерес к искусству стрельбы. Правда, в Англии процветало всего лишь несколько обществ, среди них Королевское общество охотников, Королевское общество кентских лучников, Охотников из Ардена, лесничих из Хейно, Верных лучников. Но именно их деятельность позволила обратить внимание на спортивную стрельбу по мишеням.

В 1798 году Ричард Мейсон опубликовал свой «Соображения о причинах, которые существуют для возрождения использования длинных луков наряду с пиками, чтобы помочь осуществить те меры, которые намечены министрами его величества для защиты страны». Однако в связи с повсеместным распространением ружей и их очевидной эффективностью его попытка возрождения лука как боевого оружия была заведомо обречена на провал. Похожие усилия, связанные с продвижением лука в качестве охотничьего оружия также потерпели неудачу.

Луки жителей разных стран

Ни одно из великого множества луков, используемых по всему миру, не может сравниться по мощи с тисовым луком из Европы и составным азиатским луком. В большинстве районов местные луки оказывались слишком маломощными и не могли служить в качестве боевого оружия. Безусловно, их активно применяли как охотничье оружие, отметим также, что методики изготовления и использования оказывались необычайно разнообразными и весьма примечательными. Поэтому мы коротко перечислим самые интересные образцы.

Во всем мире был широко распространен цельнодеревянный лук, и только недостаточное количество нужной древесины в местных лесах или неумение ее обрабатывать помешали достичь уровня западной Европы. Составные луки, появившиеся в северных районах Центральной Азии, сумели быстро достичь самых отдаленных районов этого региона.

Примитивная разновидность составного лука из деревянных планок с обмоткой из сухожилий, вероятно, распространилась из Азии через Берингов пролив в Северную Америку. Возможно, на каждом континенте они появились независимо в тех местах, где встречалось подходящее дерево для их изготовления. Так эскимосам в большинстве районов приходилось полагаться только на лесоматериал, прибывавшийся к берегу, поэтому им часто приходилось конструировать свои луки из оленьих рогов.

В большинстве случаев, проявляя особую смекалку, им удавалось производить перекладину лука из деревянных планок, скрепленных вместе и укрепленного с помощью сложного переплетения ремней из сухожилий (рисунок 65). В западных районах, находившихся поблизости от Берингова пролива, подобное переплетение встречается чаще всего, отметим, что внешние очертания лука похожи на татарские или китайские изделия. Там, где эскимосам удавалось найти прибитый к берегу лес или в лесистых районах Аляски, они изготавливали более мощные луки, используя толстые сучья дугласовой сосны или тсуги тиссолистной, усиленные полосками китовой кости и скрепленные прочной обмоткой из сухожилий.

Жившие дальше на юге американские индейцы имели в своем распоряжении множество разновидности древесины, в определенном смысле они копировали азиатский лук, обмотав деревянную основу сухожилиями и покрывая конструкцию древесной корой или змеиной кожей. Лук был достаточно мощным, но не отличался особым изяществом, ему не хватало отточенности и выразительности азиатского прототипа. С. Поуп сделал следующий анализ индийский луков, которые были испытаны в действии.

Племя	Длина в дюймах	Дерево	обмотка
мохавы	67	ива	_____
лусены	55,5	ива	-----
навахо	44	мескитовое дерево	сухожилие
юрок	54	тис	сухожилие
якуи	59,5	маклюра	_____
яна	55	тис	сыромятная кожа
черноногие а	47,5	ясень	_____
б	40	гикори	сухожилие
апачи	41	белый гикори	сухожилие
шайены	45	ясень	сухожилие
гупа	47	тис	сухожилие
осаги	47	ива	
крики	44	ясень	_____
Сила натяжения в фунтах	Расстояние в ярдах		
40	110		
48	120		
45	150		
30	140		

70	210
48	205
45	145
40	155
28	120
65	165
40	150
40	95
40	150

Конечно, приведенные им цифры достаточно субъективны, поскольку подсчет сделан одним человеком на основе наблюдений за единичными спортсменами и потому не может быть принят как полностью достоверный. Вместе с тем очевидно, что конструкция индейских составных луков отличается от турецких или персидских луков. Отметим, что лучшими качествами обладали цельнодеревянные луки. Лучшие роговые луки изготавливали мастера из племен кроу и шайенов, они делали их в основном из рогов лося или горных баранов, правда, они стреляли на короткое расстояние.

Однако у индейского охотника всегда оставалась возможность подкрасться к добыче как можно ближе. На рисунках Т. де Бри для «Путешествия по Флориде» (1591) Ле Мойена изображены местные индейцы, подкрадывающиеся к оленю с луками в руках. Они покрыты шкурами, на головах шапки с оленьими рогами.

В 1634 году Уильям Вуд так писал об индейцах, проживавших в Новой Англии:

В стрельбе из лука они искуснее любых самых метких стрелков, и, кажется, могут прострелить глаз вороны, так что могут поразить и быстро бегущую лань, и проворного голубя, даже не промешкав ни на минуту и не успев открыть глаз, закрытый для прицела. Во время стрельбы они зажимают стрелу между указательным и большим пальцем, их луки быстры, но не отличаются большой мощностью, поэтому они не могут убить далекую добычу.

Хотя индийские луки не отличались дальностью, они оказывались вполне эффективными для стрельбы с ближнего расстояния. Известны случаи, когда стрелы, выпущенные из луков пауни или шайеннов пробивали туловище бизона. Вождь племени сиу по имени Ванатах рассказывал, что, однажды выстрелив в самку бизона, убил и теленка, стоявшего за ней. Такая охота требовала тщательной подготовки, описание которой приводим ниже:

Когда он [индейский охотник] приближается к животным, то выбирает одного, обычно толстую и упитанную самку, к которой приближается верхом, держа наготове лук и стрелу. Хорошо обученной лошади не нужно отдавать приказание дважды, она приближается к бизону справа сзади и держится немного поодаль, чтобы не попасть под рога животного, если оно неожиданно остановится и повернет голову.

Такое положение позволяет всаднику занять удобное для стрельбы положение, чтобы направить стрелу под правое плечо животного. От стрелы, выпущенной опытной рукой, бизон падает, смертельно раненый, упорно цепляясь за жизнь, но вскоре его дыхание гаснет. Оставив стрелу в ране, чтобы обозначить владельца мертвого животного, счастливый стрелок устремляется на поиски другого животного и не прекращает его преследовать, пока не израсходует весь свой запас стрел.

Рассказывают, что команчи способны разместить лезвия своих охотничьих стрел точно в плоскости тетивы, благодаря чему они легко проходят между ребрами животного, которые располагаются по вертикали. Похожего эффекта удавалось добиться, если держать стрелу наклонно или почти горизонтально. Чтобы совсем близко подобраться к бизону, индейские охотники надевали шкуры волков и медленно подкрадывались к ничего не подозревавшему стаду. Специалист по индейцам Георг Катлин (1796-1872) оставил нам рисунки обоих способов охоты на бизонов (рисунок 66).

Луки из Южной Америки были сделаны грубее и имели небольшой радиус действия. Но эти недостатки всегда скрадывались быстротой и ловкостью охотника. Широко использовались отравленные стрелы, встречалось и множество искусных стрелков. На севере континента для отработки навыков стрельбы использовались движущиеся наземные мишени.

Ханзард рассказывает историю о матросе по имени Александр Кокберн, оказавшемся после кораблекрушения на берегу Дариенского залива в Карибском море. Его поразило искусство двух индейских мальчиков, которые могли сбить в воздухе совсем крошечных птиц. Поразительным Кокбурну показалось умение выстрелить в птицу, кормившуюся на земле на расстоянии примерно в 100 ярдов.

При попадании стрела пригвоздила птицу к земле. Мальчики могли проделать тот же прием с помощью древка стрелы, выпущенной в землю перпендикулярно, расщепив ее надвое. Похожим образом охотились и гвианские стрелки из луков. Выстрелив в животное, как и в рыбу, стрела падала вертикально на панцирь и оставалась там благодаря приделанной съемной головке с шипом (рисунок 67). Когда черепаха ныряла, головка соскакивала и позволяла определять, где именно находилось животное. Поскольку к головке прикреплялась веревка, с черепахой «играли» как с рыбой, вымучивая ее и добываясь, чтобы она устала, тогда ее извлекали с помощью копья.

За исключением острова Явы деревянный лук использовался повсеместно на всем Тихоокеанском побережье, к югу от Тропика Рака и опять же, за немногочисленными исключениями вдоль всего африканского континента. Некоторые луки оказывались весьма любопытной формы. На Андаманских островах лук делался в виде двухлопастного весла, суживаясь к каждому концу (рисунок 68). Луки имели от 4 до 6 футов в длину и использовались как для охоты на рыб, так и для убийства небольшой дичи, заселявшей остров. Луки, изготовлявшиеся жителями северного острова, по некоторым соображениям делались таким образом, что верхняя часть сгибалась больше нижней. Такой характерной особенностью отличались луки, обнаруженные на островах Новые Гебриды. Другую разновидность лука в виде лопасти весла, но меньших размеров обнаружили на юго-востоке Африки (рисунок 68).

Иначе обстояло дело на Яве, где не изготавливали традиционных на островах деревянных луков, а делали их из рогов карibu или водяного буйвола. Хотя эти животные распространены по всей юго-восточной Азии, техника изготовления луков на Яве отличается рядом особенностей. Рога индийского буйвола (иногда достигавшие 6 футов) оказывались достаточно длинными, чтобы из них можно было изготовить пластины для луков. С одной стороны они прикреплялись к цилиндрической рукоятке, а с другой увенчивались негнувшимися «ушами», закрепленными в определенном положении (рисунок 68).

Самый маленький лук из рога изготовили африканские бушмены из пустыни Калахари. Он представлял собой нехитрое по устройству изделие, изготовленное из куска рога антилопы длиной от 12 до 20 дюймов. Стрелы делались в половину длины лука и не отличались особыми полетными свойствами, хотя обильно покрывались ядом.

В Индии также отмечены отдельные луки из рога. На Цейлоне такой лук считался самым почитаемым оружием. В сингальском историческом труде «Махавансо» (ок.160 г. до н.э.) встречается описание одного из вождей армии Дутугаймуну, считавшегося непревзойденным стрелком. Там говорится, что он мог попасть в цель «по слуху», то есть, не видя, а только слыша ее, что он был «стрелком-молнией», чьи стрелы летели быстрее, чем удары молнии, «песочным лучником», способным послать свою стрелу сквозь повозку, наполненную песком.

Описания его подвигов сопровождалось рисунками мощных луков, которые следовало натягивать ногами. Представление об этом способе стрельбы дают рисунки цейлонских лучников из книги Дж.Теннента (рисунок 69). Подобной системой увлекались и в античности. Страбон рассказывает «о любопытном средстве, использовавшемся эфиопами для охоты на слона, когда использовались особые подставки. Во время стрельбы, когда использовались мощные луки, привлекали трех человек, двое из них поддерживали лук, уперев в него ноги, третий же был занят тем, что натягивал тетиву и направлял полет стрелы».

Ксенофонт пишет о стрелках из племени кардучи (курдах): «У них были луки трех локтей в длину и стрелы длиной в два локтя. Чтобы выстрелить они клали левую ногу на основание лука и таким образом с огромной силой их растягивали, выпуская стрелы с огромной силой. Они пронзали щиты и доспехи воинов, поскольку стрелы были необычайно крупными, их использовали и как метательные копья».

Каменные луки

Сконструированы таким образом, чтобы из них можно было стрелять камнями или галькой, ручные луки представляли собой обыкновенные палки для луков с двумя тетивами, удерживаемые отдельно распорками или растяжками из дерева, кости или металла, они располагались по краям. В середине двух струн прикреплялись кожаная или плетеная пластина, позволявшая удерживать шарики.

Каменные луки были известные в Европе, по крайней мере, в XIV веке. В 1327 году добропорядочным жителям Лондона стали досаждают хулиганы, вооруженные арбалетами и луками, стрелявшими камнями. Как сообщалось, с помощью луков они смогли стрелять в переулках и боковых улочках города камнями и глиняными катышками.

В поэме «Книга об Александре», шотландском переводе с французского оригинала, предположительно написанном в XIV веке, содержится описание охоты с помощью лука для метания камней:

Рядом с ним шел ребенок
С луком для метания камней в руке
Чтобы охотиться на птиц и голубей
Подняв лук, он натягивал его сам
И сбивал их камнями и дробинами

Во французской версии поэмы каменный лук назван луком из дерева и указано, что из него стреляют крупной дробью. В финансовых отчетах

1479 года Людовика XI Французского указана оплата за стальные арбалеты и луки для метания камней, а также за отливку дроби. В 1338 году Джеймс V Шотландский во время путешествия по Франции купил «Лук для метания дроби и форму для их отливки»

Даже такой великий сторонник ружей как Генрих VIII не пренебрегал убогими каменными луками. В 1532 году среди его личных покупок числились и 8 шиллингов, уплаченных французскому лучнику Гильому за «катышки для каменного лука», возможно, подаренного ему годом ранее на Новый год. Когда Генрих VIII умер в 1547 году, то в описи его арсенала, переданного на склад в Гринвич, указаны «два каменных лука из тиса» с кожаной сумкой, в которой были формы, предназначенные для изготовления катышков из свинца или глины. В Вестминстере также хранились «два длинных лука, из которых можно было стрелять камнями с кожаными мешками при них».

Каменные луки имели ограниченные возможности и предназначались в основном для преследования мелкой дичи. В XVI-XVII вв. венецианские лагуны стали излюбленными местами охотников, вооруженных именно данной разновидностью луков. На рисунке примерно 1500 года Витторе Карпаччо изображены утки или большие бакланы, в которых стреляют из данной разновидности оружия.

Прекрасной иллюстрацией стрельбы из каменных луков может служить картина «Охота на уток» Пьетро Лонги, хранящаяся в Пинакотеке Гверини Стампалиа в Венеции. Необычайно интересна и гравюра Дж.Франко «Деяния человеческие», на которой изображены каменные луки, что хотя к этому времени охотникам уже было известно искусство стрельбы из ружей. Причем, судя по стоящей на заднем плане лодке, загруженной дичью, она иногда оказывалась достаточно успешной.

Европейский путешественник, проезжавший по западному побережью Африки в начале XVII века, сообщал, каким огромным успехом пользовалась здесь стрельба из луков: «Своим каменным или катышковым луком за два часа я убил двадцать голубей, причем даже неподалеку от жилых построек. Сами же [местные жители] стреляют совершенно восхитительно».

Остается только удивляться, почему столь неповоротливое оружие, мало чем отличавшееся от катапульты, оставалось популярным в то время, когда было доступно гораздо более эффективное оружие. Возможно, причина заключалась в том, что с помощью оглушающего удара камня удавалось сбить на землю птицу, не повредив ее, как обычно происходило при воздействии стрелы или пули, выпущенной из ружья. Выпускавший камни арбалет производил тот же эффект, но стоил гораздо дороже. Однако, по мере того, как короткое оружие совершенствовалось, а искусство стрельбы из лука постепенно забывалось, простые каменные луки исчезли отовсюду и встречались только в самых глухих местах Европы.

Однако, заканчивая наш разговор о европейском каменном луке, обязательно нужно отметить интересные эксперименты с переделкой обычного лука в каменный или капканый лук, которые проводились в Англии в конце XIX века.

В 1792 году В.М.Мозли описывает их в «Очерке стрельбы» из лука следующим образом:

Небольшие пули или шары выпускаются из Лука, с помощью специального приспособления, напоминающего стрелу (если можно обозначить это таким образом), с отверстием сквозь которое пропущена тетива. В головке этого стержня находится металлический ободок, на котором

располагается заряд. Тетива для данного вида стрелы плотно обматывается в середине шелком, при отсутствии надобности стрелу просто снимают с лука.

Зарядив это приспособление, производят выстрел. Стрела передает заряду всю силу лука, но из-за некоторой массы стрелы скорость полета заряда уменьшается, по сравнению с обычной стрелой, выпущенной из того же самого Лука. Для стрельбы используют любые шары, а также мелкие оловянные пули, для удержания которых в головке стрелы устроена специальная мягкая пружина.

Почти такие же луки применялись и в ловушках, только стрела в них была сделана несколько иначе, ибо тогда для увеличения убойной силы применяли более мелкие пули:

Четыре оловянных пули примерно в дюйм каждая вместо одной. Их следовало расположить почти параллельно, но не совсем точно, поскольку предполагалось, что они разойдутся при стрельбе. Следует также приготовить легкую нить из шелка с небольшой свинцовой пулей, закрепленной на каждом углу, и в таком виде захватить с собой на охоту. При выстреле пули вылетают с такой силой, что могут прихватить с собой и сеть, одновременно растянув ее соответствующим образом по направлению к серой куропатке или любой другой летающей птице. Важно заметить, что сеть не перекрутится и не опустится на землю.

Конечно, устройство, которое описывает Мозли, является вариацией старинной арабской метательной сети (мидфа мудававар).

В Азии каменные луки известны с глубокой древности. На росписях периода династии Шан (около 1500-1028 гг. до н.э.) включают рисунок того, что изображен юноша с похожим луком в руках, на тетиве приделана сумка, предназначавшаяся для круглых камешков. На портрете Сянь Сюаня (1235-1290 годов н.э.), хранящемся в Британском музее, изображен юный всадник, держащий короткий обернутый ротангом лук с одной тетивой, в середине которой находится небольшой круглый мешочек. В персидской поэме Мифтах аль Фузала 1471-1472 годов упоминается лук для стрельбы глиняными или деревянными шариками (каман-михре).

В XVII и XVIII века азиатское огнестрельное оружие еще не достигло той степени совершенства, что была свойственна европейским изделиям, поэтому луки и стрелы по-прежнему оставались на плаву, и каменный лук наряду с другими разновидностями оставался скромным, но не менее эффективным оружием. Персидские и турецкие каменные луки часто изготавливались на основе той же составной конструкции, что и обыкновенные луки, и отделялись не менее тщательно.

В Индии, Цейлоне, Бирме и Китае каменные луки (гулайл, гулель, галь дунна) были весьма распространенным охотничьим оружием, сохранилось множество восторженных откликов европейских путешественников и охотников о них. Они оказались более прямыми и не такими разукрашенными, как персидские каменные луки, обычно их изготавливали из прямых полосок бамбука длиной от трех до пяти футов.

Рукоятки индийских и бирманских луков украшены забавными фигурками животных и демонов, а сам лук тщательно покрывался лаком. Эгертон описывает тщательно изготовленные лук из Лахора, украшенный позолоченным узором по красному или зеленому фону, шарик удерживался в шелковой паутинке. Иногда использовалась двойная тетива, но охотник мог использовать и только одну из них.

Каждый лук делался весьма тщательно и отличался своими индивидуальными особенностями. При выстреле следовало повернуть лук

чуть влево, чтобы тетива не задела левый большой палец и так далее. Отмечают и необычайную эффективность таких луков. Так специалист по оружию Генри Уилкинсон писал в 1841 году, что «местные жители могут сбить из него летящую птицу на расстоянии в сорок или пятьдесят ярдов». Естествоиспытатель Генри Форбс заявлял: «Из такого простого лука я лично убил белку, находившуюся от меня на расстоянии в восемьдесят футов, в руках же опытного стрелка они действительно являются опасным и даже смертельным оружием».

Возможно, самое интересное описание индийское лука, стрелявшего шариками, встречается в письме, написанном британским охотником, подписавшимся «N» издателю «Охотничьего журнала» в июле 1830 года. Он пишет, что

«убил порядка нескольких сотен летящих птиц, таких как коршуны, вороны, чайки и попугая, многих с расстояния в пятьдесят и шестьдесят ярдов. Такова скорость того, кто практикуется в искусстве стрельбы. В одном случае, как я вспоминаю, мне удалось сделать три выстрела в чайку, пролетавшую мимо меня, промахнувшись в первый и второй раз и попав в третий.

Не прицеливаемся в конкретную цель, просто удерживаем взгляд на определенной точке, стараясь при этом держать руку как можно прямее. Шарики изготавливаются из голубой или желтой глины, куда добавляется небольшое количество масла, чтобы избежать растрескивания, они высушиваются в тени.

Шарики не должны получаться слишком легкими. Их следует поместить в специальную форму, причем величина изделия должна оказаться больше, чем мушкетная пуля, но не тяжелее, чем свинцовый шар в отношении 1 к 24 к фунту. Таким шаром можно выстрелить на расстояние в сто пятьсот футов, тогда как мушкетная пуля летит на расстояние не более ста двадцати, а пистолетная пуля №24 - на двести ярдов. Попробуйте для сравнения побросать стальные шарики такой же величины, что годятся для мушкета.

Глиняная пуля хорошо приспособлена для упражнений в сыром климате, поэтому вполне можете практиковаться с ней и в помещении. Мишенью может служить кусок любой материи, поскольку шарики не причиняют ни шума, ни вреда».

В 1822 году Джон Мюррей сообщал, что видел необычной формы каменный лук, использовавшийся патагонским племенем абипонов. Это был короткий лук, не превышавший трех футов в длину, изготовленный из местного дерева нетерге с плоской тетивой шириной примерно в три дюйма, с обмоткой из широкой полосы коры лианы или расплющенного бамбука. Он предназначался только для стрельбы глиняными катышками в птиц, тетива была постоянно взведена и отведена назад.

Хотя в древности лук для метания камней использовался как охотничье оружие, во всех известных нам описаниях говорится о том, что его использовали стражники, размещенные на стенах сиамского королевского дворца. Любой прохожий, не отдавший соответствующие почести, тотчас обсыпался шариками!

Стальной лук

Когда начинаешь задумываться над тем, что в XVIII веке составной лук арбалета был заменен стальными аналогами, то начинаешь задуматься над тем, почему не делались постоянные усилия в том же направлении по отношению к обыкновенному луку. Две разновидности луков показывают, что

существовали различные проблемы с их устройством. Однако удивительно, был ли изготовлен какой-либо стальной лук той же самой величины, что и составной лук, чтобы соответствовать последнему по эластичности и дальности.

В 1545 году Роджер Ашем проанализировал возможности использования металла для изготовления луков:

«Бронзовые луки упоминаются еще в Библии.⁴ Длинные железные и стальные луки использовались турками, и все же иногда они оказывались непригодными. Изготавливаясь из бронзы, железа или стали, они приобретали значительную жесткость, хотя далеко не всегда находились достаточно сильные люди, чтобы стрелять из таких луков на протяжении длительного времени».

Упоминание о стальных турецких луках заслуживает особого внимания, в описи вооружения Генриха VIII, сделанной в 1547 году, встречается упоминание : Стальной турецкий лук

В описи знаменитого арсенала Гонзага в Мантуе находится только один металлический лук. Хотя большинство других луков описаны как турецкие, о данном луке говорится только, что он изготовлен из железа. Еще в 1588 году в Англии встречались сторонники стальных луков, так, когда битва с Испанской армадой достигла кульминации, в Совет поступила просьба «снова ввести лук, арбалет и стальной лук как мощное оружие, не использовавшееся противником. Лук является нашим национальным оружием, он хорошо известен в нашей стране, но не используется за ее пределами. Стальной лук бьет вдвое дальше арбалета, способного поражать цель, которая находится на расстоянии в 200 ярдов, и при этом перезаряжается гораздо быстрее и легче».

Нет подтверждений, что все стальные луки импортировались из Турции. На самом деле Джозеф Скелетон описывает любопытный складной стальной лук, находящийся в коллекции Мейрика, который сам владелец описывает как немецкий XV века. Правда, и для этого утверждения нет оснований.

Те турецкие и персидские кузнецы, которые могли создать прекрасные стальные сабли, были вполне способны изготовить и стальной лук, но большинство известных нам изделий индийского производства. Сегодня установлено, что индийские луки встречались уже при Моголах (начиная с 1526 года). Вот что говорится об этом в «Агнипуране»: «Возможно, у них был небольшой захват, и их средняя часть изгибом напоминала брови красавицы. Их обычно делали из нескольких частей или из одной, а затем украшали накладками из золота».

Встречаются две основные группы стальных индийских луков. К первой относились те, что изготовлены из одного куска с захватом и ушами из рога, дерева или слоновой кости, приклепанным к металлическому основанию. У изделий из второй группы конечности делались отдельно и привинчивались к рукоятке. Оба разновидности щедро раскрашивались или покрывались серебром и золотом. Ранние образцы луков трудно идентифицировать. Все те, что находятся в Сандрингемской коллекции, датируются XIX веком.

У индийских оружейников также изготавливали стальные луки, части которых составлялись из двойных пружинных полос. К ним близки по конструкции, хотя и немного отличаются от них те изделия, что находятся в

⁴ Убежит ли он от оружия железного, - пронзит его лук медный. Иов, XX, 24.
Изучает руки мои брани, и мышцы мои сокрушают медный лук. Псал., XVII, 35

коллекции Питта Риверса в Оксфорде, их длина составляет от 2 до 2,5 футов. Их изобретение приписывают неумолимому пропагандисту силы упругости Ричарду Эдвардсу Ходжесу. В 1849 году он получил британский патент за «усовершенствования в механических приспособлениях, которые можно применять как целиком, так и как часть снаряда».

В патенте также упоминается о возможности выбрасывания снарядов из ствола по принципу арбалета, сам Ходжес изготовил несколько таких ружей (см. раздел «Арбалеты»). В патенте представлен лук длиной 18 дюймов, изготовленный из желобчатой металлической трубки. Метательная сила получалась не за счет изгиба лука, а от веревки или тетивы, сделанной из «вулканизированного каучука», т.е. резины, в невытянутом состоянии он составлял 9 дюймов в длину.

Несколько таких катапультных луков изготовили в викторианские времена, обычно их оснащали рукояткой коричневато-красноватого цвета. В патенте также представлена и деревянная чаша, которую можно было удерживать в руке. Чтобы закрепить небольшую стрелу, применялся эластичный специальный шнур.

Глава пятая

Арбалеты

По конструкции арбалет представляет собой лук, в середине прикрепленный к деревянной ложе (станку), что принципиально отличает его от лука по способу прицеливания. Перед выстрелом арбалет взводили, отводя назад тетиву до зацепления за спусковой крючок, смонтированный в станке. Когда тетива удерживалась в натянутом положении, можно было вложить стрелу, навести арбалет на цель и отпустить тетиву, нажав спусковой крючок (похожим образом действует и огнестрельное оружие).

Для стрельбы из арбалета не требовалось ни большой физической силы, ни такой длительной тренировки, как при обращении с луком. Разнообразные приспособления позволяли зарядить даже мощный арбалет, не прилагая больших физических усилий. За многие годы существования арбалетов оружейники разработали различные механические приспособления для взведения тетивы, стремясь облегчить этот несложный процесс.

Трудно сказать, когда появились арбалеты, самые ранние их образцы, найдены в Китае. На росписях и рельефах из погребений периода ханьских династий (206 до н.э.-220 н.э.) видны их различные конструкции с оригинальной формой замка и спускового крючка. В различных местах страны найдены литые бронзовые замки для арбалетов. Замок из гробницы Юй Вана в Сучжоу относится к 228 году до н.э., то есть к концу династии Чжоу. В другой могиле, обнаруженной в Шаньго, нашли целую рукоятку арбалета с заряженным механизмом.

Устройство этих замков достаточно подробно описано в древних китайских рукописях, в частности там показано, что они могли действовать и без пружины. Хотя нельзя точно датировать некоторые рукописи, по крайней мере, в одной – «Ши цзи», написанной примерно в 100 году до н.э. сообщается о необычайном использовании арбалета во время сражения при Ма-линь в 341 году до н.э.

В другом абзаце этой книги описаны ловушки с арбалетами, изготовленные для защиты гробницы великого императора Цзин Ши, умершего в 210 году до н.э. Упоминание о ловушках заслуживает особого внимания, поскольку некоторые специалисты полагают, что арбалеты появились, вероятно, в ходе усовершенствования охотничьих ловушек с самострельными луками. Обычно развитие боевого оружия опережало охотничье.

Скорее всего, арбалеты пришли в Европу с Востока во времена Римской империи, хотя сами римляне использовали данное оружие в основном в виде аркабалист – больших арбалетов, установленных на деревянных станинах. Им была известна и меньшая форма арбалетов, хотя из-за своей достаточно большой величины они вряд ли использовались пехотой или применялись в качестве охотничьего оружия, обычно из них стреляли с упора. Герон Александрийский (I в. до н.э.) описывает конструкцию гастрифета – небольшого арбалета, который для взвода упирал в область желудка и толкали мышцами живота (отсюда и название). Книга, вероятно, основывается на утраченном сочинении Ктезибия из Александрии, жившего в середине III столетия до н.э. На реконструкции XVII века видна зубчатая опора, сделанная из двух скользящих частей, а также спусковой крючок удерживаемый «собачкой» (рисунок 71).

Натяжение гастрифета требовало большой физической силы. Поэтому Герон замечает, что в его дни луки были гораздо сильнее и прочнее. Далее он переходит к описанию поворотных механизмов, использовавшихся для сгибания очень мощных луков. К сожалению, он не описывает, по крайней мере, используя

четкую терминологию, из каких материалов изготавливались сами луки. В частности, не указывает, что конкретно использовали: сталь, бронзу (применявшуюся Ктезибием для пружин катапульты), дерево или рог.

Греческий историк Арриан (около 96-180 гг.), в течение некоторого времени занимавший командные должности в римской армии, описывает в своем трактате «Искусство тактики» отдельные действия кавалерии: «они показали стрельбу снарядами различного рода, с помощью легких дротиков или болтов, выпускавшихся не только из луков, но и из «машины». Позволим себе предположить, что в последнем случае речь идет о какой-то форме ручного арбалета. Однако большие классические скульптуры, рельефы, бронза и мозаика позволяют составить представление обо всех видах оружия от ручных пращ до огромных осадных машин. Однако там нет никаких упоминаний об арбалетах, больших или маленьких.

Первое свидетельство существования арбалетов находим только несколько столетий спустя. На резном камне из галло-римского погребения примерно 300-400 гг. из Полиньяк сюр Луар (сегодня в Музее Грозетьер, в Пюи) представлены изображения предметов охотничьего снаряжения. Среди изображенного оружия находим и очевидный образец ручного арбалета и колчана (рисунок 72). Находящийся в том же самом музее галльско-римский каменный рельеф покрыт изображениями охотников, один из которых держит в руках оружие, весьма похожее на арбалет. Толщина и форма луков позволяет предположить, что они были сложной конструкции.

Примерно в то же самое время римский военный автор Вегеций в книге «О военном деле» ратует за использование арбалета, полагая, что он подходит для легковооруженных воинов. Именно в это время появляются различные приспособления для взведения арбалета. Самым ранним был приставной железный рычаг, называемый «козья нога». У более мощного арбалета тетиву натягивали зубчатым механизмом, а для самых больших и дальнобойных применяли ворот с блоками и двумя рукоятками. Арбалеты с рычагом для взвода тетивы использовали и как военное, и как охотничье оружие. Поскольку свидетельства о его применении немногочисленны, то можно сделать вывод, что арбалет не пользовался особой популярностью.

Фактически исторические свидетельства о его использовании, начиная примерно с 500 года и далее, почти отсутствуют и встречаются только в X веке в рукописной «Истории», написанной французским хронистом Рише. Как он отмечает, арбалеты использовались в битвах при Сенлисе и Вердунне в 947 и 985 годах соответственно. Первое изображение арбалетов, вероятно, появилось в рукописной «Книге пророка Иезекииля» работы монаха Хаймо из Оксерра (рисунок 72).

Средневековые арбалеты

Первые арбалеты появились в европейских войсках в IX веке. Хотя в гобеленах из Байе не встречаются изображения арбалетов, Гильом де Пуатье, биограф Вильгельма Завоевателя (умер примерно в 1100 году) утверждает, что они составляли часть вооружения Нормандской армии в битве при Гастингсе. В поэме, предположительно написанной Ги, епископом Амьена, известной только по не очень хорошего качества копии XX века, где описывается это сражение, также содержатся упоминания о метких арбалетчиках Вильгельма Завоевателя.

В «Книге Судного дня» (1085-1086) упоминается «Одо, арбалетчик», являвшийся хранителем королевской собственности находящейся в Йоркшире. Интересное изображение арбалета находим и в рукописи, которая датируется

примерно 1086 годом. Это каталанская копия «Четырех всадников Апокалипсиса» из комментариев испанского монаха Беатуса Ливанского, составленным в VIII веке (сегодня хранится в Кафедральной библиотеке, Бурго де Осма). На ней изображен всадник с небольшим натянутым арбалетом в руке (рисунок 73).

Полагают, что в Новом лесу во время охоты Вильям Руфус был убит именно арбалетным болтом. Правда, до этого времени по-прежнему имелось только несколько упоминаний, указывающих на то, что арбалет рассматривался как оружие, имеющее особое применение. Однако, где – то между 118 и 1148 годами византийская царица Анна Комнина написала «Алексиаду», где описывает арбалеты, показавшиеся ей новым и ужасным оружием:

«Варвары используют арбалет [зангр или цагра], это оружие совершенно неизвестно грекам. Чтобы натянуть его, одни используют правую руку, держа его в левой, другие держат тетиву двумя руками. Этот инструмент войны, который стреляет на огромные расстояния, следует натягивать, лежа почти на спине, с силой упершись ногами о соответствующие полукружья лука. Взяв тетиву двумя руками, ее натягивают одним рывком, используя всю силу тела.

В средней части арбалета находится желобок в форме цилиндра, разрезанного пополам длиной примерно в половину стрелы, идет от тетивы к центру лука. В этот желобок кладут различные стрелы перед выстрелом. В основном они были короткими, но необычайно толстыми с тяжелыми концами. Во время выстрела тетива толкает стрелу с такой силой, что ее удар неотразим, она пробивает щит или тяжелый железный нагрудник, и, пронзив тело, вылетала с другой стороны, продолжая столь же неотразимый полет.

Известно даже, что стрела такого типа сумела пробить бронзовую статую. Когда ее выпускали в стену очень большого города, ее конец или выходил с наружной стороны или поглощался стеной, и тоже исчезал из вида. Воистину эту стрелу можно назвать дьявольской машиной».

Не только принцесса выступала с критикой арбалетов. В 1139 году на Втором лютеранском соборе, проводившемся под эгидой Папы Иннокентия II (1130-1143), приняли 29 канон, в котором указывалось, что арбалет является «оружием, противным Господу и непригодным для использования христианином». Однако крестоносцы не испытывали мук совести, применяя арбалеты против неверных, и Ричард I оказался одним из тех военачальников, кто поощрял их использование.

Рассказывают, что он лично убил из арбалета нескольких сарацинов во время период осады Аскалона, и сам пал жертвой арбалетного болта во время осады замка Шалу в Нормандии в 1199 году. Тот, факт, что это произошло во Франции, показывает, что к религиозным запретам далеко не всегда прислушивались. Папа Иннокентий III (1198-1216) счел необходимым повторить запрещение, но к началу XIII века повсеместно игнорируют декрет, и вскоре арбалеты получают широкое распространение.

Изучение истории оружия позволяет прийти к выводу, что почти все ограничения, выносимые в связи с запрещением конкретных видов оружия, вводились потому, что они считались новым и смертоносным приспособлением. Нередко так реагировали и на известное оружие, которое неожиданно начинали применять в новой сфере деятельности. Примером последнего случая может служить карманный пистолет, который на протяжении XVI века, считали оружием убийц, или пневматические ружья, считавшиеся в XVIII веке, оружием снайпера.

Существовавшее на протяжении XII века в Европе запрещение использования арбалетов позволяет предположить, что они не относились к новинкам технической мысли, хотя и происходили достаточно неожиданные улучшения в его внешнем виде. Нагляднее всего они отразились в методике

конструирования составных луков. Только один факт мешает принять это предположение, из описаний становится ясно, что большинство европейских арбалетов продолжали изготавливать из дерева. Возможно, развитие арбалетов происходило в сторону создания более легкого и надежного спускового механизма.

Неизвестно, какое именно устройство замка или фиксатора тетивы использовалось в упоминавшихся нами первых европейских арбалетах. Полные экземпляры не сохранились, приведенные выше иллюстрации из рукописей относятся к XI и XII векам, позже указывали, что у луков имелся длинный нижний рычаг, который нажимался при выстреле. Описание арбалетов приводится и в арабской рукописи «Тафсират» написанной Марди ибн Али аль-Тарсуси около 1180 года. К сожалению, из описаний и рисунков не ясно, какой именно механизм использовался. Как считает Марди, один арбалет натягивался с помощью лаулаба. Но данное слово может означать как рычаг, так и ворот или лебедку.

Приведем описание механизма натягивания арбалета другого типа:

«Поместив ногу внутрь лука и, зацепив тетиву за поясной крючок, человек тянет его своей спиной до тех пор, пока тетива не доходит до защелки спускового рычага. Подняв рычаг, он закрепляет тетиву специальным поворотным замком, похожим на легкий шкив на железной оси, соединенный с передаточным рычагом, затем, взяв арбалет в руки, вкладывает болт внутрь направляющего желоба. Прицелившись, он нажимает спусковой рычаг, шкив поворачивается, тетива освобождается, болт приводится в движение и вылетает в цель».

Поясним приведенную нами цитату: «шкив» можно интерпретировать как муфту в стволе, «рычаг» означает спусковой крючок. Спусковой механизм устроен по принципу храповика. Вращающаяся на оси муфта была сделана из металла или кости и вставлявшееся в специальную выемку в верхней части ложки. В ее верхней части имелась бороздка, предназначенная для тетивы. Снизу находилась выемка, иногда укреплявшаяся железом, в которую входил вконец спускового крючка. Когда спусковой крючок нажимали, муфта поворачивалась и освобождала тетиву, ударявшую по стреле.

В 1893 году в погребении, раскопанном в Уилтшире, обнаружили скелет человека, захороненного вместе со своим арбалетом, ножом и инструментами. Сохранились только фрагменты арбалета, но в них входит костяная вращающаяся муфта. Могила датируется последними годами пребывания римлян в стране.

Нечто похожее на другой костяной арбалет обнаружили в крэнноге или озерном жилище в Бустоне неподалеку от озера Килмор в Шотландии. Одновременно с ним нашли монету 6-7 века. Следовательно, очевидно, что спусковой механизм на основе вращающейся муфты использовался в арбалетах в Северной Европе достаточно давно.

Самыми первыми образцами европейских арбалетов считаются остатки двух деревянных устройств, обнаруженных во время раскопок замка Лиллэ близ Кринстианштадта в Швеции, а также деревянный лук XIV века, хранящийся сегодня в Ландесмузее в Цюрихе. В ложах данных арбалетов имеется выемка, вырезанная таким образом, чтобы в ней удерживалась тетива, а также специально высверленное вертикальное отверстие для спускового крючка. Скользящий вверх и вниз колышек цилиндрической формы связывался с нижним рычагом. Когда рычаг поднимался, то колышек выталкивал тетиву из выемки.

Возможно, что именно данная форма арбалетного спускового механизма представлена на изображениях арбалетов в «Книге Иезекииля» (X век), о которой шла речь выше, правда, по одной детали сложно судить об этом наверняка. Хотя конструкция «колышек-впадина» позволяла создать простой и

дешевый арбалет, на изготовление которого в основном шло дерево, все же очевидно, что он никогда не сравнится бы по популярности с вращающейся муфтой, применявшейся в охотничьих арбалетах.

Однако при определенных условиях, например, на борту судна, именно такой арбалет обладал определенными преимуществами. Скорее всего, такой арбалет брали с собой голландские и португальские матросы во время своих первых путешествий вдоль западного побережья Африки в XV веке. Их заимствовали и скопировали африканские племена, которые до недавнего времени использовали похожие по конструкции луки для охоты. Об этом мы еще поговорим.

В начале XX века скандинавские китобойцы продолжали использовать такие арбалеты для метания гарпунов. Они представляли собой достаточно грубое, полностью изготовленное из дерева оружие длиной примерно в четыре фута и достаточно мощное, чтобы метать китобойный гарпун. Его натягивали воротом с деревянным рычагом и стреляли деревянным болтом, заканчивавшимся железным копьём, иногда напомиавшим миниатюрный гарпун.

В 1368 году мамлюкский лучник Тайбуга уже упоминает различные национальные типы арбалетов. К тому времени у франков был ярх, у магрибинцев (северные африканцы) - лакша, персы и турки использовали занбурак, а мусульмане (мамелюки) - бандук. К сожалению, как и многие древние авторы, он не описывает их устройство. Поэтому у нас нет оснований для предположения, что в их конструкции преобладал какой-то один тип спускового механизма. Остается неясным другое, почему, арбалеты стали так популярны во время Крестовых походов. Очевидно, что возвращавшиеся на родину французские и английские рыцари привозили с собой не только образцы арбалетов, но и людей, обученных обращению с ними.

Свой вклад в распространение оружия по всей Европе сыграли и мусульмане, проживавшие в Испании и Сицилии. К началу XIII века в документах Франции и Англии встречаются многочисленные упоминания об использовании арбалетов. Отмечается, что они изготавливались из дерева, тиса, вяза, а также из рога.

Более интересным предметом изучения являются имена лучников. Говорится, что в 1205 году Питер, лучник-сарацин, был отправлен к констеблю Нортгемптона (Англия), где ему положили жалованье в 9 фунтов в день. В 1222 году имена лучников, получавших жалование и содержание, находившихся на королевской службе подтверждает предположение, что они были иностранного происхождения: Ламберт Кассельский, Жерар де ла Бар, Питер Лиможский, Никола из Лима, Джон ле Грон, Гильом и Питер де Озей, Роже де Гайа, Андре де Памплон, Люс-испанец, Филипп Бретонец.

Заметим, что французские, испанские и сарацинские изготовители арбалетов ревностно относились к своей профессии, в течение многих лет методика изготовления некоторых разновидностей луков, особенно тех, что состояли из нескольких частей, тщательно охранялась, относясь к профессиональным секретам.

Сопровождавшие процесс изготовления тайны и загадки привели к тому, что даже верили, что луки изготавливались из фаллоса слонов. В конце XV века король Рене Анжуйский послал арбалет необычной конструкции маркизу дю Плесси. В сопроводительном письме говорилось, что его изготовил один сарацин из Барселоны, отказавшийся передать свое мастерство христианам.

Тщательное изучение конструкции арбалетов XV века позволило выявить сложную методику их изготовления. Оказалось, что сердцевина лука состояла из слоя китовой кости, на которую с каждой стороны наклеивались

полосы из тиса. Все изделие покрывалось обмоткой, изготовленной из сухожилий, пропитанных животным клеем. После высыхания лук приобретал слегка подковообразную форму. Выступавшие части лука защищались изогнутыми кусками рога, а в промежутках закрывалось слоем древесной коры. Поскольку не знали о конструкции лука, а сверху он был закрыт, то создавалось впечатление, что он целиком изготавливался из рога. Отсюда и общее название периода бытования такого типа луков – «роговой».

Хотя и очевидно, что рог не использовался как один из основных составляющих арбалетов, описанных нами выше, все же он относился к тем компонентам, которые применяли для усиления упругости внутренней части арбалетов, точно также, как и для той же самой части ручных луков. Так в 1240 году лондонские шерифы получили указание обеспечить констебля Тауэра сухожилиями, рогом и клеем для создания арбалетов.

В список материалов для создания арбалетов, затребованных Робером д'Артилье из Руана в 1358 году, входят тис, воск, смолистые материалы, колесная мазь, уголь, клей, расщепленные воловьих сухожилия, рог барана и лак. Обратим внимание, что сюда не входила китовая кость. Что касается лака, то он, скорее всего, использовался в качестве покрытия концов лука, заменяя кору.

Другое свидетельство относится к 1226 году, в нем говорится о том, что лучники Генриха III покупали клей и кору, чтобы покрывать королевские арбалеты, но не ясно, какую именно кору они использовали. Сегодня, например, используют кору пробкового дуба. Он в изобилии встречается в разных частях Испании, и вполне мог использоваться для этой цели местными изготовителями арбалетов. В документах указывается, что чаще всего в качестве материала для тетивы использовались просмоленные нити

Однако в больших по размеру арбалетах, где применялись струнные держатели и другие механизмы, использовали волосы их конских или бычьих хвостов. В 1337 году Никола Пику и Роберту де Манифилд были специально направлены в районы Кента, Эссекса и Суррея, чтобы достать «как можно больше волос каретных лошадей и других тягловых животных, которые требовались для изготовления тетивы для арбалетов и другого оружия». В качестве достойной замены волос животных рассматривались длинные женские волосы, так при осаде Карфагена (146-147 годы до н.э.) в катапультах защитников применялись волосы рабынь.

Особой проблемой при изготовлении арбалетов была защита всех его частей, а особенно лука и тетивы от влаги. Набухшая тетива теряла эластичность и натягивалась с большим трудом, а лук мог потерять свою силу. Чтобы избежать попадания воды, лук защищали с помощью коры и лакового покрытия, а тетиву пропитывали смолой. Для защиты от природной влаги арбалет в специальном контейнере, сделанном из холста или кожи. В 1239 году граф Линкольна, констебль Честера, заплатил 5 шиллингов за холст, чтобы сделать чехол для королевского арбалета.

На некоторых охотничьих сценах в «домовой книге» примерно 1480 году изображены такие чехлы, защищающие лук и тетиву (рисунок 74). Конкретные примеры находим и в Арсенале императора Карла V, а также в серии гравюр, известных как «Иллюстрированная опись», выполненных примерно в 1440 году. Обычно лук арбалета покрывался прямоугольным чехлом с каким-либо рисунком.

Однако на некоторых чехлах не встречается отделка из лака. Когда Людовик Брюггский или Лорд Грютеус как его именуется хронист, посетил Эдуарда IV со специальной миссией от Карла Бургундского, английский король пожаловал его «королевским арбалетом с тетивой из шелка, в бархатном футляре цветов

короля, украшенном его гербом и знаками». Во время езды на лошади, арбалет переносился на перевязи или наплечном ремне.

Отличительной особенностью арбалета является использование коротких тяжелых стрел, известных под названием болт или кваррел. Они имели длину примерно 30 см и диаметр 15-20мм. Болты изготавливались из хорошо высушенной древесины, причем выбирались прочные сорта: бук, тис, ясень, дуб или береза, оперение делалось из тонких полосок дерева, кожи, рога и иногда бронзы. В 1659 году один из гостей, побывавших в Дуврском замке, сообщал, что видел «длинные луки, арбалеты и стрелы к ним с оперением из бронзы».

В зависимости от боевого или охотничьего назначения, к арбалетным стрелам прикреплялись железные головки различной формы. Для военных целей предназначались заостренные головки круглого или квадратного сечения с небольшими гранями.

В зависимости от разных типов дичи для охоты разработали множество вариантов. Для изготовления арбалетных стрел требовалась заготовка достаточного количества дерева и металла. Главным центром данного производства в Англии был замок Бриавель в Дин-форесте, где располагались мастерские и склады. Количество производимой здесь продукции с 1223 по 1293 годы, в основном представителями семьи де Мельморт, как полагают некоторые исследователи, составляло почти миллион изделий. Приведенная нами цифра позволяет составить некоторое представление об уровне популярности арбалетов в это время.

Многочисленные упоминания об использовании арбалетов в XIII веке, также говорят о том, что использовалось несколько разновидностей луков. Обычно упоминают два основных вида материалов, использовавшихся для изготовления луков, дерево и рог, об этом мы уже рассказывали. Кроме того, в описаниях проводятся особые различия между луками, предназначавшимися для натягивания одной ногой или двумя.

Оба типа арбалетов встречаются в литературе западной Европы, включая и Испанию. Обычно принимается объяснение для этих терминов следующее: натягивавшиеся двумя ногами луки относятся к тем, что описаны принцессой Анной Комнен и Марди, мы их упоминали выше. Они натягивались лучником, помещавшим обе ноги на лук и оттягивавшим назад веревку рукой или с помощью поясных крючков.

Что же касается луков, натягивавшихся одной ногой, то у них к передней части ложи прикреплялось металлическое стремя, на которое стрелок наступал ногой, после чего натягивал руками тетиву. Такое стремя часто упоминается, чтобы выделить арбалет как специальную разновидность оружия. Поэтому такой арбалет называли «баллиста со стремяем» или стриподиум (в Англии и Франции), стриво (в Италии) и эстрибера (в Испании). В 1305 году в Англии цена лука для одной ноги составляла 3 шиллинга 6 пенсов, для двух ног – 5 шиллингов. В «Ценных бумагах казны» Ф.Девона (Лондон, 1837) мы обнаружили отсылку на «арбалеты в три ноги» по цене в 8 шиллингов каждый.

Сложности определения в современных терминах арбалетов объясняются тем, что в XIII веке ввели различные механические приспособления, помогавшие натягивать мощные арбалеты. Уже римляне использовали для этого ворот, полиспасть или лебедку, без сомнения, именно о них идет речь, когда в английских и французских документах XIII-XIV веков употребляются термины *arbalet-a-tours* или просто *de torno*.

Образцы ранних лебедок не сохранились, а из иллюстраций того времени можно составить только приблизительное представление об их действии. Более простым приспособлением и, судя по частоте его появления на

иллюстрациях, самым популярным из ранних натяжных устройств оказался металлический крючок. Вначале его, возможно, держали в руке, затем прикрепляли к поясу, и именно такая форма и встречается на рисунках.

Используя такой крючок, лучник зацеплял за него тетиву арбалета, а затем толкал вниз его ложе. В соответствии с другим способом он наступал ногой в стремя, а затем нагибался, удерживая арбалет за основание, пока тетива не зацепится за крюк. Выпрямляясь, он натягивал тетиву до зацепления за спусковой крючок. Документальным свидетельством именно такого использования луков могут служить иллюстрации, приведенные в Псалтыри Лютера примерно 1340 года и Псалтыри королевы Марии начала XIV века (рисунок 75).

На иллюстрациях в Библии Велислава, написанной в Богемии около 1340 года, видно, что солдаты носили крюк на небольшом ремешке, протянутом через прорезь в поясе, чтобы он всегда находился спереди. Трудно подобрать современный термин для поясного крючка, но в некоторых немецких описаниях XIV века встречается обозначение Ruckambrust, то есть натягиваемый или схватываемый арбалет, возможно, что это был именно лук, натягиваемый с помощью поясного крючка.

После усовершенствования методики конструирования и с помощью перечисленных нами механических приспособлений арбалет превратился в важнейший вид боевого оружия. В то же время он не очень высоко котировался как оружие для охоты. Средневековый охотник предпочитал догонять свою дичь пешком или на лошади, загнав зверя, обычно приканчивали с близкого расстояния с помощью копья или сабли. Заслуживает внимания тот факт, что в изданной в XIV веке «Книге о королевском поведении» нет ни упоминаний в тексте ни изображений арбалетов. В относящейся к началу того же столетия рукописи «Псалтырь королевы Марии», где подробно охарактеризована деятельность гончих и использование лука, включено только одно изображение арбалетов, которые использовались для охоты на сидящую дичь, скажем, для отстрела птиц на деревьях.

Введение стальных арбалетов

Однако в начале XIV века началась новая стадия развития – проявились стальные арбалеты, что привело к переходу их производства к кузнецам и оружейникам. Теперь охотники перестали зависеть от мастерства одиночек, которые и могли изготовить составной лук. Первоначально стальной лук прикреплялся к основанию с помощью обычных ремней и лишь со временем им на смену пришли стальные крепления, что позволило изменить радиус действия и привело к созданию как гигантских, так и крошечных разновидностей этого оружия. При стрельбе на небольших дистанциях болт, выпущенный из стального арбалета летел с большой скоростью и обладал большой пробивной силой.

Казалось, все указывало на преимущества нового оружия, но, как обычно бывает со всем новым, и данное изобретение не сразу стало пользоваться особым расположением со стороны охотников, многие по-прежнему предпочитали старый составной лук. Кроме того, существовали сложности в производстве из-за необходимости закалки стали. О подобных сложностях говорится в письме, направленном в 1469 году Джоном Пастоном (1444-1503), защищавшим замок Кейстер (Норфолк), своему брату Джону:

И также сэръ, мы распространили среди защитников Кастера арбалеты со стальными луками, до этого они использовали те, что были изготовлены из тиса, эти же принадлежат весьма умелым мастерам из Лондона. Пришли мне деревянный лук, а я пошлю тебе в обмен те арбалеты, которые сломались, среди

них и твой собственный зеленый лук, и лук Роберта Джексона, и лук Джона Пампинга. У них так много поломок, что из них нельзя стрелять, хотя они изготовлены совсем недавно.

В 1455 году Жиль де Буве писал о том, что арбалеты из рога «не ломаются от мороза, напротив, они становятся только прочнее». По той же самой причине Максимилиан I (1459-1519) рекомендовал использовать для охоты на серн арбалеты из кости, а не стальные (рисунок 76). Первоначальное отвращение к стальным лукам породило и эпизод, изображенный на одной из иллюстраций в книге «Theuerdank» (1517). Там показано, как негодяй Унфало одалживают герою книги (Максимилиану) стальной лук, который при первом же выстреле ломается, срывая шапку с его головы и серьезно ранив одного из слуг. Однако именно с помощью стального лука Максимилиан превзошел в меткости Йорга Пургхардта, стрелявшего из ружья. Тогда Максимилиан убил серну на расстоянии в 100 клафтеров или более чем в 200 метров.

Рассказывают и другую историю, ее можно считать примером, в котором удалось выстрелить из стального арбалета на необычайное расстояние. Два брата - рыцари Ганс и Ульрих Фрундсберги жили в своих замках на двух сторонах долины в Тироле. Однажды они страшно повздорили, и когда они уже не отдавали себе отчета в своих действиях, то стоявший в окне своего замка Ганс был убит Ульрихом, выстрелившим из арбалета из своего замка, находившимся на расстоянии примерно в 450-500 ярдов.

Крепежные приспособления

К концу XV века арбалет стал более компактным, его можно было перевозить на спине лошади, тогда его и стали усиленно использовать для преследования дичи, чему способствовало появление разнообразных механических приспособлений для натягивания луков. Их можно разделить на пять групп: поясной крючок, рычаг типа «козья нога», ворот, винт с храповиком, полиспаг и домкрат.

Остановимся последовательно на каждом из них. Единичный или двойной крючок, подвешенный на короткую веревку на поясе, оказался самым простым и вероятно первым из натяжных инструментов. О некоторых разновидностях мы уже писали выше. В рукописи Конрада Киезера «Bellifortis» примерно 1405 года предлагается более сложная разновидность крючка, вместо ремешка на поясе крепилась прямоугольная металлическая коробка с защелкой. В нее вставлялась специальная зубчатая рейка, установленная на ложе арбалета.

Поясным крючком мог пользоваться только физически сильный человек. Чтобы облегчить натяжение тетивы, уже в XV веке появилось полезное усовершенствование – к крючку прикрепляли блок, соединенные веревкой с другим блоком, то есть простейший полиспаг. Используя такое изобретение арбалетчик, которое иногда называли «поясом Самсона», изображен на картине «Мучения святого Себастьяна» Антонио Поллайоло (1475), хранящейся в Национальной галерее в Лондоне.

Охотники требовали, чтобы оружие было легким, а обращение с ним не требовало большой затраты сил и времени. В рукописи XV века Гастона Феба, хранящейся в Национальной библиотеке в Париже, изображены использовавшиеся в его время простые поясные крючки. Однако, даже оснащенные полиспагом, поясные крючки оказывались неудобными для натяжения мощных арбалетов со стальными луками. Наиболее эффективным натяжным приспособлением для таких луков оставалась лебедка, то есть ворот, соединенный с храповым механизмом.

В континентальной Европе такое приспособление называли английским воротом. Оно состояло из металлического корпуса, прикрепленного к концу арбалетной ложи. В коробке располагалась катушка с храповиком. На двойной веревке был прикреплен крюк или специальный захват для тетивы. Находившиеся с каждой стороны оси прочные рукоятки позволяли наматывать веревку и натягивать даже самые мощные стальные луки.

Простейшая форма ворота представлена в «Bellifortis». У поздних и более сложных форм лебедок имелись двойные и тройные системы блоков и веревок, которые, хотя и позволяли легко натягивать луки, отличались солидным весом и требовали особых навыков. Это приводило, в конечном счете, к тому, что приспособление оказывалось слишком громоздким, и его практически нельзя было использовать на охоте.

Возможно, душеприказчики Ричарда Токи, умершего в 1391 году, описывают именно арбалет с воротом (оцененные в 2 шиллинга): «Один арбалет с лебедкой». Однако именно лебедка оказалась самым подходящим средством натяжения для боевых и прицельных арбалетов. В описи имущества сэра Джона Фальстафа, составленной в 1459 году, читаем следующую запись: «Пункт III - один большой арбалет со стальным луком и двойной лебедкой».

Одними из самых первых средств натяжения арбалетов считаются винты и ручные механизмы с зубчатыми рейками. Они применялись у первых осадных луков. Захват такого устройства соединялся с концом длинного винта двигавшего вдоль арбалетного ложа. На конце винта располагалась удобная рукоятка. Само устройство представляло собой прочную нарезную втулку и размещалось на дальнем от лука конце ложи.

Поворачивая рукоятку, которая могла вращаться, заставляя двигаться винт, который тянул за собой тетиву. Как только тетива зацеплялась за спуск, рукоятка поворачивалась обратно и тетива освобождалась. В больших арбалетах натяжные устройства встраивались внутрь ложи, становясь их постоянной частью. Пример такого арбалета, установленного на козлах, можно увидеть на иллюстрации к уже упоминавшейся нами рукописи Вальтера де Мильмета 1326-1327 годов.

Большие по размеру арбалеты, натягивавшиеся винтовыми механизмами, запечатлел на своих рисунках Леонардо да Винчи в «Codex Atlanticus» (1505-1510). Устройство, используемое в этих больших арбалетах, было известно в Германии еще в Средние века и называлось «Raubrank» или «Reispankl». Винтовые механизмы разрабатывались для того, чтобы облегчить натяжение арбалета, а не его спуск. Подтверждение сказанному находим на иллюстрациях в рукописном трактате, написанном Мартином Лофенгольцем из Нюрнберга в 1505 году, другое изображение встречаем на изображении битвы при Уэрте в Мадриде.

У портативных арбалетов, натягиваемых винтом с помощью ручного механизма, стержень размещался в специальном канале внутри ложи и вращался за специальный вороток на ее конце. Сохранилось несколько изображений ручных арбалетов данной конструкции, например, в книге Вальтурия «Военное искусство» 1472 года (рисунок 77). Основным неудобством подобных винтов и ручных воротов была необходимость их разборки перед прицеливанием и сборки перед следующей зарядкой оружия.

Интересную разновидность такого устройства находим в книге «Bellifortis». Здесь винтовой стержень пропускался сквозь металлический корпус со специальной разъемной гайкой внутри, наподобие коробки с прицелом. Передняя часть стержня свободно поворачивалась в основании длинного двойного крючка, зацеплявшегося за тетиву лука. С другого конца на винте

находилась удобная рукоятка, чтобы поворачивать вин и отводить тетиву в нужное положение. При выстреле гайка разъединялась, и тетива высвобождалась (рисунок 77). При такой конструкции винт почти равнялся луку, который он «обслуживал» и все приспособление получалось достаточно тяжелым для переноски.

Таковыми устройствами оснащали и небольшие арбалеты (итальянское название - балестрины) с пистолетными рукоятками. Они обычно делались полностью металлическими, а взводились с помощью барашковой головки. В Королевском арсенале в Турине находятся три прекрасных образца такого оружия. Вполне справедливо, что их считали оружием убийц.

Более удобным и портативным приспособлением для взведения арбалета был домкрат с зубчатой рейкой. Кроме того, такая конструкция работала намного быстрее винтовой. Он основывался на принципе реечной передачи. К одному концу зубчатой рейки прикреплялся захват для тетивы, а другой конец проходил через металлический корпус, внутри которого находились рабочие шестерни. Чтобы снизить необходимое усилие обычно применялось две шестерни, маленькая и большая, скрепленная с приводной рукояткой. Устройство прикреплялось к ложу прочной веревочной петлей или двумя хомутами, стянутыми болтами, расположенными на расстоянии 4-6 дюймов.

Как и в случае с другими военными приспособлениями, о происхождении такого устройства нам неизвестно почти ничего. Само слово представляет собой прямую кальку с французского, в Германии те же устройства называются *Armbrustwinge*, в Швеции - *stalbagegran*, в Англии XVI их называли *gask*. Современные авторы иногда обозначают их как немецкие лебедки, а в словаре Гея они названы «нюрнбергской зубчаткой». Однако в самом раннем упоминании - списке припасов английской армии, стоявшей в Руане в 1435 году, употреблено название «галльская зубчатка». Приведем этот отрывок: «пять инструментов, называемых галльскими зубчатками».

Среди шотландцев, служивших во Франции в 1450 году, указаны «зубчаточники». Первые изображения зубчатого натяжителя арбалета появились в XIV веке. В рукописном переводе книги Леви «*La Prima deca in Volgare*», датированном 1373 годом, изображен солдат, держащий в руках арбалет с зубчатой планкой, а рукоятка заткнута у него за пояс. В немецкой рукописи «*Feuerwerke Buch*» (ок.1440 года), хранящейся в Лондонской оружейной башне, изображен арбалетчик, использовавший зубчатку с длинной прямой рукояткой (рисунок 78).

На рисунке «Алтарь святого Себастьяна» Ганса Гольбейна старшего, находящегося в Старой пинакотеке в Мюнхене, изображен арбалетчик, натягивающий лук зубчаткой, рукоятка которой изогнута полукругом (рисунок 78). Похожий процесс заряжения лука изображен на алтарной картине «Мученичество святого Себастьяна» (1514), до недавнего времени находившейся в Церкви Святой Елизаветы в Марбурге в Пруссии.

Хотя само устройство было довольно тяжелым - его вес колебался между 3 – 6 фунтами, все же он был достаточно быстрым и компактным приспособлением, что практически сразу оценили охотники. Оно оказалось достаточно сильным натяжным устройством, поэтому его стали использовать в мощных охотничьих арбалетах, получившими особое распространение в XVI веке.

Для более удобной переноски устройство можно было снять с арбалета и привесить к поясу, о чем свидетельствует изображение охотников, отстреливающих птиц, на прекрасной иллюстрации, помещенной в книге П.Кресценция «*De omnibus Agriculturae*», изданной в 1548 году. Держащих такие приспособления слуг, помогающих во время охоты, можно увидеть и на картинах

таких мастеров как Лука Кранах, например, в «Охоте на оленя эрцгерцога Фредерика Мудрого» (1529), хранящейся в Историко-культурном музее в Вене.

Предпринимались и попытки упрощения конструкции путем помещения зубчатой рейки внутрь арбалетной ложи или в рукоятку арбалета. На рисунке из «Словаря» Гея, выполненном по рисунку из французской рукописи XV века, изображен такой арбалет с оригинальным захватом, видимо, для того чтобы повернуть его небольшую рукоятку, требовалось приложить особую силу.

Встречаемся и с другой разновидностью большого стального арбалета, изготовленного лондонским оружейником Г.Делани (около 1715-1745), хранящемся в коллекции Маркиза Батца в Лонглите. У него механизм встроен в ложе, а съемная рукоятка вставляется сбоку через специальное отверстие. Кроме того, к спусковому механизму добавлено усовершенствование в виде предохранительной защелки.

Заметим, что современный термин «рычаг козья нога» использован для обозначения устройства, известного в Англии в XVI веке как *bender* (клещи) и , происходит от первоначального французского «козья нога» или «сукина нога». Отмечаются две основные разновидности рычагов: толкающие и тянущие.

В первом случае клещи состояли из деревянного рычага, который с одного конца сгибался крючком и прикреплялся к кольцу на луке, расположенном на месте стремени. Примерно на трети расстояния до лука на ложе располагался шарнир с коротким рычагом, заканчивавшимся вилкой, которая и цеплялась за тетиву лука. Когда длинный рычаг соединяли с ним и, поворачивая на шарнире, подтягивали тетиву лука к спусковому механизму. Хотя приспособление устроено очень просто, рычаг позволял преодолеть сопротивление даже достаточно толстой тетивы.

Вторая разновидностей клещей, в большинстве случаев изготавливавшаяся из металлических конструкций, имела небольшой основной рычаг, заканчивавшийся двумя большими изогнутыми зубцами. Над ними располагался захват, изготовленный из двух крюков. Когда захват прикрепляли крючком к тетиве, то два зубца рычага размещались за выступающими концами болтами, прикрепленного крест-накрест вдоль ствола, за головкой. Уровень встречается на изображении «Мученичества Святого Себастьяна» Луки Сьорелли (1450-1523), хранящемся в Пинакотеке Читта ди Кастелло в Италии.

Однако, несмотря на простоту и удобство, рычажный натяжитель требовал приложения значительной силы. Поэтому его использовали в основном в самых легких охотничьих арбалетах, прежде всего тех, что метали камни (об этом мы еще поговорим). В описи имущества, хранившегося в «Комнате арбалетов» в Кале, составленной в 1547 году указаны «клещи для взведения небольших арбалетов».

Одним из первых механиков, оценившим, что шарнирный рычажный механизм можно встроить в ложе арбалета, оказался Леонардо да Винчи. Ко второй половине XVI века уже был широко известен тип легкого охотничьего арбалета с поднимающимся рычагом, прикрепленным к верхней части ложи, в них крючок захватывал тетиву лука сложным замком, соединенным со спусковым механизмом. Такое устройство использовали во многих арбалетах для метания камней, начиная с XVIII и вплоть до XIX века.

Сегодня этот механизм используется для взведения легкие арбалетов и обычно именуется штангой (*prodd*) или рычагом (*latch*). Первое слово является искаженным понятием XVI века *rodd*, а последнее неправильным переводом. Следует также заметить, что в уже упоминавшейся нами описи 1547 года «Комнаты арбалетов» в Кале, названы следующие изделия:

Арбалеты, называемые штанговыми.

Арбалеты, называемые рычажными

Лебедки для них.

Специальное выделение ворота в отдельный пункт перечня позволяет предположить, что примененные в описи слова использовались для понятных современникам обозначений различных по размеру арбалетов, а позднее изменили свое значение.

Болты и стрелы для арбалетов

Слово *quarrel* (стрела) происходит от французского *quarreau*, которое в свою очередь образовано от *carre*, означающего квадратный. Последнее обозначение следует отнести к тяжелым стрелам с квадратными головками, которые предпочитали многие арбалетчики, нападавшие на воинов в доспехах. Такая квадратная стрела и тяжелый остроконечный болт составляли основное вооружение арбалетчиков в большинстве европейских армий. Гораздо большее разнообразие отмечается в моделях стрел, предназначенных для охоты. Их можно разделить на три основные класса, похожие по своему действию на те, что использовались при ручном луке, с зубцами, вилкообразные и тупые.

Большие стрелы или болты с зубцами, известные как *angel-hedde* (голова ангела) считались наиболее распространенными стрелами, использовались против крупной дичи наподобие оленя и кабана. С таким типом стрел встречаемся в «Охотничьей книге» XV века Гастона де Фуа. Он же провел соответствующие измерения подобных головок с зазубринами и установил, что они составляли пять пальцев в длину и четыре в ширину.

Для второй группы стрел, с вилкообразными головками, общего стандарта не существовало. Некоторые образцы представлены в виде двух разветвленных головок, расставленных широко с широким вогнутым заостренным концом, расположенным между ними. У других отмечаются небольшие и заостренные вилки. Форма имела двойное значение. Прежде всего, стрела с такой головкой не могла соскользнуть с кожи животных, во вторых, форма оказывалась идеальной для подрезания сухожилий дичи.

Скажем, на картине Лукаса Кранаха «Охота на оленя эрцгерцога Фредерика Мудрого», хранящейся в Историко-художественном музее в Вене, известного как такой же ревностный охотник как Максимилиан I, можно увидеть его спрятавшегося в зарослях в ожидании оленей, которых гонят на стрельбище через реку. Он держит в руках арбалет с вилкообразным болтом. На другой гравюре из «*Der Weisskunig*» его изобразили стреляющим разветвленной стрелой со спины лошади (рисунок 79). Оказавшийся большим поклонником Максимилиана I Генрих VIII, несомненно, подражавший ему, также располагал определенными запасами стрел указанного типа. Встречается множество документов от мастера, поставлявшего Генриху VIII стрелы. В августе 1530 года список личных расходов его королевского высочества включал в себя следующие пункты. Отметим пункт XIX, в котором предписывалось «выдать плату женщине, которая предоставила королю вилкообразные головки для его арбалета».

Часто использовался и другая разновидность стрел для подрезания сухожилий у дичи, она имела заостренную головку. Ее также использовали и для охоты на больших птиц типа диких гусей. В итальянской рукописи «*Taquinum Sanitatis*» конца XIV века встречается иллюстрация, на которой изображен арбалетчик, стреляющий в журавлей стрелами с заостренными головками. Арбалетные стрелы с крестообразными головками до фута длиной скандинавские охотники на лис применяли в самострельных ловушках на протяжении XVIII и XIX веков.

Обычно против птиц и меньшей по размерам дичи, чем оленей и кабанов, прежде всего кроликов, использовали обычную разновидность стрел, то есть с прямыми или куполовидными головками. Во Франции они были известны с незапамятных времен как «ворчуньи», они глубоко втыкались и убивали добычу, не разрывая плоть и не повреждая мех и перья.

Похоже, что именно такие стрелы оказывались излюбленным приспособлением для многих заговоров и ядов, рекомендуемых авторами XV и XVI веков, бывших ревностными сторонниками применения магии на охоте. В книге «Bellifortis» (около 1405 года) Конрад Кейзер описывает три стрелы с затупленными головками, предназначенные для арбалетов. Как он советует, в первой следует выдолбить полость, наполнить ее колесной смазкой и залепить яичным желтком «и тогда ты сможешь сразить любого».

Далее он предполагает, что если в древко второй стрелы поместить сердце летучей мыши, «то все, на что ты помотришь, тотчас падет ниц после попадания в него стрелы». Третья стрела оказывается распространенной модели, это так называемая свистящая стрела, в головке которой проделывались дырочки, «чтобы она могла заглатывать воздух». Не только сам Кейзер, но и другие охотники верили в то, что свистящая стрела оглушает животных, заставляет их застыть на месте, поворачивая свои головы в сторону звука. Ее можно было также использовать и против неуязвимых лучников, если тело то, в которого стреляли, определялось понятием «огонь радости».

В книге «Искусство изготовления арбалетов и охота на крупного зверя», опубликованной в 1644 году, французский оружейник Алонсо Мартиньер дель Эспинар описывает и другие разновидности стрел:

Самые лучшие стрелы называют ясеновыми, поскольку они изготавливаются из этого дерева. Они могут поражать цель на расстоянии в 150 шагов или более. Их смазывают ядом, называемым «трава арбалетчика». Такую стрелу мажут соком этого растения от горловины железного наконечника и примерно на пять или шесть пальцев по ширине вниз. Затем стрелу покрывают небольшой полоской очень тонкой льняной ткани, оборачивая ее вокруг древка, закрепляя таким образом смазку, не прибегая к дополнительной обвязке. Головку такой стрелы делают из стали, она оказывается квадратной формы и остроконечной, сама же головка очень тонкая.

Встречаются также стрелы, называемые «южными», предназначенные для ночного использования. По виду они большие и тяжелые, поэтому ими нельзя стрелять на дальние расстояния из арбалетов и поэтому также, когда их выпускают в кроликов и зайцев при лунном свете, то легко находят. Они также используются вместе с потайным фонарем, чтобы ночью убивать голубей в местах их ночлега, обычно на деревьях.

Отметим еще и другие стрелы, предназначенные для убийства куропаток, длиной в руку и имеющие железный нарост на головке.

Другие древки называются «арбалетными», они толще, чем обычные стрелы. Некоторые древки известны как *rallone*, их концы похожи на скребок или долото. Стрелы *saettone* для охоты на зайчат или молодых кроликов, по форме длиннее обычных стрел и очень острые, в середине рукоятки находится небольшой прут, так что когда поражают кролика, он не может спуститься в свою нору. В заключение Эспинар приводит рецепт яда, который готовили из корней белой чемерицы». Его следовало применять на охоте против таких опасных хищников как волк, вепрь или дикий кот.

Оперения арбалетных болтов были такими же разнообразными как формы головок. Для него использовались такие материалы как пергамент, дерево, кожа, кость и медь, менялись форма и толщина оперения, а также угол,

под которым он устанавливался в древко, чтобы придать ему необходимое вращательное движение.

В рукописи Ловфельдгольца 1505 года приводится рисунок машины, соединяющей функции строгального и токарного станков, предназначенной для нанесения насечек на древках арбалетных болтов, куда затем устанавливалось оперение. Для переноски болтов применялись специальные колчаны, обычно они делались цилиндрической формы, расширяющимся к основанию и имели плоское дно, чтобы во время использования он стоял на земле без поддержки.

Колчан состоял из деревянного каркаса, обтянутого снаружи кожей, поверхность нередко оставалась необработанной, для большей прочности на ней оставляли мех (рисунок 74). Почти всегда колчан закрывался крышкой для защиты болтов от влаги. Иногда колчан покрывали кожаной отделкой или раскрашивали. В некоторых случаях его украшали такими же металлическими накладками, как и арбалет. Колчан был необходимым приспособлением ко всем арбалетам, даже самым большим. Поскольку в большинстве случаев на нем отсутствовала отделка, ему не придавали такого же значения, как дорогим видам оружия, и поэтому он редко сохранялся.

Развитие охотничьего арбалета

В XIV и XV веках модели охотничьих арбалетов практически не изменялись за исключением отделки. По форме они напоминали боевые образцы, использовавшиеся в армии, имели длинное прямое ложе, изящно приподнимавшееся вокруг головки и суживающееся к ней (таблица 70). Изготовленный из рога или стали лук дополнялся стремящем или небольшим подвесным крючком для натяжительного приспособления.

О том, что захваты использовались реже, чем поясной крюк или лебедка, свидетельствует стальной стержень, пропущенный через ложе. Верхняя поверхность ложи нередко покрывалась полоской кости, которая иногда дополнялась накладками из рога на боковые части, отличавшиеся простой отделкой. В «Коллекции Уоллеса» (в Лондоне) находится стальной немецкий арбалет примерно 1450-1470 годов, его ствол полностью покрыт роговыми пластинками с изображениями мифологических и охотничьих сцен. Сразу же отметим, что перед нами скорее исключение из правил.

В той же самой коллекции нам удалось обнаружить прямой арбалет приблизительно той же самой величины, но с роговым луком. Интересно отметить, что последние весили только 4 фунта 12 унций (ок. 1,5 кг), в то время как вес арбалета со стальным луком составлял примерно 9 фунтов 11 унций (ок. 4,5 кг).

Хотя в большинстве случаев ложе оказывалось достаточно длинным, чтобы его можно было разместить на плече во время выстрела, все же его удерживали около щеки. В анонимной английской поэме XVII века так описана стрельба из арбалета:

Приложи рукоятку крепко к щеке
И плотно прижми ее конец к телу
Спокойно и уверенно найди нужную цель
При выстреле не дыши и стой твердо, как скала.

Стремясь удобно разместить пальцы правой руки, удерживавшие ствол и в то же время продолжать манипулировать спусковым крючком, последний изготавливали в форме длинного железного рычага, от середины

станины достававшего почти до конца. Такая длина спускового рычага выполненного как единое целое с курком, позволяла стрелять, крепко зафиксировав положение арбалета на плече.

В первых образцах арбалетов спусковой рычаг вращался свободно и известно множество случаев, когда неумелый стрелок мог спустить курок раньше времени или сильно дергал арбалет при спуске. Чтобы повысить надежность конструкции, курок стали закреплять на отдельной оси. Значительно позже к ней добавили предохранительную защелку, а также промежуточный рычаг.

Во второй половине XVI века огнестрельное оружие постепенно заменило арбалет как боевое оружие, однако конструкторы продолжали его совершенствовать как оружие для охоты. Отмечаются два направления развития. В странах центральной Европы и, прежде всего в Германии, мастера продолжали разрабатывать старым конструктивным схемам. Отказавшись от лебедок в пользу рычажных механизмов, изготовители арбалетов смогли уменьшить длину ложи и расширить плечевой упор, получив достаточно места для размещения натяжительного устройства. При этом проявили особую изобретательность, скажем, в одном арбалете станина повернута так, чтобы охотник, мог стрелять с правой стороны, используя только левый глаз.

Теперь производители арбалетов начали копировать приемы отделки, использовавшиеся оружейниками, и прежде всего роскошные накладки из рога или слоновой кости, гравированные классическими образами и охотничьими сценками (таблица 71). Подобное смешение двух ремесел также привело к необычайному примечательному соединению ружей с колесцовыми замками и арбалетов.

Любопытно, что на этих комбинированных ружьях встречаются отдельные образцы первых датируемых колесцовых замков. Одним из ранних изделий считается ружье с арбалетом, изготовленное для эрцгерцога Фердинанда Австрийского, возможно его изготовили в Нюрнберге между 1521 и 1526 годами, сегодня оно хранится в баварском Национальном музее в Мюнхене. Вероятно, к более раннему времени относится другая группа таких же арбалетных ружей, она находится во дворце Дожей в Венеции.

Наверное, самым сложным по конструкции следует считать комбинацию ружья и лука, хранящихся в Историко-культурном музее в Вене, где колесцовый замок управляется изогнутым спусковым рычагом арбалета. В 1543 году в описи Арсенала семейства Гонзага, находящегося в Мантуе, встречается следующий занимательный пункт:

«Арбалет, полностью из железа, с четырьмя пистолетами в нем, его раздвижной ключ и четыре стрелы, каждая со своей головкой».

Механические усовершенствования конструкции арбалетов, прежде всего, проявились в усложнении пускового механизма. Мастера пытались ввести огромное разнообразие замковых механизмов с плавающими или вторичными спусковыми рычагами, работавшими с собачками, требующими слабого нажима или промежуточными рычагами. В Бернском историческом музее находится арбалет, датируемый 1599 годом, спусковой механизм которого состоит из шести поворачивающихся рычагов.

Конструкции, пользовавшаяся особой популярностью среди английских, французских и испанских изготовителей, имела совсем другие пропорции. Она отличалась длинной, прямой и изящной ложей, обычно прямоугольного сечения, к которой прикреплялся стальной лук меньшего размера.

Старомодный фиксатор и Z образный рычаг спускового крючка изменились незначительно. Подобная разновидность лука была не такой мощной,

как короткие конструкции центрально-европейского типа и ее можно было натянуть с помощью рычажного или зубчатого натяжителя. Станины не отличались особой отделкой, но стальные луки часто гравировались и золотились. Прекрасный образец французского лука находим в Баргелло во Флоренции. У луков испанского образца часто встречается подпись и отметки изготовителей (некоторые образцы хранятся в «Коллекции Уоллеса»).

Хотя в XVI веке отмечаются значительные достижения оружейников, арбалет оставался в равной степени задействованным и как эффективное и распространенное охотничье оружие, по крайней мере, среди состоятельных членов общества, которые могли позволить себе заплатить за них и кто получал законодательные права на владение ими.

Королевские дома Европы с равной щедростью выдавали свои патенты и лицензии изготовителям арбалетов и оружейникам. Так во времена правления Генриха VIII его мастерами-арбалетчиками являлись Гильоме де Грант и позже Джон Рассел. Жиль Черчилль выполнял обязанности конюшего, а Вильям Арбери – хранителя королевских арбалетов. Всем им выплачивалось дневное жалование, и щедро выдавались деньги на расходы.

Полученный в конторе арбалетов в 1546 году счет проясняет характер расходов на спортивные забавы:

«Мастеру по арбалетам, за новый рычаг для одного из французских луков 14.4 пенсов за болт и другой ремонт позолоченного лука, преподнесенного Его величеству мистером Симбарбом отдано 2 фунта Королем».

В счет включены и другие интересные пункты:

«Присланный Грином [Уильямом Грином], изготовителем сундуков, образец футляра для хранения и переноски королевских арбалетов с замками и ключами, колчанов и прочего 4 фунта 10 шиллингов».

На охоте арбалеты обладали определенными преимуществами по сравнению с огнестрельным оружием. Они производили меньше шума, легко перезаряжались, даже, если стрела не попадала в цель, она легко вынималась и использовалась в будущем. Обычно стрелы искали и приносили мальчики. В известной книге Олафа Магнуса 1555 года приводится прелестная гравюра на дереве, где изображена гончая, приносящая охотнику стрелы (рисунок 81). В 1540 году леди Лисл из Кале писала своему другу мадам де Бур:

«Я послала в Англию за пуделями, поскольку я не могу достать их в этом городе, кроме одного, что посылаю твоему сыну. Он очень хорош, легко приносит стрелу, отыскивая ее как на воде, так и на суше. Ему можно бросить теннисный мяч или перчатку, надеть на конце палки и проделать другие штучки».

Очевидно, что более легкий тип арбалета идеально подходил для охотницы из рода Тюдоров. Когда в 1591 году королева Елизавета I посетила Коудри в Сассексе, то в парке построили беседку. Местная девица, одетая в наряд нимфы, преподнесла ей покрытый серебром арбалет, исполнив при этом льстивую песню, соответствовавшую вкусам Елизаветы. Затем, - говорится в описании, - «ее Величество убила трех или четырех оленей, а леди Килдер одного».

Напомним еще одну историю. Когда герцог Фредерик Вюртембергский посетил в 1592 году королеву Елизавету, английский лорд вызвался сопровождать

его во время охоты на оленей в Виндзор. Его секретарь Ратджеб описывает, что произошло дальше: «Они долго преследовали оленя, перемещаясь вперед и назад вместе с прекрасными гончими по необычайно прекрасной местности, в конце концов, Его высочество выстрелил прямо в животное из своего английского арбалета, и, наконец, собаки окружили и поймали этого оленя».

Очевидно, что герцог плохо управлялся с английским типом арбалета, в течение дня ему удалось только ранить оленя, которого сначала пришлось гнать собаками до тех пор, пока тот не устал от погони.

Другим монарх, который также был приверженцем охоты с арбалетом, был Яков I, о котором венецианскому послу пришлось написать следующее: «Похоже, он забыл, что является Королем, ибо преследует оленей не зная удержу, и этому занятию он совершенно до одури предан». Известно, что когда он еще был юным принцем Шотландским, то в 1580 году, в возрасте 13 лет, не расставался, как отмечали, с арбалетом, который таскал повсюду, куда отправлялся.

В 1604 и 1614 годах Яков I посылал подарки Филиппу III Испанскому, в первом случае сюда входили два «арбалета с колчанами стрел», во втором – «шесть арбалетов, три прямых и три массивных, покрытых золотом». Два арбалета с клещами из последней партии подарков можно определить как те, что с золотыми накладками, сегодня они хранятся в Королевском Арсенале в Мадриде (таблица 79).

Наряду с другими луками, один из которых находится в Коллекции Скотта в Музее Глазго и Художественной галерее, другой хранится в коллекции Марка Динлея (таблица 72), они являются прекрасными образцами арбалетов западно - европейского типа, отличавшихся длинным прямым стволом и длинным спусковым рычагом.

В то время как английские изготовители арбалетов, из которых осталось только несколько семей, таких как Расселы и Билларды, продолжали выпускать арбалеты традиционных форм, немецкие, австрийские и шведские мастера главным образом конструировали свои луки по образцу современных ружей с колесцовыми замками, также стрелявшими от щеки.

Большинство этих луков оснащались специальной роговой пружиной, установленной на захвате и удерживающей стрелу в нужной позиции. Развитие идеи проявилось в новом устройстве головки. Отметим также металлический упор, который фиксировал натянутую тетиву на стреле. К середине XVII века у многих немецких арбалетов появилось расширяющееся ложе с широкими нащечниками и защитной скобой на спусковом рычаге, напоминавшие ружья с колесцовым замком (табл. 76). С подобными луками захват уже не использовался.

Некоторые из этих легких арбалетных карабинов, которые натягивались с помощью деревянного рычага с клещевым захватом, имели также деревянное покрытие, укреплявшееся поверх деревянного ограничителя стрелы, так что образовывалось подобие ствола со щелью для тетивы (таблица 75). Из арбалета такого типа можно было стрелять как болтами, так и пулями.

Одну из таких конструкций описывает Дж.Б.Л.Карре в книге «Raportie» (Париж, 1795) (таблица 9). Для этого арбалета он приводит различные типы стрел с зубцами или с вилкообразными головками, а также стрелу с закругленной головкой, которую он называет матраc (стрела с железным наконечником) или гаррот (закругленной формы). Для зарядки пуль использовался короткий железный шомпол, пуля укреплялась в его чашеобразном конце. Такая разновидность арбалета сегодня часто называется «щелевой».

В 1599 году такие арбалеты впервые включили в Опись Лондонской башни оружейников, встречается помета, что «у них отсутствуют клещи». Любопытная подробность отмечается и в описании запасов стрел, говорится, что здесь находились «длинные арбалетные стрелы», «мушкетные стрелы», «один сундук, полный двойных стрел», «арбалетные стрелы» и стрелы для «щелевого арбалета, зажигательные». Высказываемое некоторыми исследователями предположение, что стрелы могли использоваться во флоте или в войсках подтверждается тем фактом, что в 1588 году двадцать таких арбалетов по цене в 25 пенсов каждый с дюжиной зажигательных стрел ценой 5 шиллингов за дюжину применялись на кораблях под командованием сэра Фрэнсиса Дрейка.

Получается, что в то время термином «щелевой» обозначали арбалет, конструкция которого отличалась от современной. Возможно, у него был и специальный спусковой механизм, напоминающий норвежский гарпунный лук. Слово «slug» обозначало конек в котонной машине, который не допускал чрезмерного подъема или опускания нитей.

К середине XVII века оружейники настолько усовершенствовали оружие с кремневыми замками, что теперь оказалось возможным отстреливать летящую птицу, причем на дальних расстояниях и достаточно эффективно. Охотничьи арбалеты начали уступать место новейшим ружьям. Правда, относительно бесшумно действовавшие арбалеты сохраняли свои преимущества и продолжали применяться в ряде оригинальных капканных устройств. Отметим ловушку, замаскированную под дерево, предложенную Дж.Мителли в книге «Охотничья страсть» 1730 года. Стрела с множеством зубцов или прикрепленной сетью выпускались арбалетом, когда птица садилась на ветку фальшивого дерева (рисунок 82).

Однако некоторые авторы продолжали восхвалять достоинства арбалетов как лучшее охотничье оружие. В 1644 году испанский оружейник и изготовитель арбалетов (иногда один и тот же человек владел обеими профессиями) Алонсо Мартинес де Эспинар с горечью писал о тех, кто заменяет арбалеты ружьями:

«До введения аркебуз арбалеты использовались широко. Ими пользовались охотники и на мелкую, и на крупную дичь, за исключением необходимости стрелять быстро или сбивать высоко летящую птицу. Заметим, что использование арбалетов требовало особого мастерства.

Теперь арбалетами почти не пользуются, и одновременно ушло племя опытных стрелков, теперь больше не сбивают птиц на лету стрелой и не гонятся за животными, поскольку аркебузы облегчили процесс убийства, и повсюду видны застигнутые смертью птицы и звери.

Когда один или двое стрелков удостоиваются чести признания их мастерами охотниками, то тогда их называют «баллестеро», то есть арбалетчик, используя, таким образом, название оружия, с помощью которого он убивает свою добычу.

Разговаривая о знатоках искусства стрельбы, даже если речь идет о царственных особах, например, принцах, обычно говорят «король – великий арбалетчик», то есть особая часть отдается тем, кто стреляет из арбалетов.

Тот, кто стремится называться Арбалетчиком, должен быть универсальным охотником, как уже говорилось, и это справедливо, поскольку нельзя так называть того, кто неискусен в своем мастерстве. Отсюда и различные наименования других охотников, которые преследуют дичь, и эти имена зависят от той функции, которую они выполняют.

И только универсальные охотники называются «баллестеросами». Именно они охотятся на красного зверя и на оленей, это те, кто знает, как

преследовать, ведает обо всех путях и привычках всех диких животных и о том, где их следует убить. Баллестеросы устраивают охоты для каждого отдельного вида животного, представляя, как следует организовать погоню, зная о привычках каждого, соответствующей его природе. И имеют представление также обо всем, что связано с искусством гона по лесу и самой охоте.

По своему устройству арбалеты более безопасны, поскольку не бывает несчастных случаев, приводящих к гибели из-за поломок лука или разрыва тетивы арбалета, хотя эти опасности постоянно грозят охотнику, они могут вызвать увечье, но не приводят к серьезным повреждениям.

Во многих отношениях арбалет превосходит аркебузу. При выстреле он почти не производит шума, не приносит вреда убитой им дичи. Кто умело им пользуется, тот вызывает только глухой удар. Это не аркебуза, от которой много шума, а от ее выстрела все буквально разбегаются. Кроме того, арбалет не требует особого ухода, и не очень дорого стоит. Он более эффективен, чем аркебуза и если его правильно подготовить для выстрела, никогда не подведет. Аркебуза, напротив, допускает больше промахов. Очевидно, что с помощью арбалета можно охотиться как на крупную, так и на мелкую дичь.

Арбалеты, стреляющие пулями или камнями

Несмотря на мнение Эспинара, к концу XVII века арбалет практически повсеместно оттесняется охотничьими ружьями. Ему отдают предпочтение, прежде всего те, кто охотился на крупную дичь. Для мелкой дичи и некоторых разновидностей птиц сохранилась особая разновидность арбалета, стрелявшего пулями. Он был известен во Франции как *arbalette-a-jalet*, в Германии как *Kugelschnepper* (пулевой), и по многим особенностям существенно отличался от обычного арбалета. Так его тетива изготавливалась из двух параллельных веревок, удерживаемых отдельными костяными или деревянными насадками, как и у каменных луков. В середине веревки находился кожаный захват, удерживавший снаряд, в качестве которого использовался камешек, свинцовый или терракотовый катышек, выбираемый в зависимости от пристрастий охотника.

Арбалеты для метания камней упоминаются в Европе с начала XIV века. В одной из первых копий «Книги об охоте» XV века Гастона де Фуа охотящемуся на серну охотнику сначала советуют в тех местах, где проходят животные, устроить завалы из сена или установить сети. Затем, когда сернам придется подняться на высокие скалы, его помощники «должны бросать в них камни из арбалетов, так чтобы они оставались на местах... или сделать все от них зависящее, чтобы те начали уклоняться от камней и скакать по скалам».

Правда, сохранились только образцы, относящиеся к XVI веку. В 1547 году в описи Арсенала Генриха VIII отмечен «один лук, стрелявший камнями». В 1583 году Клод Гоше публикует поэму «Удовольствие от охоты», где посвящает несколько строк каменному луку:

И тогда я приближаюсь с арбалетом в руках,
Я натягиваю его, и ядро в пращу вставляю
Подняв его и прицелившись,
Я вижу дрозда или другую птицу,
Я нажимаю на рычаг, отпуская тетиву,
И лук со страшной силой распрямляется,
Выпускает в воздух пулю прямо в поднявшуюся птицу.

Упоминаемый им «страшной силы лук», с помощью которого выпускалась свинцовая пуля, оказывается не чем иным, как катапультой, а не полноценным арбалетом. Тем не менее, и каменные арбалеты отличались меткостью попадания. В своей книге «Собрание любопытных фактов» 1682 года барон Хохберг описывает, как в 1638 году он наблюдал, как князь Маттео Медичи в Бремене стрелял из каменного лука в мяч, подбрасываемый пажом таким образом, что оба мяча, изготовленные из обожженной глины разлетелись вдребезги. Каменный арбалет, некогда принадлежавший королеве Франции Екатерине Медичи, сегодня находится в Военном музее в Париже. Он относится к популярной модели, распространенной в Италии и Франции.

Художник Ян ван дер Страат (1523-1605), известный как Страданус, выполнил большинство своих лучших работ, когда работал по приглашению герцога Косимо Медичи во Флоренции. Тогда он делал рисунки для гобеленов дворца в Педжо а Кайяно. На большинстве рисунков изображены мужчины и женщины, охотящиеся на птиц, кроликов и другую дичь с помощью итальянской разновидности каменных арбалетов.

У этих арбалетов была длинная прямая станина с слегка изогнутой передней частью между луком и стволом. К луку был прикреплен прицел с острием. Сам ствол часто отделялся прекрасной резьбой по дереву, с изображениями животных или рыб, расстилавшихся сверху за замком. Простой шарнирный спусковой механизм приводился в действие длинным крючком, освобождая кожаную пращу. Две веревки легко натягивались руками. Небольшая мощность лука доказывается тем фактом, что на всех рисунках, сделанных Страданусом, вооруженным такими луками охотникам приходилось подкрадываться к добыче как можно ближе.

Иногда им приходилось применять специально устроенные укрытия (рисунок 83). Часто встречается изображение коровы, покрытой попоной, доходящей до земли, она использовалась как составляющая для прикрытия во время охоты с немецким колесцовым ружьем, сделанным около 1580 года. Скажем, как тот экземпляр, что хранится в Лондонской оружейной башне.

Другой флорентийский художник Антонио Темпеста (1555-1630) гордился своими изображениями охотников с каменными луками. В книге Дж.Олины «Древности», опубликованной в Риме в 1622 году, напечатана гравюра, на которой изображены охотники, вооруженные каменными луками и подобием сети или сачка с длинной рукояткой, позволявшими охотиться на птиц ночью при свете фонарей.

Олина предполагает, что «используемые для этой цели арбалеты должны были иметь мягкий лук, который мог быть покрыт, чтобы не производить никакого шума при выпуске стрелы. Следовательно, если кто-то случайно промахивался, то птицы не пугались и не взлетали, и можно было снова попытаться в них выстрелить».

Иными по форме делались немецкие и шведские разновидности каменных луков. Об одной из разновидностей, так называемом щелевом арбалете, уже шла речь выше. В стихотворении, выцарапанном на серебряной пластинке ствола, описывается разновидность этого типа лука, вероятно, с магазинным устройством:

В моем чреве 24 пули
Я извергаю их одну за другой,
Быстро и последовательно
И тот, кто попытается остановить их,
Сам получит пулю.

В большинстве немецких каменных луков имелся стальной прут, выполнявший функции ствола, на который приделывался подвижный рычаг, прижимавшийся зажимом к головке. На шарнире поворачивалась на рычаге коробка с замком, в которую входил складной прицел, крючок и система рычагов, соединявших все это с подобием спускового крючка. Такой прут или рама, удерживающие рычаг и замок, иногда заканчивались деревянной головкой, предназначенной для щеки (таблица 79). В более поздних образцах она дополнилась похожим на ружейный ствол, характерным для конкретного производителя (таблица 81).

Отметим, что луки изготавливались разного размера от игрушечных для детей до больших луков для стрельбы по мишеням. У некоторых имелась съемная платформа или подставка, располагавшиеся в середине лука, так что можно было стрелять и стрелами. Интересный образец комбинированного оружия находится в Музее Виктории и Альберта. Он состоит из карабина с колесцовым замком, ствол которого выполняет функцию станины для каменного арбалета.

В Англии каменный арбалет продолжал оставаться излюбленным охотничьим оружием. На вышитой шпалере XVI века, хранящейся в усадьбе Хардвик-холл в Дербишире, известной как «Охотник на дичь», изображены два арбалета, предназначенные для охоты на птиц. Один из них является арбалетом с прямым стволом, стрелявшим стрелами, другой можно считать образцом итальянского каменного арбалета. Он представляет собой каменный лук со встроенными клещевым натяжителем, пользовавшийся популярностью именно в Англии.

Изготовленный лондонским оружейником Эндрю Долером примерно в 1695 году арбалет из коллекции Кинбуша, имеет итальянского типа ствол, но действует путем его сгибания. Именно такую разновидность лука и начали совершенствовать английские изготовители арбалетов в конце XVIII и начале XIX века. Изготовленный Джозефом Эггом примерно в 1820 году покрытый серебром каменный лук находится в Лондонской башне оружейников. У него имеется встроенный рычажный механизм, прикрепленный к обычному ружейному прикладу, так что из него его можно было стрелять с плеча. Он также располагал прицелом с отверстием, и тонкими проволочками в поле зрения, облегчавшими прицеливание.

В «Сельской охоте» 1807 года У.В.Даниэль писал следующее об этих луках:

Стрелявшие пулями луки современной и достаточно аккуратной конструкции, что же касается точности, то она просто удивительна, с их помощью можно сбить мяч, поставленный на кончик ножа. И самое примечательное в том, что это может проделать и абсолютный Новичок на расстоянии от пятнадцати до двадцати ярдов, причем шары всегда вылетают из него с одинаковой точностью.

В XIX веке арбалеты шире всего использовались в Восточной Англии и Ланкашире. По крайней мере, известно одно исследование, посвященное сторонникам этого вида охоты. Хотя имелись заявления о необычайных выстрелах, сделанных в кроликов и даже большей по размеру дичи, каменные луки продолжали использоваться в основном для охоты на птиц.

В Англии оживили старую итальянскую традицию - охоту на птиц ночью при свете фонаря. В издании 1845 года Джона Майера «Советы охотникам» приводится следующее описание:

Пусть двое или трое отправятся с фонарями и зажженными свечами, вытянув их в руках, в другой руке несут небольшую сеть наподобие сачка, но

меньшую по величине, закрепленную на конце длинного шеста, чтобы сбивать ею птиц, когда они усаживаются на ночлег. Удивившись от прямо бьющего на них света, они не успеют и пошевелиться, как тотчас окажутся сшибленными наземь. В данном случае весьма полезен лук, поскольку он позволяет сбивать птиц, когда они сидят.

Правда, сами охотники не очень ценили стрельбу по сидящей мишени, днем же такой вид стрельбы приводил к достаточно забавным результатам.

В «Ежедневной книге» Хоуна на 1848 год появился следующий анекдот:

Некоторое время назад в саду позади здания церковного суда росло несколько больших вязов, где поселилось множество грачей, построивших свои гнезда. Обитавший на чердаке юный джентльмен невольно стал их близким соседом и часто забавлялся тем, что стрелял в них из своего арбалета. На противоположной стороне того же сада жил любопытный старичок-врач. Он терялся в догадках, видя из окна своего кабинета, как грачи внезапно падали на землю без всяких видимых причин, «сваливаясь гроздями», с веток в полной тишине. Не жалея сил он тратил свое время на совершенно бесполезные наблюдения. Наконец, собрав, как ему казалось, достаточно сведений, врач снова и снова обдумывал происходящее, пока, наконец, не пришел к выводу, полностью его устроившему, что совершил великое орнитологическое открытие, ибо, по его мнению, птицы умирали, отдавая жизнь своему потомству в соответствии с принципом «*Volito vivus per ora vivum*» (Живой долетает до границы жизни).

Решив, что публикация сведений об этом открытии принесет известность, он написал об этом сообщение в один из журналов. Когда же, наконец, выяснилась истинная причина столь потрясшего его явления, наш старичок тронулся умом, не вынеся обрушившегося на него потрясения».

В 1849 году Ричард Эдвард Ходж получил патент за «усовершенствования в механических приспособлениях». Изготовленный по этому патенту катапультированный арбалет внешне походил на ружье за исключением того, что его ствол был разрезан двумя продольными щелями, через которые проходила эластичная тетива. Ходж описывает его как «сконструированный по подобию обыкновенного арбалета для охоты на дичь, который можно было приспособить и для охоты на оленей, его можно легко переносить на длительные расстояния и стрелять, не производя ни шума, ни запаха».

В Лондонской оружейной башне хранится другая разновидность катапультируемого арбалета Ходжа, имеющая ружейный ствол и жесткий арбалет с эластичной тетивой (таблица 84). Однако ни одна из этих катапультируемых арбалетов не составила серьезной конкуренции стальным натяжным каменным лукам.

В Италии продолжали применять каменные арбалеты для охоты на самых маленьких птиц, точно также как и на рыбу, поскольку использование коротких ружей могло привести к повреждению деликатной плоти. В «Иллюстрированной охоте» 1868-1869 годов приводится изображение ночной охоты в Италии, из него становится ясно, что она проводилась точно таким же образом, как и в XVI веке.

Арбалеты на Востоке

Каменные арбалеты изготавливали и в Китае. Отчасти они напоминали итальянские изделия, у которых передняя часть станины имела изгиб между

замком и луком. Отличия видны в форме головки ствола, не прямой, как на европейской модели, а изготовленной со сложным изгибом, замок выведен на своеобразный мостик.

Своеобразен и прицел, превратившийся в экзотическую вариацию европейского механизма. В середине тетивы, протягиваемой через вертикально расположенную проволочную раму, устанавливали жемчужину. Простая замок состоял только из двух частей, крючка и спускового рычага, чаще всего изготовленных из кости. Пружины не было, обе части спускового механизма точно подгонялись и держались благодаря силе натянутой тетивы, когда спусковой крючок спускался. Обычно луки делались из бамбука, поэтому тетива приделывалась не очень мощная.

Познакомившиеся с первыми арбалетами китайские мастера, скорее всего, не смогли в дальнейшем достичь уровня мастерства своих европейских двойников. В китайской книге «Дин-гун-кай-ву» (1637), посвященной технологии изготовления луков, описаны ручные арбалеты, изготовленные из трех, пяти и семи слоев бамбуковых пластин. Автор утверждает, что «стрела, выпущенная из сильного лука, летит более, чем на 200 шагов, тогда как стрела, пущенная из самого сильного ручного арбалета сможет пролететь только пятьдесят шагов, а на большем расстоянии она не пробивает даже кусок эпонжа¹.

На рисунках XVIII века изображены арбалеты, легко натягивавшиеся руками с использованием ноги или колена (рисунок 85). Охотясь, китайцы широко использовали отравленные стрелы, яд для которых приготавливался из отвара клубня аконита (волчьего корня).

Арбалеты самых больших размеров именовались шень би-ну – Могучая рука, арбалет Ко ди-ну («Победитель») мог выпускать одновременно две или три стрелы. Один из таких больших луков описан в трактате труде Мяо-цзе, хранящемся в Музее народной культуры в Берлине, он использовался в охоте на тигров. Чтобы зарядить лук, требовалось три человека, обычно его использовали как ловушку, спрятанную за стволом дерева.

В китайской литературе встречается множество историй о легендарных арбалетах, которые могли пробить толстую стену на большом расстоянии или пронзить трех лошадей одновременно на расстоянии в три ли, умевших быстро стрелять десятью железными стрелами и так далее. Приведенная выше оценка китайских арбалетов кажется более реалистичной.

Другой и, можно утверждать, революционной формы арбалет именовался Чжу-ко имел магазин, в котором удерживалось десять стрел. У образцов, хранящихся в Национальном музее в Вашингтоне и в Национальном музее в Копенгагене, имеются магазины, вмещающие двадцать стрел, установленных попарно. В данном случае тетива лука проходила вдоль дна магазина. После выстрела магазин продвигался вперед поворотом рукоятки, так что тетива попадала на заднюю часть очередной пары стрел.

Обратным ходом рукоятки магазин автоматически отходил назад, оттягивая тетиву лука. В заднем положении магазин оказывался прямо над стволом, вертикальный стержень освобождал тетиву лука, и происходил выстрел. Для перезарядки арбалета требовалось всего полминуты, но его радиус действия не превышал двадцати шагов. Японцы изготовили копию этого лука, назвав его докуи, но он не действовал также плавно и быстро, как китайская его разновидность.

Перезаряжаемый арбалет, возможно, более древнего происхождения описан и в книге «Ву-бэй-цзы». Он представляет особый интерес для историка,

¹ Эпонхом называли кусок китайского небеленого шелка (прим. перев.).

потому что имеет внешнее сходство с греческим гастрарфетом (о нем мы писали выше). Его спусковой механизм состоял из подвижного стержня, напоминающего европейские изделия XV века.

Если принять как допущение, что именно Китай стал местом рождения арбалета, удивительно, что в том или ином виде не сохранились бронзовые замки ханьского периода. Следовало ожидать, что китайская разновидность должна была распространиться по всей Юго-Восточной Азии, но в арбалетах соседних стран не отмечается ни один из признаков развития этой модели.

Скажем, предпочитавшие ручной лук и почитавшие его больше, чем арбалет, японцы, изготовили облегченную модель, предназначенную для охоты на мелкую дичь и для развлечений. Прямая станина чуть более двух футов длиной, и лук той же самой длины изготавливались из двух кусков рога или китовой кости, вставлявшихся в углубления, находившиеся с обеих сторон станины.

В Сиаме и Бирме арбалет (тхамы) имел более простую конструкцию. Лук изготавливался из дерева и составлял приблизительно пять футов в длину, он протягивался через отверстие, вырезанное в прямом, но более коротком деревянном ложе. Он обладал более мощным действием и натягивался ногами и руками. Однако его редко использовали на больших дистанциях, превышавших 50 ярдов, охотник продолжал верить в отправленные стрелы, с помощью которых и убивал свою добычу. Недавно изготовленный яд оказывался необычайно действенным и позволял поражать большую дичь, слонов, носорогов и тигров, находившихся в нескольких сотнях ярдов от охотника. На Никобарских и других островах Южных морей часто обнаруживают арбалеты, известные как «фоин».

В Индии с арбалетом познакомились в XV веке, но ему не суждено было приобрести тот же самый статус охотничьего или спортивного оружия, как происходило повсеместно. Однако он продолжал использоваться в различных частях континента и как ручное оружие, и в ловушках на больших животных типа тигра. В южной Индии, прежде всего на Малабарском полуострове, его даже применяли весьма необычным образом, для охоты на рыбу в ручьях и протоках.

В данной конструкции части лука изготавливались из двух или четырех дощечек примерно четырех футов длиной, скрепленных вместе наподобие листовых автомобильных рессор (рисунок 86). Такой лук из пластинок с деревянным ложем во многом напоминал старый китайский арбалет, но замок состоял из простой поворотной головки и короткого спускового рычага, изготовленного по европейскому образцу XV и XVI веков. Стрелы арбалета напоминали миниатюрные гарпуны, к съемным стальным головкам соединялись с веревкой, намотанной на цилиндрический валик, расположенный под концом станины или имели копьевидные головки с одним или тремя зубцами. Подобная разновидность арбалета иногда использовалась для охоты на птиц, но тогда применяли тупую деревянную стрелу (рисунок 86).

В Африке арбалеты распространились в основном на западном побережье, где и совсем недавно использовались племенами мпонгве, проживавшими на реках Габон и Огове. Его называли найин и создавали по образцу европейских моделей, привезенных португальскими, голландскими и английскими исследователями, появившимися на побережье в XV и XVI веках. Матросы вполне могли использовать деревянные арбалеты, похожие на те, что применяли норвежские китобойцы.

В Британском музее хранится бронзовая пластина из Бенина, на которой изображен воин с арбалетом в руках. У него хорошо различима характерная расщепленная станина. Практически во всех отношениях на норвежский тип похожа фанская разновидность арбалета, за исключением только

того, что ее станина изготавливалась из одного куска, а спусковой нижний рычаг образовывался путем отщепления от ложи, в задней части он оставался целым.

Встречалась и другая разновидность восточно-африканского лука, где дерево расщеплялось спереди, а его задний конец был единым. Иногда между частями вставлялся поперечный колышек. В некоторых племенах Мандинго и Бенина существовали практически точные копии норвежских арбалетов, причем спусковой рычаг устанавливался на шарнире перед отверстием для курка.

Арбалет Фан, хранящийся в музее Питт Риверс в Оксфорде, имеет лук с размахом почти 70 сантиметров и длиной станины более 1 метра. Его натягивали сидя с использованием силы обеих ног. Стреляли из него небольшими отравленными копьями из тонких деревянных полосок около 30 сантиметров длиной, они оказывались такими легкими, что для их удержания желобок намазывали липким соком растений.

Итак, обобщим сказанное. В последние годы, арбалет, имеющий почти тысячелетнюю историю, снова привлек внимание охотников. Во многих странах продолжают создавать и выпускать разнообразные типы мощных луков для стрельбы в цель и охоты. В США даже предприняли попытки популяризировать охоту с помощью арбалета. Однако даже самые современные изделия имеют прицельную дальность стрельбы не более 50 метров.

Глава шестая

Ружья

Личное огнестрельное оружие и мушкеты с фитильным замком

Артиллерийское вооружение впервые упоминается в постановлении Совета Флоренции в 1326 году, а его изображения появляются в двух рукописях, относящихся к той же тому же времени, написанных Уолтером де Мильметом, капелланом Эдуарда III. Появившиеся в английских, французских и немецких документах второй половины XIV века упоминания о том, что можно назвать ружьями, не содержат подробных описаний, но все же свидетельствуют, что ружья становятся известны повсеместно. В описи Английского частного гардероба от 1388 года указано «личное огнестрельное оружие».

Правда, несмотря на все сказанное, речь не идет о ружьях в современном значении этого слова. Первые ружья представляли собой не что иное, как миниатюрные пушки, установленные на подставках или шестах. Чтобы произвести выстрел, их следовало поддерживать одной рукой, в то время как в другой держали трут или горящий фитиль для поджигания пороха.

Само ружье можно было развернуть по направлению к мишени, хотя это не гарантировало прямого попадания. Однако к концу XV века ружейный ствол начали устанавливать на деревянную станину, ставшую предшественницей приклада, а горящий фитиль уступил место фитильному замку, не требовавшему постоянного поджигания. Теперь ружье можно было твердо удерживать в двух руках, направляя на мишень, и в нужный момент производился выстрел давлением указательного пальца на спусковой крючок.

Великий охотник император Максимилиан I (1459-1519), восхищавшийся артиллерией и ручным огнестрельным оружием, не одобрял их использования на охоте. Он с сожалением жаловался по поводу применения крестьянами «дьявольских ружей», постоянно вводя жесткие ограничения на их использование. Он получал настоящее удовлетворение, когда на расстоянии в 200 ярдов ему удавалось убить с помощью своего арбалета серну, чего не смог сделать охотник с помощью ружья.

Парадокс заключается в том, что на одном из первых известных изображений, свидетельствующих о применении огнестрельного оружия на охоте, как раз изображен сам Максимилиан, стреляющий в серну. Такое же изображение находим в «Книге о рыбалке в Тироле», которую Георг Колдерер из Инсбрука, проиллюстрировал для него в 1504 году. Скорее всего, ружье Максимилиана относится к тому же типу, которое находилось на вооружении в его войсках. Оно представляло собой ружье с поворотным фитильным замком, расположенном с одной стороны приклада. Более подробно, вплоть до мельчайших деталей такое ружье изображено тем же Колдерером в сделанной для Максимилиана «Книге припасов» 1507 года.

Для своей армии Максимилиан собрал огромные запасы личного огнестрельного оружия, но он умер прежде, чем оружейные мастера начали превращать простые ружья в прекрасно отделанные художественные изделия, достойные помещения в личный арсенал короля. Протеже и друг Максимилиана Генрих III в первые годы своего правления не менее сдержанно относился к использованию личного огнестрельного оружия для охоты.

Однако в январе 1531, когда он получил в качестве новогоднего подарка такое «ручное ружье», то начал его использовать, а уже через год его оружейник Эразм Киркенар получил денежную награду «за уход за ружьями Его

величества». Тогда не считали необходимым назначить королевского мастера по изготовлению ружей. Эти обязанности исполнял смотритель королевских арбалетов Жиль Черчилль, который также заботился и о королевской заслонной лошади.¹

Однако основным охотничьим оружием в то время продолжали считать арбалет. Упоминание о сооруженных в Гринвиче и Виндзоре мишенях, чтобы «король мог стрелять в них из своего личного оружия» появляется в документах не ранее 1536-1537 годов. На следующий год уже появился первый Хранитель личных ружей и ястребов Его величества. Из составленной после его смерти в 1547 году описи следует, что за относительно короткий промежуток времени он приобрел несколько ружей прекрасного качества. Описание представляет особый интерес, поскольку в нем детально описаны те детали, которые казались в то время модными, одновременно можно составить представление о том, насколько развилась механическая сторона ружей.

Среди обозначенных в описи предметов «итальянские ружья с позолотой и крытым бархатом прикладом с фляжками, кошельками и коробками». Заметим, что приклады королевских ружей традиционно отделявали бархатом аналогично сабельным ножнам, хотя в данном случае он оказывался самым непрактичным материалом из всех возможных. Таким же способом отделано и помповое ружье XVI века из Ливрусткамеры в Стокгольме и фитильное ружье из Исторического музея в Вене.

У последнего ружья примерно 1530-1530 годов, итальянского производства отмечаем украшенные золотом замок и ствол, черный бархат приклада украшен серебряными шишечками. Похожую разновидность находим у «итальянского ружья», принадлежавшего Генриху VIII. Большая часть ружей короля были украшены более ярким убранством. Их приклады «золотистые», «покрыты зеленым бархатом», «ярко красным», «отделаны слоновой костью» или «камнями». Некоторые ружья с казенной части, другие – с дула и дополнялись «огненными замками». Такие разновидности удалось обнаружить в Лондонской оружейной башне.

Ружья с колесцовым замком

Возможно, эти «огненные замки» на самом деле были не чем иным как колесцовыми замками, в которых пороховой запал воспламенялся искрой, вызываемой зубчатым колесом, скребущим кусок железного колчедана. Именно такой механизм представлен в рисунках из «Атлантического кодекса» Леонардо да Винчи примерно 1500-1510 годов.

В поэме, кардинала Андриана де Сен-Хрисогона, опубликованной в 1505 году в Венеции, изящной латынью описано «чудесное ужасное оружие, силой молнии мечущее свинец, который поражает дичь».

Самым ранним датированным образцом оружия с колесцовым замком следует считать карабин, хранящийся в Королевском арсенале в Мадриде. Его изготовил в 1530 году аугсбургский мастер Бартольме Маргарт для императора Карла V. Примерно в 1540 году содержимое его арсенала и гардероба были своеобразно описаны в серии акварелей, известных как «Inventario iluminado». После смерти Карла V последовавшей в 1558 году, составили настоящую опись, получившую название «Relación». Именно из нее нам стало известно, что король отдавал предпочтение простым ружьям. Большинство из них обозначено как

¹ Заслонной лошадию называли животное, с помощью которого охотник подкрадывался к дичи (прим.перев.).

аркебузы, некоторые малые (аркебузильо), другие предназначались для стрельбы с седла (arzon). Поскольку мушкеты с фитильным замком выделены в особую группу, остальные можно отнести к ружьям с колесцовыми замками. Традиционно они украшались позолоченной гравировкой, ложи инкрустировались или покрывались пластинками из слоновой кости. Из «Описи» также очевидно, что большинство ружей, использовавшихся и во времена Генриха VIII, хранились в футлярах или сумках из цветного бархата.

Отметим и образец карабина с колесцовым замком, датируемый 1533 годом, на котором изображены гербы и инициалы Отто Генриха, пфальцграфа Рейнского (умер в 1559 году), сегодня хранящийся в Баварском национальном музее в Мюнхене. В том же самом музее находится и деревянная столешница, разрисованная охотничьими сценками. На одной из них изображена охота на кабана, где охотник стреляет в животное из ружья. Более длинный образец колесцового ружья примерно 1535 года со стволом в 37 дюймов находится в Лондонской оружейной башне. Видимо ложе данного охотничьего ружья было покрыто шпоном из грубо выделанного оленьего рога.

Широкое использование огнестрельного оружия на охоте начинается лишь со второй четверти XVI века. В 1535 году в Неаполе появилась книга Пабло дель Фукара «Арбалеты, мушкеты и аркебузы», посвященный личному охотничьему оружию. Книга настолько редкая, что известна, прежде всего, библиографам, автору этих строк не удалось завладеть ее экземпляром.

Когда царствующие особы и знать Европы начали собирать охотничьи ружья для своих arsenalov и поощрять усилия оружейников по созданию ружей прекрасного качества, они стали делать все от них зависящее, чтобы не дать своим подданным превзойти их. На то существовало несколько причин. Прежде всего, любое ружье, находившееся вне правительственного арсенала или не под контролем властей, угрожало их безопасности. Поэтому на долгие годы именно пистолеты оказались объектом строжайших запретов (см. об этом далее).

В Англии существовала другая причина, связанная с сохранением традиции стрельбы из лука. Начиная с 1500 года и далее, с этой целью выпускались различные законы и постановления. Самым значительным считается Закон об огнестрельном оружии» принятый в 1541 году, в котором высказывалось сожаление, что «разные джентльмены, йомены, и служивые мало занимаются достойными и похвальными упражнениями с длинным луком, который всегда был самым надежным, верным и длительным по времени использования средством защиты в Англии, внушавшим неодолимый страх и ужас врагам страны». Примечательно, что враги Англии также настаивали на широком применении личного огнестрельного оружия.

Когда возникла угроза войны, английскому населению, оно быстро овладело искусством стрельбы из ружей, в том числе и из засады. Снятие угрозы обусловила возвращение ограничений. Тогда в 1546 году вышло постановление, направленное против «ограничений в стрельбе из ручных ружей». В нем указывалось, что в мирное время вводятся ограничения на пользование огнестрельным оружием в соответствии с Актом от 1541 года и что оружие следовало использовать по лицензии. И только в том случае, если оно соответствовало определенным ограничениям (обычно длина ствола не должна была превышать 2, 5 футов).

Получившие первые разрешения владельцы двадцатых-тридцатых годов отличались скорее энтузиазмом, чем умением. Хотя в 1533 году содержится немного сообщений об удачных выстрелах, например, говорится об убитой из ружья лысуре, можно привести все же одну типичную историю, «о неискusном обращении с ружьем». В ней рассказывается о йомене из Вестминстера по имени

Джон Гейниш, который в 1539 году, прицелился в ворону, сидевшую на бакене на реке Темзе, но промахнулся и убил женщину, полоскавшую белье на Вестминстерском мосту. Поскольку никакого преступного умысла не нашли, неудачливый стрелок отделался штрафом.

Правда, последствия оказались более суровыми, в 1540 году специальной прокламации ограничили использование личного огнестрельного оружия стрельбой по мишеням, поскольку указывалось, что охотники даже с лицензиями «стреляли без оглядки, не учитывая, куда их пули отлетают, и что они могут поджечь вокруг них». Поэтому принятие этого закона объяснялось и «сильным беспокойством за их жизни».

Другим источником волнения для охотников, использовавших иные методы, стало исчезновение дичи, уходившей из насиженных мест, испугавшись шума и запаха ружей. Похоже, что жаловались не только охотники. Написавший трактат о полевой охоте в землях, окружавших Рим в 1548 году, Доминик Бокамацца жаловался, что использование аркебуз распугало и заставило разбежаться всех животных и оленей, так что охотникам частенько приходилось возвращаться домой без всякой добычи. Хуже всего приходилось сокольничьим.

В том же самом году писавший графу Бата сэр Эдмунд Бединфильд жаловался:

Из-за того, что вокруг ежедневно стреляют охотники, выбивающие дичь на реках, теперь почти не осталось дичи в сельской местности, тот же, кто захочет поохотиться с помощью ястребов, должен пройти много миль, прежде чем встретит дичь, на которую и сможет поохотиться, в то время как во все прошлые годы в тех же местах встречались стаи птиц... Если все это не исправить, то знати больше не придется вскармливать и обихаживать охотничьих птиц».

Заметим, что в платежных поручениях на предлагаемые покупателям елизаветинские ружья и выдаваемой лицензии оговаривалось, что оружие не должно использоваться «ближе пяти миль от любых владений и домов Ее королевского Величества, а также от ручьев, рек и пустошей, где охотятся с ястребами».

Однако, несмотря на все эти факты, законодательные акты и прокламации, поддержку Шотландского закона 1551 года, согласно которому никакая облава не «могла проводиться с помощью ружей, кулеврин или пистолетов на оленей, косуль и другую летающую или бегающую дичь, все же в диких животных и птиц продолжали стрелять в любое время под страхом смерти и конфискации всех ружей за нанесенный ущерб». И личные ружья получали все большее распространение.

Из гравюр, сделанных по рисункам таких мастеров как Йост Амман и Страданус, очевидно, что обычно к дичи подкрадывались пешком или стреляли в нее из естественных или искусственных укрытий, которые устанавливались там, где это оказывалось возможным. Излюбленной мишенью на озерах и реках продолжала оставаться водяная птица, но там требовалась специально обученная охотничья собака (рисунок 87). В лицензии, выданной в 1567 году Генри Макуильямсу, отставному джентльмену, перечислены тридцать семь разновидностей птиц, на которых разрешалось охотиться. Обозначены и животные: собаки, кошки, выдры и лисы. Особо указано, что на оленей не разрешалось охотиться без разрешения хозяина.

Из оружия с колесцовым замком с коротким стволом стреляли от щеки, тяжелый ствол принимал на себя большую часть отдачи от довольно слабого пороха, применявшегося в обычном оружии самых состоятельных людей общества XVI века. Обычный охотник довольствовался простым и достаточно

ненадежным фитильным ружьем, нередко выдававшим себя дымящимся запалом.

Заметим, что большинство ружей можно было зарядить одной или несколькими пулями по желанию стрелявшего. В 1524 году Бенвенуто Челлини писал о «прямом ружье для охоты на птиц, которое сам изготовил, и настолько тщательно отделил снаружи и внутри, что равных ему не было». В отличие от прочих современных изделий Челлини аккуратно заряжал свое ружье одной круглой пулей и стрелял в дичь и павлинов. Он хвастался, что, «применив заряд в пятую часть шара, он может точно попасть в цель на расстоянии в две сотни шагов».

Большинство охотников вовсе не ожидали достичь такой же точности попадания, как Челлини, используя только одну пулю. На самом деле вскоре они обнаружили, что, зарядив свои ружья несколькими небольшими шарами и направив их в сторону цели, они могут почти наверняка убить дичь.

Вначале свинцовая пуля величиной с градину, изготавливалась из листа свинца, который разрезали на небольшие кубики, а затем округляли и грубо обрабатывали. Затем пули стали отливать в специальной форме, состоявшей из ряда небольших полостей. Только в последней четверти XVII века изобрели способ капельной отливки, пропуская расплавленный свинец через решето с дальнейшим падением капель в воду. В 1547 году в Описи арсенала Генриха VIII насчитывалось порядка сорока «круглых пуль», возможно, предназначенных по своему калибру для стенных ружей, и одна пуля к «аркебузе, величиной с градину».

Трудно сказать, чем эта аркебуза отличается от других «аркебуз», отмеченных в той же Описи. Однако повсеместное использование «градин» (дробь) вскоре натолкнулось на официальное неодобрение. В Акте 1548 года высказано сожаление, что «при стрельбе дробью в большое количество дичи, множество птиц гибнет, что никому не приносит выгоды». Указывалось также, что «использование дроби полностью подрывает доверие к использованию ружей и не является необходимым». Далее говорится о том, что следует запретить стрельбу «более чем одной пулей за выстрел».

Прочитав изложение основ баллистики в книге К.Лукара «Три книги бесед» (1588) увидит, как мало было известно об искусстве стрельбы в XVI веке. Если также учесть низкое качество изготовления самих ружей и невозможность достижения точного попадания из-за низкого качества прицела, то легко прийти к выводу, что вряд ли стоило многого ожидать от обыкновенных охотников. Имея всего лишь одну пулю, они не могли даже поразить обычную птицу или кролика на расстоянии более, чем в несколько ярдов. Таким образом на содержание Акта 1548 года практически никто не обращал внимания, и каждый поступал в соответствии со своими разумениями и конкретными правилами охоты.

В Акте также запрещалось стрелять «около любой церкви, дома или голубятни», удивительно, что такие ограничения стрельбы около построек сохранялись и спустя пятьдесят лет после принятия закона. В 1598 году была подана жалоба, в ней говорилось, что во Французскую церковь в Норидже вошел мужчина, «у которого было ружье и который начал убивать на водостоке голубей, не заботясь ни о том, что осквернил священное место, ни о том, что его стрельба создавала реальную угрозу пожара в храме и перепугала всех, кто в нем находился».

Однако не только в городах и деревнях ощущали распространение оружия. Очевидно, что тот, кто спокойно искал большую дичь, используя стрелу или арбалетный болт, обнаруживали, что могли полностью набить сумку, всего лишь совершив несколько выстрелов по местам, где пряталась дичь.

21 декабря 1600 года, точно в то время, когда готовились рождественские обеды, явно чтобы испортить аппетит собравшимся, в Англии была выпущена новая Королевская прокламация, в которой запрещалось использование дробовых ружей для охоты на птиц, поскольку охота с ними мешала «наслаждению охотой Ее Величеству, знати и другим представителям высшего света». В то время обычно для охоты на птиц использовали фитильные ружья примерно 5-6 футов длиной, изображенные на гравюрах Страдануса (рисунок 89).

В XVII веке ради удовлетворения потребности «людей высшего света» удалось полностью усовершенствовать ружье с колесцовым замком. Национальные особенности проявились в контуре ствола и замка. Французские оружейники разработали особую разновидность ружья с колесцовым замком, где спусковая пружина отделялась от замка и прикреплялась к стволу.

У итальянских колесцовых механизмов была ярко выраженная элегантная форма, они также оказывались гораздо легче, чем солидные немецкие аналоги. Они были закрыты кожухом, часто причудливых форм, позволявших добиваться некоторой надежности в суровых условиях охоты (таблица 89). Встречались также замки со специальными трубками, защищавшие от ожога при горении порохового запала.

Самовзводные замки устраивались таким образом, что после выстрела их не надо было заводить отдельным ключом, который раньше надо было постоянно доставать. Встречались и замки с превосходной по качеству отделкой чеканкой и позолотой, они имели ценность сами по себе, не говоря уже об их механическом устройстве.

Не меньшим многообразием отличалась отделка ружейных стволов и деревянных частей. Они украшались накладками и инкрустациями из слоновой или обыкновенной кости, в Германии и России делали накладки из перламутра, в Италии, Испании и Сардинии - из серебра. Обычно в качестве основы для рисунков использовались библейские, мифологические и охотничьи сценки (рисунок 99).

Немецкий художник Израиль ван Мехенем (умер в 1503 году) относился к тем нескольким мастерам, гравировали конкретные лейтмотивы, например, известны изделия с изображениями истории о зайце, поймавшем своих заклятых врагов, человека и лисицу. С тем же самым персонажем перекликаются и сценки, где заяц поджаривает охотников, они выгравированы на прикладе ружья с колесцовым замком, изготовленного для Леопольда I (1640-1705), сегодня хранящимся в коллекции Джорджа Ф.Хардинга в Чикаго.

В определенных пределах допускался и непристойный юмор. Скажем, итальянское ружье с колесцовым замком и фитильное ружье, хранящееся в Коллекции Уоллеса, украшены гравировкой с эротическими сценами, на задней стороне изображены наклонившиеся обнаженные женщины. На французском оружии типа «не забудь меня» примерно 1590 года, хранящемся в Лондонской оружейной башне, спусковой крючок сделан в форме фаллоса, выступающего из фигурки обнаженного мужчины.

Кремневые замки

В начале XVII века появился новый тип замка, превосходящий даже самые лучшие замки с колесцовым механизмом. Этой новинкой был кремневый замок, в котором искра для воспламенения запала получалась от удара кремня по стальному огниву, расположенному над запальным отверстием.

Установить точное время появления первых кремневых замков невозможно. Большинство из встречающихся в XVI веке упоминаний и названий («самовоспламеняющиеся», «каменные ружья», «ружья с мертвым огнем») могут в равной степени относиться как к ружьям с кремневым замком, так и с колесцовым. Но поскольку последние из сохранившихся колесцовых замков, датируются тридцатыми годами XVI века, самые первые образцы колесцовых замков можно отнести к пятидесятым годам того же столетия.

Кремневый замок состоял из курка с кремнем, вращающегося на оси, проходящей через замочную доску, врезанную в ложу; на одной оси с курком, но по другую сторону доски закинена лодыжка, вращающаяся вместе с курком; в вырез лодыжки упирается длинное перо боевой пружины, а ее короткое перо прикреплено к доске. При отводе курка назад боевая пружина сжимается, взводится и стремится опрокинуть курок вперед, приближая кремль к огниву. Во взведенном положении курок удерживается концом крючка, заскакивающим в вырез (взвод) лодыжки. Чтобы спустить курок, надо нажать на хвост спуска который выведет конец крючка из взвода лодыжки; курок, ничем не удерживаемый, под давлением боевой пружины ударяет кремнем по стальному огниву, служащему продолжением крышки, прикрывающей полку с порохом; крышка открывается, вращаясь на оси — искры воспламеняют порох на полке и через затравку передают огонь заряду. Для удержания крышки закрытой и оказания огнем сопротивлением удару курка (последнее необходимо для получения искры), имеется подогнивная пружина, верхнее свободное перо которой подпирает огниво. Первые кремневые замки оказались не намного удобнее колесцовых, но стоили намного дешевле, поскольку не требовали такой точности подгонки и отделки частей.

Ружья с такими замками были достаточно громоздки и неудобны для стрельбы с рук. Сегодня их называют английским термином «шапхан»,² имея в виду замки с отдельным стальным огнивом. Сэр Томас Саутвилл на портрете 1630 года изображен в охотничьем наряде с большим ружьем, размером и отделкой похожим на мушкет, и стоящим у его ноги ретривером (рисунок 91). Большим удобством в обращении отличался английский петронель – короткое и легкое ружье с прикладом для удобства прицеливания. Экземпляр 1584 года из Тойгусмузеума в Копенгагене имеет украшенный накладками ствол из рога с перламутром, а замок и ствол украшены узорами из золота и серебра.

Оружейники достаточно быстро обнаружили, что весь механизм кремневых замков можно упростить, соединив стальное огниво с крышкой полки в одну металлическую деталь. Тогда удар кремневого курка по стали высекал искру и открывал полку. По мере того, как производство замков развернулось в разных странах Европы, стали появляться изделия, отличавшиеся местными особенностями. Так на севере, в Скандинавских странах, появилось оружие с внутренней спусковой пружиной, действовавшей на курок и открывавшую крышку запальной полки. По месту изготовления такое устройство называли балтийским замком.

Русские оружейники, напротив использовали конструкцию шапхана, от которой уже отказались английские и голландские мастера, создав на ее основе

² Слово образовано от датского или фламандского шапхан, то есть быстрая курочка. Войдя в язык, оно также стало означать вооруженного грабителя. Так в 1544 году посланники короля в Нидерланды, Бельгию, Люксембург подали прошения с просьбой выделить охрану для перемещений по дорогам, которые, как рассказывают, были «опасны из-за шапханов».

«самопальное ружье» или самопал. У него был колесцовый замок и приклад, так что можно было стрелять, уперев самопал в плечо.

На юге, в Италии и Испании, а также в странах Средиземноморья с самого начала доминировало короткое кремневое ружье известное как микуэллет (от испанского Микуильо – малец, пацан). Замок располагался снаружи и не требовал углубления в деревянной части ствола, что оказывалось немаловажным для стран, где не так легко было достать хорошие по качеству логи из орехового дерева.

Несмотря на ненадежность конструкции, первые кремневые замки были просто даром божьим для охотников. Давая советы по поводу выбора ружья для охоты на дичь, Джервес Маркхем в книге «Безопасная охота» 1621 года, замечает следующее: «лучше всего использовать ружье с кремневым замком или шапхан, чем с фитильным замком, поскольку они безопасны и более надежны, всегда оказываются наготове, ибо позволяют держать порох сухим в любую погоду. В то время как дымок от фитильных ружей [медленно заряжающихся] много раз приводили к тому, что дичь или животное, которых собирались подстрелить, попросту убежали».

К сожалению, кремневые замки продолжали оставаться достаточно громоздкими и ненадежными. Поэтому, например, английские оружейники первыми приспособили цельную крышку с огнивом к старым замкам. Они проводили эксперименты с различными типами спусковых крючков, но неудачно, а также снабдили замок задвижкой, которая надежно удерживала его, пока ружье перезаряжали.

Отдельно следует отметить французских оружейников, которым удалось улучшить конструкцию кремневого замка. Их идея состояла в том, чтобы расположить спусковой рычаг таким образом, чтобы он подходил к углублению на внутренней части поворотного кулачка. Произошло дальнейшее упрощение механизма кремневого замка, и небольшие, аккуратные французские замки первой половины XVII века явились разительным контрастом большим, неуклюжим замкам других изготовителей.

Особым стимулом для французских оружейников стал интерес, который проявлял к оружию король Людовик XIII. В 1611 году, когда ему было всего девять лет, он уже гордился тем, что стал счастливым обладателем семи ружей. К 1614 году количество ружей увеличилось до пятидесяти, ко времени же его смерти, в 1643 году, количество экземпляров в коллекции измерялось сотнями. Оружейники в Германии, Италии и Швеции пытались скопировать французские замки, хотя далеко не у всех появился вертикальный спусковой рычаг. Вслед за небольшими замками уменьшились и размеры всего оружия, что предоставило большие удобства стрелявшему.

Отстрел летающей дичи

Обычно охотник не довольствовался сидячими мишенями, а стремился попасть в летящую илидвигающуюся по земле дичь. Трудно назвать точную дату, когда охотники впервые начали стрелять по движущимся мишеням. Автор малоизвестной охотничьей книги, напечатанной в Риме в 1669 году, заявляет, что в момент написания его труда искусство стрельбы по летящим птицам было известно в Риме примерно восемьдесят лет. Однако его высказывание не удалось подтвердить текстовыми иллюстрациями или описаниями из других книг. Рисунки Страдануса, умершего в 1605 году, его современника Ганса Боля и самого плодовитого из всех художников, рисовавших охоту, Антонио Темпеста, умершего в 1630 году, показывают охотников, стреляющих в неподвижную дичь.

Специальный раздел, посвященный обучению заслонных лошадей, которые использовались в качестве укрытия при охоте на неподвижную дичь, включен в книгу «Кавалерия» - стандартное руководство по обучению лошадей и наездников различным формам верховой езды, опубликованное в 1625 году (рисунок 92).

В поэме «Удовольствие охоты» Клода Гуше, впервые опубликованной в 1583 году, описано несколько приемов стрельбы из аркебузы. Так куропаток следовало отстреливать на снегу, диких уток - на воде, оленя убивать в стоячем положении, дикого кабана – из укрытия. Видя лису, уносящую зайчонка в свое логово, поэт советовал следовать за ней, выжидая тот момент, когда животное остановится, чтобы лучше схватить добычу, и тогда выстрелить. Он также описывает случай, когда стрелял в бегущего кабана и прошил его «насквозь и еще раз насквозь с помощью двух быстрых свинцовых пуль».

Похоже, что первым изображением охотников, стреляющих в летящую дичь, является гравюра Джакомо Франко, на которой венецианские охотники стреляют уток из лодок в лагуне. Она появилась в его книге «Дела человеческие» 1609 года (рисунок 70).

Первым серьезным исследованием по данному вопросу стала книга В.Бондафини «Охота с аркебузой» (Болонья, около 1640). О том же предмете речь идет и в «Искусстве охоты на крупного зверя» 1644 года испанского оружейника Мартинеса де Эспинара. В нетехническом исследовании, опубликованном в 1644 году, встречаются интересный отрывок, в котором описывается, как американский поселенец по имени Хилтон из Паскатавея застрелил огромную хищную птицу.

«Находясь на берегу моря, он почувствовал над своей головой огромную тень, хотя солнце сияло ярко. Подняв глаза, он увидел громадную птицу, парящую в воздухе. Тут неожиданно все утки и цесарки (которых к этому времени собралось достаточно много), нырнули под воду, оставив торчавшим только хвосты. Перезарядив свое оружие, мистер Хилтон выстрелил и сбил птицу на землю. Мне не известно, как он смог все устроить, но ему удалось доставить птицу живой в Англию».

В отличие от других стран, английские авторы не спешили описывать новый вид развлечений. В том же самом году Николас Кокс опубликовал «Отдых джентльмена», но не упомянул об отстреле летающих птиц. Скорее всего, первым об этой разновидности охоты написал Ричард Блум, его книга имеет то же самое название, она вышла впервые в 1686 году. В нее входят две прекрасные гравюры, озаглавленные «Подкрадывание» и «Стрельба влет», где показано, как стреляют со спины лошади и стоя на земле (рисунок 93).

Новый метод стрельбы пропагандируется Блумом следующим образом: «Наш опыт показал, что это самый лучший и безопасный способ, ибо летящая дичь легкоуязвима. Но если вам с одного выстрела дается попасть в любую часть расправленного крыла, то птица может потерять равновесие и упасть, но это еще не значит, что вы убили ее. Победителем может выступить ваш спаниель, если он отдрессирован соответствующим образом, то сможет вам ее принести».

Блум также советует использовать оружие «длиной примерно четыре фута и полфута в ствольной части, с достаточно широким прикладом как у мушкета. Главное при стрельбе влет – правильно прицелиться. По этому поводу высказывались различные мнения. Вот что об этом пишет Блум:

«Некоторые полагают, что следует выпустить пулю поверх дичи, иначе она пролетит мимо, и не заденет ее, однако это - самая вульгарная ошибка из всех возможных. Дичь не обладает такой же скоростью, как выпущенная пуля.

Выстрелом вы направляете пулю, если правильно организовывать стрельбу, то я лично придерживаюсь такого мнения, если дичь летит как бы над вашей головой, то и цельтесь прямо по курсу, если она удаляется от Вас, то направьте свое ружье как бы ей в живот. Лучше всего было бы позволить дичи немного отлететь от вас, и тогда ваша пуля сможет попасть ей прямо в живот».

В 1727 году и Джордж Макланд посвятил данному предмету свою книгу «Птериплегия или Искусство стрельбы влет». Он приводит подробные инструкции о прицеливании при разных углах полета. С его точки зрения стандарты английской стрельбы редко сопоставлялись с французскими. «Нечасто случается так, что профессиональный французский охотник не попадает в дичь, как это часто случается с отечественным стрелком». Возможно, поэтому в поздних изданиях «Отдыха джентльмена» Ричард Блум продолжает давать инструкции, как следует стрелять «с помощью искусственных машин подобраться поближе к дичи и отстрелять ее». Упомянутые им «искусственные машины» представляют собой не что иное, как разнообразные укрытия.

Стрельба из укрытий

Чтобы сделать точный выстрел, охотникам приходилось подкрадываться к дичи как можно ближе, употребляя все подручные средства для укрытия. Использовались любые естественные прикрития, кусты, деревья и даже животные. Страданус, например, часто показывает в качестве такового корову. Хорошо обученная и «обстрелянная» лошадь становилась верным компаньоном охотнику. На гравюре XVIII века, выполненной великим художником, часто изображавшим охоту, Иоаганном Элиасом Ридингером (1698-1767) «Стрельба из-за «охотничьей» лошади» показан охотник с ружьем с колесцовым механизмом, стреляющий в птицу из-за привязанной лошади, такое же изображение встречаем и в «Кавалерии» 1644 года.

В связи с нашими рассуждениями могут показаться интересными наблюдения сэра Джона Шардена, сделанные им во время путешествий в Персию в семидесятых годах XVII века. Он пишет: «Охота на дикого козла интересна тем, что эти животные легки на подъем и чрезвычайно быстроноги. Обычно в них стреляют из мушкетов следующим образом: берут верблюда и двигаются на нем, медленно приближаясь к козлу. Затем охотник прячется за верблюда, и, когда подберется к козлу совсем близко, то стреляет в него. Затем он гонится за ним на верблуде, и когда тот падает, добивает его, если же охотник промахнется, то козел убежит в сторону от него».

В своей книге Блум предложил искусственные укрытия, скопированные с природных объектов, таких как дерево или изгородь. Одну такую весьма изысканную версию предлагает и публикует Джузеппе Мителли в «Охотничьем листке» (Нюрнберг, 1739) (рисунок 94). При этом он не скрывает, что птицы пугаются «этих неживых машин, которые не похожи на настоящих живых существ... и, увидев такую двигающуюся мертвую конструкцию, опасаются их и боятся, находя в них реальную опасность».

Среди прочих приспособлений он лично отдавал предпочтение «искусственной заслонной лошади». Она изготавливалась из раскрашенного каркаса, набитого соломой, затем конструкция прикреплялась к костылю, который можно было упереть землю до тех пор, пока охотник не начинал перемещаться к дичи. Преследуя благие намерения, Блум набрасывает и схему устройства ловушки с ружьем, которую следовало устанавливать вблизи мест обитания лисиц, бобров, волков.

По-прежнему для тех, кто не мог стрелять в летящих пернатых, оставались возможности охоты на «сидевших фазанов». И снова источником информации становится все тот же Блум: «Вам следует позаботиться о хорошем спаниеле, который станет рыскать повсюду, и когда загонит фазана на дерево, то станет громко лаять, чтобы удержать того на месте. Заслышав его лай, подкрадитесь к нему как можно более осторожно, и, наконец, разглядев его, сделайте свой выстрел. Затем, поощряя собачье рвение, позвольте ему принести вам птицу и всячески одобрите его».

Фазан также отстреливали из прикрытия, которое Блум назвал «соломенным полотном». Сделанное из холстины и прикрытое соломой прикрытие напоминало по конструкции воздушного змея, который обычно делают мальчишки. Оно было квадратным величиной примерно в ярд. Иногда в центре проделывали дыру, через которую можно было просунуть ствол ружья. Во время охоты полотно просто держали перед собой, как замечает тот же Блум, выжидая, когда любопытные фазаны «подлетят близко и настолько обнаглеют, что начнут летать над охотником» (рисунок 95).

Восточные ружья

Ко второй четверти XVIII века в Европе фитильные замки практически исчезли, а колесцовые остались, в основном, для воспламенения тяжелых ружей, применявшихся в Германии и Австрии. За исключением районов Средиземноморья почти повсеместно использовались простые и надежные кремневые замки французского типа.

Однако обозначенные нами перемены практически не сказались на производстве оружия в странах Востока. Возможно, фитильные ружья сделанные в Индии, на Цейлоне, в Китае и Японии происходят от тех изделий, что привезли с собой португальские купцы конца XV и начала XVI веков. Со временем они практически не изменились, хотя в каждый век привносились свои особенности, основные отличия заключались в форме ствола.

Рассмотрим местные ружья более подробно. У индийских фитильных ружей имелся длинный, узкий, прямой приклад, поэтому из такого ружья можно было стрелять с плеча, как было принято в Европе. Сингальские ружья имели приклад с двойным упором, как показано на древних фресках и скульптурах, такие ружья обязательно следовало установить на опору и стрелять, уперев в грудь.

Еще одна любопытная особенность сингальского ружья связана с положением замка, который часто устанавливался с левой стороны ствола. Несмотря на столь нестандартное решение и кажущуюся неуклюжесть, ружье было легко переносить, и оно имело удивительно точный бой. В 1688 году португальский священник и ученый Фернан де Кейрош сообщал, что сингальцы способны стрелять ночью и могут даже погасить пулей зажженную спичку. На расстоянии в шестьдесят шагов они способны расщепить лезвие ножа или послать пять пуль одну за другой в одну и ту же точку на мишени.

Конечно, ночная стрельба имела свои недостатки. В одной из историй говорится о возбуждавшемся при наступлении ночи охотнике. Нацелив свое ружье в свинью, он шепнул своему другу, держащему спичку, чтобы тот «поднес ее к фитилю». Слово *капа* на сингальском означает и запал и ухо. Не менее возбужденный друг поднес горячую спичку к уху стрелявшего.

Как у китайских, так и японских ружей имелись небольшие изогнутые приклады, не превышавшие по объему пистолетные рукоятки, во время стрельбы их брали правой рукой и прицеливались, прижав к щеке или груди. Что же

касается европейских ружей с колесцовыми замками, то большая масса приклада поглощала сильную отдачу.

Меньшие по величине китайские ружья, составлявшие примерно 3 фута длиной, назывались птичьими пистолетами. Сун-Инь-Син, автор книги «Тянь Гун кай-ву» 1637 года, описывает один из них следующим образом:

«Железный ствол, куда засыпается порох, помещается в деревянный приклад, который можно удобно взять в руку. Ствол изготавливается из трех отдельно выкованных кусков раскаленного железа, каждый из которых обертывается вокруг отрезанного в величину палки холодного железного прута. Получившиеся три железные трубки сваривают концами вместе для получения единого ствола. Канал ствола обрабатывается четырехконечной стальной разверткой величиной с воловий хрящ, так что, в конце концов, получается исключительно гладкая поверхность, необходимая для легкого скольжения пули. Казенная часть, где размещается черный порох и пуля, имеет больший диаметр, чем дульный конец. Каждый пистолет заряжается железной пулей весом в 0,2 унции и зарядом не более половины массы пули (0,1 унция).

Вместо запала в пистолете используется зажигательный (хотя сегодня в южном Китае по-прежнему используют пороховой запал). Чтобы выстрелить во врага, стрелку приходилось держать пистолет в левой руке, а правой нажимать спусковой рычаг, который подносит зажженную коноплю к верхнему концу запальной полки, куда насыпан черный порох. На расстоянии в 30 шагов пуля разрывает птицу на куски, а на расстоянии более, чем в 50 шагов, просто убивает, не разрывая туловищ, некоторых удается убить и на расстоянии в 100 шагов.

Для сравнения приведем такой факт: пули, выпущенные из птичьего ружья (няо чжан) могут пролететь более 200 шагов. Птичье ружье длиннее и содержит большее количество черного пороха, чем птичий пистолет, хотя внешне по форме и конструкции они похожи».

Японские фитильные ружья всегда оказывались лучшего качества, чем китайские образцы, их стволы отличались невероятным мастерством обработки и изяществом отделки, как и клинки японских мечей. Все они значительно отличались друг от друга по величине, некоторые были короткими и тяжелыми, в то время как другие - длинными и узкими (рисунок 96).

В начале XVIII века длина стволов у европейских ружей уменьшается с 48 до 42 дюймов. Как только оружейники обнаружили, что уменьшение никак не влияет на бой, но облегчает обращение с оружием, они уменьшили длину ствола до 40 дюймов. Некоторые даже свели размеры стволов до минимума. 7 ноября 1729 года лондонский оружейник Джон Харман помещает в «Ежедневном журнале» следующее объявление:

«Я подтверждаю сообщение в нескольких газетах, что короткие ружья со стволом в 2 фута и 6 дюймов в длину, сделанные мной, Джоном Гарманом, кузнецом его королевского высочества принца уэльского, прошли испытания на охоте наряду с ружьями на фут длиннее. Итак, информирую достоимую общественность, что мои короткие ружья превосходят другие ружья, что длиннее моих на 5-12 дюймов при стрельбе на расстоянии от 40 до 60 ярдов. В целом все длинные ружья проявили себя хорошо, равно как и порядка сотни коротких ружей, что были сделаны для дворян и джентльменов, всем была дана хорошая оценка.

Но оказалось, что оружия в 2 фута и 6 дюймов в ствольной части не могут быть такими же надежными, как и те, что в полфута длиной. Если оружие длиннее, с ним следует обращаться иначе. Должен признаться, что все мои длинные ружья превосходят изготовленные мною же короткие. Чтобы доказать, что точность полностью зависит от возможностей и искусства Исполнителя, я

подкорректировал несколько ружей, изготовленных другими, и они стали действовать точно также, как и мои...»

Со временем менялась и методика изготовления стволов. Вначале плоские полоски металла сгибались вокруг подходящего сердечника, затем молотком прохаживались вдоль всей длины, формируя ровную трубку. Такую методику взяли на вооружение испанские и португальские изготовители, из соединенных вместе пяти или шести коротких трубок они делали только один ствол.

В большинстве других европейских стран оружейники постепенно приняли так называемые дамасские или перекрученные стволы. В соответствии с данным способом плоская полоски металла по спирали закручивались вокруг прочного стального прута, а затем сваривались, образуя ствол. Спиральный шов выполнял функцию каркаса, в результате чего получалась легкая и прочная конструкция. Дополнительно ствол стягивали несколькими манжетами. Принятые в начале XVII века округлые завершения ложа, постепенно уступили место овальному прикладу. В большинстве видов оружия цевье делалось во всю длину дульной части ствола.

Первые оружия, заряжавшиеся с казенной части и многозарядные винтовки

После того как в XVIII века определилась общая схема ручного оружия, оружейники начали его совершенствовать. Прежде всего, они стали повышать надежность спускового механизма, добиваться слаженной работы всех его частей. Прежде всего, они укрепили механизм затвора и добавили полочки к двум основным частям замка, то есть к курку и огниву. Одновременно оружейники занялись созданием систем с заряданием через казенную часть.

Первые ружья, заряжавшиеся с казенной части, появились в начале эпохи Генриха VIII, но из-за трудностей с соединением новой разновидности казенной части с колесцовым или фитильным замком, они оказались ненадежными и даже опасными.

Только после появления в XVIII веке кремневых замков оружейники смогли добиться определенных положительных результатов. Появилось множество ружей с поворотными патронниками или подвижными стволами, извлекаемыми или вывинчивающимися затворами, использовавшие разные металлические гильзы. Одним из самых удачных изобретений оказался винтовой затвор, надежный и быстро закрываемый спусковым рычагом. Его придумал в 1704 году французский механик Исаак де ла Шоме, а в 1776 году усовершенствовал шотландский офицер Патрик Фергюсон. После всех нововведений оказалось, что заряжающиеся с казенной части ружья с таким затвором в случае необходимости могли производить четыре выстрела в минуту.

Однако охотники обычно не нуждались в подобных ружьях, более востребованными оказались изделия с набором перезаряжаемых металлических патронов. Такие ружья, заряжавшиеся с казенной части, имели поворачивающиеся стволы или раскрывались в казенной части, наподобие современных ружей.

Одним из прекрасных образцов такого типа считается ружье, изготовленное в 1736 году Джозефом Кано из Мадрида, сегодня оно хранится в Королевском арсенале в Мадриде. На нем видны гербы Филиппа V в золотом обрамлении с брильянтами, имеется также комплект перезаряжаемых металлических патронов, которые носили в специальном подсумке. У каждого

патрона имелся свой собственный запал и огниво, что позволяло сэкономить время перезарядки при каждом выстреле, хотя добавляло вес и увеличивало риск самовоспламенения.

Большинство охотников продолжали использовать ружья, заряжавшиеся с дула, боясь от осечки тем, что запал обновлялся при каждом перезарядании. Пытаясь создать безопасное и безотказное оружие, мастера предпринимали самые разнообразные попытки. Например, в одном ружье размещалось несколько патронов друг за другом, и каждый из них воспламенялся своим спусковым механизмом или одним затвором, двигавшимся вдоль ствола. Однако, такая система оказалась достаточно ненадежной и требовала такой тщательности заряжания, что не получила распространения.

Другой способ заключался в устройстве магазина, из которого пули и порох подавались в казенную часть ствола. В одной хорошо известной механической системе применялся вращающийся магазин, размещенный в прикладе, специальным рычагом его поворачивали и подавали в казенную часть пулю и пороховой заряд. Впервые такие изделия изготовили в XVII веке такие известные оружейники как Мишель Лорензони, Джакомо Берселли и Бартоломео Котель. Первые магазинные винтовки широко копировались на протяжении XVII-XVIII веков английскими оружейниками, самым известным и первым среди прочих оказался Джон Коксон, представивший свои собственные образцы примерно в 1690 году.

Более удобной оказалась взрывобезопасная система Калхоффа. Вращающийся затвор, изготовлявшийся в Дании, Голландии, Англии и России членами известной в XVIII веке семьи оружейников Калтхофф, приводился в движение спусковым крючком, при нажатии которого магазин поворачивался к передней части замка, где производилось заряжание.

В другой системе, также предположительно возникшей в Италии, использовались два вращающихся на одной оси магазина с порохом и пулями, размещенные под стволом, приводимые в движение спусковым рычагом. Подобную разновидность действующего механизма в XVIII веке воспроизвел французский оружейный мастер Шалембром, работавший в Индии.

Нашли своих сторонников и разнообразные системы револьверов, оснащенные или вращающимися рядами стволов или вертящимися цилиндрами, содержащими несколько зарядов, поочередно подававшихся в ствол. Самые первые из таких револьверов датируются XVI веком, тогда разработали множество искусных приспособлений, чтобы они могли действовать с колесцовыми или кремневыми замками.

Правда, у каждой из отмеченных нами групп оказались свои недостатки. Первая разновидность замков оказалась слишком тяжелой и поэтому не очень практичной, вторые могли вызывать негативные последствия, если патронник и ствол не выравнились соответствующим образом. Все же отмеченным разновидностям магазинных ружей было суждено со временем сойти со сцены, они оказались слишком дорогими и превратились в диковинки, выставленные в арсеналах богатых любителей.

Многоствольные ружья

Однажды оружейники решили, что для того, чтобы произвести более одного выстрела, достаточно установить несколько стволов. Многоствольные ружья были известны уже в начале XV века. Возможно, они походили на короткий карабин или пистолет для седла, как тот, что имелся у Карла V Испанского, показанный в «Иллюстрированной описи» примерно 1540-1550 годов. В конце

XVIII века во Франции появились ружья с четырьмя стволами, четырьмя кремневыми замками и четырьмя спусковыми крючками, самой популярной разновидностью многоствольных ружей оказался вариант с двумя стволами, размещенными рядом или один над другим. Первые образцы таких ружей с колесцовыми замками и двойными курками появились в XVI веке, но предшественники двуствольных коротких ружей появились не ранее второй половины XVII века.

Прекрасным образцом подобного изделия является легкое двуствольное ружье с кремневым замком, в котором стволы располагаются рядом, подписанное мастером Фрачино, раньше находившееся в коллекции Спитцера и выставлявшееся в 1900 году на Международной выставке в Париже. У подписанного «Абрахам Муньер из Женевы» ружья с кремневым замком примерно 1650 года, хранящегося в Копенгагенском Тойгусмузее, стволы располагаются один над другим.

Множество ружей такого типа имели поворотные или вращающиеся стволы, так что одного замка оказывалось достаточно, чтобы поочередно стрелять из каждого ствола. На рисунке ружья, опубликованного в книге «Лучшие образцы аркебуз» французского оружейника Франсуа Марку в 1657 году, изображен образец ружья такого типа, заряжавшегося с казенной части. Независимо от того, как располагались стволы этих ружей XVIII века, один над другим или рядом, они отделялись узким деревянным цевьем.

В двадцатые годы XVIII века появилась технология сварки ружейных стволов. После этого начало развиваться производство ружей с расположенными стволами рядом и деревянным цевьем. Удобное расположение привело к росту популярности изделий. Любопытный образец двуствольного ружья, изготовленного в 1750 году, находится в коллекции Скотта в Глазго, многими чертами напоминающий английские пистолеты того же периода.

Установленные рядом стволы имели отдельные замки для заряжания, а единый кремневый замок позволял стрелять из любого ствола, открывая соответствующий запал скользящей заслонкой. Замок с похожим действием встречается и на прекрасном двуствольном ружье, хранящемся в Оружейной палате в Москве, его изготовил для императрицы Екатерины II Иван Лялин. Правда, у него было два замка и для заряжания оно разламывалось пополам. Врезной замок был удобен для карманных пистолетов, а у ружей не прижился, поскольку его было трудно чистить после стрельбы.

Вначале в Англии двуствольные ружья встретили настороженно, как все, что привозилось из-за границы. Даже в 1781 году они продолжали считаться новинкой, о чем свидетельствует публикация книги доктора Джона Эйкинса, называвшаяся «Описание двойных ружей». В соответствии с мнением Р.В.Торнхилла в «Руководстве по стрельбе» (Лондон, 1804), их придумали французы «наряду с множеством других глупых вещей». Сам он называет следующие причины, препятствующие использованию двух стволов: второй ствол часто не использовался, а лишний вес на охоте оказывался вовсе ни к чему; перезарядка всегда проводилась в спешке, поэтому два заряда легко помещались в один ствол. Писавший об охоте полковник Томас Торнтон объявил их «довольно забавными игрушками».

Однако дело обстояло не так-то просто. Когда все, наконец, выговорились, английские оружейники, такие как Генри Нок, Иезекия Бэйкер, Джон и Джозеф Мэнтон выпустили превосходные образцы двуствольных кремневых ружей, сразу же вызывавших покупательский интерес. Стволы еще больше укоротились, распространенной стала длина в 30 дюймов. Торнхилл и здесь не обошелся без колкостей: «различие стволов в 10 дюймов слегка

ухудшает бой, но все же в силу определенных обстоятельств предпочтение следует отдать коротким стволам».

Патентные ружья

Кремневые ружья начала XIX века мало напоминали те, что выпускались в предшествующие столетия. Хотя их устройство практически не изменилось, они отличались более быстрым и мягким действием, оказались менее восприимчивым к поломкам и осечкам. И все же большинство охотников соглашались с Торнтоном, который писал: «Оружейники сумели добиться такого совершенства в производстве ружей для дичи, что даже трудно сказать, возможны ли какие-либо дальнейшие усовершенствования».

С другой стороны, находилось множество оружейников, как профессионалов, так и любителей, которые полагали, что нет предела совершенству и всегда можно внести собственные изменения, пусть даже небольшие. Так началась эпоха патентов, связанная с усовершенствованием ружья. Некоторые из изобретений действительно имели огромное практическое значение, такие как придуманная Генри Ноксом в 1787 году казенная часть, принятая целиком или с небольшими усовершенствованиями большинством английских оружейников.

Некоторые мастера намного опередили свое время. Множество механических новаций ввел Джон Андерсон (1726-1796), прирожденный философ и основатель Университета в Стречдейле. К его изобретениям относились шестифунтовое ружье с пневматическим поглотителем отдачи, ружье с кремневым замком для охоты на дичь, действующее по тому же принципу.

Другие нововведения оказались всего лишь забавными вещицами, наподобие замка, запатентованного Джозефом Ментоном в 1813 году, который при спуске издавал «забавный музыкальный звук». В 1823 году Джон Бедкок рекламировал разновидность пневматического устройства, называвшегося «водяная тренога», удивительное приспособление, позволявшее охотнику пересекать ручьи и озера, преследуя добычу (рисунок 98).

Даже самые восторженные охотники начали осознавать абсурдность ситуации. В 1788 году Уильям Мейнард из Лондона опубликовал карикатуру «Патентное ружье, убивающее во всех направлениях». 16 апреля 1817 года некий мистер Дигнум на 38 годовщине «Охотничьего клуба старомодных простаков» исполнил «Только что запатентованную охотничью песню» собственного сочинения, своеобразно подведя итог всему произошедшему.

Патентуют все вокруг –
Каждый болт и каждый звук,
Курок, крючок, затвор и мушку,
Любую, словом, безделушку,
Вот только взять патент нельзя
На твердость рук и меткость глаза,
Иные, не попав ни разу,
Себя охотниками мнят,

Отделка личного оружия

Если некоторые ружья выделялись механическими усовершенствованиями и приспособлениями, другие отличались красотой убранства. Кажется, что несколько мастеров специально оттачивали на изделиях свое мастерство, поскольку привлекались специалисты по резьбе, гравировке, обработке дерева, железа, кости и драгоценных металлов. Вначале, в первые годы создания личных ружей мастера довольствовались случайными мотивами, близкими к народному искусству.

Затем изготовители ружей начали использовать рисунки профессиональных художников или известные охотничьи сценки и мифологические сюжеты, вводя некоторые детали из них в свою гравировку в виде чеканки или специальных накладок. Скажем, приклад немецкого ружья с колесцовым замком примерно 1550 года, хранящийся в Городском художественном музее в Сент-Луисе в США, украшен сценками из Подвигов Геракла, скопированными с 1544 гравюр Ганса Зебольда Бехана.

Затем мастера перешли к разработке обычных форм и декоративных сенок, которые могли бы заполнить пространство замка, и приклада (рисунок на с.99), боковых пластинок. Предназначенные для оружейников гравированные рисунки были опубликованы в XVI веке, но получили распространение только не ранее первой четверти XVII века. К концу XVII века общие тенденции стали настолько очевидными, что по особенностям декора практически невозможно определить место изготовления ружей, по крайней мере, на тех изделиях, что произведены в северо-западной части Европы.

Самыми значительными из опубликованных в XVII веке рисунков считались работы Филиппа Д'Обиньи (1634-1644), Франсуа Марко (примерно 1657), Жану Берьена (около 1650-1667), С.Жакине (1660) и Клода Симонена (1685). Некоторые рисунки Берейна была вдохновлены итальянскими оружейными мастерами, работавшими по полированной стали.

Альбомы Симонена впервые опубликовали во Франции в 1685 году, в то время, когда французские колесцовые замки начали свое триумфальное шествие по всей Европе. Факсимильное издание появилось в Амстердаме в 1692 году и примерно в то же самое время Якоб фон Сандрарт выпустил издание в Нюрнберге. В самом начале XVIII века созданы рисунки Клода Жило, Никола Жерара и де Лаколомба, опубликованные в разных изданиях.

Иногда оружейник использовал целиком только один рисунок из книги. В качестве примера можно привести серебряную накладку на стволе охотничьего ружья, изготовленного в Туле в 1752 году для императрицы Елизаветы, сегодня хранящегося в Лондонской башне оружейников, где точно воспроизведена одна из гравюр Жерара.

В других случаях оружейники искусно соединяли мотивы, взятые из нескольких источников. Так отделка ружья с колесцовым замком, хранящегося в Виндзорском замке, изготовленного Яковом Вальстером из Саарбрюкена примерно в 1760 году, представляет собой образец именно такой компиляции. Накладка из серебряной проволоки на стволе скопирована из книги де Лаколомба «Новейшие рисунки для аркебуз» 1700 и 1730 годов, чеканка по стали и золотая инкрустация на стволе основываются на гравюре его ученика де Марто, опубликованной в Париже в 1744 -1749 годах.

В середине столетия получили распространение узоры из асимметричных завитков в стиле рококо, что позволило полностью нивелировать всяческие местные или национальные особенности в декоративном стиле. Конечно, большая часть столь изящно оформленных изделий никогда не предназначались для использования по назначению и занимали свое место в кабинете хозяина, где и выставлялись на всеобщее обозрение. Скажем, трудно

представить на реальной охоте тот экземпляр ружья с колесцовым замком, что был изготовлен для императора Леопольда I (1640-1705). Его ствол полностью покрыт каменными камнями, гранатами, аметистами, бирюзой и жемчугом.

Развитие ружей с кремневым замком

Вплоть до конца XVIII века, прежде всего в Великобритании, стремление к декорированию нередко перевешивало практическую ценность охотничьих ружей. Как мы уже успели заметить, это привело к увеличению числа запатентованных механизмов и приспособлений. Несмотря на комические последствия, отраженные в соответствующих историях, попытаемся отойти от этого и по достоинству оценить истинные достижения оружейников и практическое использование коротких ружей с кремневыми замками.

Источники того времени и современные исследования едины во мнении, что данные ружья оказывались достаточно эффективными. В самом начале 1727 года Джордж Макленд в книге «Птериплегия, или Искусство стрельбы по летающей дичи» выступает сторонником стрельбы, по крайней мере, на расстояние в 40 ярдов:

Подберитесь к птице на расстояние в сорок ярдов,
И вы легко попадете в нее из обычного ружья,
Но при стрельбе влет подойдите еще ближе,
И тогда у вас есть шанс не промахнуться.

Похоже, что при желании сам Питер Хокер мог выстрелить на такое расстояние, но он предпочитал более длинные дистанции. В сентябре 1819 года, в канун «осеннего равноденствия» он стрелял весь день и был вынужден стрелять навскидку издали, однажды он попал в голову птицы, находившейся на расстоянии в 72 шага. В своем «Руководстве по охоте» 1804 года Торнвиль зафиксировал удачный выстрел на расстоянии в 120 шагов.

Последний из упоминаемых нами авторов руководил рядом экспериментов, по определению лучшего расстояния для стрельбы и убийной силы на определенном расстоянии. Во время опытов использовались ружья с кремневыми замками со смесью заряда №1 и № 2 (730 шариков), мишень площадью примерно в 4 квадратных фута (около 1 квадратного метра). Чтобы показать рассеивание дроби, использовали листы из коричневой бумаги.

В.В.Гринер сообщает, что похожую серию испытаний провели с современным ружьем 12 калибра со стволом в чок, заряжавшимся с казенной части, по круглым мишеням диаметром примерно 30 дюймов (75 см). Отчет о результатах теста, проведенного Гринером, позволяет сопоставить его результаты с использованием заряда № 1 с результатами Торнбилла. Правда, Торнхилл не приводит сведения о весе, но поскольку количество дроби у него совпадает с данными Гринера, можно предположить, что и заряд был таким же и составлял 3,5 драхмы пороха на 1,4 унцию дроби. Также трудно определить размер толщины и плотность коричневой бумаги Торнбилла, а затем сопоставить ее с теми пластинами из соломы, которые Гринер использовал для своих тестов на пробивную способность. Оба отчета показывают, что только на длинных расстояниях кремневые замки не имели себе равных.

Сравним данные в таблице

Радиус в ярдах	кол-во дробинок,	количество
----------------	------------------	------------

		попавших в цель	непробитых листов
коричневая бумага			
Торнбилл	40	240	32
1804	60	43	14
соломенные доски			
Гринер	40	100	30
1910	60	50	21

Следовательно, приходится поверить в рассказы охотников XVIII века об огромных сумках с убитой ими дичью, а также об армиях загонщиков, нанимаемых, чтобы загонять дичь под ружье. В Богемии в 1753 году император Франциск I, обладавший 23 ружьями, за период в 18 дней, произвел 116 209 выстрелов. За это время он убил 19545 куропаток, 18273 зайцев, 9 499 фазанов, количество другой дичи составило в целом 47950 штук.

Возможно, самый большой объем дичи, когда-либо отстреленной за один день, отмечался в Австрии в октябре 1797 года, когда во время охоты Князь Лихтенштейнский вместе с 11 гостями за 14 часов набили приблизительно 39 000 голов дичи, в основном зайцев и куропаток.

Не совсем удачной оказалась большая охота на кроликов, организованная Александром Бертье, начальником штаба армии Наполеона I, чтобы польстить своему императору. С чисто военной дотошностью, Бертье организовал все вплоть до мельчайших деталей, включая и пышный завтрак, предшествовавший всем этим событиям, а также группы барабанщиков и держателей ружей, сопровождавших охотников.

Чтобы обеспечить достаточные запасы дичи, когда она понадобится, Бертье пришлось предпринять определенные меры предосторожности, сотни кроликов держались наготове, спрятанные до поры до времени в укромном месте. К сожалению, к моменту отстрела она стали слишком ручными. Когда Наполеон выступил вперед, чтобы начать стрелять, кролики окружили его. Они по ошибке приняли царственного охотника за егеря, который ежедневно кормил их салатом-латуком. Конюшие напрасно пытались отогнать голодную стаю. Наконец императорский двор и охотники были вынуждены вернуться в Париж, разгневанные кролики продолжали бежать рядом с каретами.

Если Наполеону не удалось особенно преуспеть в изменении правил французской стрельбы на охоте, теперь уступившей догматам английских охотников, он смог достичь успеха в другом, поощрив выпуск нескольких роскошно отделанных коротких ружей. Их изготовили на Государственной фабрике оружия в Версале под руководством художника Никола Ноэля Буте. Изделия отличались роскошными накладками из двуцветного золота и серебра, великолепной скульптурной отделкой и гравировкой в стиле ампир, похожей на гравюры Ренессона, выполненные в 1807-1808 годах под руководством Дж.Ф.Лукаса (рисунок 100).

Заметим, что ни необычная отделка ружей, ни обжорство после массового отстрела дичи не отвечали вкусам английских охотников довикторианского времени. Больше всего они гордились техническими свойствами личных ружей и умением стрелять в сложных условиях. Так Питер Хокер отмечал в своем дневнике от 4 сентября 1837 года: «Мне сегодня повезло в стрельбе, поскольку я попал два раза из трех и снял вторую птицу с одного выстрела. Стрельбу следует признать самым совершенным и сложным видом искусства».

Необходимо признать, что Питер Хокер всегда отрицал массовое убийство, хотя и любил стрелять. Однажды, 26 октября 1825 года, когда он стрелял как одержимый и сделал из своего ружья 500 выстрелов в небо, на него посыпался «настоящий дождь пепла».

В то время спортивные пари заключались постоянно. Некоторые из них позволяют судить о мастерстве стрелков. В декабре 1823 году заключили пари на 100 гиней, что сэр Роберт Пил не сможет убить в течение дня фазана, красноногую куропатку, обычную куропатку, бекаса, болотную курочку, вальдшнепа, дикую утку, кролика и зайца. Тогда Пил начал стрелять в 10 часов утра и выиграл пари до часа дня. Один из лучших стрелков тех дней сквайр Осбальдестон был вызван на состязание по стрельбе в голубей лордами Кеннеди, ставка была 2000 гиней. Они стреляли с возвышения в 20-25 ярдов, Осбальдестону удалось выиграть, убив 438 птиц против 418 у его соперника.

Многие английские состязания в охотничьем мастерстве основывались на использовании ружей большого калибра. Один из участников «бартонской охоты» иронически отмечает в своем письме:

«Возможно, не столько мистер Осбальдестон достоин награды, сколько его ружье, из которого он обычно отстреливает голубей. Однако нельзя считать его игру честной, поскольку у ствола его ружья увеличена казенная часть». Чтобы этого не было, многие охотники предпочитали использовать двойные стволы. Заслуживает внимания некролог, посвященный Джону Хопу из Тотенхэма, умершему в 1831 году в возрасте 85 лет, в котором он восхваляется как «истинный любитель честной игры, которую он сыграл, считавшим недостойным использование двуствольных ружей».

В начале XIX века дробовые ружья с кремневыми замками еще не утратили своих лидирующих позиций, хотя и по убойной дальности и по скорости стрельбы уступали заряжавшимся с казенной части пулевым. Отмечались и другие недостатки. Когда кремневый замок давал искру, появлялся дым от горения запала закрывавший цель, кроме того, проходило значительное время между искрой и взрывом основного снаряда.

Некоторым охотникам удавалось преодолеть данный недостаток, нацеливаясь на движущуюся мишень. Одним из величайших стрелков начала XIX века считался Ричард Тумер, который, как и Бенвенуто Челлини (об этом мы говорили выше), предпочитал стрелять одной круглой пулей. Таким образом ему удавалось отстреливать шесть голубей из десяти. Однажды, на площадке для крокета близ Хартфорда, пока Харрис, один из самых быстрых мастеров в Англии, прогонял мяч между воротами, Тумеру удалось попасть в него двенадцать раз.

В 1889 году Р.У.Гриффитс провел несколько сравнительных испытаний, чтобы установить время, необходимое для перезарядки ствола после спуска затвора для каждого типа оружия. Показатели оказались следующими:

Кремневый замок	от 0750-1050	в секунду	в среднем 0.94
секунды			
Ружье 12 калибра ,	от 0039-0063	секунд	в среднем 005
секунд			
заряжающееся с казенной части			

Ударные замки

Многие изобретатели попытались справиться с недостатками кремневых замков. Прежде всего, изменили форму запальных отверстий, облегчив процесс воспламенения пороха, спрятанные или прикрытые кожухом

замки в некоторой степени маскировали горение запала. Однако продолжались осечки и задержки во времени, иногда приводившие к пропускам вспышки.

В 1807 году произошло необычайное событие, шотландский священник Александр Форсайт получил, пожалуй, один из наиболее значимых патентов в истории огнестрельного оружия. Он изобрел замок, в котором пороховой заряд воспламенялся от детонации гремучей ртути.

О взрывной силе солей гремучей или нитрил нитроуксусной кислоты, знали, начиная с XVII века, но ее соли на основе серебра и золота были настолько взрывоопасны, что все проводившиеся во времена Форсайта опыты были направлены на то, чтобы найти менее чувствительное вещество. Воспользовавшись возможностью создания гремучей соли на основе ртути, Форсайт провел свои собственные опыты и разработал методику ее получения, соединив ртуть, спирт и азотную кислоту. Спустя короткое время в лондонских артиллерийских мастерских ему удалось разработать удовлетворительную методику использования гремучей ртути, преобразовав кремневый замок в ударный.

В них небольшое количество гремучей ртути помешалось на запальную прорезь и взрывалось от удара молоточка, воспламеняя запал. Хотя его замки отвергла гильдия оружейников, посчитавших, что их невозможно использовать в военных целях, он смог начать свое собственное производство ружей в Лондоне, составив капитал на своем открытии.

Патентная ружейная компания Форсайта открылась в Пикадилли (Лондонском районе) в 1808 году, в Шотландии ружья маркировались эдинбургским оружейником Джеймсом Инном. 6 мая 1809 года последний размещает объявление в «Эдинбургских вечерних новостях», где заверяет «дворянство и джентльменов» в преимуществах нового замка:

«Запал непроницаем для сырости, с помощью мгновенного воспламенения легче добиться попадания в цель. Благодаря полному воспламенению заряда удастся увеличить силу боя ружья примерно на треть».

Проведенные испытания показали, что притязания оружейников не лишены оснований. Сложность заключалась в том, чтобы сконструировать замок с такой точностью, чтобы он функционировал безупречно, кроме того, следовало добиться совершенства и в производстве пороха. Хотя Форсайт попытался помешать распространению своего патента, другие оружейники начали самостоятельные опыты с альтернативными формами детонаторных или ударных замков.

Как в Англии, так и на континенте, совершенствование запального механизма развивалось по нескольким направлениям: Одни пытались подавать гремучую соль из вращающегося магазина, другие предлагали использовать шарики из этого материал, соскальзывавшие на запал по специальной трубке, третьи делали бумажный диск или ленту, подаваемую под ударник. Все системы обуславливали появление собственных разнообразных механических форм, с помощью которых они детонировали, но у каждой имелись свои достоинства и недостатки. Самым удачным вариантом оказался медный колпачок, заполненный гремучей ртутью.

Примерно с 1825 года он становится самым надежным и безопасным воспламенителем запала. Его предложил английский мастер Джошуа Шоу, познакомивший в 1819 году с этим изобретением Америку, поскольку именно тогда он получил большое денежное вознаграждение за это открытие. В Англии его первыми применили оружейники Джозеф Эгг, Джозеф Ментон и Джеймс Парди, во Франции Прелат, в 1820 году получивший за него патент.

По форме медный колпачок напоминал миниатюрную верхушку шляпы, заполненную детонирующим веществом. Ее надевали на специальный ниппель на запальном отверстии, куда закладывался порох. Спусковой механизм был достаточно простым, ибо для воспламенения требовалось только ударить колпачок специальным молоточком.

В 1823 году Джон Дей из Барнстейпла (Англия) запатентовал настолько маленький ударный замок, что его легко можно было вставить в рукоятку прогулочной трости. Так начался период напряженных экспериментов с разнообразными видами ружей, заряжавшихся с казенной части. Через неполные двадцать лет появляется простой и надежный револьвер Кольта, стрелявший пятью или шестью пулями, вытеснивший ненадежный револьвер с кремневым замком, некогда изготовленный Колиером (рисунок 97).

Перед мастерами, трудившимися над улучшением казнозарядных, стояла ружей более сложная задача. Используя все старые методы создания шарнирных или отдельных патронников, подвижных затворов они создали систему, в которой порох и пуля заворачивалась в бумагу, кожу или резиновый патрон. Однако ускорение заряжания не решило проблему воспламенения заряда.

Зарядные ружья

В 1812 году шведский изобретатель и воздухоплаватель Самуэль Иоганн Паули заложил основы методики изготовления современного оружия, заряжавшегося с казенной части, когда запатентовал ружье, в котором использовались бумажные гильзы с основанием из мягкого металла или дерева, в центре которого устанавливался капсюль с детонирующим составом. Сконструированные по такому принципу охотничьи ружья начали изготавливать в Лондоне и Париже, но они были достаточно дороги и при перезарядке возникали сложности из-за того, что было трудно извлечь остатки заряда.

Другой мастер, Дж.А.Роберт запатентовал усовершенствованную версию ружья Паули, но хотя и изготовили несколько прекрасно отделанных образцов ружей его системы, так и не удалось полностью решить проблему зарядного устройства (рисунок 102, таблица 112). В 1826 году Антонин Гали-Газалат запатентовал первое ружье, в котором воспламенение заряда происходило от удара специального бойка по капсюлю, расположенному на патроне. Мастеру намного удалось опередить свое время.

В 1832 году французский оружейник Казимир Лефшоше получил патент за возрождение старого, известного еще в XVII веке, принципа разламывающегося ствола. В его системе, как в других казнозарядных ружьях использовался традиционный патрон, к которому был добавлен капсюль с выступающей ударной шпилькой. Однако, эти патроны оказались небезопасными в обращении и не получили широкого распространения. Вторая проблема заключалась в сложности извлечения патрона после выстрела.

Однако Лефшоше не отступил и в 1835 году запатентовал практически новый патрон. Воспламеняющий состав у него был утоплен в основание, так чтобы он смог детонировать только от удара иглы, расположенной под правильным углом. Так и стал известен патрон.

Вскоре его усовершенствовали с помощью металлического основания, что сделало процесс выброса еще более легким. Не случайно патрон приобрел необычайную популярность среди охотничьих сообществ Франции и Бельгии, в Британии он распространился не так сильно, здесь его разработкой в основном занимался лондонский оружейник Джозеф Ланг.

В Германии использовался унитарный патрон системы Паули доработанный в 1827 году его сотрудником Дрейзе. Патрон Дрейзе состоял из бумажной гильзы, в основание которой впрессовывалась лепешка воспламеняющего состава, поверх нее располагался пороховой заряд, прикрытый бумажным шпигелем, и пуля. Патрон оказался популярным не только среди охотников (таблица 115), но и был введен в прусскую армию в 1840 году.

В 1852 году английский оружейник Джозеф Нидхем запатентовал казнозарядное ружье с поворотным затвором, тогда же изготовили целый ряд двустольных ружей его системы. Вместе с тем обе системы продолжали подвергаться критике. Патроны с игольчатым воспламенением оказались неудобными в обращении, а, кроме того, через отверстие в казенной части, происходила утечка газов при выстреле. Сам игольчатый механизм часто ломался, поскольку болт или иголка, проходившие через порох, подвергались воздействию взрыва.

В 1847 году во Франции Бурсье запатентовал казнозарядное ружье центрального огня, у которого отмечаются несколько черт, встречающихся и сегодня: ударяющая по диагонали игла и автоматический эжектор. Но, как и все системы того времени достоинства его ружья блокировались недостатками патрона.

Окончательные штрихи в устройство патрона внес французский оружейник Ротте, запатентовавший в 1855 года патроны с улучшенной формой детонатора. Внесенные Франсуа Шнейдером незначительные усовершенствования купил и привнес в Англию Джордж Дау, лондонский оружейник. Суперинтендант королевской лаборатории в Англии полковник Е.М.Боксер внес свою лепту, запатентовав небольшое усовершенствование в виде печати на новом патроне и добившись внедрения новинки в британскую армию в 1866 году.

Несмотря на отдельные зигзаги в истории развития патронника, в 1900 году Дж.Т.Тисдейд-Баккел подытожил все сделанное и написал: «С 1834 по 1857 годы с охотничьим ружьем не случилось ничего нового, кремневый замок перестал использоваться, к нему обращались только самые закоренелые охотники, тогда из Франции покойный мистер Джозеф Ланг ввез казнозарядную систему. Прошло еще десять лет, прежде чем ее стали использовать повсеместно, и, по правде говоря, большинство новых ружей оказались замеченными благодаря утечке газов из казенной части, а не из-за их убойной силы.

Период с 1860 по 1880 годы оказался тем временем, когда охотничье сообщество достигло вершины, добившись невероятного разнообразия ружей, используя как кремневые, так и патронные ружья всех видов. Некоторые охотники продолжали использовать старые ударные дульнозарядные ружья, которые, когда не имело значения скорость зарядки, могли превзойти те, что заряжались с казенной части. Кроме того, в любой части мира не встречались проблем со снабжением, капсюли, пули и порох можно было легко достать повсюду.

Другие охотники оказались более прогрессивными и старались попробовать все виды зарядов с казенной части. Так, обсуждая различные модели в первом издании (1860) своей книги «Охотничьи земли Старого света» охотник и писатель Г.А.Ливсон пишет: «Оружие по-прежнему находится в переходном состоянии, правда, не приходится сомневаться в том, какой принцип считается лучшим». Сам он не колеблется, признавая преимущества ружей, заряжающихся с казенной части, и предпочитает его ружьям, заряжавшимся с дула.

Как отмечает Ливсон, такое ружье оказывалось легче заряжать и чистить, заряд легко было поменять и зарядить. Поскольку ружье так быстро перезаряжалось, находившиеся на сафари охотники больше не нуждались в батарее ружей и тех, кто их переносил. «Теперь, - продолжает Ливсон, - он может бродить по лесу один, не опасаясь, каких животных встретит, поскольку знает, что, совершив только первый выстрел, добьется смертельного эффекта, кроме того, он мгновенно может перезарядить ружье, и продолжать вести беглый огонь, против которого никто не сможет устоять...»

К этому времени английские спортсмены восприняли европейскую традицию преследования дичи и записывания результатов. Поистине они вели «непрерывный огонь» вдоль родных болот, о котором никогда больше не довелось слышать. Прекрасным образцом охотника своего времени может служить маркиз Рипон, его фанатическая страсть к охоте, похоже, преобладала над всеми другими увлечениями. Начиная с 1867 года, он вел записи убитых им животных и птиц. За всю жизнь общий расчет оказался таковым:

Шотландская куропатка	97 503
Серая куропатка	124 193
Фазаны	241 234
Вальдшнеп	2 560
Бекас	2 926
Дикие утки	3 569
Тетерев-глухарь	95
Глухари	45
Зайцы	31 934
Кролики	40 138
Различные животные	12 616
Всего	556 813

Записи обрываются 22 сентября 1923 года. В тот день восторженный пожилой охотник находился на болте Дэллоухилл близ Рипона, в 3.15 полудня он застрелил 165 гуся и одного бекаса и упал замертво, ему в ту пору шел семьдесят второй год.

Столь жестокий вид охоты вызывал соответствующий комментарий в американской прессе. Несколько ранее, 3 сентября 1904 года, напрочь забыв о том, как устроили резню бизонов в Америке, газета «New York world» писала:

«Кому могла прийти в голову такая охотничья забава! Грубая и животная ментальность «правлящего класса», получающего удовольствие от подобного убийства, может объяснить экспедиции Тиббета и других хладнокровных исследователей, охотящихся не за шотландскими куропатками, а за людьми».

Французы были известны двумя необычными видами охоты, где слыли специалистами: охотой на чибисов с помощью белого платка и ловлей жаворонков посредством движущегося зеркала. В обоих случаях охотники полагались на любопытство обычных пугающихся выстрелов птиц, заставляя их спускаться на землю и исследовать необычный предмет. В первом случае охотник размещал на земле белый платок, предпочитая, чтобы главным действующим лицом становилась собака, вращавшаяся вокруг предмета (рисунок 103).

Во втором случае в качестве предмета, привлекающего птиц, использовалась деревянная болванка, сделанная в виде птицы с вытянутыми крыльями, покрытой зеркальцами. Обычно она устанавливалась на подставку, укрывшись по соседству, охотник держал конец веревки. В «Отдыхе

джентльмена» 1686 года Ричард Блум описывает и демонстрирует с помощью рисунков две разновидности этой приманки.

Одна представляла собой прямой кусок дерева, похожий на линейку, раскрашенный красным цветом и оснащенный небольшими зеркальцами. Другую разновидность он назвал «дерзкой» или «отчаянной», она походила на использующуюся и сегодня разновидность, имела изогнутый держатель для зеркала.

Действие этих двух типов приманки было тем же самым, что и других, использовавшихся в XIX веке, но во времена Блума их использовали для того, чтобы подманить птиц как можно ближе, а затем поймать их с помощью сети (рисунок 104). Следовательно, отстрел птиц начался не ранее XVIII века, сама же охота такого типа стала популярной лишь к середине XIX века. И несут за нее ответственность исключительно поклонники быстро перезаряжавшихся с казенной части ружей.

Английский птицелов и сторонник применения арбалетов и в XX веке Даниэль Хигсон дает следующее описание «вращения жаворонков», переводя отрывок из книги «Практическая охота на жаворонков с помощью зеркала, свистков и ружей» Леона Реймонда:

«Жаворонок, летящий на высоте от 40 до 50 ярдов, бросается вниз на зеркало. Ничего нет грациознее этого падения. Вытянувшись на лапках, птица складывает крылья и камнем падает с небес, где-то на расстоянии руки перед зеркалом отрывает крылья, зависая, как очарованная над зеркалом, являя собой образ «святого духа», который украшает картины старых мастеров. Шум, движение, выстрел - ничто не поможет помешать этому восторгу, который длится несколько минут. Тогда в нее легко попасть, и, немного потренировавшись, любой не допустит промаха.

Когда проход открыт, и жаворонки оживленно, добровольно, как замороженные устремляются к зеркалу, следует запастись тачкой, наполненной патронами, можно стрелять все утро, испытывая только одну трудность, как перезарядить ружье, стволы буквально обжигают руки. Обычно кончают, когда полностью гложут от выстрелов, глаза уже не видят. И хотя все время спокойно сидят на торфяной кочке как на складном стуле, все же пот ручьем струится по лицу, как будто выполняли сложные упражнения. На земле разбросаны трупы, перья летят во все стороны, такова сценка, доставляющая огромное удовольствие и радость любому англичанину, страдающему от хандры».

Конечно, немногие англичане могли согласиться с автором, хотя и не приходится сомневаться в том, что они были действительно одержимы охотой. Приведем еще один пример, свидетельствующий об увлеченности таким видом ловли:

«В осенние месяцы, в октябре и ноябре, по выходным в пригородах Парижа предлагается забавное зрелище. Все стрелки, владельцы мелких магазинчиков из больших городов набиваются в первые утренние поезда, идущие в деревню, чтобы начать смертельную войну против жаворонков. У каждого из них в сумке для охоты находится зеркальце. Затем охотники размещаются один за другим, и первая птица, которая осмеливается попасть в середину столь отважной армии, приветствуется огнем, которым можно свалить и носорога.

Двадцать стрелков обсуждают хромого зяблика, раненый жаворонок преследуется бандой отпетых стрелков, каждый из которых претендует на то, что именно он нанес тот выстрел, который сбил крошечное существо. Неутомимые гончие, состоящие из бассетов, пуделей, терьеров и прочих собак бегут на каждый выстрел, притаскивая куски безрассудных ласточек, попытавшихся преодолеть

линию зеркал. Зеленые леса гудят от свистков со всех сторон и палящих ружей, метаний перепуганных птиц.

В полдень все стихает, маскарад состоялся, с вилкой в руке и новые ожиданиями стрелки увенчиваются лаврами. Из уст в уста передаются истории о наиболее достопримечательных утренних выстрелах, хвастаются те, кому повезло, неудачники топят печаль в еде.

И вечером, сосчитав потери, качают головами.

Таков великий охотничий день, суббота в предместьях Парижа».

Столь быстрая и неистовая стрельба связывается с применением патронов центрального огня, которые чрезвычайно быстро повлияли на механизм заряжания с казенной части. Постепенно прекращаются разнообразные эксперименты, шедшие на протяжении 50-60-х годов XIX века со стволами, когда их перемещали вперед или поворачивали в разные стороны. Самым популярной разновидностью становится заряжавшееся с казенной части оружие с разламывающимся стволом.

Правда, впереди был долгий путь усовершенствования оружия, хотя вряд ли приходится говорить о его окончательной конструкции. В семидесятых годах того же XIX века оружейники в Европе и в Америке соперничали друг с другом, чтобы добиться создания лучших конструкций стволов, замков и казенных частей. Интерес подстегивался общественными судами, организованными такими периодическими изданиями как «Поле» в Великобритании, «Скачки, поле, ферма» в Америке.

Достаточно давно сумели оценить преимущества ружей без внешних механизмов. В XVIII веке начали изготавливать заряжающиеся с дула двустольные ружья с потайным действием кремневых замков, но они не пользовались особой популярностью, оказавшись слишком деликатными.

После введения ударных механизмов практически перестали существовать препятствия в изготовлении незаметных замков, однако оставалась проблема соединения их с казенной частью. Свой шанс оружейники получили после введения металлических патронов. Первые охотничьи ружья, заряжавшиеся с казенной части с патронами Дрейзе, указывали на начавшиеся перемены. Ствол отводился вниз при зарядке ружья, а при закрывании игольные ударники автоматически взводились.

Когда Дрейзе перешел к патронам центрального огня, он использовал устройство, заряжающееся с казенной части с рычагом, который отводился в сторону, достигался такой же эффект. Другие оружейники начали использовать действие рычага, который открывал заднюю часть, чтобы взводить курки. Некоторые из них, как и Джозеф Ланг, используя общепринятые боковые замки, оставляли макеты курков, чтобы указать, когда ружье заряжено. Третьи довольствовались полубезопасными ружьями, где не имевшие головок курки двигались по наружной части замковых пластинок.

В 1862 году Джордж Дау, а в 1866 году Грен создали казнозарядные ружья, открывавшиеся и заряжавшиеся движением верхнего рычага. Почти все они оказались неудобными при эксплуатации. Только Теофилу Муркотту удалось изменить ситуацию, запатентовав в 1871 году, свое ружье, заряжавшееся с казенной части. После этого безопасное ружье, заряжавшееся с казенной части стало приносить какую-то коммерческую выгоду.

Следующей задачей стало уменьшение веса стволов, поскольку от этого зависел характер открывания замков при зарядке. С этим удалось справиться Джозефу Нидхему, создавшего в 1874 году свой экземпляр оружия, заряжавшегося с казенной части, оно примечательно автоматической эжекторной

системой. Но самыми первыми из современных безопасных коротких ружей создали Энсон и Дили и запатентовали в 1875 году, они имели простые и быстрые бескурковые механизмы.

Великие оружейники эпохи Гринер, Парди, Ланкастер, Уинсли, Ричардс, Холланд получали один патент за другим за улучшения в замковой системы и за способ запираения казенной части с помощью болтов. Сразу же привлекла к себе внимание эжекторная система, при которой пустая гильза ружейного патрона выбрасывалась из ружья, нужная мощность получалась от сжатия пружины при закрытии ствола, силы спусковой пружины и иногда от действия особого замка, спрятанного в передней части. Отметим и еще одно интересное изобретение, связанное с разработкой однокуркового спускового механизма.

Сама идея давно носилась в воздухе. Многие ружья XVI-XVII веков с двумя или большим количеством замков стреляли с помощью одного спускового крючка. Делавший два выстрела карабин с колесцовым замком данного типа находится в коллекции Франка Е.Бивена младшего и датируется 1556 годом. Более тяжелая модель, датируемая 1606 годом, хранится в Королевской коллекции (в Виндзорском замке), имеет самое оригинальное устройство спускового рычага, позволяющее производить выстрел сначала с помощью переднего замка, а затем заднего посредством одного и того же спускового устройства.

Главное преимущество единого спускового крючка заключалось в последовательном разряжении двух стволов. Начиная с 1864 года, когда был выдан первый патент на единичное спусковое действие, было зарегистрировано порядка сотни патентов, но почти каждое действие зависело от скрытой пружины. Увеличившиеся возможности выхода оружия из-под контроля стала очевидной благодаря Х.А.А. Торну (Чарльзу Ланкастеру) во время процесса в 1906 году. Тогда он заметил, что «вовсе не считает, что на любой однокурковый спусковой механизм можно положиться, не опасаясь, что он даст сбой при применении».

К тому времени, вряд ли существовала необходимость в усложнении коротких ружей только ради достижения дополнительной скорострельности. Так 30 августа 1888 года между 5.15 утра и до 7.30 пополудни, используя четыре ружья заряжающихся с казенной части и 1510 патронов, лорд Валсингем убил 1070 гусей на болоте Блаббермур. Иначе говоря, в течение более 14 часов он вел огонь из расчета в среднем 108 выстрелов в час. Такой подвиг, конечно, сопровождался определенной поддержкой нескольких помощников, помогавших ему, перезаряжая ружья.

Приведем еще одно свидетельство, В.В.Гринер заявлял, что из одного из своих обычных двуствольных выпускающих коротких ружей сумел произвести в цель 26 выстрелов менее, чем за одну минуту, испытание пришлось прекратить, когда стволы раскалились настолько, что ружье нельзя было удержать в руке.

Примечательно, что именно в Америке, где магазинные ружья не пользовались особой популярностью, оружейники разработали многозарядные ружья, хотя громоздкие картонные емкости с патронами во время стрельбы оказались достаточно неудобными. Один из первых удачных образцов был запатентован С.М.Спенсером и С.Х.Ропером в 1882 году. Пять патронов устанавливались в трубчатый магазин, размещавшийся под стволом. Движением специальной рукоятки, приводимой в действие левой рукой, они поочередно подавались в ствол. В модели Винчестера 1887 года перезарядка осуществлялась движением короткого рычага предохранителя, отводившегося вниз правой рукой. Такое движение руки и предплечья при перезарядке ружья, безусловно, придавало устойчивость и способствовало попаданию в цель. Только в 1905 году,

когда компания Ремингтон Армс начала производить автоматическое короткое ружье Джона Браунинга, охотник смог, наконец, произвести серию выстрелов несколькими патронами без перезарядки, всего лишь нажимая спусковой крючок.

Охотники продолжали хранить верность традиционному двуствольному ружью, правда, продолжая указывать на общий недостаток всех ружей, позволявших стрелять только из одного ствола. Однако из-за размера не удавалось изготовить конструкцию, позволявшую стрелять дуплетом. Все зависело от методики сверления стволов. В большинстве случаев эффективность ружья зависела не только от скорости огня, сколько от боя на определенную дистанцию.

Проблемой для оружейников оставалось предотвращение широкого разлета дроби в разные стороны или бесконтрольной стрельбы на более длительные расстояния, чем планировалось. С давних пор раздавались различные голоса, спорившие о том, как так сделать. В своем трактате «Искусство баллистики и охоты» 1644 года испанский оружейник Мартинес де Эспинар пришел к выводу, что расширение дульной части снижает дистанцию нормального выстрела.

Оружейники более позднего времени согласились, что расширение дула позволяет сделать выстрел точнее. Французский автор Дж.Ф.Магне де Мароль в «Охоте из ружья», написанной в 1788 году, правда, заметил, что некоторые изготовители ружей сужают ствол в середине, другие постепенно уменьшают их от казенной части к дулу, достигая того же самого эффекта. Полковнику Хокеру нравилось заряжавшееся с дула ружье, у которого «плотно сжата» казенная часть, а его дуло «расширялось или было цилиндрическим.

Конечно, основная часть стволов оказывалась цилиндрической формы. У многих изготовителей ружей, прежде всего тех, кто находились в Америке, существовала определенная методика сверления ствола, так что он сужался или «сдавливался» около дула.

Одно из таких ружей, имевшее подобным образом просверленный ствол, изготовил Иеремия Смит из Смитфилда (Род Айленд). Правда, в 1866 году, Уильям Пейп, оружейник из Ньюкастла (Англия), взял временный патент на методику сверления стволов, когда дуло оставалось немного меньшим по величине, чем остальная часть (чок). Он не стал развивать эту идею, но два других английских оружейника У.Скотт и Е.С.Грин изготовили ружья, просверленные таким образом, и провели испытания в Нью-Йорке в 1873 году. Успешные действия этого и других ружей, также высверленных в чок, проверенные на полевом испытании, привели к тому, что спустя два года в Англии не осталось скептиков-экспертов, сомневавшихся в достоинствах сужения дульной части при изготовлении ружей.

Последняя стадия в развитии ружей связана с возрождением трех и четырехствольных ружей. В 1881 году запатентовали четырехствольное ружье Ланкастера, в 1883 - трехствольное ружье с расположенными в ряд стволами, тремя спусковыми крючками и отдельными выбрасывателями, его представили Диксон и Мюррей. В 1902 году глостерская фирма компании Е.С. Грин и сыновья запатентовала другое трехствольное ружье со стволами расположенными наподобие листка клевера.

Правда, в английских охотничьих кругах самым популярным оставалось двуствольное ружье, позволявшее охотникам выбрать ствол в чок или цилиндрический. На континенте, где особенности охоты на дичь обуславливали использование двуствольного ружья, к нему часто добавляли третий нарезной ствол небольшого калибра, такая разновидность получила название «штуцера».

Ружья

Точная дата появления нарезов в стволе неизвестна, скорее всего, это произошло во второй половине XV века. Самые ранние упоминания о нарезном оружии содержатся в реестре Туринского арсенала 1476 года, а второе - в описи арсенала Нюрнбергского замка 1479 года.

В первом случае оружие описывается как «железное перекрученное», во втором случае стволы изготавливались с «кромкой, образующей спираль». Как полагают, во втором случае четыре ствола делались с кромками, образующими спирали. Возможно, именно нарезы упоминаются в описаниях соревнований в стрельбе по мишени, сделанных в Лейпциге в 1498 немецкое ружье примерно 1500 года, имеет следы насечек вдоль ствола.

И все же совершенно точно о насечках следует говорить в связи с немецким ружьем с колесцовым замком хранящимся в Копенгагене, его ствол с насечками датируется 1547 годом. Вскоре после этого, в 1556 году, муниципальный совет в Берне в Швейцарии запретил использование ружей перекрученных спиралью или другим способом для стрельбы по мишеням. Возможно, это было сделано исключительно потому, что к тому времени достоинства нарезных ружей признали повсеместно. Об их достоинствах поэты начали слагать свои оды.

Сведения о стабильности полета вращающегося снаряда относятся к XV веку, по этой же причине у арбалетных болтов часто отгибали оперение. Правда, трудно судить, насколько оружейники оценили преимущества вращения сферической пули, по оси, соответствующей линии траектории. Они четко осознавали потребность плотной подгонки пули к каналу ствола, чтобы минимизировать прорыв газов.

К сожалению, забивание тщательно подогнанной пули, нередко завернутой в кусок соответствующей материи, в канал ствола при зарядании, оказывалось физически невозможным после нескольких выстрелов из-за загрязнения каналов остатками сгоревшего пороха и грязью. Возможно, в начале нарезание каналов диктовалось простой потребностью избежать засорения, отсюда и появление прямых нарезов у некоторых ранних ружей.

Однако на самом деле, по крайней мере, в Германии, существовала одна причина, благодаря которой делались каналы спиралевидной формы. Лукас Кранах, деливший с герцогом Иоганном Фридрихом плен в Иннсбруке в 1547-1552 годах, оставил записки, в которых упоминается, что обычно они коротали время, стреляя из длинного или короткого нарезного ружья.

В охотничьем дневнике лесничего герцога Альбрехта V Баварского отмечено, что между 1555-1579 годами он убил 4783 оленя из личных ружей, у большинства из них существовали насечки. Герцогиня, предпочитавшая охотиться с лошадью, которую она использовала в качестве прикрытия, была обладательницей двух специальных легких нарезных ружей, специально сделанных для нее по цене в 60 флоринов. Заметим, что бесспорно, во всех ружьях использовались колесцовые замки.

К концу XVI века все оружейники настолько продвинулись, что стали экспериментировать с двуствольными ружьями, где стволы располагались друг над другом. Прекрасный немецкий образец такой конструкции с колесцовым замком находится в Королевской коллекции в Виндзорском замке и датируется 1588 годом. Другой образец, ранее находившийся в замке Бенатек в Богемии, датируется 1592 годом. Такие компактные, но тяжелые ружья весили до 15

фунтов, но в среднем обычное одноствольное ружье с колесцовым замком весило от 8 до 10 фунтов.

Некоторые ружья старались максимально облегчить по весу, чтобы их могли использовать мальчики или женщины, тогда их вес достигал 6 фунтов. Стволы ружей с колесцовыми замками доходили в длину до 48 дюймов, а калибр не превышал 0,75 дюйма. В Музее культуры и искусства в Вене хранятся два очень легких ружья с колесцовыми замками, их калибр составляет примерно 0,22 дюйма.

На протяжении первой четверти XVII века в Силезии и Богемии изобрели еще более легкие ружья с колесцовыми замками, известные под названием «Tschinke». Их предназначали для преследования дичи, прятавшейся на земле или в деревьях (таблица 88). Примечательные своими скошенными прикладами и колесцовыми замками с наружными спусковыми пружинами, они имели калибры обычно не превышающие 0,3 дюйма. По весу они варьировались от 4 до 8 фунтов.

В течение XVII века, поддерживая развитие гладкоствольных ружей с колесцовыми замками, вели всяческие эксперименты с зарядами с казенной частью, допуская множественные выстрелы. Интересное усовершенствование, которое удалось встретить только в ружьях, относится к дополнительному нарезному стволу, который можно было ввинтить в основной ствол, таким образом заставив охотника сделать выбор между разными по калибру пулями, маленькими или большими. Находящееся в Оружейной палате в Кремле в Москве оружие с такой арматурой подписано «Каспар Зоммерфельд в Бреслау, 1668». Более ранние экземпляры изготовлены Зигмундом и Корнелиусом Клеттом из Зальцбурга. По крайней мере, два подписаны Зигмунд Клетт, изобретатель, 1652, одно находится в Виндзорском замке, другое - в музее искусств в Вене.

Распространение кремневого замка французского типа уже в начале XVII века не оказало на конструкцию нарезных ружей такого влияния, как на гладкоствольные. Очевидно, что французские оружейники практически не интересовались нарезными ружьями. Так испанский специалист Алонсо Мартинес де Эспинар считает колесцовый замок лучшим и так пишет о нарезном оружии:

«Существуют и другие ружья с внутренними спиральными нарезами на пол-оборота, один или полтора оборота по длине ствола в соответствии со вкусом мастера. Некоторые нарезы просто замечательные, одни расположены близко, другие порознь друг от друга, они шире и глубже. Последние лучше, однако, повторим, что количество зависит исключительно от пристрастий оружейника.

В лучших ружьях делается семь или девять нарезов в стволе, из которого стреляют зарядом весом от трех с половиной до пяти драхм. Такого количества оказывается вполне достаточно, чтобы убить птицу с помощью пули, однако, при зарядании приходится прикладывать большую силу.

Следовало изготовить несколько шариков из войлока с отверстием, приспособленным к отверстию ствола, просмолив греческой смолой, воском и салом. Когда все это расплавится, обмакивают шарики и после того, как они пропитаются смолой, оставляют охлаждаться, постепенно они становятся жесткими и маслянистыми на ощупь. Такие снаряды необычайно удобны для ружей с насечками, потому что способствуют прохождению пули, когда их двигают шомполом к заряду.

При выстреле шарики уносят с собой весь нагар от пороха, оставляя ствол чистым и смазанным смолой. Иначе ружье приходилось чистить после каждых двух выстрелов из-за грязи, оставляемой порохом, тогда как с шариками этого можно избежать и сделать не менее дюжины выстрелов. Поскольку они

входят в ствол под давлением, то препятствуют прорыву газов, в результате увеличивается дальность стрельбы и скорость полета пули.

Другие европейские оружейники продолжали изготавливать традиционные ружья с колесцовым замком и коротким прикладом, который прижимали к щеке во время выстрела. Во второй половине того же столетия, правда, большую популярность приобретают ружья с кремневым замком и нормальным прикладом с большой скобой на спусковом крючке, иногда со специальной выделкой для пальцев.

Отмеченные нами новации проводились исключительно ради усиленного использования спусковых крючков двойного действия, как для кремневых, так и для колесцовых ружей. Впервые столь деликатный спусковой механизм появляется в арбалетах в начале XVI века. Он позволяет предположить, что стволы изготавливались достаточно точно. Подтверждением сказанному становится тот факт, что ряд ружей снабжались оптическими прицелами (в понятиях того времени).

Сохранилось всего несколько подобных прицельных приспособлений. Некоторые австрийские императоры страдали плохим зрением, в Музее истории искусства в Вене сохранился комплект ружей с колесцовыми замками, изготовленных Джозефом Хамерлем из Вены (1725-1738) отдельные экземпляры из которого снабжены прицелами с линзами.

В Розенборгском замке в Копенгагене находится ружье с колесцовым замком, принадлежавшее Фридриху III (1609-1670). За шейкой приклада на нем установлен комплект из позолоченных линз (оптически рассчитанных на + 0.75), они и действовали как прицел. Снаружи большинство стволов XVII века имели восьмиугольную форму. Возможно, она определялась числом нарезов в канале.

Обычно чаще всего использовали число восемь. Правда, следует говорить об огромном разнообразии нарезов как по количеству так и по форме. Отметим, что в сечении нарезы могли быть квадратными, вогнутыми, заостренными, глубокими или мелкими. Трудно сказать, насколько широко использовались такие ружья вместе с современным им черным порохом.

В то время оружейники еще не могли точно устанавливать прицел на определенное расстояние, как делали в последующее время. В Германии, Австрии и Чехословакии, где в XVI и XVII веках проводились ставшие весьма популярными стрелковые состязания, построили полигоны, чтобы можно было стрелять на расстояние от 125 до 200 шагов. Возможно, что большинство охотников вполне справлялись с этими дистанциями.

К XVII веку состоятельным охотникам уже не надо было заранее заботиться о загоне разнообразной дичи под ружья, как это было принято раньше. На обширных территориях усадеб в центральной Европе были специально отведенные земли, откуда можно было сгонять и, наконец, пропускать перед охотничьими укрытиями стада животных самого разного рода. При этом стрелки располагались с удобствами на специально выстроенных трибунах.

Так начался культ больших охот. Двумя самыми известными охотниками, а фактически фанатическими убийцами дичи считались эрцгерцоги Саксонии Иоганн Георг I (1611-1656) и Иоганн Георг II (1656-1680). Приведем соответствующие записи, свидетельствующие об их охотничьих достижениях:

	I	II
Благородный олень	35421	43649
Лань	1045	2062
Косуля	11489	16864
Дикий кабан	31902	22298
Медведь	238	239

Волки	3872	2195
Рысь	217	191
Зайцы	12047	16966
Лисицы	19015	2740
Бобры	37	597
Барсуки	930	1045
Выдра	81	180
Дикие коты	149	292

В литературе XVII века практически не встречаются свидетельства о том, что думали оружейники и спортсмены о нарезном оружии, в частности, о величине и форме пуль, типах нарезов и степени их кривизны. Похоже, что скорее стремились разузнать об особенностях оружия соседа и о подходящем заряде. Если перемены касались разновидности оружейного замка, то в устройстве нарезного ствола варианты практически не встречаются.

Вплоть до XVIII века в Германии продолжали делать ружья с колесцовыми замками в старом стиле. У художника Ридингера встречаем изображения охотников, вооруженных колесцовыми или кремневыми ружьями, иногда в одной и той же сцене встречаем те и другие, скажем, как на изображении охоты на оленя «Стойка на оленя». В книге Х.Ф. фон Флеминга «Немецкая охота» 1719 года приведены изображения трех ружей с колесцовыми замками: заслонное, крупнокалиберное для охоты на кабана и длинное ружье с прямыми нарезами, которое можно было использовать как для пули, так и для дроби.

Ряд колесцовых ружей, сохранившихся в хорошем состоянии, оснащены кремневым замком (таблица 98), некоторые оружейники пошли дальше и переделали его на ударные. Так начался период использования новой разновидности ружей, продлившийся почти два столетия. В коллекции герцога Сатерлендского, хранящейся в замке Блэр в Шотландии, находится ружье с колесцовым замком, которое не только примерно в 1820 году переделали в оружие с кремневым замком, но также снабдили удлинненным прикладом, так что из него можно было стрелять с плеча. Скорее всего, прежде чем добиться столь впечатляющего результата, оружейники долго и упорно размышляли над его конструкцией.

Однако к середине XVIII века ружье с кремневым замком стало доминировать. В северной и центральной Европе у него оказался тяжелый восьмиугольный ствол от 2 до 3 футов длиной и большого калибра, от 0,6 или 0,75 дюймов. Оно устанавливалось в полный ствол, в прикладе вырезалось местоположение для аксессуаров и впадина для щеки. Образующая своеобразный пистолетный захват (таблица 97), рукоятка располагалась позади спускового механизма. Такие ружья обладали точностью попадания на 200 ярдов, их тяжелые пули с первого выстрела валили даже крупное животное. Именно из-за таких ружей королевская охота превратилась в жалкое зрелище полномасштабной бойни, когда, не подвергаясь каким-либо неудобствам или опасности, охотник устраивал настоящую резню.

Придворная охота

У всех королевских семейств Европы имелись огромные охотничьи усадьбы, по своей величине и архитектурному изяществу они скорее походили на дворцы, вспомним, например, о замках Нимфенбург близ Мюнхена или Губертсбург близ Дрездена. Именно там, в честь именитых гостей или в связи с каким-либо праздником, владельцы организовывали роскошные показательные охоты.

Каждый князь стремился превзойти своего соседа числом и разнообразием убитых животных и великолепием зрелища. Для этого огораживались обширные лесные территории, куда загоняли животных, которых затем и убивали, они становились забавой во время отдыха специально приглашенных охотников, находившихся в разукрашенных павильонах. Зрители находились на специально отведенных стоячих местах. После завершения охоты случившееся с гордостью описывалось в книгах и рисунках членами «зрелища».

Проходившая поблизости от Вены придворная охота в честь свадьбы императора Леопольда I и Маргариты Испанской в 1666 году увековечена в серии из шести гравюр, выполненных Мельхиором Касселем (1622-1683). Организованная в честь встречи Наполеона I с русским царем Александром I близ Веймара большая охота на оленей описана и проиллюстрирована в книге «Описание праздничной охоты». В книге «Немецкая охота» 1749 года Г.Ф.фон Флеминг дает подробные советы, рассказывая, как лучше всего следует провести подобные мероприятия.

Похоже, что во время таких состязаний не шла речь о мастерстве. В сентябре 1737 года, чтобы позабавить короля Фредерика I Шведского, организовали охоту на медведей: тщательно обошли пространство в 27600 шагов, и медведей согнали к скарме или охотничьему домику, где их уже ожидал король. Один сильный медведь отказался идти по намеченному пути и всячески сопротивлялся тому, чтобы попасть под дуло королевского ружья.

Естественно, что король страшно рассердился, и главного охотника строго наказали. Проявив особое мужество, один из помощников смог захватить медведя живьем. Его привязали к слеге и доставили на двор королевского охотничьего домика, где освободили, затем он был убит монархом в упор. Так были удовлетворены честолюбивые помыслы власть предержащего.

Другой часто встречающейся патологией охотников считалась водная охота на оленей, когда оленей гнали в озера или реки, где в удобном месте устраивались лодки, которые использовались в качестве опорных стоек для стрельбы. На гравюре Редингера «Водяная охота» показана прикрытая охотничья стойка, сооруженная между двумя лодками, стоящими на якоре в ручье.

Оленей гнали таким образом, что им приходилось бросаться в воду и проплывать достаточно близко около охотников, палящих из ружей. Самая экстравагантная разновидность такой формы отмечается во время охоты, состоявшейся на берегах озера Старемберг около Мюнхена примерно в 1730-1760 годах. Здесь огромная правительственная баржа, точная копия знаменитого венецианского буцентавра со ста десятью гребцами, доставила королевских стрелков и зрителей к тому месту, где загнали в воду оленя. Оленей убивали, когда они плыли, или когда истощенное животное поднимали на борт, причем делали это в весьма изощренной форме, как будто один придворный стремился превзойти другого.

Другим эксцентрическим зрелищем считалась праздничная охота, которую устроили в 1748 году, чтобы отметить свадьбу герцога Карла Вюртембергского с Елизаветой, графиней Бранденбургской-Байррейтской. На хранящейся в немецком Охотничьем музее в Мюнхене акварели показано искусственное прямоугольное озеро, сооруженное в горах. С одной стороны находится стена с триумфальными воротами, образующими вход, через который гонят стадо испуганных оленей. На другой стороне озера выстроен ряд террас и лестниц с декоративными арками, ведущими к горе с ложным укрытием, но олени не могут спастись. Как только сбитые с толку животные пытаются переплыть озеро или захотят устремиться вниз по террасам, как их тотчас настигают пули охотников, спрятавшихся в центральном павильоне.

Конечно, далеко не всегда охота проводилась подобным образом, в большинстве случаев охотники стремились проявить свое мастерство, иногда подвергая собственную жизнь опасности. Некоторые виды охот, связанные с риском и опасностью проводились в горных районах австрийского Тироля, Швейцарии и Италии, где велись поиски серн.

Со времен великих дней правления Максимилиана I эти проворные существа отступили далеко, в самые недоступные части гор, где их трудно было выследить и убить. Если охотник не попадал с первого выстрела, у него не оставалось времени, чтобы перезарядить ружье, поэтому встала задача организации второго выстрела. Тогда изобрели две разновидности ружей, специально предназначенных для охоты на серн.

Одно представляло двуствольное гладкоствольное ружье, в каждый ствол заряжалось две или три пули, другое представляло собой одноствольное ружье с двумя зарядами, расположенными друг за другом и двумя замками (таблица 90). Последняя разновидность оружия оказалась самым легким изделием в мире. Отличительной особенностью всех ружей оказался шип, выступавший из задней части приклада, размещавшийся во время стрельбы в верхней части плеча. Ружье можно было использовать в качестве альпенштока во время подъема на гору (рисунок 110).

Американские ружья

Эмигрировавшие в Америку в начале XVIII века немецкие и шведские охотники захватили с собой и свои ружья, что позволило наладить в новых местах мастерские и начать применять ружья уже в Новом Свете. Прошло совсем немного времени, как возникла потребность разработать новую разновидность ружья, соответствующую местным условиям. Тогда восьмиугольный ствол удлиннили, и его величина стала составлять от 3 до 4 футов, иногда они оказывались даже длиннее, таким образом удавалось увеличить время горения пороха, что, в свою очередь, приводило к увеличению точности попадания.

Стремясь свести вес изделия до минимума, калибр уменьшили, и он стал варьироваться от 0,45 до 0,60 дюймов, а к концу века его длина составляла от 0,40 до 0,45 дюймов. Уменьшение калибра заставляло охотника брать с собой большой запас пуль, изготовленных из свинца. Из одного фунта свинца можно было изготовить 48 пуль диаметром в 0,45 дюймов, идентичных по действию с 16 пулями калибром в 0,70 дюймов. Поэтому так долго использовали флягу для пороха, ее использовали те охотники, что оказывались вдали от цивилизации.

Прямой, приземистый приклад уступил место более изящной конструкции с направленным вниз изгибом и выпуклой частью для щечного упора. Сохранилась и элегантная скоба на спусковом крючке, а также медная отделка ложа. Это было изящное и смертоносное оружие (таблица 100).

Длинные американские винтовки, изготавливавшиеся в основном в Ланкастере и Бакс Каунти (штат Пенсильвания) и в соседних штатах Виржиния и Нью-Йорк, оказались более точными, чем их европейские предшественники. Во времена Гражданской войны появилось множество историй о людях, павших от выстрелов, сделанных на расстоянии в 400 ярдов, поскольку условия для стрельбы оказывались почти идеальными.

Чтобы удостовериться в правдивости этих историй, в 1924 году некий Джон Диллон устроил испытание, использовав три ружья, изготовленных в Кентукки. Первое из них было со спиральными, второе с прямыми каналами, а третье гладкоствольное. Из каждого ружья выстрелили на расстояние в 100, 200 и 300 ярдов в мишень в виде человека. Результаты четко подтвердили

превосходство обычного гладкоствольного ружья и позволили сделать вывод о его точности при стрельбе на длинные расстояния.

Приведем сравнительные данные:

Расстояние		число попаданий
100 ярдов	с желобками спиралью	10
	прямыми нарезами	10
	гладко сверленные	10
200 ярдов	с желобками спиралью	10
	прямыми нарезами	5
	гладко сверленные	4
300 ярдов	с желобками спиралью	5
	прямыми нарезами	2
	гладко сверленные	1

Дальнейшие испытания показали, что пули небольшого калибра могут проникать на 2, 5 дюйма в каштановое дерево на расстоянии в 50 футов и на $\frac{3}{4}$ дюйма в каштановое дерево на расстоянии в 300 ярдов, вызывая смертельный ужас и поражая небольшую или средней величины дичь на более длинных дистанциях.

Перед Гражданской войной в Америке водилось много разнообразной дичи. Во время охоты и в южных штатах попытались использовать отдельные способы охоты, применявшиеся в Европе. Примерно в 1760 году в окрестностях замка Помфрет очистили кусок земли и таким образом образовали центр круга с диаметром в несколько миль. В него постепенно загнали лающих, рычащих и мычащих животных.

Ринувшаяся через круг сторожей группа буйволов позволила скрыться нескольким сотням животных, но все же, когда закончили стрельбу, количество оставшихся убитых животных, вошедших в перечень, оказалось достаточно значительным. Результаты зафиксировали следующим образом: 41 пантера, 109 волков, 112 лисицы, 114 горных кошек, 17 черных медведей, 1 белый медведь, 2 лося, 198 оленя, 111 быка, 3 ильки, 1 выдра, 12 росомах, 3 бобра и почти 500 штук мелкой дичи.

Конечно, такие происшествия случались не часто. Традиционной охотой в разбросанных по территории страны сообществах оказалась стрельба по индейке: птицу закапывали в землю или прятали за бревном, так что торчала только голова, она и становилась мишенью.

Английские ружья

По мере вырубки лесов и огораживания пустошей в Англии XVIII века стада диких оленей изгонялись в бесплодные торфяники Девона и Шотландии, где возможности использования ружей практически сходили на нет. Когда во времена американских войн потребность в оружии начала резко увеличиваться, Английская комиссия артиллерийско-технического и вещевого снабжения с трудом смогла найти в стране оружейников, способных произвести нарезные ружья в любом количестве.

Успешное применение в конфликте ружья Фергюсона вызывало необходимость в создании охотничьих версий такого казнозарядного ружья, и мастера как Дирс Эгг и Генри Нок изготовили несколько прекрасно отделанных серебром образцов. Нок, сделавший в 1780 году для военно-морского флота знаменитые семиствольные залповые ружья, также получил дополнительные распоряжения по поводу изготовления семиствольных охотничьих ружей.

Главным исполнителем многоствольного ружья, стрелявшего всеми своими зарядами, оказался полковник Томас Торнтон.

Если прислушаться к его высказываниям, то окажется, что он обладал «самым большим количеством ценных и любопытных ружей, чем любой другой охотник в Англии». Особенно он был одержим идеей выстреливания большого количества тяжелых пуль одним залпом. Известно, что Торнтон заряжал свои семи ствольные ружья тремя пулями в каждый ствол. На его портрете, сделанном Филипом Рейналем и Соури Гулпином в 1796 году и хранящемся в Музее оружия в Льеже, он стреляет в самца косули в лесах Клермонта, используя двенадцати ствольное ружье (рисунок 111). Самое любимое оружие Торнтон из четырнадцати стволов состояло из двух связок по семи стволов.

Хотя количество дичи в Британии было немногочисленным и не могло повлиять на развитие модели ружей, благодаря энтузиазму добровольцев процветавшее в период наполеоновских войн движение повлияло на усиление интереса к ружьям. Пикантность ситуации придадо принятие в британской армии в 1800 году оружия, разработанного лондонским оружейником Иезекией Бейкером. Его ружье имело ствол длиной в 30 дюймов и семь нарезов в соответствии с современным убеждением, что нарезы должны быть обязательны.

Однако постепенно внимание оружейников и стрелков стала занимать проблема изгиба, отразившаяся на спиралевидной внешности винтовки. Бейкер следовал принципу, заложенному в 1742 году Бенджаменом Робинсом, полагавшим, что «уменьшение трения в частях ствола ружья, одновременно делает их более удобными в обслуживании». В его ружьях нарезы поворачивались только на четверть, не приходится сомневаться в том, что во время опытов из ружья Бейкера на расстоянии в 100 метров удавалось достичь точности и верности попадания. Правда, встречались и другие точки зрения. В большинстве случаев приходилось стрелять на 300 ярдов, на таком расстоянии точность попадания из оружия Бейкера явно снижалась.

В книге «Scloppetaria», опубликованной в 1808 году, Генри Бефуа приводит неопровержимые доказательства улучшения точности попадания, достигнутой путем поворота нарезов на три четверти или полный оборот. Если на 200 ярдов Бейкеру удалось всадить все свои пули в манекен человека во весь рост, то из ружья с измененным поворотом, изготовленного Уильямом Муром, как сообщает Бефуа, удалось сделать 40 удачных выстрелов в 18 дюймовый круг на той же самой дистанции.

Правда, последние действия удалось осуществить при оптимальных условиях. Находящийся в полевых условиях охотник не мог прочищать стволы между выстрелами, кроме того, расстояние между ним и мишенью определялось приблизительно. Образовавшееся при изгибе сопротивление могло привести к разрыву ствола или сильной отдаче. Если охотник уменьшал заряд пороха, чтобы избежать побочных эффектов, то он ослаблял бой пули за счет энергии, расходуемой на трение.

В любом случае круглая пуля, попадавшая в яблочко на расстоянии 200 или 300 ярдов обладала необходимой скоростью. Проблема оставалась в том, что существовали противоречия между британскими охотниками, жившими в колониях, и британскими оружейниками. Одни настаивали на усилении боя ружья при стрельбе на близкие расстояния, а вторые поощряли стрельбу на дальние дистанции и достижение точности попадания во что бы то ни стало.

Для охотников Южной Африки, испытывавших потребность в гладкоствольных или нарезных ружьях, оружейникам пришлось найти необычайно удачный компромисс, снабдив ружье длинным стволом, нарезанным прямыми желобками, которые достаточно удачно выпускали дробь или пулю. Такие

«кейптаунские» ружья выделялись среди прочих изделий относительно архаическим внешним видом с длинными стволами и сильно углубленным прикладом, похожим на ружья первых голландских поселенцев.

Пули и нарезы

Всегда существовавшее огромное разнообразие точек зрения по поводу идеальной формы нарезов ясно проявляется в анализе, опубликованном Хансом Буском в 1860 году, сделанном на основе обзора коллекции ружей, хранящихся в Музее артиллерии (сегодня – Музей армии) в Париже.

Из них триста одиннадцать экземпляров калибром 68, в случае высверливания отмечаются и экземпляры, превышающие данный калибр. У тридцати двух стволы не превышают в длину 19-50 дюймов. Длина ста шестидесяти семи от 19,5 до 39 дюймов. У девятнадцати прямые нарезы, у 321 наклонные, у 131 нарезы наклонены равномерно. В 81 система нарезов уменьшается от казенной части к дулу, в 29 меняется в том же самом направлении, но, не превышая 83 калибр, система нарезов меняется примерно к середине высверленной части.

В ружьях 67 калибра нарезы делались (например, Энфильдом) в один полуоборот или меньше от казенной части к дулу. В 219 нарезы делались от одной половины до полного оборота. В 55 от 1 до 2 полных поворотов. Двести двадцать шесть имеют одинаковое число нарезов, 117 нечетное. У семидесяти девяти имелось 2 до 6 нарезов, у 232 от 7 до 12 таковых.

Сто семьдесят пять имели нарезы с закругленными краями. У тридцати трех отмечались нарезы треугольной формы, у 9 – прямоугольные, у 26 вид нарезов неопределен. Двести девяносто шесть имели нарезы в 11 дюймов и меньшие в ширину. В 47 других нарезы оказались шире, чем 11 дюймов. Сто пятьдесят три имели нарезы шириной 0197 или меньше. Сто семьдесят девять обладали нарезками от 0197 до 0394 дюймов в ширину и у 14, нарезы были более 0394 дюймов шириной.

Буск отмечает, что не встречаются примеры по поводу проделывания нарезов, которые уменьшались по глубине или оказывались эллиптической или овальной формы.

Последняя разновидность определяется Бефуа как «очень старое изобретение, совершенно вышедшее из употребления в наше время». Согласимся с первой частью его заявления. Хранящееся сегодня в Лондонской оружейной башне охотничье ружье примерно 1700 года с кремневым замком, изготовленное Мартином Пельтье из Реймса, имеет нарез с двумя насечками, которые были сглажены, образуя овальное сечение.

В той же самой коллекции находится ружье примерно 1770 года, изготовленное И.Жераром из Порентри с каналом ствола овальной формы. В 1735 году русский оружейник Иоганн Георг Лейтман ратовал именно за такую форму нарезов. Вскоре после этого Бефуа так откровенно отверг овальную нарезку, что европейские оружейники снова начали экспериментировать с формой нарезов. Между 1834-1836 годами в армиях Ганновера, Брауншвейга и Великобритании ввели ружья овального калибра или с двумя насечками. Чтобы помочь при зарядке ружей, часто использовали шар с поясками, таким образом удавалось избегать деформации при стрельбе.

Хотя брауншвейгские ружья, как часто бывало в Британии, позже осудили как «неудачу», именно такой тип проделывания нарезов нашел своих яростных сторонников в охотничьих кругах того времени. Так в арсенале сэра Самуэля Уайта Бейкера, охотника и писателя, хранилось пять ружей с двумя

нарезами. О его авторитете среди специалистов говорит такой факт. Своеобразный дайджест анализа ружей, использованных Бейкером и описанных в его сочинениях, был опубликован Е.Н.Бакли в «Рекордах отстрела большой дичи».

Определенное суждение о некоторых особенностях ружья можно составить по внешнему виду самого большого из ружей, изготовленного в 1840 году Гиббсом из Бристоля, оно весило 21 фунт и стреляло трехунцевыми круглыми пулями или четырехунцевой конической пулей с зарядом в 16 драхм пороха. Коническая пуля с зарядом приблизительно в одну треть своего веса обладала удивительной проникающей силой, но нередко с ее помощью не удавалось свалить крупное животное. Однако с помощью круглой пули с пояском, как и следовало ожидать, можно было поразить любого, кто перемещался на четырех ногах, дважды удавалось убить двух бизонов с одного выстрела.

Принятие круглой пули с пояском несколькими европейскими армиями и многочисленными охотниками во время второй четверти XIX века привело к тому, что оружейники обратились к проблеме изменения формы пули, которая оставалась неизменной на протяжении последних пятисот лет. Конечно, отдельные испытания проводились и ранее.

На одном из многочисленных рисунков примерно 1505-1510 годов, оставленных Леонардо да Винчи, изображено нечто похожее на пулю цилиндрической формы с остроконечной передней частью и суженной к основанию. В 1687 году Исаак Ньютон в своей книге пишет, что тело цилиндрическо-конической формы создает меньшее сопротивление, проходя через жидкую среду. В другой книге, принадлежащей Робинсу и относящейся к 1742 году рекомендована яйцевидная или слегка заостренная пуля, центр тяжести которой расположен около передней части, рассчитывали, что она более точно достигнет желаемой траектории. Получив возможность экспериментировать, оружейники практически не ограничивали своих фантазий и изготавливали стволы для охотничьих ружей в виде трилистника, ромба или сердечка.

Все образцы изделий находятся в коллекциях европейских музеев, так ружья с колесцовыми замками, сделанные Андреа Нидхардом из Эльсинора в виде клевера и лапчатки - в Копенгагене, ружья с колесцовыми замками с секциями в виде сердечка, произведенные Якобом Вальстером примерно в 1760 году в Королевской коллекции оружия в Виндзорском замке. Те, что сделаны Филиппом Хессом, в Баварском национальном музее в Мюнхене.

В 1823 году британский офицер капитан Джон Нортон представил удлиненную пулю, составлявшую примерно четыре дюйма в длину, предназначенную для мушкета. Выглядела она следующим образом: нижняя часть содержала заряд, который имел выступавшее основание, чтобы плотно входить в канал ствола, конец был заряжен взрывной головкой. Сложность заключалось в том, чтобы добиться удара пули именно передней частью. Полагают, что свою идею Нортон заимствовал от духовой трубки, использовавшейся коренным населением южной Индии, которые выпускали стрелу с выдающимся основанием в виде лотоса, предварительно просмоленного.

Теперь поиск более эффективной формы пули соединился с желанием военных создать пулю, которую можно было легко загнать в ствол с нарезами. В то же время она должна была точно прилегать к каналу ствола, чтобы избежать прорыва газов во время выстрела, таким образом скорость перезарядки мушкета соединялась с точностью боя. Капитан Густав Дельвинь (в 1826 году) и полковник Луи Тувенен предложили так называемое стержневое ружье: продолговатая свинцовая пуля калибром в 7 линий,

ложилась своим основанием на стержень, ввинченный в дно канала. Сильными ударами шомпола пуля осаживалась на стержень, который производил ее расширение, достаточное для заполнения нарезов ствола. В 50-х годах капитан Клод Минье усовершенствовал эту систему, настолько упростив зарядание нарезного ружья, что им вооружили всю пехоту. Пуля Минье имеет сзади коническую выемку, в которую вставляется коническая, железная чашечка, не доходящая до дна выемки; при выстреле чашечка, будучи значительно легче пули, получает большее ускорение и доходит до дна выемки, расширяя пулю и вгоняя ее в нарезы.

В пуле яйцевидной формы, придуманной Гринером и запатентованной в 1849 году, расширение достигалось с помощью определенной формы затычки, которую помещали в основание пули. Пули Минье широко использовались во время Крымской войны (1854-1855), но в охотничьих ружьях его пуля использовалась редко, только в ружьях специально под нее изготовленных. Яйцевидную пулю вытеснили полые в основании снаряды, изготовленные Дельвином и Джеймсом Бартом в Арсенале Харпер Ферри.

Продолжались и эксперименты, связанные с поиском достижения большей точности на дальних расстояниях, тогда пули удлиннили, калибры постепенно уменьшили. После нескольких лет испытаний в Индии генерал Джон Джакоб разработал двуствольное ружье, из которого можно было стрелять коническими оболочечными пулями на расстояние до 2000 ярдов. Быстрая пуля в форме головки сахара прекрасно соответствовала потребностям охотничьего мира, Парди из Лондона смог приспособить эту модель к очень эффективному ружью, которое он успешно позиционировал и производил. Овальной формы калибр возродили соответственно в Дании Н.С.Йессен и Чарльз Ланкастер в Англии.

Разработанная инженером Джозефом Уитфордом шестиугольная форма ствола и пули произвела огромное впечатление на охотничье сообщество, стремившееся во что бы то ни стало попасть в мишень. Вскоре под патронажем Британского правительства появилась модель ружья Энфильда, попадавшая на расстояние, превышавшее 1000 ярдов. На расстоянии в 500 ярдов ряд пуль ложился в 12 дюймовый круг. Такие возможности казались одинаково привлекательными как воину, так и торговцу.

Когда имели дело с ружьями Витворта, и один резкий поворот обеспечивал поворот на 20 дюймов, то создавался такая высокая траектория, что пуля поднималась на несколько дюймов выше линии стрельбы на каждые 100 ярдов. Хотя многие охотники обладали острым зрением, все же они редко стреляли больше, чем на 150 ярдов, и даже при выстреле в большое животное нуждались в точном прицеле, чтобы нанести смертельный удар (рисунок 112). В сообщении от 23 марта 1861 году Самуэль Бейкер подтверждает эти данные.

Часто они не могли точно определять расстояние, в то время как отклонение в несколько дюймов могло быть критичным. В «Охотничьем ружье» (1863) лейтенант Джеймс Форсайт заявляет, что на самом деле охотники нуждались в ружье для горизонтальной стрельбы. Для них достаточна максимальная дальность 150-200 ярдов, для чего вполне подходит ружье 14 калибра с неглубокими широкими нарезами, делавшими поворот на один оборот на 12 футов.

Доказывая свою точку зрения, что ружье с самым длинным радиусом действия не всегда дает горизонтальную стрельбу, Форсайт даже приводит специальную таблицу. Одновременно он подчеркивает преимущества сохранения старой сферической формы пули:

Крайнее	Тип пули	Размер Изгиб			Размер Точка		
		I поворот внутрь			Пустое Линия ярды	Точное Линия ярды	
		Футов дюймы					
	Витворт Генри или другие небольшие калибры	50	от 1 до	8 до	2,5	до 30	1200
	пикет Джекоба		2	6	3	40	
1000			32	2	6	2,5	35
	летающий шар с 2 насечками						
	шар Парди	32	6	0	3	60	350
	полый конус Энфильда	24	6	6	2,5	40	500
	Плоский шар	14	8	8	3,5	70	250
		14	12	0	5	95	200

Если учесть многочисленные технические испытания, которые имели место в его время, то рекомендации Форсайта могут показаться шагом назад. Но он напоминает своим читателям, что аборигены Индии, вооруженные длинными гладкоствольными ружьями, стреляя с близкого расстояния, обычно убивали с одного выстрела, в то время как многие европейские охотники, использовавшие лучшие ружья, имевшиеся в их распоряжении, оказывались не такими удачливыми.

Руководствуясь теми же самыми причинами, конные охотники на бизонов в Северной Америке в пятидесятых годах XIX века часто предпочитали гладкоствольными ружья нарезным. Вот как описывает охоту путешественник Рудольф Куртц:

«Во время охоты на бизонов они [охотники] не берут нарезные ружья, ибо считают, что их перезарядка займет слишком много времени, что оказывается совсем ненужным при стрельбе на близкие расстояния, более того, они находят пули слишком маленькими. Обычно охотник преследует бизона, пустив лошадь вскачь со всей силы, разряжая и заряжая свои ружья с удивительной скоростью. Происходит все следующим образом: охотник держит свое ружье как можно ближе, согнув левую руку.

Взяв пороховницу, сделанную из рога, он вытаскивает зубами затычку, прикрепленную к пороховнице, чтобы порох не рассыпался, встряхивает, насыпает необходимое количество пороха в левую ладонь и снова закрывает пороховницу. Затем хватает ружье правой рукой, удерживая его в вертикальном положении, всыпает порох в ствол и встряхивает ружье левой рукой, стремясь пропихнуть порох через отверстие капсюля к запальной полке. Охотники в этих местах [речь идет о форте Унион, расположенном вблизи устья Йеллоустона] не используют ударные капсюли как непрактичные.

Совершив все указанные действия, охотник левой рукой вынимает пулю изо рта, и помещает ее в ствол. Охотники приближаются к бизонам так близко, что им даже не нужно прицеливаться, легко подняв ружье двумя руками, они направляют его в область сердца животного и стреляют».

В первой половине XIX века, пока ударный замок вытеснял кремневый, а ствол и пули подвергались постоянной модернизации, ствол и механика охотничьих нарезных ружей упрощаются, а декоративная отделка сводится до минимума, раньше этот процесс произошел с дробовыми ружьями.

Однако в Америке встречаются несколько интересных разработок. Укажем на длинное пенсильванское ружье небольшого калибра со сверленным стволом, продолжавшее оставаться эталонным для жителей восточного побережья, охотившихся на небольшую дичь в лесистой местности, в основном преследовавших ее пешком.

Когда Дикий Запад открылся для поселенцев, и охотники начали перемещаться верхом на длинные дистанции, во время поездок они часто встречались с крупной дичью, бизонами и медведем гризли. Тогда длинный ствол, оказавшийся помехой во время движения на лошади, укоротили, доведя его до 28 и в ряде случаев до 38 дюймов, калибр также изменили, в среднем он стал составлять от 0,50 до 0,55 дюймов. Одновременно приклад укрепили, чтобы в использовать более тяжелый заряд, усилили и ствол, обычно составлявший половину длины.

Все изменения привели к увеличению веса вплоть до 12-15 футов. Известные современникам как «горные ружья» или «ружья Хокинса» (искаженное имя братьев Хокен, прославленных оружейников из Сент-Луиса), сегодня известны как «прямые ружья» (таблица 102).

Ружья, заряжавшиеся с казенной части

Длинные и короткие ружья, переделанные на ударные замки, оставались популярными примерно вплоть до 1860 года. К этому времени быстро набрали обороты казнозарядные ружья. Магазиные Генри и Винчестера стреляли пистолетными пулями. Причем с поразительной скоростью, так Винчестер заявлял, что его модель 1876 года стреляет со скоростью в два выстрела в секунду. Но калибр и вес пули в основном были приспособлены для мелкой дичи.

Обычно бизонов предпочитали преследовать с помощью мощных однозарядных ружей типа Шарпа (вклейка 127). Впервые шарпы стали популярны, когда еще продолжали использовать бумажные или льняные патроны вместе с отдельным ударным капсюлем. После американской Гражданской войны шарпы наряду с ружьями других фирм переделывали, подстраивая их под металлические патроны различных калибров.

Самая типичная модель шарпа, предназначенная для охоты на буйволов, весившая 16 футов и имевшая ствол 32 калибра, была устроена таким образом, что в ней размещался длинный патрон с зернистым порохом и 550-грановая пуля 45 калибра (таким образом, параметры оказывались следующими: 45-120-550).

Отметим и другие мощные ружья, способные выпускать тяжелую пулю на длинные расстояния: однозарядные балларды, стивенсы и винчестеры. Самый известный из профессиональных охотников на бизонов Уильям Годи или Билл бизон использовал ружье Спрингфилда и выиграл мировой Чемпионат по стрельбе на бизонов в 1867 году.

Генерал Кастер оказался одним из тех, кто отдавал предпочтение однозарядному ружью Ремингтона. В 1873 году он проинформировал изготовителей, что с помощью их 50-калибровой модели ему удалось убить антилопу на расстоянии в 630 ярдов.

Конечно, действие таких мощных новых ружей приносило значительные опустошения в животном мире. Так бизон, один из самых часто встречавшихся крупных животных, страдал от всяческих разновидностей личного оружия (пистолетов, гладкоствольных ружей, однозарядных и многозарядных ружей) до тех пор, пока не был полностью уничтожен.

В Европе в девяностые годы XIX века постепенно начинают распространяться ружья, заряжавшиеся с казенной части. Так ревностный сторонник сферической пули Джеймс Форсайт заканчивает свою книгу «Спортивное ружье» в 1863 году постскриптумом, в котором рекомендует локфастовскую систему зарядки с казенной части, правда, продолжая настаивать на том, что более удобна круглая пуля. Заметим, что многие охотники из колоний соглашались с Форсайтом.

И в 1883 году, во втором издании «Большая и мелкая дичь в Бенгалии и северо-западных провинциях Индии» капитан Дж.Х.Болдуин по-прежнему ратует за ружье, заряжавшееся с казенной части, использование ружья Форсайта и сферической пули.

В Англии одним из ревностных сторонников охоты оказался принц Альберт. В королевской коллекции в Виндзоре хранится обширная коллекция его ружей, куда входят короткие, заряжавшиеся с дула патронные ружья, а также мощные первые патронные ружья. На прикладах некоторых ружей Альберт запечатлел в виде серебряных точек число выстрелов, сделанных им в течение года (вклейка 118). Кроме того, он ввел множество континентальных обычаев и поощрял многих консервативно настроенных охотников, стреляя сам в черном вельветовом жакете, надев длинные ботинки из ярко-алой кожи.

Прекрасно осведомленный в технических вопросах, принц Альберт тесно сотрудничал с испытаниями, проводившимися Энфилдом и Витвортом. После них он писал в 1861 году лорду Балморалу, рекомендуя использовать для кавалерии карабин Вестли Ричардса: «Мы испытали его здесь на оленя, и нашли, что он необычайно хорош. В этот год я почти все время стрелял из ланкастерского ружья, заряжающегося с казенной части (подарок королевы) и признаю, что его преимущества в сто раз превосходят ружья с дульной зарядкой, и я их не использую»...

В этот период параллельно со своими американскими коллегами английские оружейники пытались использовать металлические патроны, чтобы изменить мощность заряда. Осуществляя задуманное, они стали рассверливать патронник шире ствола. В шестидесятых и семидесятых годах XIX века разработали сильные, производившие однозарядные ружья, заряжавшиеся казенной части изделия. У некоторых был рычажный механизм, наподобие тех, что изготавливали Джон Фергюссон, Александр Генри и Уинсли Ричард (вклейки 132-134). Они приспособивались к длинным охотничьим патронам и вскоре заполнили рынок боеприпасов.

В начале 1856 года лондонский мастер Парди сравнил свое последнее необычайно мощное ружье с поездом – экспрессом, и вскоре термин «экспресс» вошел в употребление для обозначения всех ружей, обладающих высокой скоростью. В 1883 году на полевых испытаниях, проведенных в Патни близ Лондона, в стрельбе на 150 ярдов выиграло двуствольное ружье 45 калибра компании Голланд и Голланд со средним отклонением от траектории всего лишь в 1,45 дюйма. В высшей точке траектории пуля поднималась только на 4,68 дюйма.

Изобретение в девяностые годы XIX века бездымных порохов стимулировало оружейников еще больше увеличить скорость ружей. Вскоре оказалось возможным создать ружье для охоты на оленей 303 калибра, которое нуждалось только в одном прицеле для стрельбы на расстояние в 300 ярдов,

настолько плоской была траектория полета его пули. Из небольших ружей, предназначенных для охоты на грачей и кроликов, можно было попасть в монету полкроны на расстоянии в 50 ярдов. Почти во всех ружьях использовались цилиндрическо-конические пули с покрытием из сплава.

Однако сохранялась потребность в ружье, стреляющем на короткое расстояние массивной пулей с большим проникающим действием, чтобы произвести значительные разрушения. С поставленной задачей удалось справиться 600 калибровому нитро-экспрессу, но такое тяжелое ружье подходило далеко не каждому. В 1885 году некий Дж.В.Фосбери получил английский патент на гладкоствольное ружье с нарезной дульной частью ствола. Их стали выпускать под разными названиями: «Парадокс», «Голиндиан» и «Космос», они позволяли охотников стрелять дробью или большими пулями из одного ствола.

Пуля для «парадокса» и короткого ружья делалась распространенного размера, ее калибр варьировался от 10 до 20. Это было легкое сдвоенное ружье, которое выглядело как обычный дробовик, позволявший охотнику (и здесь воспользуемся рекламным определением) «произвести смертельный выстрел в тигра с такой же легкостью и уверенностью, как и в несущегося зайца». Хотя в компании Холанд и Холанд изготовили нитро модель этого комбинированного ружья с радиусом действия до 300 ярдов, однако на практике из него было трудно попасть в цель, находящуюся на расстоянии свыше 150 ярдов.

Описанное нами двойное ружье получило особенно широкое распространение в Южной Африке. Одноствольные капские ружья с кремневыми замками ступили место двуствольным ружьям с одним гладким и одним нарезным стволом. После появления металлического патрона такие оружейники как У.У.Гринер начали изготавливать ружья, стрелявшие дробовым патроном 12 калибра или солидной 480 граммовой пулей на расстояние до 700 ярдов. Такое двуствольное ружье отличалось солидным весом, составлявшим более 9 фунтов. Для тех охотников, кто предпочитал более легкие разновидности, оставалась лондонская фирма С.У.Сильвера, получившая патент за ружье под названием «трансвааль», с механизмом Мартини и сменными нарезным или гладким, стволом, предназначавшимися для разных боеприпасов.

После 1900 года производители стремились создавать мощные и долговечные стволы невысокой стоимости. Применение металлических патронов скорострельность ружей перешла на новый уровень благодаря использованию самозарядных систем и магазинов Маузера, обеспечивавших надежное перезарядание. С помощью телескопических прицелов удавалось достичь точной стрельбы на безопасном расстоянии от цели. Однако все эти задачи удалось выполнить только к концу XIX столетия.

Лучше всего смертоносные возможности ручного огнестрельного оружия подтверждает официальный список дичи, отстреленной в Австрии в 1892 году:

рыжий олень	12385
лань	2788
косуля	68110
серна	8144
дикий кабан	3509
зайцы	1309688
кролики	95803
сурки	647
медведи	33
волки	69

рыси	31
лисицы	26553
городские ласточки	11281
Хорьки черные	30668
Водяные выдры	1267
Глухарь	5143
Тетерева	9458
Рябчик	10851
Белые куропатки	2075
Фазаны	141264
(Серые) куропатки	1036836
Перепела	94995
Вальдшнепы	26057
Бекасы	14756
Дикие гуси	1245
Дикие утки	52440
Орлы	510
Соколы, канюки, ястребы	101960
Совы	30855

Длинноствольные ружья

Большие ружья всегда вызывали особый восторг у охотников. Приобретенная просто из желания иметь нечто большее по размерам и лучшее по качеству, чем у соседа, престижная игрушка не только привлекала, но и требовала особых навыков обращения.

В первые дни бытования ружей искренне верили в то, что дальность выстрела зависит от длины ружья, отчасти это было верно, не приходится отрицать, чем большим оказывался калибр ружья, тем большую дичь удавалось поразить, от диаметра отверстия зависело и количество. До наступления тех дней, когда охотник стреляли в летящих птиц, вид огромных стай, кормящихся на земле, недостижимых для стрельбы из обычного ружья, оказывался достаточным, чтобы побудить большую часть охотников купить оружие, с помощью которого можно было попасть в столь привлекательную мишень.

Иногда даже не удерживались и начинали использовать «ружья на тележках», появившиеся еще в XV веке как одна из форм легкой артиллерии. Они заряжались с казенной части и стреляли зарядом до фунта весом, обычно их устанавливали по одному или попарно на двухколесные крытые повозки. В изданном 19 октября 1456 года шотландском акте предписывалось «баронам, которые владели обширными землями, поставить для военных действия двухколесные тележки, в каждой из которых должно было находиться два ружья, два патронных ящика и остальное соответствующее оборудование, кроме того, следовало выделить человека, умеющего стрелять из этого оружия».

Множество часть таких тележек использовал Генрих VIII во время осады Булони в 1544 году. Их изображение встречается в книге «Военные древности» Ф.Гроуза. С ними легко управлялись и местные жители, поэтому уже в начале 1514 года на одном из фламандских плакатов содержался призыв, запрещавший населению использовать «пищаль» для охоты на красную и черную дичь (оленей и диких кабанов), зайцев, кроликов, куропаток, фазанов, цапель и другую дикую птицу. Позже словом «пищаль» стали обозначать длинную пушку, но упоминавшиеся в данном контексте ружья, скорее всего, по длине совпадали

примерно с величиной настенных ружей. Немного подробнее о том же говорится на последующих страницах.

Первые длинные ружья появились в начале XVII века. Один из ранних образцов, представленный в Музее Кертиса в Олтоне, имеет общую длину в 6 футов и 4 дюйма, пятифутовый ствол диаметром более 0,5 дюймов или приблизительно 24 калибра. В стандартной комплектации ружье имело кремневый замок «английского» типа с собачкой, датируемый приблизительно 1620-1640 годами.

Из такого ружья можно было стрелять практически всеми видами снарядов, и небольшими, и рядом маленьких пуль или одной пулей примерно на расстояние в 100-200 ярдов. Во время стрельбы его следовало установить на какую-нибудь подставку, так что необходимости его можно было использовать и в наступательном бою, и при атаке укрепленных позиций. Вот что писала во времена осады Бейсинг Хауса газета «Городской Скаут» от 11 октября 1644 года:

«Генерал-лейтенант Кромвель продолжает успешно и последовательно выступать против защитников Бейсинга, они же настроены так решительно, что готовы сражаться до последнего. Все они являются выдающимися стрелками и с помощью своих длинных ружей могут разнести полголовы любого».

В 1621 году Эдвард Винслоу из Плимута, штат Массачусетс, писал домой будущим эмигрантам, давая им советы по поводу снаряжения, которое могло им пригодиться в Новом Свете. Вот что он писал по поводу ружей: «Возьмите длинноствольные ружья и не обращайте внимания на их вес, поскольку в большинстве случаев стрельба ведется с подставки».

На следующий год один из колонистов по имени Джон Томпсон привез в Америку ружье длиной примерно в семь футов. Сохранилось и его оружие, и то, что принадлежало Джону Форбсу, который поселился в Западном Хартфорте в Коннектикуте в 1640 году. Такие длинноствольные ружья широко использовались жителями долины реки Гудзон в штате Нью-Йорк, где каждый год наблюдались мощные миграции гусей и уток.

В Англии о максимальной длине использовавшихся некоторыми охотниками ружей можно судить из определения охотничьего ружья, данного Рендаллом Холмом в своей «Академии оружия» в 1688 году:

«Охотничье ружье может иметь длину ствола от ярда с четвертью до 7 футов или двух с половиной ярдов. Обычно ствол меньше обычного калибра».

С достигавшими 8 футов в длину (вклейка 93) ружьями возникали транспортные проблемы, когда не удавалось поохотиться поблизости от города, возникла необходимость в приспособлении для перевозки ружей. На рисунке в книге Г.Ф. фон Флеминга «Полное руководство по охоте», опубликованной в 1724 году представлено большое «тележное ружье» для охоты на уток с фитильным замком и лафетом.

В XVIII веке стенное или окопное ружье стало использоваться во многих армиях. В «Мечтаниях» 1757 года маршал Сакс ратует за данное оружие, которое он называет «забавным». В 1761 году в «Ежегодном журнале» сообщалось об одном из подобных изделий, стрелявшим шаром в 0,5 фунта на расстояние в 800 ярдов во время испытаний в Дублине.

В качестве крепостного оружия оно активно использовалось обеими сторонами во время Американской войны за независимость. Генерал Чарльз Ли подтверждает эффективность этих ружей в письме Джорджу Вашингтону от 10 мая 1776 года: «Я также использую четырехунцевые ружья, которые могут выстрелить на невероятное расстояние, поскольку двухунцевое ружье попадает в половину листа бумаги на расстоянии в 500 ярдов».

Для тех охотников, которые собирались атаковать большую дичь с безопасного расстояния или попасть в птицу, летевшую под облаками, также требовались соответствующие ружья. В большинстве больших королевских арсеналов Европы в охотничьи разделы входило несколько крупных ружей с колесцовыми замками. Одним из самых причудливых изделий считается огромное пневмическое ружье, напоминающее небольшое полевое ружье, которое мастер Иосиф Галлермейер изготовил для герцога Максимилиана III в 1763 году для его охотничьего домика, находившегося в Нимфенбурге близ Мюнхена.

В 1804 году Георг IV, тогда еще Принц Уэльский, купил огромное семиствольное ружье у лондонского оружейника Иезекии Бейкера за 31 фунт 10 шиллингов. Оно представляло собой копию семиствольного ружья для охоты на гусей, вошедшего в моду после принятия таких ружей на вооружение британского флота в 1799 году. Неясно, что собирался делать с ним принц, отражать нападения на свой дом, Карлтон Хаус или охотиться на оленей в Виндзорском большом парке. В 1808 году его установили на подставку, и сейчас это ружье находится в Виндзорском замке.

Одним из самых яростных сторонников крупных ружей оказался полковник Питер Хокер. В своих «Инструкциях юному охотнику» (девятое издание вышло в 1844 году) он посвятил главу «Артиллерия для охоты». Именно он ввел повозку с колесами и сиденьем, на котором должен был сидеть охотник, чтобы не слишком отклоняться назад при сильной отдаче (рисунок 116).

Размещавшаяся в передней части горизонтальная перекладина, предназначалась для закрепления ветвей или кустов, маскировавших охотника. Для «скрытого приближения» к дичи Хокер разработал машину, выглядевшую как лодка на колесах, в которой охотник лежал под маскирующим его прикрытием. Хокер дает выразительные рисунки маскировочных сетей из мешковины с прикрепленным к ней кустарником. Но кому – то ведь приходилось выводить тележку с тяжелой ношей на позицию. Сам Хокер замечал по этому поводу: «Хотелось бы увидеть человека, которые изобретет приспособление для размещения ружья на подставке на мягкой земле».

Поскольку крупные ружья оказывались достаточно тяжелыми, и их было сложно перевозить, сохранились немногочисленные упоминания об их использовании. Однако Джон Аткинсон в «Полевой охоте за границей» (Лондон, 1814) описывает охоту на слона, во время которой охотник использовал «большое фитильное ружье на лафете», весившее 30 фунтов. С его помощью удалось убить с первого выстрела слона, попав прямо в середину его черепа. Другому слону не так повезло, в него выстрелили шестнадцать раз, пока его «внутренности не облились кровью». И все же ему удалось убежать.

Ливсон, видевший гораздо больше других и знавший о множестве других технологий, дает в «Записках старого Бродяги» эскиз тележки похожей на ту, что использовал Хокер во время своей службы в центральной Африке, но его ружье предназначалось не для птицы, а для «человека или зверя». Его сконструировал Генри Холланд, и оно оказалось относительно небольшим по длине, его заряжали пороховым составом весом в 12 грамм и стреляли цилиндрическо-конической пулей, весившей 1, 5 фута.

Как отмечает Ливсон, ружье легко было транспортировать по любой местности вместе с вигвамом и боеприпасами или разобрать на части и перевозить упакованным на одном муле. Его владельцы прозвали ружье «Сплетником» или «Прикольным», поскольку, несмотря на утверждения

изобретателя, никому из тех, кто его использовал, не удалось прославиться своими охотничьими подвигами.

Возможно, самым известным из всех охотников оказался сэр Самуэль Уйтер Бейкер, который взял с собой в экспедицию по Нилу одноствольное ружье, изготовленное компанией Холланд и Холланд, весом 20 фунтов и стрелявшее полфунтовой пулей с зарядом в 12 драхм. Хозяин называл его «малышкой», а арабы прозвали «дитя пушки», поскольку оно никогда их не подводило, но, к сожалению, каждый раз отбрасывало охотника назад как «флюгер в ураган».

Ружья для стрельбы с лодок

Громоздкие крупные ружья было достаточно сложно использовать на земле, но при охоте на воде все было по-другому. Повсеместно вдоль побережья Британии, куда ни кинь взгляд, встречались прибрежные эстуарии или болотистые низины с множеством заливчиков буквально кишевших дикими птицами, манящими к себе тех охотников, кто сумел бы до них добраться.

Начиная с XVII века, эти места стали излюбленным местом охоты с длинноствольными ружьями, использовавшимися на земле. Чтобы сохранить маневренность, охотники на дичь размещали их на любых средствах передвижения по воде от небольших лодок, гребных шлюпок, плоскодонных яликов и каноэ. Специально для такой разновидности охоты оружейники разработали две группы ружей, которые для многих стали единственным средством добычи пропитания. Из них можно было стрелять как с плеча, так и используя любую временную подпорку.

Учитывая их вес, приходится только удивляться, как некоторым охотникам удавалось с ними справляться. Хокер рассказывает, что одно ружье для охоты на уток, изготовленное Джо Ментоном и весившее 19 фунтов оказалось настолько хорошо сбалансированным, что ему удалось убить двух чибисов и двух стрижей на лету, выпустив пять одиночных выстрелов. Используя другое тяжелое ружье для охоты на уток, он сбил вниз лесного голубя, летевшего у него над головой на высоте «никак не меньше 120 ярдов».

Для охоты с таким ружьем подходила любая лодка, способная преодолеть узкие каналы и обладавшая устойчивостью в постоянно накатывавших морских волнах. Однако большие ударные ружья со стволами от 7 до 10 футов длиной и весившие порядка 200 фунтов требовали особого обхождения.

Первые ружья для плоскодонок обычно поддерживались опорой, установленной на носу лодки, а маленькие приклады имели упоры, смягченные подушкой из дерюги или соломы. Обычно охотники лежал ничком на дне плоскодонки, упираясь ногами в боковые стороны, так что отдача распределялась более или менее равномерно, и после выстрела лодка просто отодвигалась обратно по воде.

Ружья для стрельбы с лодок XVII и XVIII веков редко имели калибр, который встречался в великие дни Питера Хокера и его предшественников, обычно он колебался от полдюйма до дюйма. Ружья стреляли дробовым зарядом примерно 1,5-1 фунта за раз на расстояние в 50-100 ярдов.

В начале XIX века джентльмены-охотники, равно как и профессиональные охотники, обратили свое внимание на оружие для стрельбы с плоскодонок. В 1814 году Питер Хокер опубликовал первое издание «Наставлений для начинающего охотника». Помимо всего прочего он считался фанатом охоты на пернатую дичь, поэтому отдавал особое предпочтение оружию для

плоскодонок, изобретая различные усовершенствования то для самих ружей, то для гарнитуры, то для плоскодонок и даже для тележек, с помощью которых плоскодонки доставлялись к воде.

Но если говорить серьезно, то одной из главных проблем, связанных с ружьями для плоскодонок, оказался контроль за отдачей. Обычно отдачу гасили, привязывая ложе ружья веревкой к носу лодки, тогда стрелок получал относительную свободу движений, ибо дульная часть ствола опиралась на пиллерс (опорный столбик). По другому способу в середине ружья прикреплялось к специальной поворотной опоре, так что стрелок мог перемещаться внутри лодки, а отдача гасилась движением самой лодки. Когда охотники, стремившиеся поражать дичь на больших расстояниях от лодки, увеличили массу порохового заряда, доведя ее до двух фунтов, отдача стала такой сильной, что могла привести к серьезным последствиям и для лодки и для охотника.

Тогда в 1824 году Хокер изобрел вертлюг, шарнирное приспособление, в котором большая часть силы отдачи поглощалась амортизирующим спиральным рычагом, вскоре его механизм Хокера стал стандартной частью оснащения большинства ружей, использовавшихся на плоскодонках.

В своих «Наставлениях» (девятое издание вышло в 1844 году) Хокер описывает множество разновидностей лодок, использовавшихся для охоты. Среди них отмечаются плоскодонки для одного или двух человек, каноэ длиной от 15 до 25 футов. Самой популярной оказалась плоскодонка, рассчитанная на двух человек, она легко управлялась с помощью весел, причем можно было грести и обычными, и парными веслами и устанавливать ее на позицию с помощью шеста.

Происходило все следующим образом. Находившийся спереди стрелок справлялся с оружием, в то время как его компаньон стремился удержать лодку в неподвижном состоянии, установив ее в нужную позицию. Если использовали плоскодонку, рассчитанную на одного человека, то ружье часто укрепляли неподвижно, перемещая лодку, стрелок наводил ружье на цель.

Во время всех перемещений стрелки стремились пригнуться как можно ниже, иногда они надевали специальную маскировочную одежду, чтобы незаметно подобраться как можно ближе к птицам. Некоторые, совершенно удивительные лодки, конструировались таким образом, чтобы могли перемещаться по илу. Напомним, что во время отливов иногда оказывалось проще и быстрее приблизиться к стае дичи, перебравшись через илистые берега, чем пробираться к морю извилистым маршрутом и затем подкрадываться к птицам по открытой воде.

Переноса обыкновенное оружие для охоты на дичь, охотники обычно пересекали илистые участки с помощью «илистых галош» или «мокроступов», тонких деревянных дощечек примерно в 18 дюймов квадратной формы, прикреплявшихся на ноги наподобие лыжных ботинок. Генри Алкину удалось написать акватинту, на которой он запечатлел забавную сценку, изобразив охотника в таких приспособлениях застигнутого приливом.

Если такая «хемпширская плоскодонка» легко маневрировала в чистой воде, то в илистой местности, да к тому же с сидящим в ней охотником с ружьем, она оказывалась слишком тяжелой. Охотнику приходилось вылезать из лодки и двигаться за ней, проталкивая ее вперед изо всех сил. Гораздо легче передвигаться можно было на «сассекской лодке для ила», напоминавшей небольшое каноэ, так что для передвижения в трудных условиях охотник становился на одно колено, толкая свою лодку другой ногой, на которую надевал специальный «мокроступ». Приблизившись к цели, он ложился в лодку и начинал толкать ее последние несколько ярдов небольшими веслами, похожими на лопатки. Еще одно приспособление, применявшееся не только на илистых

участках, но и на моховых болотах, представляло собой всего лишь легкие деревянные санки, позволявшие перевозить ружье и дать опору охотнику, оказывавшемуся в воде при приближении прилива. Большинство читателей охотно соглашались с Хокером, заявлявшим: «Я не могу даже представить, что большинство охотников когда-либо думали о том, чтобы принять данную методику».

Когда Хокер начал писать и экспериментировать, во время охоты с лодок продолжали использовать заряжавшиеся с дульной части ружья, стрелявшие с помощью кремневого замка, что было страшно неудобно. Чтобы зарядить длинный ствол, в него надо было засыпать порох посредством специальной мерной лопатки. Очевидно, что это было нелегко сделать, равно, как и ввести затем пыж и пулю, а также насыпать порох на запал, а тем более выполнить эти операции в качающейся лодке.

Понятно, что ружья с кремневыми замками, обладавшие несколько большей защищенностью от воды, не вызывали столько проблем при зарядании, хотя вначале различные типы детонирующих замков не были встречены восторженно. Когда стали вводить ружья, заряжавшиеся с казенной части и патронные, то легкость зарядки с помощью патрона вскоре привела к тому, что даже традиционно консервативно настроенные охотники стали отдавать предпочтение именно им. Для стрельбы с лодок мастера стали делать различные типы казнозарядных ружей, например, Снидер сделал винтовой затвор и специальный выбрасыватель (рис.121).

Из некоторых ружей для лодок удавалось эффективно стрелять на 200 ярдов, во время опытных стрельб Хокеру удавалось добиваться и попадания на 300 ярдов, однако оптимальный результат достигался на расстоянии в 100 ярдов. И сегодня, даже имея в распоряжении самые современные ружья, редко добиваются таких же итогов. Необходимые для плоскодонных ружей большие массы дроби и вес заряда иногда приводили к массовым забоям дичи. И тогда море буквально усеивалось дюжинами мертвых и раненых птиц, последние обычно приканчивались на близком расстоянии ударом специальной колотушки (рисунок 120).

Вот как описывает один день «хорошей охоты» на побережье Голландии 22 октября 1889 года сэр Ральф Пейн-Галвей:

«Сегодня мы отправились в плавание в 12 часов, и к трем часам я выстрелил четыре раза. Я убил за эти четыре выстрела не менее 132 диких утки! За каждый раз соответственно 33, 14, 40 и 45 штук! Несомненно, третий выстрел был самым лучшим из тех, что были у меня, и, если бы я целился лучше, то мог бы попасть 80 раз из 100! Когда я стрелял в этот раз, то сотни уток сидели так плотно, что между ними нельзя было протянуть и нитку, казалось, что они покрывают половину акра земли.

Я подошел к ним на расстояние в 50 ярдов, и они сидели большой кучей на широкой песчаной отмели. И это был (хотя я отвратительно его организовал) лучший охотничий день такого рода, о котором мне лично доводилось видеть или слышать за последнее время! За три выстрела я убил 119 уток! Второй выстрел кажется мне не таким значительным, но факт остается фактом, я сбил 25 птиц из 30 во время него, правда, проделав это, я не задержался и не стал собирать их из-за великолепного выстрела №3, что проделал на расстоянии в четверть мили. А также потому, что Гуд следовал за мной в другой лодке, чтобы подбирать тех, кого я не убивал, а только задевал.

Сделал свой последний выстрел, третий по счету, я увидел новое скопление уток на расстоянии в нескольких сотен ярдов. И я тотчас туда отправился и свалил 45! К тому же времени, как я вернулся к месту моего второго

выстрела, много птиц уже было унесено отливом. Я испытал сложное состояние восторга и усталости от тяжелого труда, кроме того, когда торжествующе оглядывался вокруг, то я чувствовал (и это ощущение преобладало), что убил больше птиц, чем делал раньше».

Похожим образом охоту в плоскодонке как самое лучшее развлечение, сравнимое с поеданием самого вкусного пирожного, описывает Х.С.Фолкард объясняя, как можно свалить одним выстрелом шестьдесят уток из ста.

Конечно, не всякому так везло. Иногда погода подстраивала охотнику всяческие сюрпризы, море всячески вращало его «скорлупку», так что нередко охотник возвращался из тяжелой поездки с пустыми руками. Часто рассказывали и о том, как ружье взрывалось в руках охотника. Так в своих дневниках в записи от 19 февраля 1818 года Хокер описывает, как его ружье буквально разлетелось на куски, и он загорелся, поскольку в его карманах оставался порох.

Однако охотников трудно было насытить, и сам Хокер, и Пейн-Галвей к зависти своих современников, являлись обладателями двуствольных ружей для стрельбы с лодок. Сегодня оружие Хокера находится в Музее Бирмингемской пробирной палаты. Оно выглядит следующим образом: один ствол стрелял с помощью кремневого замка, другой ударным способом. Идея заключалась в том, что, поскольку кремневый замок работал медленнее, заряд из этого ствола вылетал немного позже, чем у его «напарника».

Следовательно, из одного ствола удавалось поразить птиц, сидевших на воде, с помощью второго – тех, что поднимались, расправив крылья. Другой охотник, использовавший плоскодонку, одновременно являвшийся и писателем, Льюис Клемент, предпочитал двустволки с горизонтально вытянутыми эллиптическими стволами, таким образом добиваясь лучшего разлета дробы над водой.

Методика охоты на плоскодонках мало чем отличалась в разных частях мира, интересно заметить, что китайские охотники также предпочитали двуствольные ружья. По форме они представляли собой весьма грубую конструкцию и стреляли с помощью медленного запального фитиля. Поскольку последний часто пугал птиц, китайцы часто загибали один ствол, добиваясь того же эффекта, что от действия ружья типа оружия Хокера.

Чтобы избежать возможности промаха на длинные расстояния специально изготовили семи ствольное шарнирное ружье (рисунок 121), которое почти приближалось к морскому вооружению, с ним мечтал отправиться на охоту любой стрелок. Оно оказалось большим братом митральезы Пиппера, предназначенным для охоты на гусей, могло стрелять семью длинными патронами одновременно, попадая в трехфутовую мишень на расстоянии в 125 ярдов.

Отсюда оставался один шаг до использования на охоте пушек. Поэтому не удивительно, что для предотвращения уничтожения популяции птиц, в 1916 году в США запретили охоту из плоскодонок. В Британии после выхода Закона об охране диких птиц калибр ружей ограничили 1 3/4 дюйма в дульной части.

Ружья для охоты на китов

В разряд самых больших ружей, несомненно, попадают те, что предназначались для охоты на самых больших из всех животных, т.е. ружья для китов. В предыдущих главах мы описали разнообразные копья, гарпуны и пики, которые метали в китов. Первоначально показалось странным, что из оружия следует выпускать подобие копья. Однако следует напомнить, что одно время

большие копья выпускались из осадных ружей древнего мира, катапульт и баллист.

Когда функцию таких форм артиллерии стало выполнять ручное огнестрельное оружие, вначале потребовалось разработать те же самые снаряды. Поэтому на самых первых изображениях ружей, появившихся в рукописях Вальтера де Мильмета 1326-1327 годов, показаны стрелы, выпускаемые из их стволов.

Во времена Испанской Армады английский морской флот напал на захватчиков, используя мушкеты, стрелявшие зажженными стрелами, такая форма снарядов упоминается в книгах XVII века посвященных ружьям и пиротехническим устройствам. В тот же самый период, когда торговые компании Англии и Шотландии соревновались между собой за право вести в Арктике торговлю китами, начинает ощущаться недостаток в обученных мужчинах, способных управляться с ручным гарпуном.

Возможно, что именно тогда делались попытки усовершенствовать стрельбу, изменив форму гарпуна, трансформировав его из небольшого наклонного ружья или корабельного мушкета. Первые описания подобных опытов относятся, наверное, только к 1731 году, когда Северная морская компания, занятая китобойной деятельностью, попыталась ввести гарпунное ружье.

Как и все новинки, оно было встречено гарпунерами с недоверием, ведь они относились к той группе людей, которые получали большие деньги за свое опасное мастерство, требовавшее большой силы и огромного опыта, приобретаемого в сложных условиях. Когда позже Дж. Менби попытался ввести новую форму гарпунного ружья, то столкнулся с определенным сопротивлением. Тогда он сам принял участие в китобойной операции, намереваясь руководить испытанием новых ружей и одновременно выявлять все недочеты. Менби искренне верил в то, что китобойцы приветствуют новое ружье, которое облегчит их тяжелый труд.

Вместо этого он встретился с огромнейшими трудностями, убеждая кого-либо начать применять его ружье, к своему удивлению и даже ярости Менби часто сталкивался со случаями саботажа в самые ответственные моменты. Вернувшись домой, немного успокоившись, он описал отношение гарпунеров как неразумное, но со временем пришел к выводу, что «если ружье примут, то, возможно, оно принесет больше пользы, и что каждый человек, кто сможет направить его должным образом, сам сможет стать гарпунером».

История, к счастью, завершилась благополучно, в 1733 году корабль, оснащенный компанией Элиаса Берда, взял на борт гарпунное ружье и сумел доказать его достоинства, добившись попадания в двух случаях из трех. Убитые киты со временем были благополучно доставлены кораблем домой.

Определенные сложности вызвали технические приспособления, велись постоянные опыты по прикреплению первых ружейных гарпунов к веревке. Обычно веревка продевалась через кольцо, размещенное рядом с головкой или в середине вдоль ствола, но как только гарпун выходил из ствола, веревка начинала тянуть его за собой. В 1771 году кузнец Абрахам Стагхолд представил Обществу по поддержке Искусств в Лондоне модель гарпуна с разрезанным вдоль стволом, через которое кольцо могло свободно проходить до основания. Такой гарпун вылетал из ствола с максимальной скоростью, разматывая веревку, затем летел, не меняя курса.

На следующий год Общество наградило изобретателя нового гарпунного ружья 20 гинейми и распорядилось, чтобы шесть ружей с четырьмя гарпунами каждый отправили в места рыболовства на «Левиафан» и «Восходящее солнце». В течение некоторого времени Общество продолжало

поощрять тех, кто успешно применял гарпунные ружья. Так, например, в 1789 году в Протоколах общества отмечены шесть гарпунеров, которых их хозяева уполномочили отстреливать китов с помощью ружей. В сертификате, выданном Джорджу Лиши с «Британики», приписанной к Лондону, описывается отстрел одного из двух китов, которых он взял в проливе Девиса в Атлантическом океане на 71⁰ северной широты в десяти фатоммах (саженях) к северу от судна:

«Он выстрелил и попал с шести футов в тело кита, он нырнул на длину веревки и всплыл наверх примерно через двадцать минут, истекая кровью и сильно измотанный. Через несколько минут кит был убит гарпунерами с других лодок, когда его подтянули, то мы смогли вытащить гарпун с помощью крюка. Он был сделан из кости, десяти футов и девяти дюймов в длину».

Как с удовлетворением замечало Общество в своем отчете: «В кита попали на дистанции, которую совершенно невозможно было достичь с помощью ручного гарпуна, каждый, кто поступает именно так, приносит пользу своему Отечеству». В 1793 году Общество наградило Джона Белла, сержанта королевской артиллерии 20 гинейми за его модель нового гарпунного ружья. Как и следовало ожидать, по величине оно напоминало небольшую пушку, но имело усовершенствованный патрон с веревкой в специальной емкости, смежный расходящийся прицел и два кремневых замка. Японский художник Хокусаи в одиннадцатом томе книги «Мангва» (около 1834) изображает в полную величину пушку европейского образца, из которой стреляют в кита.

Устройство двух хорошо защищенных замков, воспламенявшихся из одного и того же контактного отверстия, оказывалось естественной необходимостью, к которой прибегали большинство оружейников, разрабатывая ружье, которое должно было производить выстрел в суровых условиях. В 1820 году капитан китобойного судна Уильям Скорсби так описывает ружье, которое, как он утверждает, имело радиус действия до 40 ярдов:

«В своей современной усовершенствованной форме, изготовленной мистером Валлисом, оружейником из Гулля, гарпунное ружье состояло из шарнирного соединения, имевшего кованый железный ствол длиной до 26 дюймов и 3 дюйма в диаметре и 1 7/8 дюймовое просверленное отверстие. Он оснащен двумя замками, которые действуют одновременно, чтобы устранить возможность осечки. Ствол гарпуна двойной, заканчивается цилиндрической головкой, приспособленной к просверленному отверстию ружья.

Между двумя частями ствола расположено кольцо из проволоки, прикрепленное к веревке. Сегодня, когда гарпун вставлен внутрь ствола, кольцо с прикрепленной веревкой остается снаружи, около входного отверстия гарпуна, но в момент, когда оно стреляет, кольцо отходит назад.

Некоторые такие гарпуны недавно стали изготавливать с одним стволом, похожим на распространенный «ручной гарпун», но расширенный на конце, чтобы придать толщину просверленному отверстию. Плотная обкрученная вокруг ствола веревка скользит к входному отверстию гарпуна, если ее размещают в ружье, когда стреляют, то предохраняют от того, чтобы она отцепилась от выпуклой части.

Пока кремневый замок оказывался единственным средством зажигания, всегда оставались сомнения, не отсыреет ли капсюль и не даст ли осечку, поэтому многие гарпунеры предпочитали старый добрый ручной гарпун. Но как только появился усовершенствованный ударный замок, ситуация изменилась, и к середине XIX века большинство гарпунеров использовали ружья. Одно из типичных гарпунных ружей описывает в «Оружии» У.Гринер:

«Для удобства прицеливания оно имело рукоятку из ясеня или вяза. Для гашения отдачи использовался шарнир с мощной пружиной, прикрепленной к стволу и прикладу. Диаметр сверленного ствола составлял 1 ½ дюйма, замок простой формы, похожий на тот, что используется в седельных пистолетах. Замок с ударником надежно защищены от морских брызг или ударов медной крышкой.

Сам замок защищен надежным предохранителем, когда он отодвигается, из ружья можно стрелять, дергая за веревку, прикрепленную к курку. Длина ствола составляет 3 фута, вес ружья со всеми приспособлениями примерно 75 фунтов. Гарпун весит примерно 10 фунтов вместе с соединительной скобой и стреляет вместе с одно дюймовой веревкой.

Заряд пороха никогда не превышает 6 драхм, поскольку большее количество уменьшает точность попадания. Его редко используют на расстоянии, превышающем двадцать пять ярдов, но он прекрасно и точно попадает и на сорок. Покойный У.Гринер, чьи гарпунные ружья оказывались намного лучше прочих, изготовленных в его время, достиг на публичном соревновании в Лондонском доке в 1845 году предела в 120 ярдов.

Меньшие по размеру гарпунные ружья иногда изготавливаются для отстрела белых китов, дельфинов, моржей».

Заметим, что это описание немногим отличается от того, что дается У.Гринером в его «Орудиях».

Одновременно с усовершенствованием гарпунных ружей, модифицировалась и конструкция гарпунов. Когда Джордж Манби отправился в путешествие по Гренландии в 1820 году, он взял с собой не просто новое ружье, но абсолютно революционную для того времени модель гарпуна.

Головка гарпуна представляла собой оболочку, внутри которой размещались раздвигающиеся при ударе усы, или гарпун можно было оснастить взрывной головкой. Он имел 9 дюймов в длину, 2 дюйма в диаметре и весил примерно 5 ½ фунтов. Поскольку к оболочке гарпуна прикреплялась веревка, в ствол вставляли стержень, а его передняя часть защищалась цилиндрическим колпаком из дерева. При выстреле гарпун летел вперед, увлекая за собой веревку, по крайней мере, изобретатель на это надеялся.

За гарпунными оболочками Манби последовало множество других подобных конструкций, которые обычно прикреплялись к стержню. Так в 1857 году во Франции свою версию запатентовал Девизм. Доктор Фирслен изобрел и использовал оболочку, наполненную ядом на основе стрихнина и кураре. Американские китобои предпочитали ружье, выбрасывающее короткий дротик, в котором соединялся традиционный ручной гарпун с взрывающейся головкой. Когда гарпунер бросал это орудие в кита, дротик выстреливался, посылая бомбу в глубину тела животного. Она разрывалась, поражая жизненно важные органы чудовища. В большинстве случаев смерть была мгновенной.

Современные китобойные промыслы начались примерно с 1880 года, когда стало повсеместно применяться гарпунная пушка, изобретенная норвежским матросом Свеном Фойном. Первая модель его устройства представляла собой небольшую пушку примерно в четыре фута длиной с радиусом действия в 20-25 ярдов. Особое значение имел, возможно, тот факт, что сама пушка отражала новые идеи охоты на китов.

Старая методика китобойного промысла с небольших лодок была хороша для того, чтобы ловить небольшие разновидности китов. Киты большого размера – кашалоты, гренландские, белые - всплывали на поверхность после того, как их убивали. Самые быстрые и сильные киты из перечисленных выше классов оказывались слишком опасными для охоты, потому что тонули после того,

как их убивали и могли утянуть с собой китобойное судно или утащить его за собой в океан.

Пушки Фойна размещали на носу небольших паровых судов. Они стреляли гарпуном с длинными шарнирными усами, которые раскрывались как зонтик внутри кита и удерживались в нем наподобие якоря. Он имел наконечник с литой железной оболочкой, наполненной порохом. В процессе раскрывания усиков разбивалась стеклянная бутылочка с серной кислотой, которая воспламеняла фитиль и взрывала заряд уже внутри кита.

Таким образом удавалось соединить в одном действии функции гарпуна и копья, когда мертвый кит начинал тонуть, пароход оказывался достаточно большим, чтобы выдержать его вес. Тогда запускали мощный компрессор, которым сжимали воздух и вкачивали его в живот кита, так что тот оставался на плаву, и с ним можно было дальше производить все необходимые действия. С этого времени начинается пора технических новаций, изготовления больших по объему и лучших по мореходным качествам кораблей и оптимальных ружей.

До того, как гарпун утвердил свое превосходство, предпринимались попытки применить для китобойного промысла реактивные снаряды. В британской армии и морских войсках их успешно применяли в таких сражениях как бомбардировка Копенгагена в 1801 году. В октябре 1821 года в «Журнале джентльмена» сообщалось о благополучном возвращении китобойного корабля «Слава» из Гулля с девятью китами, причем все были убиты военными ракетами.

Особое значение в заметке придавалось тому факту, что один из китов достигал длины в 100 футов, и такое животное нельзя было убить с помощью обыкновенных средств. Указывалось также, что значение ракеты заключается в том факте, что «все разрушительные усилия с помощью шести или даже двенадцати фунтовых орудий в той части, что связана с проникновением, взрывной силой и внутренним взрывом, приводящим к смерти животного, могут быть заменены аппаратом не тяжелее, чем мушкет, причем не вызывая никакого повреждения для корабля».

Бесспорно, с помощью ракет китов не только убивали, но и сильно разрушали их туши. Это и стало причиной отказа китобоев от их использования. Вот почему в «Списке китобойных и торговых судов» от 8 августа 1865 года встречается объявление о патенте на орудийный гарпун, причем подчеркивается, что он действует с «соответствующими веревками и лодками» и что «все киты не повреждаются при охоте».

Завершая описание охоты на животных наподобие китов, мы не можем удержаться и не заметить, что только человек мог нападать на них, используя такие разнообразные и грубые орудия.

Пистолеты

Если не учитывать небольшую величину и портативность, одна из существенных характеристик пистолетов связывалась с возможностью произвести мгновенный выстрел. В то время как ружья зажигались с помощью фитиля, который держали в руке или помещали в замок, в пистолете это было невозможно. Поэтому и неизвестны европейские фитильные пистолеты.

Однако после изобретения колесцового замка, примерно в 1500 году, открылся путь к началу усовершенствования пистолетов, занявший много лет. Прежде всего, использовали их небольшой размер, позволявший «тайно под одеждой» носить заряженное оружие, что вначале даже привело к негласному

запрету на малогабаритные колесцовые механизмы. В 1517 году император Максимилиан I запретил использовать «самоударные ручные ружья» в Нижней Австрии. Такое указание распространилось на все территории империи уже в 1518 году. Согласно изданному в 1532 году герцогскому вердикту запрещалось использование ружей, которые «были настолько маленькими, что их можно пронести под одеждой, так что никто их и не заметит».

Похожее состояние дел наблюдается в Англии и Шотландии. В 1541 году Актом Генриха VIII подтверждались предыдущие ограничения, а также формировалась основа последующих законов, связанных с легким огнестрельным оружием, включая и те, что собирались создавать. В нем выступали против использования «небольших коротких ручных ружей и небольших аркебуз». Как отмечается, они являлись оружием, с помощью которого «злые и злонамеренно настроенные личности... совершают преднамеренные и бесчестные поступки, противозаконные и ведущие к совершению отвратительных и постыдных убийств, ограблений, уголовных преступлений, нарушений общественной тишины и порядка и погромов».

В последующих прокламациях, принятых в Англии в 1579 и в Шотландии в 1598 годах содержались запрещения, направленные против изготовления или починки «ручных кинжалов», «больших пистолетов, дагов или иначе называемых просто пистолей» и «пистолетов». В конце 1613 года в английской прокламации предписывалось, что следует пользоваться только ружьями с длиной ствола не менее, чем в 12 дюймов. Очевидно, что в начале власти рассматривали пистолет скорее как оружие разбойников, и никак иначе.

Самые ранние из сохранившихся пистолетов из личного арсенала императора Карла V хранятся сегодня в Королевском Арсенале в Мадриде. Первое по времени изготовления датируется 1534 годом, другие примерно 1540 годом. Несмотря на все ограничения, с середины XVI века начали быстро развиваться производства пистолетов в разных странах. В те дни они редко составляли менее 18 сантиметров в длину, использовавшееся в Испании понятие для их обозначения «небольшие седельные аркебузы» указывает на их предназначение.

Впрочем, военные деятели быстро осознали возможности нового личного оружия и начали вооружать пистолетами кавалерию. В моду вошла новая тактика боя известная под названием караколь: выстроившаяся в линию кавалерия с близкого расстояния стреляла в скопление пеших неприятельских пикинеров, выпустив все пули, она разворачивалась и отступала, позволяя следующей линии повторить маневр.

Не нужно было обладать богатым воображением, чтобы догадаться заменить одну разновидность противника другой, и вскоре конные охотники, которые до этого преследовали дичь с помощью сабли, копья и арбалета, начали гоняться за ней, вооружившись пистолетами. Этому способствовали бумажные патроны с зарядами пороха и пулями, которые переносили в небольшой сумке или коробке, закрепленной на пояском ремне. Так что оказывалось возможным, находясь на спине лошади, легко перезарядить пистолеты, зарядившиеся с дульной части.

Основным неудобством, затруднявшим более широкое использование пистолетов, в XVII веке оставался их вес. Сам по себе колесцовый механизм оказывался слишком большим, сложным и тяжелым, вместе с большим стволом и неуклюжим прикладом он не позволял охотнику быстро перемещаться, держа в руке пистолет, весивший примерно 4 фунта.

С одним из первых изображений охотника, использующего пистолет, встречаемся на декоративном диске на покрытой серебром коробке для

письменных принадлежностей, выполненной Гансом и Элиасом Ленкерами в Нюрнберге примерно в 1585 году, сегодня она хранится в Сокровищнице в Мюнхене. На ней изображен человек, стоящий за деревом и стреляющий из пистолета в какое-то крупное животное.

К первой четверти XVII века пистолет с колесцовым замком значительно изменился, и сам замок, и ствол были значительно уменьшены по величине, и широкий старомодный ствол заменили более изящной конструкцией. В середине века неуклюжий кремневый замок точно также превратили в аккуратный компактный механизм, так что удалось создать седельный пистолет, весивший всего 2 фунта.

В течение первой половины XVII века и большую часть XVIII века на охотничьих картинах часто встречаются охотники, стрелявшие в оленей, волков, медведей. Такие сцены становились излюбленным сюжетом гравировок на затворных пластинках ружей (рисунок 124) Так на рисунке неизвестного мастера примерно 1740 года, хранящегося в немецком охотничьем музее в Мюнхене, изображены мужчины со сворой гончих, преследующие самца и молодого оленя. Изображен охотник, стреляющий на близкое расстояние с помощью относительно небольшого пистолета с кремневым замком.

Похоже, некоторых влекло особое ощущение опасности, когда охотник скакал на лошади всего в нескольких ярдах от предполагаемой дичи. Иногда охотник не смог это проделать, пока дичь не выбивалась из сил и не направлялась к заливу. Так в описании охоты в Лайме, организованной герцогом Йоркским в 1676 году читаем, что олень (высотой в 14 локтей и 4 дюйма) «бежал, и погоня длилась долго, и первым, кто преследовал его, был сам Д., который когда тот подбежал к заливу, убил его из пистолета, проделав в ту ночь 36 миль, из-за чего вернулся домой почти в восемь часов».

Чтобы удовлетворить запросы охотников, предпринимались попытки, сделать пистолет, который при необходимости мог превратиться в карабин, которым стреляли от плеча. Тогда, получая удовольствие от непритязательного пистолета, охотник попадал в дичь на большем расстоянии. Создавая карабинную модель, часть пистолетов XVIII века делались с выдвижными или защелкивающимися наплечными прикладами.

Один из самых интересных образцов такого типа пистолетов представляет английская модель примерно 1640 года, находящаяся в Эрмитаже в Ленинграде. В ней имеется не прикрепляемый на специальном болте приклад, но и дополнительный ствол, который можно было привинтить на конец ствола пистолета. С помощью двух аксессуаров пистолет превращался в полноствольное ружье для охоты на дичь. Сам ствол покрыт черной кожей, выделанной таким образом, что он напоминает грубую древесину.

В конце XVIII века особое внимание стали уделять нарезным пистолетам, они оказались необычайно полезными и потому привлекательными благодаря добавлению съемного приклада. В некоторых европейских странах для кавалерийских подразделений приняли на вооружение двуствольные пистолеты со съемными стволами.

В частности, в 1793 году английская королевская конная артиллерия была вооружена пистолетами, у которых стволы размещались рядом, причем один был нарезным, другой гладким. Вскоре они вошли в моду в охотничьих кругах, и великие лондонские оружейники Джозеф и Дарс Эгг начали производить прекрасные по качеству пистолеты с двумя стволами, расположенными один над другим и аккуратным съемным прикладом.

Пистолеты отличались относительно точностью попадания, радиус их действия определяли в 100 ярдов. Правда, отмечается всего несколько случаев,

когда они действительно имели преимущество над обычным ружьем для охоты на дичь, поэтому не встречаются охотничьи истории, где бы рассказывалось о подвигах, совершенных с помощью именно данного вида оружия. Однако двустольный пистолету с большим высверленным стволом появился при совершенно особых обстоятельствах.

Расскажем об этом несколько подробнее. В Индии преследование такой опасной дичи как тигр, часто проводилось со спины слона, причем охотник стрелял из ховда или амари – коробчатого сидения, привязанного к спине слона. В описании охотничьей экспедиции, организованной навабом из Уде Асофом уль Доула в конце XIV века, говорится об армии слонов (числом от 400 до 500) переносивших на своих спинах ховда с охотниками. Вооруженными фитильными ружьями.

Основная опасность, возникавшая во время охоты, связывалась с тигром, который мог вскочить на спину слона и напасть на находившихся там охотников (рисунок 125). Поэтому наваб приказал иметь в каждом ховда заряженный пистолет, обладавший достаточной мощностью, чтобы сбить тигра вниз одним выстрелом. Понятно, что он отдавал предпочтение английским пистолетам, которые и использовал для этой цели.

Когда британские офицеры и чиновники присоединились к данной разновидности охоты, начали раздаваться постоянные просьбы, связанные с пожеланием изготовить специальную разновидность пистолета, известного сегодня среди коллекционеров как «пистолет для ховда». Его отличительными признаками называют два ствола длиной в 8-9 дюймов, калибром, по крайней мере, 0,5 дюйма, таким образом, он оказывался достаточно прочным для размещения в нем большого заряда пороха и крупной пули. Точность боя не требовалась, ибо стрелять надо было на небольшое расстояние. Знаменитый охотник Х.Ливсон пишет об этом оружии: «Надо стрелять, поднеся пистолет вплотную к голове тигра, и если и не убьешь его, то хотя бы отпугнешь, чтобы он не напал на охотников в ховда»

Только несколько пистолетов с колесцовыми замками, изготовленные такими оружейниками как Эгг и Ментон, попадают под эту категорию. Расцвет же данной разновидности охоты произошел с наступлением эпохи ударных взрывателей и первых патронов, он длился с сороковых по девяностые годы XIX века, и именно в это время было изготовлено большинство пистолетов для ховда.

Образцы ударных пистолетов производили в мастерских почти всех главных британских оружейников, но одними из первых появились образцы, изготовленные семейством Парди. Несколько интересных экземпляров патронных пистолетов делались с игольчатыми патронами или патронами центрального огня. Чаще других в последней группе использовался 577 короткий патрон Боксера. В Лондонской башне оружейников хранится пистолет, где использовался такой патрон, сделанный Уильямом Муром и Греем, он весит 3 фута и 11 унций.

С пятидесятых годов XIX века изготовители револьверов Кольт и компания Смит и Вессон в Америке, Адамс и Уэбли в Англии вторглись на охотничий рынок. В то время как револьверы привлекали внимание возможностью дополнительных выстрелов, промежутки между стволом и цилиндром почти во всех образцах означал снижение скорости пули.

Ни один из производителей револьверов того времени не смог превзойти в скорострельности крупнокалиберные двустольные пистолеты. Компромиссное решение удалось предложить после появления четырехствольных пистолетов Чарльза Ланкастера из Лондона и бельгийской фирмы Брендли и компания.

У обеих разновидностей пистолетов имелся специальный механизм, исключаящий прорыв газов и приводимый в действие одним спусковым крючком. У каждого ствола «Митральезы Брендлина» как называли это изделие, имелся отдельный ударник и пружина, переключение на другой ствол происходило благодаря использованию силы отдачи при выстреле. Однако оставалась возможность случайного выстрела из второго ствола.

Чтобы избежать такой ситуации, Ланкастером создан револьвер с одним поворотным ударником. Этот пистолет имел нарезной ствол, так что в случае необходимости можно было использовать патроны 455 и 577 калибра или армейские патроны. Стволы устанавливались с сходимением на расстоянии в 40 ярдов, как оптимального для стрельбы пулей.

По мере того, с 1850 по 1880 годы дизайн и техническое устройство револьвера быстро улучшались, в здоровой конкуренции тяжелый, достаточно неуклюжий многоствольный пистолет постепенно терял свои преимущества. В Америке в сороковые годы XIX века пистолет стал не просто практичным оружием, а вторым оружием каждого охотника. Очевидно, что, по крайней мере, в одной разновидности охоты, а именно в охоте на бизонов, он использовался как основное оружие.

Вероятно, профессиональный охотник на буйволов был доволен тем, что ему удавалось сбивать свою дичь из засады, не испытывая угрызений совести от своей продуктивности с помощью ружья, скажем, такой разновидности как изготовлял Шарп. Но те, кому нравилось соединять развлечение с охотой, следовали обычаю индейцев, преследуя бизонов на спине лошади. Правда, белый человек использовал вместо лука и стрел револьвер.

Х.Ливсон дает следующий совет охотнику, который впервые ради предосторожности запасается хорошо обученной лошадью, наслаждающейся погоней, как и ее всадник:

«Если отпустить поводья, тогда с ушами, отодвинутыми назад, играя хвостом в воздухе, она скоро доставит вас к дичи, и свободной размеренной походкой станет двигаться с той же скоростью, что и бизон, перемещаясь галопом в десяти футах от него. До этого, чтобы избежать несчастных случаев, Ваш револьвер должен находиться на поясе или в кобуре. Затем, с помощью большого пальца руки, которым вы удерживаете револьвер, взведите курок, ударник поднимется, а пистолет подскочит вверх. Нацелившись как раз в области лопатки и примерно на две трети вниз от вершины выпуклости, стреляйте. Вместе с вашим криком это станет сигналом для вашей лошади мчаться во весь опор.

Все это находили «весьма забавным» (рисунок 126).

Любой, даже тот, кто не знаком с правилами подобной езды может легко представить, какие сложности подстерегали того, кто стрелял в такой позиции. Расскажем одну историю. В 1871 году великий князь Алексей из России посетил фабрику Смита и Вессона в Спрингфилде, которая в то время выполняла большой контракт по выпуску револьверов 44 калибра для российского правительства. В подарок ему преподнесли элегантный позолоченный револьвер.

Позже, совершая путешествие по США, Алексея пригласили на охоту на буйволов, дав ему в проводники знаменитого Буффало Билла. Очевидец описывает охотничью одежду великого князя как очень «удобную и практичную». Он был одет в жакет и брюки из тяжелой серой материи, отделанной зеленым кантом, на пуговицах были выделаны гербы российской империи. Брюки не были заправлены в сапоги, шляпа представляла собой австралийский тюрбан с верхушкой из ткани. С собой он взял русский кинжал и подаренный ему недавно револьвер Смита и Вессона, на рукоятке которого были вырезаны гербы США и

России». К сожалению, хотя Алексей выстрелил из своего револьвера шесть раз с близкого расстояния, ему не удалось свалить ни одного животного.

Более удачливым в охоте на дичь оказался полковник Дж.У.Шофилд, которые внес несколько полезных усовершенствований в модель оригинального револьвера 44 калибра Смита и Вессона. Когда он был занят своими экспериментами, то писал Д.В.Вессону 3 января 1875 года: «...Убивает практически все, индейцы привыкли стрелять из него в любую погоду, причем в самых невероятных условиях. Во время моей последней поездки я дважды стрелял со своей лошади на скаку, и каждый раз мне удавалось поразить буйвола».

Однако излюбленной моделью револьвера для охоты на бизонов, бесспорно, продолжал оставаться точный и мощный кольт «Фронтир». Художник Джордж Кетлин сделал несколько иллюстраций, на которых показал, как использовали револьверы Кольта во время охоты на бизонов и разнообразную дичь. Правда, сам он отдавал предпочтение револьверному карабину, которой можно было зарядить пулей или дробью. Кетлин прозвал его Сэмом, он представлял собой «шестизарядное небольшое ружье, всегда лежавшее передо мной днем и находившееся в моих руках ночью», оно часто упоминается в книгах Кетлина.

Другим убежденным сторонником револьвера Смита и Вессона 44 калибра оказался известный меткий стрелок Уолтер Винанс. Вспоминая «добрые старые деньки», когда «повсюду бегали бизоны» он дает рекомендации по домашней охоте, во время которой, находясь на спине лошади, отстреливал из револьвера коричневато-желтых оленей. Охота проводилась в спокойной и уточненной обстановке английского парка. Время от времени Винанс предлагал, чтобы его приятели охотники в Индии попробовали охотиться таким же образом на свиней, но тут же делал оговорку, что это не вызывает особенных эмоций.

Как только огромный калибровый револьвер стал использоваться только в качестве оружия личной защиты, к нему вновь пробудился интерес, особенно в Америке, где он стал использоваться вместе со съёмным или складным стволом. Такое изделие стало известно как «карманное ружье», его изготавливали такие фирмы как Стивенс Армс и компания инструментов из Чикопе (штат Массачусетс), делавшие пистолеты калибра от 0,22 до 0,44 дюйма и стволы длиной от 10 до 24 дюймов.

Такие пистолеты действовали достаточно точно на расстояния вплоть до 200 ярдов, позволяя сбивать небольшую дичь. Об их прекрасном бое свидетельствует каталог от 1895 года, где рекламировался пистолет 22 калибра с металлическим плечевым упором, названный «Велосипедным ружьем». Похожие пистолеты производили и некоторые фабрики в Европе, например компания Уэбли и Скотт выпустила в 1910 году одноствольный пистолет 410 калибра для «дичи и хищников» со съёмным деревянным плечевым ложем.

Пневматические ружья

О двигательной силе сжатого воздуха знали еще древнеегипетские ученые. Разработанный в Александрии примерно в 250 году до н.э. камнеметатель Ктезибия действовал с помощью двигательной силы, получавшейся от сжатого воздуха. Однако только в эпоху Возрождения начали изготавливать первые пневматические ружья. В своей записной книжке примерно 1500-1510 годов Леонардо да Винчи описывает устройство производство пневматического или духового ружья с медным поршнем в стволе, которое «стреляло с поразительной силой».

Как отмечает Фелдхаус, Ганс Лобзингер из Нюрнберга в 1550 году передал на хранение магистратам города описание нескольких изобретений, среди которых было воздушное ружье. Хотя отдельные детали утрачены, сохранилась информация о самом факте передачи. В 1591 году в «Чудесах природы» Дж.В.Порта приводит описание воздушного оружия, но его устройство трудно понять. Первые изображения пневматического ружья находим у Риво де Флюранса («Основы артиллерии», 1607). Полагают, что это ружье изготовил французский оружейник Марин де Буржуа, оно стреляло на расстояние до 400 ярдов.

Встречаются и образцы ружей, изготовленные до этого времени. Один из них относящийся к концу XVI века, сегодня находится в Музее искусств в Вене. Пневматическое ружье специально сконструировано таким образом, чтобы походить на ружье с колесцовым замком. Оружие того же времени хранящееся в Ливрусткамере в Стокгольме полностью покрыто бархатом, не позволяющим составить представление о находящемся под ним механизмом.

В обоих типах отмеченных нами охотничьих ружей во внутренний цилиндр помещался поршень с пружиной, отводившийся назад при взведении курка. Благодаря давлению на пусковой крючок поршень освобождался и, двигаясь вперед, направлял сгусток сжатого воздуха в ствол. Такая разновидность оружия известна как воздушное пружинное ружье. Его мощность была достаточно ограниченной.

Существовала и другая группа воздушных ружей, которые, очевидно, не развивались до начала XVII столетия, в который пуля выбрасывалась сжатым воздухом, находившемся в резервуаре, спрятанном в прикладе. Перед стрельбой его нагнетали туда специальным насосом. Данный вид оружия оказался самым маломощным из всех воздушных ружей и в основном использовался для стрельбы внутри помещений. Поэтому мы не станем его рассматривать.

После введения воздушного ружья не прекращались попытки, направленные на создание не просто игрушки, а механизма, способного заменить огнестрельные ружья. Изготовителю воздушных ружей удавалось добиться достаточной мощности, чтобы сделать свое изделие конкурентоспособным зарядам с порохом, и сделать его более эффективным. Оно оказывалось практически бесшумным и не распугивало дичь в окрестности.

Кроме того, в нем отсутствовал запальный фитиль и от него не появлялся дымок от запала, который мог перепугать птиц и животных, на которых только нацеливался охотник. Замок не приходилось тщательно охранять от погодных условий, и практически не случались осечки. При выстреле не возникало ни неопределенное облако дыма, ни расхождение по времени между наведением на цель и собственно выстрелом. Так что весь процесс стрельбы оказывался энергоемким, пользуясь современной технологией.

Хотя воздушное ружье и становилось по определению более дорогим ружьем, все же экономия на стоимости пороха вскоре нивелировала разницу в цене. Оставалось только разработать воздушное ружье, которое могло бы сжимать воздух более сильно, чем простое «пружинное ружье».

В течение всего XVI века проводились многочисленные эксперименты, в частности, создали шарообразные резервуары и другие подходящие контейнеры для сжатого воздуха. К концу столетия количество, как говорится, перешло в качество, успешно проведенное множество экспериментов повлияли на решимость оружейников начать производить ружье с воздушным резервуаром, обладавшим определенной степенью надежности.

Скажем, ружье Марина де Буржуа 1607 года имело резервуар в прикладе, куда нагнетался воздух. 13 марта 1625 года английский путешественник, побывавший в Риме, описывает похожее ружье:

«Вчера мне довелось познакомиться с новым изобретением, созданным одним инженером, уроженцем Урбино. Это аркебуза или ружье, из которого стреляют не с помощью запального фитиля, а под действием воздуха. Это оружие легко заряжается воздухом и стреляет прямо по курсу, затем можно надеть на него другой ствол и, зарядив пулей, выстрелить с помощью запала. Когда под рукой нет припасов, то стреляют воздухом.

Итак, речь идет именно о том, как можно стрелять воздухом. После того, как воздух нагнетают внутрь приклада и затем резко выпускают через ствол, он движет вперед пулю с такой силой, что она проникает практически через любую поверхность, причем весьма точно. Вчера мне довелось увидеть белку, сбитую таким образом с дерева, причем она находилась достаточно высоко.

Известны только три подобных изделия и все предназначены для высоких лиц, два отправили в Испанию, и третье осталось у нас в стране. Сам приклад и все оружие в целом сделаны из бронзы общим весом в 4 фунта, длиной же оно примерно в шесть ладоней. Оружие настолько бесшумно, что во время стрельбы звери не распугиваются.

Если держать руку перед стволом, когда его разряжают и в нем не находится пуля, то ничего не почувствуешь, кроме дуновения ветра. Если зарядить ружье воздухом, оно сохранит свои свойства и из него можно стрелять в течение 24 часов. Но если сохранять воздух дольше, то он исчезнет через невидимые отверстия, и тогда стрельба из него будет сопровождаться большим шумом, кроме того, едва ли удастся выпустить более одной пули.³

В большинстве тех воздушных ружей XVII века, что заряжались с помощью помпы, действие производилось из двух стволов, сначала из одного, потом из другого. Внутренняя трубка изготавливалась в виде цилиндра, пространство между частями использовалось для того, чтобы загнать туда воздух с помощью велосипедного насоса, встроенного в приклад ружья.

Упомянем два первых воздушных ружья сходных по конструкции, оба датируются 1644 годом, подписаны Гансом Коблером из Китзинга (рядом с Вюрцбургом в Германии), сегодня они хранятся в Ливрусткаммере в Стокгольме. Еще одно ружье данного типа, изготовленное Иоганном Коком из Кельна в 1654 году и хранящееся в Скокlostере в Швеции отличается любопытной охотничьей сценкой, выгравированной на замке.

Приведем описание этого рисунка. На задней стороне показаны охотники, нападающие на зверя с помощью копий, другой охотник занят тем, что наполняет свое воздушное ружье. Он держит его, подняв вверх дуло, рукоятка насоса упирается в землю. Около ног охотника разместили двух зайцев и лисицу как подтверждение его охотничьей доблести (рисунок 127).

Скорее всего, постоянный процесс усовершенствования воздушного ружья объяснялся с тем, что его хотели использовать для охоты на птиц и небольших животных. Во второй половине века внешний вид ружья снова удалось улучшить. Если верить высказываниям Гай, то окажется, что ему удалось познакомиться с воздушным ружьем, выстрелом из которого пробивалась дверь толщиной в два пальца, находившаяся на расстоянии в 30 шагов.

Примерно в то же самое время усовершенствовали и механику воздушного ружья. В первых помповых ружьях воздух из резервуара выходил,

³ Добавим к сказанному, что полностью изготовленное из меди ружье сегодня находится в Музее Питт Риверс в Оксфорде.

когда нажимали на курок и открывался клапан. В 1644 году Мария Мерсенн из Парижа приводит чертеж помпового ружья, в котором с помощью одного заряда сжатого воздуха оказывалось возможным произвести несколько выстрелов.

В своем английском переводе книги Мерсенна, опубликованной в 1648 году, Джон Уилкинсон указывает на мощь «этого искусного изобретения в виде воздушного ружья», а также говорит о том, как «с помощью свинцовой пули, выпущенной из одного из этих ружей в каменную стену на расстоянии в 24 шага от стреляющего, удалось пробить небольшую дырку». Правда, он же выражает сомнение, что кому-то удастся «с помощью того же самого воздушного заряда выпустить несколько стрел или пуль одну за другой».

Однако в 1653-1655 годах Джордж Фехр из Дрездена провел ряд опытов с ружьями и пистолетами, осуществив именно такую операцию, вскоре многим удалось повторить то же самое. Любопытной общей особенностью ружей Фехра оказался спусковой крючок в виде львиной головы. Хранящееся в Историко-историческом музее в Вене пневматическое ружье, изготовленное Леонардом Гинднером (Гюнтером) также имеет крючок в виде головы льва. В 1655 году в памфлете, направленном против Оливера Кромвеля, сообщалось, что он «купил в Утрехте воздушное ружье, которое стреляет пулей на расстояние в 150 шагов, причем семь раз без остановки, заряжаясь только воздухом».

Насосное ружье со ствольным резервуаром продолжало пользоваться популярностью вплоть до XVIII века. В 1694 и 1702 годах Джон Шоу, придворный оружейник Вильяма III представил подробные счета за починку королевских охотничьих ружей. В них отмечались следующие моменты:

«За регулировку и починку духового ружья, давшего осечку, пайка ствола в нескольких местах 10 ф.

Установка и починка духового ружья, изготовление поршней, постановка новой кожи и пайка ствола 10 ф

На основании приведенных выше расценок легко догадаться, что основные сложности были связаны с тем, чтобы обеспечивать герметичность ствольных резервуаров. Самые прекрасные из всех ружей данного типа изготовлены Иоганном Готфридом Колбе, работавшим в Лондоне с 1730 по 1740 годы для Георга II. У них серебряный инкрустированный ствольный резервуар с насосом, спрятанным в украшенном серебром ореховом прикладе. Тому же самому оружейнику приписывают изобретение магазинного зарядного устройства.

Хотя одного воздушного заряда оказывалось достаточно для производства ряда выстрелов, все же оставалась проблема введения пули в ствол или через дуло или через отверстие в казенной части. Добавление магазина позволяло быстро зарядить ствол, неожиданно превратив пневматическое ружье в явно смертоносное оружие.

В английских энциклопедиях появились чертежи магазинных пневматических ружей Колбе, правда, сохранилось только несколько экземпляров. Во всяком случае, более простое ружье с магазинной и порционной подачей удалось изобрести в 1779 году австрийскому оружейнику Бартоломео Джирардони. Имя мастера также пишется как Джирардо, Жирардони.

У его ружья был съемный металлический приклад, действующий как воздушный резервуар, так что несколько запасных прикладов всегда держались наготове. Заряженные сжатым воздухом, они использовались по мере необходимости. Замковый механизм оказался точным и простым, шаровые пули

содержались в трубчатом магазине, расположенном вдоль ствола, и подавались с помощью скользящего блока казенной части.

Заряжаясь с казенной части, ствол оказывался удобным для проделывания нарезов. Требовалось порядка 500-600 качаний ручной помпы, чтобы заполнить один резервуар, из которого обычно производилось 30 эффективных выстрелов, соответственно 10 на 150 ярдов, 10 на 120 и 10 на 100 ярдов. По мере того, как падало давление, радиус действия уменьшался.

Хотя пневматические ружья Джирардони оказались востребованными, прежде всего в быстро действовавших стрелковых подразделениях австрийской армии, многие превосходные охотничьи ружья изготовили по тому же самому принципу такие мастера как Контринер и Фрувирт из Вены и Штауденмейер из Лондона.

Изделие Джирардони имели определенные недостатки, прежде всего, тяжелый громоздкий приклад в виде конуса. Поэтому для тех охотников, кто предпочитал удобные деревянные приклады, разработали пневматическое ружье с воздушным резервуаром в форме железной или медной сферы, прикреплявшейся под стволом или сверху. Такая разновидность помпового ружья, скорее всего, появилась в Европе в начале столетия. Обычно ссылаются на изобретение доктора Томаса Эллиса из Дублина, однако, встречаются и более ранние образцы. Обычно пневматическое ружье не оснащали магазином, потому что конструкция получалась слишком сложной. Впрочем, нельзя говорить о неудобствах, поскольку многие охотники предпочитали каждый раз заряжать стволы, проявленная осторожность позволяла добиваться большей точности и силы действия.

Пневматические ружья с шарами упоминаются в охотничьей книге 1779 года, где утверждается, что обычно требовалось 300 ходов поршня, чтобы заполнить шар сжатым воздухом, такого заряда оказывалось достаточным для производства 20-24 выстрелов. Для первых шести выстрелов хватало мощности, чтобы поразить оленя на расстоянии в 70 или 80 шагов. Стремясь изменить мощность и, следовательно, радиус действия, полагалось устроить клапан таким образом, чтобы больший объем воздуха проходил в ствол для каждого последующего выстрела.

Часто к ружью приделывали счетное устройство, так чтобы охотник смог стрелять с меньшим напряжением. В 1905 году воздушное ружье из коллекции замка Пфаффроде в Саксонии тщательно испытали на правительственном экспериментальном полигоне в Неймансвальде. Для этого во время отдельных выстрелов 95 свинцовый миллиметровый шар завертывали в тонкую бумагу. Оказалось, что он пробивал доску толщиной в 3 сантиметра на расстоянии в 35 метров. Тогда сделали вывод, что крупную дичь можно было убить на расстоянии вплоть до 100 шагов.

В XVII и XVIII только состоятельные охотники могли позволить себе приобрести пневматическое ружье, не только из-за его высокой стоимости, но и благодаря законодательным ограничениям. Так английские власти опасались, что они действуют слишком тихо, поэтому могли использоваться в подрывных целях, их запрещали время от времени или ограничивали продажу ружей определенным группам населения. Поэтому пневматические ружья достаточно долго продолжали оставаться не более, чем любопытной новинкой.

В 1700 году ландграф Карл Гессенский исследовал несколько пневматических ружей, изготовленных Дж.В.Гюнтером в Базеле. Согласно описаниям из одного можно было стрелять на расстоянии в 400 шагов, второе, имевшее механизм для заряжания, производило 12 выстрелов на расстояние в 100 шагов. Сообщают, что Гюнтер потребовал 100 золотых пистолей за

последнюю новинку, что для того времени считалось достаточно солидной суммой. Тогда ландграф удовлетворился покупкой хорошего простого ружья, производившего за один раз один выстрел.

Его преемник Людовик VIII Гессенский (1691-1768) оказался, возможно, самым яростным сторонником искусства охоты с пневматическим ружьем. Его арсенал в Кранингштейне включал и двенадцать пневматических ружей, заряжавшихся с казенной части, имевших калибр в 13-14 миллиметров (приблизительно в 0,55 дюйма или 28). Они в основном использовались при охоте на крупную дичь. В 1747 году на его сумке с этими пневматическими ружьями появились 22 отметки о застреленных оленях, а в 1749 году ему удалось убить более сотни диких кабанов.

Кроме того, Людовик VIII Гессенский являлся обладателем ряда гладкоствольных пневматических ружей приблизительно калибра в 9,7 мм (0,38 дюймов) для мелкой дичи и стрельбы по мишеням. Они относились к резервуарному типу, насос располагался в прикладе. Отмечаются также три других ружья, которые можно было использовать как пневматические или как обычные огнестрельные ружья, заряжавшиеся порохом.

Не менее яростным защитником пневматических ружей был английский полковник Томас Торнтон. Согласно «Таймс» от 29 октября, он показал себя более искусным охотником, представив коллегам из Северной Англии оружие, с помощью которого выиграл пари. Суть заключалась в следующем: Торнтон прославился тем, что за условное время с помощью пневматического ружья ему удалось убить больше дичи, чем другим охотникам из своих двуствольных ружей.

В 1802 году, во время путешествия по Франции, Торнтон демонстрировал свое пневматическое ружье на Версальской оружейной фабрике, где прострелил дырку в один дюйм в центре представленной ему мишени на расстоянии в 93 ярда. Из того же небольшого ружья Торнтон застрелил небольшого дикого кабана, попав ему прямо в сердце с дистанции примерно в 50 ярдов.

Сам он описывает, как стрелял в самца косули, когда охотился с гончими, произведя эффект разорвавшегося шара: «пуля раздробила плечо, наткнувшись на кость, повернулась и вышла через кожу у шеи. Думаю, что мой поступок можно посчитать необычным, однако я однажды уже стрелял в оленя из того же самого ружья, в Торнвилле. Я выстрелил, когда олень собирался перепрыгнуть через изгородь, пуля вошла в область плеча как раз напротив сердца, повернулась в желудке между кожей и внутренностями и вышла снаружи у коленного сухожилия».

Возможно, именно Торнтон оказался одним из последних охотников, использовавших пневматические ружья только для охоты. Неясно, почему баллонные или ствольные резервуары постоянно разрывались, зависело ли это от качества изделий или превышения давления. В любом случае случившееся приводило к неприятным последствиям для насоса. В ряде случаев ошибался в подсчетах конкретный человек, некоторые баллоны требовали для полной зарядки 800 ударов, и самовзрывались в случае «передозировки».

Рассказывая в «Современном стрелке» (Лондон, 1842) о том, что испытывали многие охотники, капитан Лейси сообщает следующее:

«Однажды я приобрел пневматическое ружье, которое, как и большинство моих ружей, практически сразу же было пущено в оборот. Я привык днем отстреливать из него грачей и кроликов, по ночам гасить свечи на расстоянии в двадцать ярдов, и оно отличалось точностью попадания. Сколько раз приходилось мне и моим пяти или шести приятелям по очереди качать воздух

в эти баллоны, сделанные из железа, гораздо более опасные, чем те, что сделаны из бронзы, потому что при превышении давления железные баллоны разлетаются на куски, в то время как бронзовые начинают пропускать воздух около ниппеля, через который выходит воздух, хлюпая маслом пока мы не падаем от усталости. К счастью, с нами не случилось ничего подобного.

После того, как я владел ружьем в течение длительного времени, и оно стало как бы частью меня самого, я получил сообщение, что близкий ко мне преданный слуга, получил смертельную рану, наполняя один из этих медных шаров воздухом для ружья своего хозяина. Болт клапана вылетел как пуля и пробил тело бедняги. Короче, устройство этих ружей, как бы научно они не были разработаны, ненадежно и, следовательно, даже самые тщательные меры безопасности не обеспечивают их безопасности.

Я тотчас навсегда распрощался с пневматическими ружьями и больше не использую их».

Уже в начале 1768 года делались попытки использовать силу пороха для зарядки воздушного резервуара, в Турине М.Марти изготовил ружье, где сжатый воздух получался путем взрыва двух унций пороха в бронзовом цилиндре. Как сообщали с помощью полученного таким образом заряда воздуха, из ружья производилось до 18 выстрелов на 60 шагов.

Правда, к середине XIX века воздушное оружие предназначали для выполнения только легкой работы. Как только рынки Америки и Европы начали заполнять дешевые пружинные ружья, изготовленные из белой жести, называвшиеся Ромашками, Глобусом, Бесподобными, воздушное ружье с резервуаром перестают использовать. Только отдельные личности продолжают считать его серьезным оружием.

Во времена Виктории и Эдварда получает распространение прогулочная трость, являющаяся одновременно и воздушным ружьем. Обычно такие воздушные трубки снабжались помпой, упором для ног, формой для пули и другими мелкими аксессуарами. Изготовители предлагали сменные приклады, различные по форме, нарезные или гладкие стволы. Существовавшее разнообразное оружие поставлялось вместе с гарпунами, так что охотник мог выстрелить в двигающуюся мишень, например, рыбу и, если ему повезло, затем вытащить добычу на берег.

В опубликованном в 1850 году памфлете Е.М.Рейли дает следующий совет будущему охотнику по поводу его экипировки:

«Гарпуны с перьями и прочными ободками, не более шестидесятого калибра по девять шиллингов за дюжину.

Шипы различной формы от шести шиллингов за дюжину.

Гарпуны большого размера разные, в том числе с шипами на концах по разумной цене.

Не рекомендуется заказывать много шипов или стальных наконечников любого рода для гарпунов, Скорость, с которой они двигаются, при ударе о твердую поверхность, например, дерево, часто расщепляет его на куски, хотя сам шип и не повреждается. Поэтому четырех шипов (разветвленных, по одному шиллингу каждый) вполне достаточно «для десяти гарпунов».

В 1936 году итальянский механик Антонио Норди разработал воздушное ружье, которое могло стрелять небольшими гарпунами.

Глава седьмая

Смешанные виды/разновидности оружия.

Смешанное оружие

Лассо и bolas

Еще в доисторические времена охотники начали использовать веревку или затягивающиеся петли. Установленные или подвешенные на пути следования диких животных, прикрепленные к концу длинной удочки для дичи или даже для рыбы, подобные приспособления оказывались самыми дешевыми и простыми устройствами для охоты.

Стремясь обеспечить подвижность и увеличить длину петли, изобрели лассо. По форме оно представляет собой веревку с петлей на конце, его обычно бросали верховые. Один из первых примеров использования лассо выгравирован на египетской «Охотничьей дощечке» примерно 3500 года до н.э., сегодня хранящейся в Британском музее. На ассирийских барельефах из Нимруда видны сценки поимки онагров. На римской мозаике из Утики до нас дошли изображения конного охотника, заарканившего оленя.

Многочисленные гравированные и нарисованные изображения, расположенные на стенах, встречаются в этрусском погребении, известном как «Пещера с рельефами». Среди них и свернутая в клубок веревка, и веревка с петлей, которую можно определить как лассо. В Чертомлыке обнаружили тисненные на сицилийской амфоре фигурки местных жителей, останавливающих лошадей с помощью лассо.

Об эффективности лассо свидетельствует тот факт, что время от времени их успешно применяли и как боевое оружие. Так Ксенофонт в описании армии Ксеркса при Дорискусе пишет:

«Сагарты, кочевой народ, по происхождению и языку персидский. Они носят одежды, представляющие собой нечто среднее между персидской и парфянской модой. Они обучили порядка восьми тысяч лошадей, но еще не приспособились носить оружие из бронзы или железа и используют только кинжалы, а также применяют веревки из переплетенных ремней, настолько доверяя им, что используют их и во время военных действий. Обычно эти люди сражаются следующим образом: когда они встречаются с врагом, то бросают свои веревки, имеющие петли на концах, и когда захватывают кого – либо, неважно человек это или животное, то подтаскивают их к себе. Они настолько запутываются в веревках, что погибают».

Одним из «пяти прекрасных орудий войны», перечисляемых в сингалезском эпосе «Махавансо» оказывается веревка с петлей, проходившая через металлическое кольцо, называемое нарачана.

Хотя во многих источниках говорится об использовании лассо во время войны, первоначально оно предназначалось для охоты, и именно в таком качестве использовалось почти во всех странах мира. Так скандинавские и лапландские охотники доверяли ему, когда нужно было поймать северного оленя и медведя. Известно, что с помощью лассо охотились и на кугуара, в Непале тяжелые лассо применялись и для ловли слонов. Но именно в прериях Северной и Южной Америки лассо приобрело необычайную популярность благодаря подвигам ковбоев и гаучо, и сегодня оно используется для контролирования состояния стад скота и табунов.

Американское лассо состоит из прочной кожаной веревки в 40-65 футов длиной, один конец которой заканчивался кольцом, обычно металлическим, вокруг него делали петлю. Материалом служило прочное волокно юкки и конский волос. Сам процесс ловли выглядел очень просто. Охотник выделывал из веревки петлю длиной примерно в 5-8 футов. Удерживая ее в правой руке, он быстро вращал ее вокруг своей головы и затем бросал на расстояние в 20-25 ярдов, так, чтобы петля обернулась вокруг какой-либо части животного – шеи, рогов или ног, затем он, обычно обездвигивал животное, собираясь пленить или убить его.

Собственно методика бросания лассо варьировалась, один из способов назывался «невод для загона», тогда «невод» прицеплялся сзади и затем выбрасывался вперед из-под руки. Удивляет та точность, с которой «невод» достигал заданного места, ведь всадник продолжал скакать во весь опор. Сохранились данные, что искусные исполнители на ходу могли обездвигить горных львов и даже медведей.

Однако далеко не все овладевали искусством бросания лассо, поэтому лассо не использовали повсеместно. В похожих обстоятельствах скорее применяли не менее эффективное оружие, обладавшего большим кругом действия и называвшегося болас (bolas; шарики или шары). Интересно, что, продолжая бытовать и в недавние времена, его использование ограничилось одной частью света, континентом Южной Америки. Болас изготавливались тремя разными способами, все зависело от количества шаров: один вид представлял единственный шар на отдельном ремне, другая разновидность выглядела как два или три шара, прикрепленные к веревкам с соединенными вместе концами. Изготовленные из сложенной или переплетенной кожи изделия составляли от 3 до 5 футов в длину, изготовленные из железа, дерева или камня и обернутые кожей шары весили от 1 до 1,5 фунта. Один бола был известен как бола несущий смерть, двойная форма как *somai* утроенный как бола убивающий (рисунок 130).

Чарльз Дарвин описывает методику бросания бола следующим образом:

«В руке гаучо держат самый маленьких из трех [шаров], закручивая два других вокруг головы, затем, выбрав цель, посылают их вращающейся цепочкой. Шары быстро долетают до цели и, обернувшись вокруг нее, находят друг на друга, таким образом прочно сцепляясь. В зависимости от избранной цели меняется величина и вес шаров, когда они делаются из камня, то по величине не превышают яблока, их бросают с такой силой, что они могут даже перебить ногу лошади. В ряде случаев шары изготавливают из железа, тогда их можно запустить на большее расстояние. Основная сложность в использовании состоит в том, что и лассо, и шары применяются во время галопа на полной скорости, и нужно неожиданно повернуться, четко раскрутить их вокруг головы и направить в цель. Правда, пеший легко учится этому искусству».

Другая методика состояла в том, чтобы схватить ремни в месте соединения и закрутить все три шара вместе. В результате создавался заряд приблизительно в 8 футов в диаметре, способный опутать и покалечить, а не убить наповал. Похожее по деталям описание приводит Джордж Гатвин в книге «Жизнь среди индейцев» (Лондон, 1861), где заявляет, что каждое ответвление шара могло достигать 8-10 футов в длину. Рисунки автора приводятся и в «Каталоге, Описании и Инструкции» Гатлина «Индийских рисунках» (Нью-Йорк, 1871).

Радиус действия также оказывался разным и варьировался от 30 до 60 ярдов, если они бросались пешими охотниками, и 80-100 ярдов для всадника. Такое оружие оказывалось особенно удобным для быстрого гаучо и широко применялось на всех скалистых землях Патагонии (рисунок 131).

Чтобы поймать птиц за крыло эскимосы использовали похожее, но более легкое оружие. Снаряд для охоты на птиц состоял из четырех-десяти шаров из бивней или кости, прикрепленных к веревкам длиной в 24-30 футов, концы которых соединялись вместе в короткой рукоятке из травы или перьев. Веревки изготавливались из сухожилий или кишок тюленя. Сами грузы, чаще всего сферической или эллиптической формы, выделывались из бивней моржа. Они свободно переносились на шее, обвязываясь вокруг нее, и быстро раскручивались при виде стаи птиц. Рассказывают, что оружие оказывалось эффективным в радиусе примерно в 30-60 ярдов. В Пойнт Барроу (США) шары называли калауитаутин (рисунок 130).

Праща

По мнению большинства исследователей праща является древнейшей разновидностью охотничьего оружия. В Библии (I кн. Царств, XVII, 40) представлен классический пример обращения Давида с пращой. Впрочем, его искусство нельзя признать нетипичным, поскольку в «Книге судей» говорится, что «Из всего народа сего было семьсот человек отборных, которые были левши, и все сии, бросая из пращей камни в волос, не бросали мимо» (Суд., 20, 16).

Праща была известна во всех странах Древнего мира, где ее использовали и как военное, и как охотничье оружие. Как отмечает Плиний, ее придумали финикийцы, однако, Вергилий приписывает ее авторство жителям Балеарских островов (в Средиземном море). Действительно, эти острова получили название от греческого слова βάλλειν —метать, так как жители этих о-вов считались искусными пращниками, и пользовались благодаря этому большим почетом как в войсках Аннибала, так и позднее в римской армии.

Как римляне, так и греки смогли пойти дальше и усовершенствовали пращу, бросая из нее свинцовые пули, увеличив тем самым радиус действия своего оружия. По форме они представляли собой желудь или овал, имели подходящие к случаю надписи, например, «убей его». Более подробно о деталях классических пращей и пуль можно прочитать в книге У.Хокинса «Наблюдения об использовании пращи» (1847).

Мы же отметим, что встречались два основных типа пращи. Первый состоял из полоски какого-то гибкого материала, где примерно в середине устраивался «карман». Два конца пращи удерживались в руке, сама она раскручивалась и вращалась вокруг головы. В нужный момент один конец отпускался, мешочек раскрывался, и камень устремлялся к цели.

В коллекции Флиндерса Петри, хранящейся в Университетском колледже в Лондоне, находится египетская праща примерно 800 года до н.э., она изготовлена из шерстяных и сплетенных полосок, в центре находится карман в виде ромба. На одном конце веревки имеется петля, соответствующая размеру пальца, позволяющая осуществить бросок. При современной реконструкции и имитации действия этой пращи удавалось бросить камень на расстояние от 50 до 100 ярдов. Иногда полоску ткани заменяли двумя веревками, в которых также делался карман, он устраивался таким образом, чтобы в него можно было поместить пулю и затем выпустить ее указанным способом.

Отмеченная нами группа пращей оказалась самой распространенной. Примеры можно найти в стародавние времена, на египетских резных фигурках, помпейских и этрусских фресках, таких, в частности, как «Гробница охотника и рыболова», находящаяся в этруском некрополе в Тарквинии.

По иллюстрациям в англо-саксонских рукописях можно восстановить достаточно четкую картину действия пращей. В качестве примера приведем

картинку VIII века из Британского музея (рисунок 132), на которой изображен охотник, удерживающий пращу после броска за кольцо, надетое на средний палец, точно так же, как это делали когда-то древнеегипетские охотники.

Похожий отпускной механизм изображен на бордюре гобелена из Байе. На одной из первых рукописей, относящихся к XIII веку, показана праща, свернутая так, чтобы ее можно было легко отпустить. Интересно и изображение в лютеровской Псалтыри примерно 1340 года, где показан охотник, нападающий на птиц, летящих над пашней. Рисунок интересен тем, что на нем видно, что запас камней охотник хранил в складке своего платья.

Во вторую группу входят римские фустибалы и англосаксонские стафлидеры, в которых метание производилось с помощью палки или дубинки. Вегеций также описывает посох длиной в 4 фута с прикрепленной к нему кожаной пращой. У данной разновидности одна веревка обычной ручной пращи прикреплялась к концу палки, другая веревка делалась достаточно длинной, чтобы удерживать за нижнюю часть палки. Таким образом обеспечивалась дополнительная длина, увеличивался радиус вращения и придавалась большая скорость пуле.

На военной службе, скорее всего, использовалась другая разновидность пращи с палкой, она состояла из прочной палки с сумкой, надежно скрепленной с палкой, с одного конца ее свисала веревка длиной в несколько дюймов. Другая веревка снабжалась кольцом, которое при раскручивании пращи соскальзывало с конца палки. Вставив в сумку шар, удерживали двумя руками дубинку и раскручивали ее над головой, как будто собираясь вбить молотком деревяшку. В определенный момент кольцо соскакивало, сумка раскрывалась, и камень устремлялся вперед. Подобный принцип действия показан в рукописи XIII века Мэтью Парижского в Библиотеке колледжа Тела Христова. Отметим также, что Леонардо да Винчи оставил записи и рисунки различных механизмов пращи, включая и ту, что с дубинкой - пращей.

Популярность пращи сказалась в том, что она сохранилась вплоть до настоящего времени, о чем свидетельствуют недавние находки на многих островах Атлантического океана. В 1878 году оказавшийся в Новой Британии путешественник сообщал, что видел, как местный охотник с помощью пращи сбил птицу с дерева на расстоянии примерно в 100 ярдов.

Традиционно праща состояла из двух веревок длиной примерно в 2, 5 фута, удерживающая камень веревка имела также небольшую пуговицу из кусочка раковины, которая мешала ей соскользнуть с пальца. Скользящая веревка заканчивалась конусообразным концом, который при освобождении издавал такой же резкий звук, как и хлопающий хлыст.

Рассказывают, что в конце XIX века пращу продолжали использовать в разных частях американского континента, и испанские пастухи из Южной Америки настолько овладели искусством метания, что могли поразить любую часть рога быка, подчинив его таким образом. Скорее всего, методика практиковалась повсеместно.

Линдблом приводит несколько случаев подобных действий, которые он наблюдал на Минорке (с быками), Северной Африке (овцами и козами) и Тибете (яками). Рифианские пастухи могли выпустить камень на расстояние примерно в 200 метров. Арабские бедуины были настолько уверены в своем искусстве, что с помощью пращи нападали на льва с дальнего расстояния, стреляя со спины лошади, искусно уклоняясь с пути разъяренного животного, пока удачным попаданием в голову не добивали его. Как отмечает тот же автор, сегодня в основном в Африке праща используется, чтобы отпугивать птиц и не давать им расклеивать урожай.

Пращу продолжают использовать и на Цейлоне, чтобы отваживать от посевов огромных мародеров – слонов и буйволов. Здесь она известна как гал патийя (каменная полоска) или гахи ланува (охотничья полоска), изготавливавшаяся из переплетенной коры или волокна длиной примерно в 3 фута. Во время тренировок удавалось раскрутить пращу таким образом, что камень пролетал 300 ярдов. Полагают, что на самые большие расстояния метали тибетцы, использовавшие пращу как кнут.

Метательные палки, дубинки и бумеранги

Мастерство изготовления метательных снарядов уходит в далекую древность. В Энциклопедии епископа Исидора (600-636 годы) катейя определяется как «дубинка, которая при броске летит на близкое расстояние из-за своего веса, но при прикосновении мгновенно пробивает, брошенная искусной рукой возвращается в том, кто ее бросил».

Виргилий (70-19 годы до н.э.) замечает по поводу методики бросания тевтонцев:

Те, на кого с высоты плодоносные смотрят Абеллы.

Все на тевтонский лад бросают кельтские копья.

(Энеида, глава 7, стих 740).

Наблюдается определенная эволюция метательных орудий. Бросание палки или камня было примитивной формой нападения, в Библейские времена оно превратилось в форму наказания, в классических армиях стало общепринятым военным упражнением и затем сохранилось как разновидность охоты в Европе. В Средние века бросание камней и дротиков превратилось в воскресное развлечение лондонцев и оказалось настолько популярным, что запрещалось во времена Эдуарда III, потому что мешало упражняться в стрельбе из луков.

Однако вплоть до XVIII века бросание палки или камней в мишень продолжало оставаться популярной масленичной забавой. Она была известна как squailing и никогда не теряла своей привлекательности для не столь утонченных охотников. 30 ноября 1881 года «Дейли Телеграф» сообщала: «Теперь, когда деревья оголились, и листья опали, бездельники в провинциальных городках дружно вооружились дротиками, остроумным приспособлением, состоящим из короткой палки из гибкого тростника и свинцовым набалдашником, чтобы гонять безобидную маленькую белку от дерева к дереву и затем укладывать жертву к ногам после удачного выстрела».

Среди местных племен Африки, Австралии и островов Тихого океана деревянная дубинка или палка, использовавшиеся как метательные снаряды, продолжали считаться вплоть до первой четверти XX столетия как значимыми орудиями войны, так и эффективным охотничьим оружием.

Деревянные метательные снаряды существовали двух типов: в виде прямых разнообразных палок, обычно с набалдашником с одного конца. Они бросались крутящим движением и должны были оглушить или убить животное. В случае промаха изогнутые палки соответствующей формы возвращались к бросающему.

Прямые палки варьировались по длине, составлявшей от 3 футов и более, длинные варианты использовались некоторыми племенами Западной Африки, чтобы ломать конечности животных на расстоянии всего в несколько шагов. Таковыми были и устрашающие уласы народов Фиджи, составляющие 18 дюймов в длину и имевшие тяжелые шарообразные головки.

Самыми распространенными из бросательных дубинок оказались африканские рунга примерно 2 футов в длину, изготовленные из дерева с узкой похожей на удочку рукояткой. Некоторые, особенно ценимые образцы, делались из рога носорога. Как орудие охоты они бросались с невероятной силой и точностью. Особенно эффективно кафры применяли их против даманов или горных кроликов (рисунок 134) и птиц паув, похожих на перепелов.

В обоих случаях методика охоты оказывалась одинаковой, два охотника двигались на расстоянии в 50 ярдов. Когда они выгоняли кролика или птицу, то кидали свои палки таким образом, чтобы добыча, увернувшись от одной дубинки, поражалась другой.

Бумеранги

Если быть до конца точным, окажется, что понятие «бумеранг» относится только к изогнутым деревянным метательным палкам австралийцев, но сегодня оно используется для обозначения любого изогнутого метательного орудия, плоского в сечении, использовавшегося как для войны, так и для охоты. Далеко не всегда такое оружие обладало способностью возвращаться к своему тому, кто его бросал или к своему хозяину.

Действие настоящего бумеранга заключается в следующем: чтобы бумеранг вернулся, его надо запустить наподобие игрушечного пропеллера. Затем, если сила движения гаснет, а деревянное лезвие достаточно быстро вращается, оно двигается обратно по воздуху, иногда даже падая за метателем. Чтобы достичь такого результата, бумеранг бросают сильным резким движением, придавая ему нужное вращательное движение. Правда, в этом случае не заботятся о точности и силе броска.

Конечно, бумеранг, обладающий способностью возвращаться, обычно используется для охоты на птиц или для демонстрации возможностей оружия. Интересно, что для создания идеального средства не нужна какая-либо определенная форма, его качества не зависят ни от веса, ни от величины, имеет значение только личный вкус владельца.

Правда, отмечают некоторые общие параметры, так приблизительный вес варьируется от 6 до 12 фунтов, в длину бумеранги бывают 16-30 дюймов, в ширину двух – четырех. Самые лучшие из возвращающихся редко достигают 1, 5 дюймов в толщину. Такие легкие бумеранги бросают на расстояние до 50 ярдов. Более тяжелые загнутые палки не имеют никаких шансов на возвращение, возможно, они предназначались для того, чтобы только перебить конечности животных, полагают, что они долетали на расстояние в 150 ярдов.

Конечно, бумеранги использовались не только в Австралии. На египетской «Охотничьей дощечке» примерно 3500 года до н.э., хранящейся в Британском музее, изображен охотник, несущий орудие, весьма напоминающее бумеранг. Фактографические примеры также сохранились в гробницах Бадари (Египет), датирующихся примерно 4000 годом до н.э. В скульптуре и рисунках более позднего времени отмечается разнообразие палок, использовавшихся и как боевое оружие. Обычно на рисунках изображается птицелов, держащий в руках бумеранг, стоящий в плоскодонном яльнике среди камышей в гуще диких птиц, расположившись на удобном расстоянии. Часто охотник использует нечто вроде утки-приманки.

Традиционно египетский бумеранг слегка изгибался, иногда в виде деликатного завитка буквы S. Среди коллекции бумерангов, обнаруженных в гробнице Тутанхамона примерно 1350 года, есть несколько бумерангов, изогнутых под прямым углом. Такая разновидность бумеранга, называвшаяся тромбаш,

используется и в наши дни в Эфиопии и в районе Верхнего Нила, они остро закруглены с одного конца. Во многих районах Индии используют как деревянные, так и железные бумеранги. И снова речь идет о том, что их форма и величина существенно разнятся.

В Мадрасе изготавливалась необычная разновидность, называемая катары. У нее тонкое плоское закругленное лезвие, заканчивавшееся тяжелым набалдашником. Астара встречается повсеместно в южной Индии и используется для охоты на оленей. Другая разновидность, называвшаяся валаи (изогнутая палка) иногда даже возвращалась.

Итак, разнообразие бумерангов трудно поддается исчислению, но последний тип следует упомянуть, настолько он необычен внешне. Как видно по контуру, палка, предназначалась для охоты на кроликов, использовавшаяся индейцами племени Хопи из Северной Америки похожа на саблю в ножнах.

Духовые трубки

Эффективность всех типов оружия, описанных нами выше, зависела исключительно от силы и быстроты рук охотника, а также от остроты его зрения. Иначе обстоит дело с духовыми трубками. Они заслуживают внимания, потому что их эффективность зависит от силы и специальных навыков, в частности, умения человека управлять своими легкими и горлом.

В остальном оружие работает по тому же принципу, как и как и игрушечное оружие из стручка бобовых, только в данном случае упругость сжатого воздуха способствует приданию снаряду прямолинейного движения, вызывающего смертельный исход.

Возникновение такого оружия часто связывают с первобытными культурами, однако в Европе духовые трубки получили распространение в Средние Века. На французской рукописи примерно 1320 года, хранящейся в Британском музее, изображено изделие, напоминающее духовое ружье, направленное на кролика. Такое же оружие находим и в рукописном трактате, посвященном сельской экономике, он написан Пьетро де Креченци (сегодня хранится в Библиотеке Арсенала в Париже). Фактически перед нами копия, выполненная примерно в 1470 году по настоящей рукописи, написанной примерно в 1304-1306 году.

В другой рукописи XV века, французского происхождения, хранящейся в Библиотеке Пирпонта Моргана в Нью-Йорке, имеется иллюстрация, на которой изображены рыбаки с сетями и удочками, с копьями для охоты на кабанов, арбалетами и духовыми трубками. Охотники несут арбалеты и трубки, нацеливая их на птиц, сидящих на дереве.

Интересную отсылку, свидетельствующую о реактивном действии духовых ружей, находим в «Автобиографии» Бенвенуто Челлини. Вот как он описывает грозу с градом 1844 года: «Эти градины оказались больше, чем камушки от духовой трубки, и когда они попали на меня, то я ощутил силу их удара. Понемногу град становился все больше и больше, так что стал напоминать уже пули от арбалета». Заметим, что в некоторых переводах «Автобиографии» итальянское слово *serbottana*, которым обозначались духовые трубки, часто неправильно переводится как пневматическое ружье.

Среди огромного разнообразия известных в Европе метательных орудий, духовые трубки занимали весьма скромное место, они продолжали изготавливаться в небольших количествах для отдельных любителей, питавших страсть к подобным диковинкам. В историческом музее в Дрездене находится

несколько железных духовых трубок напоминающих ствол испанского ружья, с медным мундштуком и мушкой. Всего они примерно в 5 футов длиной и дополняются сплюснутыми формами для пули, позволявшим выделывать глиняные шарики калибром примерно в 50 дюймов (13 миллиметров).

Во второй половине XIX века в Британии, когда в моду начинает входить прогулочная трость, начали изготавливать множество подходящих к ней аксессуаров, вставляя в трости часы, фляжки для питья, пишущие принадлежности, кинжалы. Не обошлось, конечно, и без ружей. Некоторые трости специально делались полыми, способствуя применению их как духовых трубок. В 1867 году в «Земле и воде» приводится цитируемое ниже объявление, оно позволяет составить четкое представление о радиусе и мишенях, которые ассоциировались с оружием:

Прогулочная трость в виде духовой трубки

Э.Ланг с Кокспур-стрит (дом 22), что в Лондоне, просит обратить внимание на сделанные им последние улучшения в уже используемых оружии и снарядах. Недавно он получил весьма ценное описание этого оружия, используемого индейцами Макуши от прославленного путешественника мистера Ватертона.

Узнав об этом оружии, Э.Ланг внес свои собственные дополнения, и теперь предлагает очень мощное и точное оружие для уничтожения хищников, отстреливания птиц. Кроме всех прочих достоинств, оно существенно уменьшилось в длине, став весьма притягательным для развлечения на природе дамам и господам.

Стоимость трубок от 10 шиллингов и выше, дарты идут по 4 шиллинга за дюжину, шары 1 шиллинг за сотню, формы по 2 шиллинга и 6 пенни, мишени по 2 шиллинга.

У.Джексон, производитель оригинальных духовых трубок (вместе с покойным Т.Купером с Нью Бонд стрит), сегодня находящийся в доме 37 по Брюэр-стрит, изготавливает в настоящее время усовершенствованные изделия по цене в 7 шиллингов. А также превосходные экземпляры из эбенового дерева и трости из ротанга по 19 шиллингов, 6 пенсов и 12 шиллингов и 6 пенсов соответственно.

Как сказано в «Филде» от 5 мая и 28 июля, духовые трубки признаны лучшим оружием для охоты на небольших птиц. Джексон предпочитал улучшенные дарты, жесткие и неподдающиеся влиянию сырости, из них можно стрелять на расстояние в пятьдесят ярдов, убивая грачей, голубей, кроликов и тому подобных объектов, они стоят по 4 шиллинга за дюжину. Шары по 1 шиллингу за сотню, шаблоны по 2 шиллинга и 6 пенсов, мишени по 2 шиллинга.

С мишенью и дартами вы сможете прекрасно развлекаться на свежем воздухе. Все заказы исполняются мгновенно. Джексон торгует только сам, без посредников. Опасайтесь подделок.

Используя духовые трубки, во время второй мировой войны американцам удавалось сбивать зайцев в радиусе 60 ярдов.

Кроме Европы применение духовых трубок в основном ограничивалось двумя большими территориями, расположенными по обеим сторонам Атлантического океана. Азиатский регион простирался вокруг малайского полуострова и архипелага вплоть до Борнео и Новой Гвинеи, доходя даже до Японии. Другая территория располагалась в Южной Америке, сконцентрировавшись в Гвиане, Бразилии и Эквадоре. Отсюда оружие

распространилось в Мексику и далее к индейцам чероки, проживавшим в юго-восточных частях США.

Хотя все эти территории разделены обширным океаном, отмечается явное соответствие между различными типами духовых трубок, обнаруженных в этих районах, что позволяет говорить об их общем происхождении. Плававший с Магелланом в 1521 году Антонио Пигафетта сообщал, что на Филиппинских островах видел духовые трубки, оснащенные головками как у копья. В своем описании обзорного типа, посвященном индейцам Дживаро из верховий Амазонки, В.М.Стирлинг высказал предположение, что духовые трубки могли ввезти в Южную Америку пленные филиппинские островитяне, бежавшие с испанских галеонов, следовавших через Атлантический океан. Духовые трубки также обнаружены и на Мадагаскаре, лежащем на старинном торговом пути.

Все трубки, встречающиеся в разных местах, можно разделить на три группы в соответствии с особенностями их конструкции: а/высверленные из одного куска дерева или бамбука; б\ изготовленные из двух продольных секций, в каждой вырезан желобок, так что, соединяясь вместе, они и образуют трубку; с/образованные двумя полыми камышинками или тростинками, одна из них вставлялась в другую.

К первой группе относили баласан с Суматры, кахук с Тимора, тулуп с Явы, пеот и симпитан с Борнео. Все они имеют одну и ту же конструкцию: вырезаны из прочного куска дерева или тростника, однако значительно отличались по величине и деталям. Тулуп представлял собой легкую духовую трубку примерно 5 футов длиной, иногда его делали из двух кусков бамбука, соединенных вместе. Самым известным из группы, является пеот с Борнео, который напоминал тяжелое оружие от 6 до 8 футов длиной с прикрепленным к нему лезвием, так что в случае необходимости его можно было использовать и как копье (рисунок 136). Его вырезали из куска тяжелого дерева яганг, сам процесс высверливания происходил следующим примитивным образом:

Выбрав и срубив дерево, часто очень большое, мастера расщепляли его на куски примерно в восемь футов в длину. Такие куски гладко обтесывались до тех пор, пока они не становились почти цилиндрической формы, составляя от трех до четырех дюймов в диаметре. Затем куски переносились домой, где над ними работали в свободные часы или сверлили их. На расстоянии примерно в семь футов от земли сооружалась платформа, приготовленная «пушка» крепилась вертикально, вытягиваясь вдоль платформы, нижний конец покоился на земле. Верхний конец привязывался к платформе, нижний к паре прочных шестов, связанных вертикально с деревьями, средняя часть похожим образом прикреплялась к другой паре шестов.

Следующая операция заключалась в просверливании дерева, она осуществлялась с помощью прямой железной палки длиной примерно в девять футов и чуть меньшего диаметра, чем отверстие в трубке, один конец затачивался наподобие долота и заострялся. Происходило все следующим образом: один человек стоял на платформе, удерживая железную палку вертикально над концом дерева и направлял ее заостренный конец вниз к центру плоской поверхности. Поднимая палку двумя руками, он повторял свои удары снова и снова, при этом слегка поворачивая ее при каждом ударе.

Чтобы удерживать палку строго вертикально, использовались две или три вилообразных палки, укрепленных горизонтально на различных уровнях сверху и снизу в подставках с раздвоенным концом. Вскоре палка начинала углубляться в дерево. Стоявший на корточках на платформе помощник с ведром,

полным воды, находившимся перед ним, наливал воду в дыру после каждого второго или третьего удара, таким образом заставляя стружку всплывать. Вся операция монотонно происходила в течение примерно шести часов, завершаясь просверливанием отверстия.

При просверливании нижняя часть направлялась мастером таким образом, чтобы получался небольшой изгиб трубки путем легкого нагибания шеста и связывания его в согнутом положении. Когда шест отпускали, он выпрямлялся и одновременно вызывал необходимый изгиб отверстия. Такой поворот был необходим, чтобы обеспечить связывание духовой трубки при использовании с помощью веса лезвия копья, который привязывался наподобие байонета...

Оставалось только обточить поверхность, образовав гладкий цилиндр, слегка сужавшийся в сторону дула, а затем отполировать трубку изнутри и снаружи, прикрепить лезвие копья к дульному концу полосками ратанга и закрепить небольшой деревянный прицел на дульной части против лезвия копья.

У законченного оружия получался калибр примерно в 0,5 дюйма, а наружный диаметр превышал 1 дюйм. Использовались дарты размером с иглу для шитья, их длина варьировалась от 6 до 9 дюймов в длину и от 1\8 до 1\16 дюймов в диаметре. К основанию прикреплялся мягкий шарик, точно соответствующий калибру трубки. Оказываясь необычайно легкими, дарты имели небольшую проникающую способность и почти не причиняли вреда. Их смертоносное действие основывалось на силе яда, который приготавливался из сока дерева Ипох или из корней лианы Стрихины (*Strychnos tiente*), смешанных с другими отвратительными компонентами. ++

Ради безопасности стрелка дарты переносились в бамбуковом колчане с плотно закрывающейся крышкой. Во время испытаний их проникающей способности ведущие охотники Борнео попадали шестью стрелами из десяти на расстояние в 50 шагов. Они утверждали, что если точно подобрать вес и размер дарта и тщательно смазать его ядом, то им можно убить и носорога.

Вторая группа, иногда встречающаяся на Малайском полуострове, представлена тяжелой зарабатаной, известной у индейских племен Гвианы и Перу примерно 7 футов длину и весом 3-4 фунта. Во всех имеющихся в нашем распоряжении экземплярах пальмовый или камышовый стержень расщеплен в продольном направлении, сердцевина вырезана в форме желобка, затем две половинки сложены вместе и обвязаны растительными волокнами. Чтобы из трубки не выходил воздух, ее покрывали снаружи слоем воска или битумоподобного вещества, добавляли деревянный или костяной мундштук. Естественно, что для стрельбы использовали более основательный дарт, оснащенный железной головкой и коническим образом переплетенным куском коры в качестве уплотнителя (рисунок 136). Что же касается яда, то его готовили в основном из вурали (*Strychnos toxifera*) и переносили в плотно закрытой трубке, так как он начинал распадаться при попадании на него влаги.

В ту же самую группу входит и японская духовая трубка фукидаке. Несмотря на свою длину в 9 футов, она очень легкая, поскольку изготовлена из двух кусков легкого дерева, обвязанных слоями бумаги, называемой миногама. Дарт изготавливался из куска бамбука и оснащался бумажными перьями. Японцы также изготавливали духовую трубку, выдалбливая ее из одного куска тростника примерно в 5 футов длиной, имело необычайное отверстие, простиравшееся с одной стороны на несколько дюймов от задней частей. После помещения дартса, задняя часть закрывалась пробкой с изогнутой рукояткой. Таким образом можно было не опасаться того, что яд станет взаимодействовать со ртом стрелка.

Образцы третьей группы обнаруживают по обеим сторонам Тихого Океана. Так кина суматры состояла из двух трубок, сделанных из местной разновидности бамбука, одна располагалась внутри другой. Лучшим образцом такой конструкции, впрочем, является пукуна гвианцев. Она представляет собой самую длинную из всех известных трубок для стрельбы, иногда ее длина достигала 11 футов, в то время как собственный вес доходил приблизительно до 1, 5 фунтов.

Внутренняя трубка пукуны изготавливалась из тонкостенного камыша *Arundinaria shomburgii*. Поскольку стенки оказывались тонкими их укрепляли, помещая камышовую трубку внутри пальмовой. Промежуток между двух трубок заполняли воском, дульная часть укреплялась цилиндром из ореха *Aquiro*, к казенной части приделывался деревянный мундштук. И, наконец, в конце добавлялись два передних зуба грызуна акури, выполнявшие функцию прицела.

Имевшие примерно 9 дюймов в длину дартсы изготавливались из стебля листа пальмы обивались хлопком у основания (рисунок 136) и переносились весьма оригинальным образом. Они переплетались как ступеньки веревочной лестницы через две веревки и затем скатывались вокруг палки с деревянным диском сверху, защищая таким образом хрупкие концы. Колчан делали из плотно сплетенного камыша, пропитанного курумманским воском.

Трубка для стрельбы оказалась оружием, которое функционировало в ограниченном пространстве джунглей, где на его полет не могло повлиять дуновение ветра. Добычей охотника в данном случае становились птицы и обезьяны, обычно в них попадали на расстоянии в 50-60 ярдов. Если их правильно заряжали и дули соответствующим образом, то из духовой трубки можно было попасть и на расстояние почти на 150 ярдов.

Две интересные разновидности такого оружия встречаются в Индии. Одна из них использовалась малаяли, она представляла собой миниатюрный гарпун с наконечником с шипами, плотно пригнанный к деревянному древку и соединенный с ним веревочной обмоткой вдоль всей длины древка. Веревка заканчивалась мягким помпоном, служившим в качестве уплотнителя. Ее также использовали для охоты на рыб в ручьях и озерах.

Другая разновидность применялась кадарами и мусульманами, из нее стреляли по птицам глиняными камушками, известными как калиману гунду (шарики из чернозема). Чтобы выпустить шарик с достаточной силой, способной оглушить птицу, требовалось проявить значительную силу. Похоже, что из такой трубки не удавалось преодолеть рубеж в 40 футов.

Топор для охоты на слона

В этой главе, посвященной необычным охотничьим приспособлениям, следует обязательно включить описание методики, использовавшей некоторыми отважными племенами Центральной Азии, чтобы убивать или лишать подвижности слонов (рисунок 137). Необходимое действие осуществлялось с помощью огромного топора с рукояткой в 6-7 футов длиной. Происходило же все следующим образом:

Два охотника начинали искать слона с большими бивнями, один из них нес топор, у другого не было ничего, может быть, иногда он брал копье. Найдя подходящего слона, они разделялись, вооруженный топором человек оставался позади слона, невидимый им, другой же отправлялся далеко вперед.

Когда пьеса начинала разыгрываться, человек с топором тихо подкрадывался сзади животного, и когда подходил к нему совсем близко, то

наносил удар в заднее сухожилие (ахиллесову пяту), находившуюся на передней ноге, у слона на расстоянии пяти дюймов от земли. Животное обездвиживалось.

Заметим, что слону в отличие от многих других животных, для передвижений необходимо пользоваться всеми четырьмя ногами, на трех ногах он оказывается беспомощным. Иногда случилось так, что сухожилие не до конца повреждалось от удара. Правда, это не имело особого значения, поскольку из-за большой массы таких животных сухожилие разрывалось, как только испытывало давление большой массы.

Как полагает Страданус, таким образом охотились достаточно давно, он сам приводит гравюру, где изображается подобный случай в 1578 году. Вынужденный основываться на охотничьих байках художник добавляет, что охотники были троглодитами или пещерными жителями, «искусными в установке западней на слонов, могли схватить их за хвост, подрезать поджилки зверей и убить их таким образом изувеченных».

На гравюре Этьена Делона (1519-1583) изображены первобытные люди, сражающийся с разными животными. Один человек изображен с топором, прикрепленным к поясу на спине удивительно покорного слона, держащего свой хвост. Человек показан наизготовке, явно собирающимся проделать то же действие по обездвиживанию слона.